

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ

Наполеон -
спаситель
России

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2009

УДК 93/94
ББК 63.3(2)
Б93

Сканирование: vtaakhanov
Обработка: Vitautus

Оформление художника П. Волкова

Буровский А.М.

Б93 Наполеон – спаситель России/ Андрей Буровский. – М.: Яуза; Эксмо, 2009. – 416 с. – (Вся правда о России).

ISBN 978-5-699-37218-8

200 лет назад Русская Православная Церковь объявила его «антихристом» и предала анафеме. До сих пор его проклинают как «самого страшного врага» Российской державы. Нам со школьной скамьи внушают, что нашествие Наполеона поставило нашу страну на грань катастрофы, что на полях сражений Отечественной войны 1812 гоа решалось, быть или не быть России.

Новая шокирующая книга самого «неуправляемого» и скандального современного историка не оставляет от этой официальной версии камня на камне, переворачивая наши представления о прошлом, убедительно доказывая, что, вопреки расхожим мифам, Наполеон был спасителем России!

Как? Почему? Читайте новый сенсационный бестселлер от главного «возмутителя спокойствия»!

**УДК 93/94
ББК 63.3(2)**

ISBN 978-5-699-37218-8

© Буровский А. М., 2009
© ООО «Издательство «Яуза», 2009
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

Кто к нам с чем и зачем, тот от того и того.

Народная поговорка

Всем живым существам, погибшим в эпоху наполеоновских войн, за исключением тех, кто эти войны организовывал, ПОСВЯЩАЕТСЯ.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

«Шторм» XIX века

У красноярского писателя Александра Бушкова в нескольких книгах есть интересная идея. Миры, созданные его фантазией, порождены эпохами «хаоса»¹ или «шторма»². «Хаос», «шторм» и «вьюга» – цепь катастроф, войн, революций, стихийных бедствий, которые полностью хоронят старый мир. После этого «шторма» жизнь уже никогда не будет такой, как прежде.

Иногда гениям удается очень точно выразить то, что не удастся специалистам. В истории хорошо видны «штормы» и «вьюги», знаменующие гибель одних обществ и начало других.

Один из «штормов» предки называли почти по Бушкову: «смутой». Смутным временем.

«Штормом» или «вьюгой» был период с 1914 по 1945 год. 31 год сплошных революций, войн и гражданских войн, совершенно изменивших мир.

Период 1789–1815 гг. был таким же «штормом». 26 лет между Французской революцией и вступлением союзных войск в Париж не было мира в Европе.

Революция 1789 года плеснула кипятком в соседние государства: чтобы всем народам Европы принести неслыханное счастье «свободы, равенства и братства».

Соседи оскалились железом, поклялись не допускать революционной пропаганды в свои государства. Они готовились к войне, но сами войны не начинали. Войну начала уку-

¹ Бушков А. Анастасия. – Красноярск, 1996.

² Бушков А. Рыцарь из ниоткуда. – СПб, 1996.

шенная революцией Франция. 20 апреля 1792 г. Франция объявила войну Австрии: Австрийская империя принимала у себя бежавших из Франции аристократов, придвинула войска к границам Франции, официальные лица Австрии и Пруссии делали высказывания, обидные для «революционного народа». С этого началась череда войн, сотрясавших Европу добрых 23 года, до 1815-го. Это была череда беспрерывных войн Франции со всей остальной Европой.

Революция революцией, но помимо них шел спор европейских государств о главенстве. Франция как начала войны, так и продолжала их независимо от политического строя. В этой несчастной стране калейдоскопически менялись «руководящие идеи» и границы. Жуткой химерой мелькнуло причудливое государство якобинцев, унося с собой миллионы жизней и судеб. После них безумный разрыв с собственной историей сменился опорой на национальные ценности. Скороспелая республика плавно перетекла в империю. Это была уже совсем другая монархия: не тысячелетняя империя династии Бурбонов, а совершенно новая империя, под скипетром новой династии.

Но Франция продолжала воевать и на короткий миг стала сильнейшим государством Европы.

В других государствах тоже вспыхивали восстания и революции, менялся политический строй и границы. Россия все время балансировала на грани колоссальных политических перемен. Но все эти 23 года одно оставалось неизменным: то вспыхивали, то на время останавливались ожесточенные войны. С чем мы имеем дело: со множеством разных войн? Или с одной войной, которая то вспыхивает, то затихает?

По масштабам событий войны 1792–1815 годов – настоящая мировая война. 23 года длились эти страшные события. В походах и сражениях приняли участие до 15 млн человеческих существ. Войны унесли не менее 4 млн человеческих жизней.

Войны изменили лицо Европы. Решая судьбы мира в Вене осенью 1815 года победители из всех сил пытались вернуться к тому, что провалилось навек в 1789-й. Не вернулись. Мир после 1815 года был совершенно не похож на мир не только середины, но даже самого конца 18-го столетия.

Во-первых, Наполеоновские войны окончательно похоронили европейский феодализм. Можно было быть за

Наполеона или против, но во всех странах Европы вводился «Кодекс Наполеона», и приходилось разрешать частное предпринимательство, ограничивая права государства и аристократии.

Во-вторых, изменилась сама концепция государства. Франция провозгласила себя империей... Но одновременно провозгласила себя и национальным государством французов. Такая «последовательность» характерна для всех революций. Но в XIX веке и правда развалилась Австрийская империя, на «зато» объединились Италия и Германия. Германия, правда, не успела объединиться, как тоже объявила себя империей... Гм...

Во всяком случае, идея национального государства вылетела, как джинн из бутылки, и стала важным фактором политики. Что только во имя этой идеи не творили! После Первой мировой Европа окончательно состоит из так называемых национальных государств, и это вовсе не так замечательно, как принято полагать.

В-третьих, XIX век состоялся как век сплошных революций. Франции мало было 1789 г. В ней революции гремели и в 1831, и в 1848, и в 1871-м, не считая множества переворотов и бунтов, «не дотянувших» до революций. За тот же XIX век в Италии произошли 2 революции, в Испании – 4, в Германии – 3, в Австрии – 2, в Латинской Америке – несчетно.

А были ведь и национальные революции, за освобождение от имперского государства. Поляки стремились избавиться от трех разделивших Польшу империй. Чехи, словаки, карпатороссы, словенцы, сербы и хорваты хотели выйти из Австрийской, позже из Австро-Венгерской империи. На Балканах спешно строились национальные государства и кровь лилась рекой. Ирландцы стремились освободиться от Британии. Баски – от Испании. Норвегия – от Швеции и Дании.

Полное впечатление, что мир посмотрел на Францию как на лидера в делах революций... И взял с нее не очень хороший пример.

Что самое удивительное – все эти события прочно связаны с именем одного человека: Наполеона Бонапарта. Эпоху 1914–1945 годов никому не приходит в голову назвать «периодом гитлеровских войн». Наполеону «повезло» намного больше.

капитана Великой армии Яна Тадеуша (Фаддея Венедиктовича) Булгарина.

Как принято говорить в таких случаях, «все было сложнее». И намного сложнее, чем в мифе.

Среди всего прочего считается, что Наполеон очень хотел погубить Россию. Ну, очень хотел, да не смог! Сил не хватило, массовый героизм русских помешал, гений Кутузова оказался выше наполеоновского... Даже русские холода называют в числе погубителей Наполеона. Так же точно иным хватает совести называть «генерала Зиму» как главную силу, остановившую вермахт в 1941 году под Москвой. Наполеон непременно погубил бы ненавистную Россию, да тут, понимаешь, морозы.

Реальность же в том, что никаких сильных чувств к России Наполеон никогда не питал. Останься Российская империя его союзником, совсем было бы хорошо. Пришлось воевать – он и воевал, причем пока не стал проигрывать, воевал без особенной злости.

Еще реальность в том, что Наполеон не погубил Россию. Он даже не нанес России существенного вреда. Фактически Наполеон спас Россию. Может быть, и не хотел. Скорее всего, не ждал такого результата. Но что спас – это факт, тут ничего не поделать. Потому что в этот период истории для Российской империи была опасна в основном одна страна – она сама. Внешний враг мог погубить ее, расколов русское общество. А мог спасти, заставив россиян сплотиться против внешнего врага.

Судя по месту, которое занимает Наполеон и наполеоновская эпоха в национальных мифах русского народа, Наполеону это блестяще удалось! Он сумел сделаться страшной «букой». Русские пугали друг друга этой «букой» больше ста лет.

Почему Наполеон сыграл в истории именно такую роль, а не другую? Почему он не решился до конца быть «освободителем» народов империи, в том числе русских? Почему он оказался для русских узурпатором худшим, чем любой свой правитель? Об этом и книга. А чтобы это правильно понять, придется начать издалека – с событий, породивших и самого Наполеона.

Часть I БЕЗДНА, ПОРОДИВШАЯ НАПОЛЕОНА

Диктатура толпы всегда готовит диктатуру сабли.

А. Ривароль

Глава 1.

КОШМАР ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революция – это когда несколько тысяч болтунов спустили с цепи несколько миллионов дикарей.

Лорд Кларендон

Революция или гражданская война?

Что называется революциями? Революция – это насильственное решение вопроса о власти. Но, во-первых, революция – событие достаточно короткое. Революция, которая длится пять лет, с июня 1789, по июль 1794 г. это уже не революция, а полноценная гражданская война! Ведь гражданская война – не что иное, как затянувшаяся революция. Революция, в ходе которой никакая сила не смогла быстро победить.

Наша Гражданская война длилась меньше. Формально она началась на рубеже 1917/18 года и завершилась осенью 1920-го. Фактически, конечно, боевые действия шли до конца 1921 года, а в Сибири – и до 1924 года. Но это – на периферии колоссальной страны. И вообще за гражданскими войнами всегда тянется длиннющий «хвост». Никакая победившая сила никогда не сможет ни перебить до последнего человека, ни «перевоспитать» своих врагов. Гражданские войны, затухая, тянутся десятилетиями.

Французская революция тоже не кончилась в 1794 году. Переворот 9 термидора (27 июля) 1794 года вроде бы положил конец революции. Но за пределами Франции жило несколько сотен тысяч политических эмигрантов, и они

жаждали реванша. В самой Франции жили и сторонники феодализма, и сторонники всевозможных, всегда разных «революционных» идей. Пока шли войны, а полиция оставалась эффективной, они не могли воевать.

Но как только победители Наполеона, союзные войска, входят во Францию в 1814 году, всю страну охватывают вспышки насилия французов друг над другом. Это вовсе не какая-то страшная тайна, не какое-то новое знание. Стоит взять любую книгу об этой эпохе. Например, детективную классику, «Граф Монте-Кристо». За что попал в тюрьму главный герой романа Эдмон Дантес? За то, что привез письмо Наполеону на остров Эльба. А письмо-то послано заговорщиками, намеренными снова посадить его на престол.

И потом в романе много раз описываются политические убийства, восстания и выступления уже в 1820-е годы: шлейф «революции», который продолжает тянуться за ней и после стабилизации власти.

У нас было точно так же. Последние повстанцы, казаки и крестьяне, разбиты красными только в 1929 году. Басмачи воевали до 1934 года. В начале 1930-х коллективизация заставила говорить о «второй гражданской». Война с Белой армией на территории других стран велась фактически до начала Второй мировой войны. В ходе этих действий белые взрывали партийный клуб на Мойке в Петербурге, красные отравили барона Врангеля, захватывали в Париже лидеров белого движения Кутепова и Миллера. Шла стрельба, рвалась взрывчатка, лилась кровь.

Вторая мировая, помимо прочего, стала Гражданской войной для всех народов Европы – и для всех народов Советского Союза тоже. Уже через 23 года после начала Гражданской в 1918 году.

9 мая 1945 году армия А.А. Власова освободила Прагу. 12 мая американские офицеры сообщили, что все чешские территории передаются Советам и что РОА не будет позволено войти в американскую зону оккупации. 12–14 мая шло массовое неорганизованное бегство людей; американцы доносили, что «белые русские» бегут от Красной Армии, «как звери». Руководство армии приказало открыть огонь

по спасающимся русским, велело «задержать всех белых русских и выдать их Красной Армии». Спаслись буквально единицы, большая часть «белых русских» была уничтожена «красными русскими» – американцы и чехи только помогали победителям в Гражданской войне. Было это через 27 лет после 1918 года.

Но и у французов было точно так же! Войны 1800–1815 годов были для них гражданскими, потому что французы воевали друг с другом в составе и наполеоновских войск и войск антинаполеоновской коалиции. Это кончилось только в 1815-м, через 26 лет после начала Французской революции 1789–1794 гг. Даже цифры почти совпадают: 27 и 26 лет.

У французов даже тянулось дольше, чем у нас. В СССР, конечно, до середины 1950-х шло сопротивление бандеровцев и «лесных братьев» в Прибалтике, НКВД проводило операции против Народно-трудового союза в Германии до 1959 года (41 год от 1918-го).

Но во Франции вся череда революций вплоть до Парижской коммуны 1871 г. прямо взывали к памяти 1789-го и 1793 годов! Взрыв Французской революции детонировал через 82 года, через 3 поколения. Так что французы нас покруче будут.

И конечно же, события 1789–1794 следует считать гражданской войной. Раз принято говорить «революция» – будем придерживаться общепринятой традиции. Но будем иметь в виду: в мае 1789 года в Королевстве Франция началась гражданская война.

Одно событие или несколько?

Революция – это свержение старой власти и установление новой. Вот только цели рвущихся к власти могут быть самые разные. Марксисты всегда уверяли, что при революции старый строй всегда реакционный. В государстве же созрел новый общественный строй, который старая власть не желает признавать и учитывать. Чтобы двигаться дальше, нужно изменить законы – те правила игры, по которым живет государство. Если власть отказывается это сделать сама, созревает революционная ситуа-

ция. Правящий класс не хочет подобру отдавать власть, и потому надо силой захватить эту власть.

В таком государстве возник новый общественный класс, который уже имеет влияние и распоряжается собственностью. Но власть его не признает, и этот слой не может прийти к власти законным путем. Новый класс стремится прийти к власти, чтобы изменить общественный строй, сменить реакционные правила игры прогрессивными.

Скажем сразу – не марксисты это все придумали. Таково было мнение всей или почти всей европейской интеллигенции. Новое – хорошо, старое – плохо. Революция – нечто увлекательное, романтическое и полезное.

Столкнувшись с мрачными и грязными реалиями революции, довольно большая часть русской интеллигенции уже в мае 1917 года вполне искренне пришли к выводу: революция какая-то ненастоящая. «Правильная революция» – это весело, романтично и ведет к немедленным историческим свершениям. Та, что происходила на самом деле, «почему-то» оборачивалась пьяной расхристанной матросней, лужами крови и трупами на улицах, самогоном и чудовищной грубостью. Без видимого результата.

Но эти «разочарования» еще независимы от целей революции. Смена реакционного строя прогрессивным всегда сопровождается развалом городского хозяйства, а соответственно, кострами на улицах, падением порядка, а потому пьяной расхристанной сволочью с винтовками в давно не мытых лапах, развалом экономики и потому голодом и холодом.

Но самое главное – даже ценой одичания и жестокости, насилия и смертей далеко не всегда удастся сделать хоть что-то «прогрессивное».

По крайней мере в двух случаях революция исходно делается вовсе не для смены «реакционного» строя «прогрессивным».

Иногда революция ведется не для того, чтобы сменить экономический и общественный строй. Ее цель – привести к власти представителей другой нации. Венгерская революция 1848 года вовсе не собирались заменять феодализм капитализмом. Венгры хотели создать независимое

Венгерское государство, в котором «титulyными» были бы венгерский язык и культура. Они почти добились своего, отделились от Австрийской империи и тут же начали воевать со словаками и поляками, чтобы не дать им сделать свои национальные революции и отделиться от Венгрии.

Итальянские «карбонарии» тоже стремились создать единое Итальянское государство. Сицилийцев и корсиканцев из этого государства они не отпускали, а политический строй в Италии остался самый что ни на есть «реакционный».

Уже в XX веке Ирландия отделилась от Британской империи. И в этом случае Ирландия осталась диковатым «реакционным» государством, в котором пережитки феодализма были намного сильнее, чем в Англии.

Второй случай – когда революционеры захватывают власть вовсе не для того, чтобы творить шаги прогресса. И даже вообще не из каких-то экономических или рационально-политических соображений. Революционеры могут брать власть для того, чтобы воплотить в жизнь придуманную ими утопию.

Такие были уже в эпоху Английской революции 1649 года. Проходила она под религиозными лозунгами, и были среди них довольно причудливые. Например, адамиты. Адам ведь, «как известно», ходил голый, никакой собственности не имел и не работал, а Господь Бог его питал. Поэтому адамиты самым натуральным образом носились по Англии голые, не имели домов, собственности и работы. Было их не так уж мало – около тысячи, при населении всей Англии в эту эпоху не более 5 млн человек. Все адамиты не пережили зимы 1649/50 года... Именно эти утописты были опасны в основном для самих себя. Хотя по рассказам современников, у многих адамитов были дети. Их они тоже водили с собой голыми и голодными. Все дети адамитов умерли вместе с родителями.

В 1979 году в Иране произошла Исламская революция. Велась она под лозунгами отказа от выдумок европейцев, в том числе светского образования, возвращения к законам шариата и неукоснительного требования исполнять все законы Корана. Эта революция была так откровенно

«реакционной», что в СССР многие обалдели: как же так?! Романтические представления интеллигентов вступили в самые жестокие противоречия с реальностью. Шли туманные рассуждения о том, что в Иране происходит не революция, а контрреволюция, или споры о том, почему эта революция «неправильная».

А ведь утопическая идея вовсе не обязательно должна быть религиозной. В коммунистической идее много религиозных черт, но она не связана ни с христианством, ни с исламом.

Во время Французской революции 1789–1794 годов были такие «бешеные». Тоже немало, несколько тысяч активных фанатиков. Они пользовались довольно большой популярностью, некоторые восстания 1793 года организованы именно ими.

Программы «бешеных» очень различны, но если не вникать в детали, очень просты: все поделить. Они и способ знали: отменить деньги, а всю собственность – поровну. Работал ты или нет – неважно, главное – поровну. Землю тоже поровну, по едокам или по числу рабочих рук. Некоторые из «бешеных» и жен предлагали делить. А то ведь несправедливость получается: у кого-то баба есть, а у кого-то нет... Собственность на женщин – отменить!

Карл Маркс откровенно писал, что «...Французская революция вызвала к жизни идеи, которые выводят за пределы идей всего старого миропорядка... Революционное движение, которое началось в 1789 г. ...в середине своего пути имело своими главными представителями Леклерка и Ру и наконец потерпело на время поражение вместе с заговором Бабефа – движение это вызвало к жизни коммунистическую идею»¹.

Эта идея ярко вспыхнет во время Парижской коммуны 1871 года, ее начнут воплощать коммунисты в России 1918 года. И идеи «все поделить», и отмены денег, и даже обобществления женщин.

Правда, в масштабах всей России коммунисты побоялись издавать очередной Декрет про упразднение семей:

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. – М., 1957. С. 147.

ждали всенародного восстания. Декрет был готов, но Ленин его не подписывал. Решили провести эксперимент: ввести «обобществление женщин» в меньших масштабах. Во Владимире и Саратове издали Декреты местных, губернских советов народных комиссаров.

В Декрете Саратовского губернского СНК «Об отмене частного владения женщинами» четко писалось: «Законный брак, имеющий место до последнего времени, несомненно является продуктом того социального неравенства, которое должно быть с корнем вырвано в Советской республике. До сих пор законные браки служили серьезным оружием в руках буржуазии в борьбе с пролетариатом, благодаря только им все лучшие экземпляры прекрасного пола были собственностью буржуазии, империалистов, и такой собственностью не могло не быть нарушено правильное продолжение человеческого рода. Потому Саратовский губернский совет народных комиссаров с одобрения Исполнительного комитета Губернского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, постановил:

1. С 1 января 1918 года отменяется право постоянного пользования женщинами, достигшими 17 лет и до 32 лет.

2. Действие настоящего декрета не распространяется на замужних женщин, имеющих пятерых и более детей.

3. За бывшими владельцами (мужьями) сохраняется право на внеочередное пользование своей женой.

4. Все женщины, которые подходят под настоящий декрет, изымаются из частного владения и объявляются достоянием всего трудового класса.

5. Распределение отчужденных женщин предоставляется Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, уездными и сельскими по принадлежности.

6. Граждане мужчины имеют право пользоваться женщиной не чаще четырех раз в неделю, в течение не более трех часов при соблюдении условий, указанных ниже»¹.

Даже этот эксперимент не слишком удался: только несколько десятков бабенок согласились «национализиро-

¹ Буровский А.М. Гражданская война. 1917–1922. – М., 2009.

ваться». Современники и особенно современницы называли их словами, для печати не слишком пригодными.

А несколько тысяч жителей Саратова вместе с женами и дочерьми переехали или в Тамбов, который управлялся Временным исполнительным комитетом и городской управой, или в Область войска Донского. Ленин же тогда Декрета для всей страны не стал подписывать. Сказал, что Декрет этот преждевременный и на данном этапе революции может сослужить плохую службу. Так сказать, отложим на потом.

Что «прогрессивного» содержится в групповушке такого рода, я не в силах понять. Но на примере и этого, и множества других подобных декретов хорошо видно, как захватившие власть революционеры навязывают свою утопию всему остальному населению страны.

Много утопических лозунгов было уже в Английской революции 1649 года. Во Французской революции 1789–1974 годов утописты быстро оттеснили прагматиков и начали строить во Франции свою утопию: райскую жизнь без денег и торговли, аристократии и христианства, создав новый календарь и попытавшись начать историю с чистого листа.

Французская революция выдвинула идею «суверенитета нации». Нация раскололась на «роялистов», то есть «королистов», сторонников монархии (и вместе с ней – всей политической традиции), и «патриотов», то есть сторонников «суверенитета нации», республики, разрыва с традициями.

По мнению «патриотов», нация имеет право выбирать собственное правительство. Некоторая сложность состояла в том, чтобы определить границы этого самого «суверенитета». Стоило провозгласить, что люди имеют право сами выбирать себе правительство, раз они нация – и тут же нациями стали объявлять себя корсиканцы, бургундцы, лангедокцы. Они себя давно считали подданными французского короля, но вовсе не считали французами.

Франция и без заморских владений была империей. В конце XVIII века из 28 млн подданных французского ко-

роля почти половина, 12 миллионов человек, не говорили, или говорили с трудом по-французски. Наряду с французским существовало около трех десятков «диалектов».

Так в СССР украинец мог твердо знать, что он – советский человек, но это совершенно не делало его русским. Отделяя Украину от СССР, он мог вовсе и не посягать на коммунистическую идею.

Королевское правительство ничего не имело против, а вот революционное правительство поставило задачу достигнуть языкового единства. Не спрашивая, хотят ли достигать этого единства носители «диалектов».

В 1918 году множество народов отделилось от Советской России, создавая собственные государства. В некоторых странах политический строй мало чем отличался от советского (Украина, Армения), в других был социал-демократическим (Грузия), в третьих буржуазно-демократическим (Латвия, Литва, Польша). На востоке пытались то сохранить прежний тип государства (Хива, Бухара), то создать исламистское государство (басмачи), то исламский вариант социал-демократии (Азербайджан), то вырастить причудливый «шариатский социализм» (Татарстан, Башкирия, часть Средней Азии). В любом случае Российская империя уже в начале 1918 г. фактически распалась на разные государства.

Франция намного меньше России, но и в ней фактически пошел распад. Если национальное самоопределение хоть как-то соединялось с политической идеей, становилось совсем тоскливо. Уже в 1795 году с руководителями восстания в Вандее правительство Франции подписало мирный договор. Как с иностранным государством.

На немцев и испанцев идея национального государства тоже действовала не так, как этого хотели во Франции: если французам можно, почему им нельзя? А если у них свои национальные государства, при чем тут власть французского правительства? Без разницы, французской республики или французского императора?

Во Французской революции 1789–1794 годов причудливо смешивались все три варианта: социальная револю-

ция, национальная революция и утопическая революция. Три сплетенные воедино одновременных процесса.

О величии революции

Французскую революцию 1789–1793 годов до сих пор величают «Великой». Как и пишут: «Великая Французская революция 1789–1794 гг.». Говорить о ней полагается только в самом серьезном и уважительном тоне как о грандиозном прогрессивном событии.

В специальной литературе отзывы еще сравнительно сдержанные, типа «имела огромное историческое значение, являлась, как говорил В.И. Ленин, великой революцией»¹.

В художественной литературе оценки еще круче... Революция, оказывается, ударила в толщу невероятных народных страданий, скопившихся веками. Эдакая политическая молния!² Ударила и сотворила «прекрасный новый мир», в котором страдания уже невозможны, вероятно.

Но давайте выясним, что же нового принесла Французская революция? В каком смысле она такая великая? Единственно, что было реально сделано, так это реализация идей социальной революции.

Пал королевский режим, Франция сделалась республикой. Упразднили все феодальные привилегии и вообще все феодальные пережитки. Владельцы собственности получили гарантию неприкосновенности своих прав. То есть изменения политического, экономического и общественного строя произошли.

Правда, самые важные гарантии для владельцев собственности, «Кодекс Наполеона», приняла не революционная республика, а жестокая диктатура. Законы, вводимые в годы революции, противоречивы и сумбурны, к тому же далеко не все из них дают собственнику гарантию его прав, а всякому гражданину – гарантию его неприкосновенности и защищенности.

¹ БСЭ. Издание второе. Т. 45. – М., 1956. С. 563. Статья «Французская буржуазная революция конца XVIII века».

² Дубов Н.Н. Колесо фортуны. – М., 1980. С. 163.

Так что самое важное последствие катаклизма – это все же не завоевание революции, а решение автократичной диктатуры, намного более жестокой, чем королевская.

«Земля – крестьянам»?

Или все же не крестьянам?

В стране произошла мощная передвижка собственности. В феодальной Франции 10% земель принадлежали духовенству, 20% – дворянству, одна треть земель принадлежит буржуазии, и лишь одна треть (да и то не лучших земель) принадлежит крестьянству.

За время революции до 40% земель обрели новых владельцев. В том числе все земли церкви и половина земель дворян. При коммунистах в СССР полагалось очень радоваться по этому поводу: ведь собственность перешла от «реакционного» класса феодалов к «народу», то есть к демократическому (хотя и недостаточно «прогрессивному») классу трудящегося крестьянства. Даже в художественной литературе описывалось, как крестьяне получили землю и стали поддерживать Наполеона именно поэтому: любой ценой оставить за собой землю¹.

Но это полнейшая выдумка. Землю никто и никогда не отдавал крестьянам даром. Частную собственность в виде земли конфисковывали у одних и продавали другим. На аукционах. Цена земли, конечно, получалась намного ниже рыночной, покупать было выгодно. Иногда можно было, имея связи, купить и в обход любых конкурентов. В литературе... причем во французской литературе, такие случаи описывались не раз. Именно таким способом округлил свои владения папаша Гранде, отец главной героини романа Бальзака². Но в любом случае покупал землю только тот, кто мог за нее заплатить. Во многих случаях земля меняла владельца с одного буржуа, объявленного «врагом народа», на другого – и только.

«Трудовое крестьянство» в принципе могло стать собственниками земли, но не часто реально получалось. Намного чаще землю покупали или верхи деревни (порой

¹ Никулин Л.В. России верные сыны. – М., 2009.

² Бальзак О. де «Евгения Гранде». – М., 1957.

связанные с бывшим помещиком законным и незаконным родством) или городские спекулянты. Та самая, ненавидимая марксистами «буржуазия». Собственников стало больше, имущественные отношения сделались гибче... Но не такая уж тут и грандиозная «передвижка земли».

Создание вожделенной республики

Еще больше оснований усомниться в ценности упразднения власти короля. В конце концов, Британия, Голландия, страны Скандинавии остались монархиями, и это совершенно не помешало им быть странами очень передовыми, современными, активными.

Король в 1789 году уже собрал Генеральные штаты. При достаточной последовательности и согласованности действий королевской власти и Генеральных штатов вполне можно было совершенствовать систему, делая ее все более демократичной. Хотя, конечно, это способ скучный и не романтический.

Вместо Генеральных штатов ввели парламент. Генеральные штаты выбирались по территориальному и сословному признаку. Депутаты избирались из наиболее видных лиц, которые несли ответственность перед избирателями. Эта система имела ряд преимуществ перед парламентарной. Какая лучше – спорят до сих пор, но главное – ценность этого итога революции сомнительна. Похоже, что можно было сделать и так и иначе – результат был бы примерно одинаковым. В самой Франции были и есть сторонники как раз Генеральных штатов как более совершенной формы демократии¹.

Другие революционные нововведения еще более сомнительны по ценности.

Территориальная реформа

Во Франции исчезло деление на исторические сложившиеся области и было введено деление на 90 департаментов, каждый под своим номером. При этом названия исторических областей все равно использу-

¹ Кошен О. Малый народ и революция. – М., 2004.

ются: Гасконь, Шампань, Овернь, Пикардия, Лангедок... Называть можно еще долго.

Введение метрической системы

Еще одно революционное нововведение – метрическая система мер и весов. Метрическая система – это общее название международной десятичной системы единиц, основанной на использовании метра и грамма. Метрические единицы широко используются по всему миру.

В конце XIX века по всей Европе использовалось большое количество разных единиц (таких, например, как дюймы, футы, фадены, мили, и т.д.) со сложными правилами преобразования между ними.

Конечно, это было не так удобно, как метрическая система. В метрической системе преобразование сводится к умножению или делению на степень числа 10, то есть к простой перестановке запятой в десятичной дроби.

Основное отличие метрической системы от применявшихся ранее традиционных систем заключается в использовании упорядоченного набора единиц измерения. Для любой физической величины существует лишь одна главная единица и набор дольных и кратных единиц, образуемых стандартным образом с помощью десятичных приставок.

Определяя метр как десятиmillionную долю четверти земного меридиана, создатели метрической системы стремились добиться инвариантности и точной воспроизводимости системы. За единицу массы они взяли грамм, определив его как массу одной миллионной кубического метра воды при ее максимальной плотности. Для облегчения применения новых единиц в повседневной практике были созданы металлические эталоны, с предельной точностью воспроизводящие указанные идеальные определения.

Вскоре выяснилось, что металлические эталоны длины можно сравнивать друг с другом, внося гораздо меньшую погрешность, чем при сравнении любого такого эталона с четвертью земного меридиана. Кроме того, стало ясно, что и точность сравнения металлических эталонов массы друг

с другим гораздо выше точности сравнения любого подобного эталона с массой соответствующего объема воды.

Метрическая система выросла из постановлений, принятых Национальным собранием Франции в 1791 г. и 1795 г. по определению метра как одной десятимиллионной доли участка земного меридиана от Северного полюса до экватора.

Но и метрическую систему ввели не в революционные времена – даже во Франции. В этой многострадальной стране метрическая система была объявлена обязательной к применению во всех коммерческих сделках во Франции Декретом, изданным 4 июля 1837 г.

В международных масштабах метрическая система медленно вытесняла местные национальные системы в других странах Европы.

Международная комиссия по метру в 1872 г. постановила принять за эталон длины «архивный» метр, хранящийся в Париже, «такой, каков он есть». Точно так же члены Комиссии приняли за эталон массы архивный платино-иридиевый килограмм, «учитывая, что простое соотношение, установленное создателями метрической системы, между единицей веса и единицей объема представляется существующим килограммом с точностью, достаточной для обычных применений в промышленности и торговле, а точные науки нуждаются не в простом численном соотношении подобного рода, а в предельно совершенном определении этого соотношения».

20 мая 1875 семнадцать стран подписали Метрическую конвенцию, и этим соглашением была установлена процедура координации метрологических эталонов для мирового научного сообщества через Международное бюро мер и весов и Генеральную конференцию по мерам и весам.

Метрическая система была законодательно признана как допустимая в Великобритании и США. К применению в России (в необязательном порядке) она допущена законом от 4 июня 1899, проект которого был разработан Д.И. Менделеевым. В качестве обязательной Метрическая система введена декретом Временного правитель-

ства от 30 апреля 1917 года. Постановление СНК СССР от 21 июля 1925 подтвердило это решение.

Система удобная, кто спорит. Не случайно на основе метрической системы была разработана и принята в 1960 году XI Генеральной конференцией по мерам и весам Международная система единиц (СИ). В течение второй половины XX века большинство стран мира перешло на систему СИ.

Но и степени удобства преувеличивать не стоит. Ангlosаксы на Метрическую систему так и не перешли, остались с милями, фунтами и дюймами. И никакой информационной или технологической катастрофы это не вызвало.

Компьютерная техника основывается на разработках, сделанных в англосаксонских странах. Естественно, размеры компакт-дисков, дискет, жестких дисков, диагонали мониторов и телевизоров, матриц цифровых фотоаппаратов указываются в «ихних» дюймах, а не в международных сантиметрах.

Распространение компьютерной техники и другой электроники по всем странам мира привело к тому, что позиции метрической системы в ряде направлений техники потеснили. И опять же – без видимой катастрофы. Все знают, что такое «девятнадцатидюймовый» монитор и чем он отличается от «пятнадцатидюймового».

Самое главное

Как видите, Французская революция 1789–1794 годов не сделала буквально ничего. Часть приписанного ей (введение демократии или метрической системы) вообще произошло позже. Часть сделанного революцией вообще не может быть однозначно оценено как нечто «положительное». Можно было это делать, а с тем же успехом и не делать, особой важности нет.

То, что действительно сделано революцией, незначительно, маловажно, убого. Никаких грандиозных свершений. Ничего такого, ради чего следовало бы, или хотя бы было допустимо обрушить в небытие процветающую страну, убить и обречь на невероятные страдания миллионы людей. Уже какое-то сомнительное величие.

Но главное даже не в этом. ДО Революции 1789–1794 годов Франция была самым передовым государством Европы... И всего мира. Можно сколько угодно смеяться над галломанией русского дворянства – но уперто учить французский язык у них были веские причины. Французский учили и Германия, и Британия, и весь юг Европы. Дело, конечно, не в его исключительных красотах, а в доступе к тем текстам, которые давало знание французского.

Французские моды и французская кухня, французская музыка и французская архитектура господствовали в Европе. Дворцы множества больших и малых владык Европы возводились в подражание Версалью... Таковы же и дворцы и парковые комплексы Петербурга: Екатерининский дворец и парк в Царском Селе, Зимний дворец и множество других, менее знаменитых. Ученики порой превосходили учителей: по размерам Екатерининский дворец превосходит Большой Версальский дворец, а какой дворец роскошнее и пышнее, трудно сказать. Но все же были ученики и были учителя. Учителя были французы.

А после революции 1789–1794 годов Франция перестала быть лидером Европы. Никогда больше не была она лидером ни экономическим, ни военным, ни политическим, ни культурным. Последним всплеском этого лидерства стала как раз империя Наполеона. Вспыхнула... И погасла навек. Франция же раз навсегда стала «всего лишь» одной из европейских держав – не хуже, но и ничем не лучше других.

Я буду рад услышать возражения, но пока приходится утверждать: революция 1789–1794 годов была страшной, невероятно жестокой гражданской войной, в пламени которой сгорело величие Королевства Франция. Величие было ДО нее. Величия не стало ПОСЛЕ нее. В чем величие самого этого чудовищного события, мне совершенно не понятно.

Глава 2. КАК ЭТО БЫЛО?

Одни интеллектуалы разумом пользуются. Другие разуму поклоняются.

Г.К. Честертон

О механизме начала

Восторженные романтики рассказывают о страданиях народа и о подвигах тех, кто свергает «народных мучителей». Чтобы этот миф был поярче, надо хорошенько расписать ужасы «старого режима». Так, чтобы всякому стало понятно, – свергнуть такое царство безысходного кошмара – дело чести и доблести!

Получается так, что народ голодал, ему было плохо и становилось все хуже и хуже. В популярной, в том числе детской литературе все описывается с предельной ясностью: описывается, например, деревня, сожженная карателями, французскими регулярными властями. Каратели убили всех мужчин, воронье кружит над деревьями, над трупами повешенных. В разваленном доме ютятся одетые в лохмотья живые скелеты. Дети уже и ходить не могут, ползают, почти невменяемые. Мама кормит их похлебкой из мяса дохлой лошади¹.

Тут все понятно: бей страшный и проклятый королевский режим! Ничего ужаснее него не было никогда и никогда быть не может, по определению.

¹ Данько Е.Я. Деревянные актеры. – Л., 1965.

...Вот только было-то все совершенно не так. Начнем с того, что Франция середины – конца XVIII века была самым передовым государством Европы. В том числе и самым благополучным и сытым. Уровень жизни французского крестьянина был заметно выше уровня жизни большинства крестьян всех остальных европейских держав. Горожанин, купец или ремесленник не только были сытее, но и были намного лучше защищены законом от произвола властей, чем горожане любого другого государства.

Французская революция 1789–1794 годов грянула не потому, что французам было хуже всех, а как раз потому, что им было лучше. Если быть совершенно точным, то им было лучше, чем кому бы то ни было. А потом, в самом конце XVIII века, стало чуть хуже, чем раньше.

Да не буду понят, что Франция не нуждалась вообще ни в каких реформах. Нуждалась. Самоуправление оставалось слабым, громоздкая бюрократия сковывала любую инициативу. Так же и в экономике: средневековые цеха давили всякую инициативу, внутренние таможи и налоги, пришедшие из XV века, давили любое развитие в зародыше.

Только не надо рассказывать марксистские сказки о «передовой буржуазии» и «реакционном дворянстве»! Реформы 1774–1775 годов проводил аристократ Тюрго. Сопротивление его реформам дружно оказывали и дворяне, и цеховая буржуазия. По словам историка Мишле, «надменная потомственная лавка была взбешена не менее, чем Версаль».

Многие историки считают, что и «мучная война» 1775 года, и торгово-промышленный кризис 1787 г. – прямое следствие неудачного эксперимента Джона Ло (кстати, еще один дворянин – только шотландский). Джон Ло пытался ввести бумажные деньги вместо металлических. Он многого добился, но сделал несколько серьезных ошибок, увяз в спекуляциях, и его система развалилась.

Кризис 1787 года возник во многом потому, что денег не хватало. Товаров произвели столько, что металлическая денежная масса не могла угнаться за ростом товар-

ной массы. Но никаких серьезных последствий кризис не имел. Ничего похожего на Великую депрессию 1929 года! И уж, конечно, если дети и умирали с голоду, то никак не из-за кризиса и не из-за мотовства королевского двора.

Естественный вопрос: неужели такая мелочь, как некоторое ухудшение экономики, могла вызвать побоище, длившееся несколько десятилетий?!

Вопрос такой же наивный, как: неужели Февральскую революцию в Петербурге 1917 года вызвало исчезновение из магазинов белых булок?!

Конечно же, дело не в белых булках и не в проблемах назначения новых налогов. Эти ничтожные поводы – только провокации назревших выступлений.

Ученым давно известно, что революции порождают не голод и гуманитарная катастрофа, а обманутые ожидания. Когда человек действительно голоден и убог, он не восстает – он судорожно борется за существование.

«Голодные бунты обычно устраивают сытые люди. Парадокс состоит в том, что революционным ситуациям, кризисам обычно предшествуют периоды экономического роста, а не упадка. Беспорядки в обществе начинаются не тогда, когда приключается «обострение выше обычного нужды и бедствий», не тогда, когда ситуация в экономике плоха по объективным показателям, а совсем наоборот – когда экономика растет! Потому что параллельно растут ожидания людей. А поскольку потребности и ожидания всегда растут быстрее экономики, нарастает неудовлетворенность, людям представляется, что они живут совсем не так, как они должны были бы жить, что их существование невыносимо.

Возникает то, что в психологии называется ретроспективной аберрацией, то есть смысловой переворот – хотя по объективным критериям уровень жизни вырос, людям кажется, что все ужасно и в прошлом было лучше. И именно так это описывают мемуаристы, летописцы, выдавая свои ощущения за фактическое положение дел...

Дальше, когда экономический рост по каким-то причинам сменяется относительным спадом, а ожидания по

инерции продолжают расти, разрыв влечет за собой социальные обострения...»¹

Вот он, механизм начала революции: когда было хорошо, но стало чуть хуже прежнего – тут обыватель начинает возмущаться. Для него ведь «очевидно», что кто-то виноват в отсутствии белых булок и в необходимости платить еще один налог.

Приходится сделать вывод: Французская революция 1789–1794 произошла потому, что королевское правительство брало слишком мало налогов и слишком заботилось о населении своего государства. Население же не слишком заслуживало этой заботы.

Впрочем, кроме умирающих с голоду крестьянских детей, над памятью о Французской революции 1789–1794 годов черными воронами кружат еще две сказочки: истории про невероятную роскошь французского королевского двора и про чудовищный произвол королевского правительства.

Невероятная роскошь двора

Об этом сказать можно коротко: на содержание двора ежегодно тратилось порядка 5–7 млн ливров при бюджете государства в 80–90 млн ливров. Это много. Двор был очень богат и очень расточителен. Король раздавал ренты, пенсии и стипендии. Многие дворяне жадно шакалили эту «халяву». При дворе существовало множество синекур. Например, ночной горшок короля выносили пять человек, одетых в бархат и вооруженных шпагами. Всем им установлено было щедрое жалованье.

Но все же двор королей выполнял важную роль: представительскую. Как Версаль становился объектом для подражания других монархов Европы, так же подражали нравам французского двора и поведению аристократии. Передовая страна, претендующая на лидерство в сфере нравов и культуры, должна была иметь нечто подобное.

¹ Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии. – СПб, 2003.

Что же до расходов на двор... Они были заметно меньше расходов на армию и флот. Меньше 10% бюджета.

О преступлениях королевского режима

Как известно, французские короли правили вообще без всяких законов. Так же хорошо известно, что они давали своим любимцам такие страшные бумаги: карт-бланш...

Карт-бланш (французское *carte blanche*, буквально – чистый бланк) – это чистый бланк, подписанный лицом, предоставляющим другому лицу право заполнить этот бланк текстом. Что-то вроде записки, которую кардинал вручает демонической Миледи, а у нее отбирает д'Артаньян: «Все, что сделано подателем этого документа, сделано по моему приказу и с моего разрешения».

Карт-бланш и правда давали купцы и банкиры своим доверенным лицам. Чтобы приказчик или подельник купца получил нужную для ведения дел сумму денег. От этой сказочки произошел современный переносный смысл: дать карт-бланш – значит, предоставить кому-либо неограниченные полномочия, полную свободу действий.

Карт-бланш в политике – это даже хуже! Вручая своему фавориту чистый лист бумаги со своей подписью и печатью, король разрешал творить какой угодно произвол! Ведь придворный мог написать на листе бумаги абсолютно все, что угодно!!! Он мог, именем Его Величества, потребовать: «Выдать мне из сокровищницы миллион ливров золотом!» Или начать войну с государством, которое ему не понравилось. В общем, учинить что угодно и все совершенно безнаказанно, от имени самого же короля.

Некоторым писателям, в том числе и Александру Дюма, хватало совести рассказывать, что карт-бланш позволял частным лицам расправляться со своими врагами. Придворный вписывал в карт-бланш имя своего врага и отправлял его без суда и следствия в Бастилию. На срок, какой сам захочет определить. В общем, ужас.

У этих страшных карт-бланшей короля есть только одна «странная» особенность: ни один историк никогда не видел ни одного карт-бланша. Ни в одном архиве, ни

в одном музее не хранится ни одного карт-бланша. Ни с именем личного врага, получившего карт-бланш придворного, ни без него. Никогда. Нигде. Ни одного.

Видимо, королевский режим, чтобы спрятать концы в воду, выпускал карт-бланш исключительно на бумаге, которая сама по себе исчезает при приближении к ней прогрессивно мыслящих историков.

А если серьезно – сказка про карт-бланш – это очередная байка про зверства королевского режима, не имеющая решительно никакого отношения к реальности. Даже не бред. Это сознательная клевета на правившую во Франции законную династию, Французское государство, его законы и порядки. Подлое и мерзкое вранье.

Болтуны

Все знают про мерзость королевского режима. Точно так же все знают, что во Франции выпускалась гениальная книга Энциклопедия и что писали ее классики и гении, за необъятность ума прозванные «энциклопедистами». Самым великим и гениальным из них был Вольтер, чуть менее гениальными были Дидро, Гольбах, Мирабо и другие великие люди. Это были самые великие ученые и философы своего времени, убежденные просветители, отдавшие свой ум и талант на службу народу.

Да-да. Это действительно знают все. Вот только никто не знает, какие именно гениальные творения создали все эти великие люди. Действительно: если кого-то называют великим ученым, неплохо бы поинтересоваться, каковы его великие открытия? Великий философ? А какие именно гениальные обобщения вышли из-под его пера?

Нелегка участь того, кто возьмется показать эти великие ученые и философские труды. Не потому, что ничего не сохранилось. Прекрасно сохранилась и сама «Энциклопедия», и целые тома творений всех энциклопедистов и просветителей, классиков и гениев. Нелегка участь потому, что этих открытий и философских концепций просто нет. Вообще.

Чтобы не прослыть клеветником, я готов сослаться на целые собрания сочинений энциклопедистов и просвети-

телей¹. Если читатель обнаружит у них признаки чего-то гениального, пусть поскорее мне сообщит. Потому что творения энциклопедистов на удивление скучны и занудны.

Можно сколько угодно рассказывать про «блестящее остроумие» Вольтера или «блистательные эпиграммы» Мирабо. Вот только привести пример этого «искрящегося остроумия» и этих «разящих эпиграмм» довольно трудно. Чтение решительно всего, написанного энциклопедистами, подобно жеванию вара: пресно, липко, скучно, сводит челюсти. Взять знаменитые афоризмы Вольтера... «Свобода состоит в том, чтобы зависеть только от законов». «Первое обвинение отбрасывается, второе задевает, третье ранит, а четвертое убивает». «Если Бог сотворил человека по своему образу и подобию, то человек отплатил ему тем же». «Что сделалось смешным, не может быть опасным». «Сколько нелепостей говорится людьми только из желания сказать что-нибудь новое» (интересно, а к самому себе Вольтер это относил? – А.Б.). «Как богатым удержать имущество в своих руках, если чернь потеряет веру в бога? Если бы бога не было, его следовало бы выдумать». «Люди ненавидят скупого только потому, что с него нечего взять». В общем, набор банальностей.

К тому времени уже опубликованы «Опыты» Монтеня². Уже вышла большим тиражом «История кавалера де Грие и Манон Леско»³. Это книги действительно *интересные*. Их читаешь с удовольствием, а приключения кавалера де Грие действительно переживаешь: «А что дальше?!» В этом смысле все творения энциклопедистов – регресс и утрата уже достигнутого уровня литературного творчества.

«Сегодня трудно понять, как мораль Мабли, политика Кондорсе, история Рейналя, философия Гельвеция – эти пустыни бесцветной прозы – могли выдержать издание и найти хоть десяток читателей. Но, однако, их все читали, по крайней мере, покупали книги и говорили о них. Скажут:

¹ Вольтер М. Философские повести. – М., 1960; Дидро Д. Монахиня. – М., 2008; Кочарян М. Гольбах – М., 1978; Литература французского просвещения. – М., 2008; Акимов А. Дидро. – М., 1963; Жизнь замечательных людей. XVII–XVIII века. – М., 2001.

² Монтень М. Опыты. – М., 2006.

³ Прево А.-Ф. История кавалера де Грие и Манон Леско. – М., 2002.

мода. Легко сказать. Как понять это пристрастие к ложному пафосу и к тяжеловесности в век изящества и утонченного вкуса»¹?

Но, может, содержание творений таково, что искупает недостаток литературного таланта у авторов? И это не так. Практически все, что ими написано, посвящено мелким политическим вопросам, давно забытым всеми, кроме историков, – причем специалистов по эпохе. Это, например, споры вокруг животрепещущей проблемы: почему церковь перестала совершать обряд крещения прямо в реке (содержание по крайней мере трех повестей и рассказов)?! Или: а такой-то король был дурак!!!

Аналогом этого могут стать «перестроечные» произведения, весь смысл которых вращается вокруг того, что на отставке Ельцина настаивала жена Горбачева или что Брежнев был старый дурак. Таковы многие песенки Юлия Кима, например. В тот момент они актуальны, кажутся смелыми и интересными. Но это работы-однодневки.

Разумеется, свое «ноу-хау» у энциклопедистов было, и оно надолго приковало к ним внимание: это пропаганда особого типа мышления: утопического. Это первое в истории идеологическое сообщество, с сугубо идеологическим мышлением.

«Разум для философа то же, что благодать для христианина», – писал Дидро в «Энциклопедии». Вера в разум как в объект религиозного поклонения.

Высказывание Дидро очень созвучно словам Честертона, который уже в начале 20-го века заметил: «одни интеллектуалы разумом пользуются, другие ему поклоняются».

Только Честертон ироничен, а Дидро – зверски серьезно.

О поклонении разуму и прогрессу писали и авторы «Вех» в начале XX века в России².

Видимо, поклонение разуму и прогрессу очень характерно для утопического мышления. Но при этом позитивные картины «светлого будущего» или какой-то идеальной страны рисуются как-то очень бледно, нечетко. Основное

¹ Кошен О. Малый народ и революция. – С., 2004. с. 42.

² Вехи. – М., 1909.

внимание направлено на очернение и настоящей реальности, и всего французского прошлого – в том числе и его самых светлых страниц.

О реально существующих сословиях, о реалиях французской жизни Вольтер высказывается в духе: «Артиллерийский огонь унес жизни 6 или 7 тысяч бездельников и дармоедов, грабящих мирные страны во славу своих властителей»¹.

Говоря о прошлом, он поднимает руку на национальную святыню Франции – личность Жанны д'Арк. Не будем обсуждать сейчас, кем была Жанна при жизни. Фактом является то, что Франция XV века не пошла за своим королем, но пошла за девятнадцатилетней девочкой из провинции. И что Жанна д'Арк стала основательницей той Франции, которая просуществовала с середины XV до конца XIX века – четыре с половиной славные столетия, в которые она и стала лидером Европы.

Трогательный, немного загадочный образ Орлеанской девы до сих пор производит впечатление на многих. Тем более трогал многие сердца в XIX веке. Французы верили в божественную силу Жанны д'Арк, залогом которой была ее чистота и непорочность. Верили, что Жанне свыше дана возможность победы над англичанами.

Вольтер совершает акт откровенного кощунства в определенной степени и религиозного, но в гораздо большей степени – гражданского и культурного. При этом он сам толком не знает, какое обвинение Жанне д'Арк бросить. Он грязно издевается над тем, что она – девственница. Ведь сохранять невинность очень глупо! А спустя несколько страниц с грязной ухмылкой рассказывает, как Жанна совокуплялась с собственным конем (в других переводах – с ослом). Такой вот разброс обвинений – от девственности до скотоложства².

И многие другие творения Вольтера откровенно кощунственны. Он откровенно пытается бросать вызов своему обществу. Не случайно он издевается над девственностью не монахини из соседнего монастыря и не соседки по име-

¹ Вольтер М.-Ф. Кандид, или Простодушный. – М., 1957.

² Вольтер М.-Ф. Орлеанская девственница. – М., 2006.

нию, которая не торопится расстаться со своим состоянием. Жертвой его глумления становится национальный символ. После выхода в свет «Орлеанской девственницы» несколько офицеров подкараулили Вольтера и побили его палками. Способ расправы несколько подростковый, но по крайней мере мы точно знаем, что они думали о Вольтере и как оценивали его произведения.

Высмеивая все окружающее, просветители готовили почву для революции. Ведь если короли идиоты, священники бабники и пьяницы, служба государству бессмыслица и преступление, а люди в своих поступках руководствуются самыми скотскими желаниями, – такое общество хочется уничтожить. И наступает момент, когда эта идеология разрушения и отрицания соединяется с несбывшимися завышенными ожиданиями сытых, благополучных и ждущих еще большего народных масс.

Великая история гениальной энциклопедии

Что же до самой «Энциклопедии». Не надо видеть в ней справочник, подобный нынешним энциклопедиям.

Термин «энциклопедия» возник в Древнем мире. Энциклос пайдейя означало по-гречески «круг знаний». Этим «кругом» должен был овладеть всякий. Содержание «круга» составляли так называемые семь свободных искусств: грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, музыка и астрономия. Прочие знания считались практическими сведениями и в область высокой науки не входили.

В 1728 году в Англии была издана двухтомная «Энциклопедия» Эфраима Чемберса (1689–1740). Это было очень неудачной попыткой создать универсальную энциклопедию, включающую и «практические сведения». Она дала толчок к созданию и «Французской Энциклопедии», которую тоже называют Великой – как и спровоцированную ею революцию.

В 1745 г. французский издатель Ле Бретон решил перевести и издать во Франции «Энциклопедию» Чемберса. Он дважды предлагал работу разным лицам, но его труд в конце концов Ле Бретона не устроил. В 1747 г. работа по

переводу была предложена Дени Дидро: он работал очень качественно, а плату предложили ему совершенно смешную: сто франков в месяц. В конце концов издание «Энциклопедии» принесло Дидро 60 000 ливров, а Ле Бретону и его компаньонам – три миллиона ливров.

Работая над переводом Чемберса, Дидро задумался об издании собственной французской энциклопедии. Эту идею он воплощал в течение 25 последующих лет. Дидро стал организатором, ответственным редактором, составителем проспекта и автором большинства статей по точным наукам.

В 1750 году появился проспект издания, которое получило название «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел». Между 1751 и 1766 годом вышло 28 томов (17 томов текста (60 тысяч статей) и 11 томов «гравюр» (иллюстраций к тексту).

Оставшиеся тома энциклопедии были написаны другими авторами в 1777-м, а 2 тома индекса (указателей) – в 1780-м.

Состав авторов энциклопедии включает 183 человека, в том числе ведущих философов, экономистов, ученых Франции XVIII века. Д'Аламбер, Кондильяк, Кене, Тюрго, Монтескье, Руссо, Вольтер, Жокур. Созвездие знаменитостей.

Но самое главное энциклопедия была идеологической!

Каждая энциклопедия – это зеркало общества, которое ее создает, и времени, когда она создается. Французская «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» стала программной книгой эпохи Просвещения.

Дидро и коллектив авторов хотели создать книгу, в которой заключались бы все позитивные знания во всех отраслях знаний. Это была попытка подвести итог всей цивилизации.

О стиле книги можно судить по такому отрывку: «В особенности нельзя терять из виду одно соображение: если устранить человека, существо мыслящее и созерцающее, с лица земли, то патетическое и возвышенное зрелище природы немедленно станет печальным и безмолвным.

Вселенная замолчит, и воцарятся молчание и ночь. Все превратится в чудовищную пустыню, где явления природы – явления, никем не наблюдаемые, – будут возникать и исчезать непонятными и немymi. Только присутствие человека делает существование вещей интересным, и что можно предложить лучшего, занимаясь историей этих вещей, чем подходить к ним, основываясь на этой идее. Почему же не придать человеку то место в нашем труде, которое он занимает во Вселенной? Почему же не сделать его общим центром? Существует ли в бесконечном пространстве еще одна точка, откуда бы мы с большей легкостью могли исходить, проводя все те бесчисленные линии, которые мы хотим подвести ко всему иному. Какие тончайшие и жизненные взаимодействия между человеком и вещами и вещами и человеком у нас возникли бы при этом! Вот что побудило нас искать в способностях человека общие разделы нашего труда, которым подчинено все. Можно ли предложить иной, лучший, путь, на котором человек не был бы заменен бытием немым, бесчувственным и холодным? Человек – это уникальное понятие, из которого всегда следует исходить и к которому все следует сводить, если только мы хотим нравиться, интересоваться и волновать, описывая даже самые бесстрастные предметы и сухие детали. Абстрагируйтесь от моего бытия и от счастья мне подобных, и что мне во всей остальной природе?»¹

Не столько изложение сухих фактов, сколько эмоциональная аргументация философской и общественной позиции.

«Энциклопедия» сделалась манифестом идей Просвещения.

Создатели энциклопедии видели в ней инструмент, при помощи которого они уничтожат «суеверия», откроют доступ ко всем знаниям и докажут пользу рационального познания. Религия в «Энциклопедии» рассматривалась как ветвь философии, в книге оспаривались католические догмы, похвально отзывались о протестантизме...

¹ Осадная башня штурмующих небо: Избранные тексты из Великой французской энциклопедии XVIII в. – Л., 1980.

Вызов принят! В 1745 году во Франции выходит указ, по которому за издание, хранение и распространение литературы, подрывающее основы религии, издателям грозила смертная казнь. В 1764 году Королевский совет специальным указом запрещает касаться в любых книгах вопросов государственной политики и финансов.

Неприятности у издателей начались уже с издания проспекта будущей «Энциклопедии»: это было необходимо для сбора денег по подписке, чтобы осуществить само издание. Издателей пытались обвинить в плагиате, усилить цензурные требования к изданию, а 8 марта 1759 года Королевский совет специальным постановлением даже запретил продавать или распространять уже изданные тома. Весь период издания проходил в напряженной борьбе: «Энциклопедию» осуждали, пытались прекратить финансирование подписчиками, конфисковали уже изданные тома.

13 июля 1749 года полиция арестовала Дидро и препроводила его в Венсенскую тюрьму. Причиной ареста послужила одна из публикаций Дидро, в которой он позволил себе критиковать католическое духовенство. Арест продолжался сорок дней. Как только Дидро оказался на свободе, он снова принялся за свою «Энциклопедию».

Значение «Энциклопедии»

«Энциклопедия» получила по тому времени довольно широкое распространение. Вначале выходила по подписке. В первый раз откликнулось более 2000 подписчиков. Она выходила громадным тиражом 4250 экземпляров (в XVIII веке тираж книг редко превышал 1500 экземпляров). Она несколько раз переиздавалась, в том числе в Лукке (1758–1776), Женеве (1778–1779), Лозанне (1778–1781).

В 1772 г. начала выходить «Британика» в Эдинбурге, а с начала XIX столетия энциклопедии выходят в Германии, Испании, России. Все они были вдохновлены опытом первой энциклопедии. Во многих странах, включая Россию, появились полные и частичные переводы статей французской «Энциклопедии».

Энциклопедия «Британика» в 1911 году пишет: «Не существовало никогда энциклопедии, политическая важность которой была бы так велика, равно как и энциклопедии, которая заняла бы такое видное место в жизни общества, истории и литературе своего века. Она не только давала информацию, но навязывала мнение».

Энциклопедисты успешно обосновывали и рекламировали свою точку зрения, свою веру в силу разума. Роль «Энциклопедии» как интеллектуальной подоплеки Французской революции неоспорима.

Об энциклопедии и ее творцах до сих пор полагается высказываться в духе: «идеи, возникшие в большинстве своем в глубинах XVII–XVIII вв. и сформулированные замечательной плеядой энциклопедистов и просветителей, равно как и требования свободы, равенства, демократии, сохраняют огромный гуманистический и демократический потенциал и в наше время»¹.

Есть, правда, и другое мнение: что «культ разума» очень помешал нормальному развитию цивилизации². На чем основывается это мнение, свидетельствует такой факт...

Как Мирабо боролся с метеоритами

Один из авторов «Энциклопедии», Мирабо, писал статью про метеориты. В статье утверждалось, что метеориты придумали священники, чтобы обманывать народ. Ведь метеориты – это камни, якобы падающие с неба. На самом же деле никакие камни с неба не падают, «потому что на небе нет камней».

Современник Мирабо, выдающийся немецкий ученый Эрнст Флоренс Хладни из старинного города Виттенберг, как раз в это же время разрабатывал свою теорию происхождения метеоритов и их возгорания в плотных слоях атмосферы. Хладни работал в Петербурге. Он исследовал гигантский метеорит «Палласово железо», найденный на Енисее местным кузнецом Медведевым в 1749 году и

¹ В. Е. Чиркин. Общечеловеческие ценности, философия права и позитивное право // Право и политика. № 8. 2000.

² Ролстон С.Д. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. – М., 2007.

привезенный Петром Симоном Палласом в 1772 году в Петербург. После исследования «Палласова железа» и других космических объектов в Петербурге Хладни издал свою книгу, посвященную этому вопросу, в Риге в 1794 году. Тем самым он заложил основы новой науки метеоритологии. Книгу Э.Ф. Хладни перевели на французский только в 1827 году, когда французы слегка пришли в норму.

Трудно найти лучший пример того, как полезна интернациональная наука, объединившая в Санкт-Петербургской академии наук людей разных народов и давшая им колоссальные возможности. И какой невероятный вред происходит от «борьбы за прогресс», «борьбы с предрассудками простого народа», лозунгов «раздавите гадину» и прочего опасного сюрреализма.

Энциклопедисты и короли

Многие просветители имели неприятности с законом. Правда, сидели в тюрьмах они чаще всего не за свои убеждения, а за подделку финансовых документов, за долги, а еще чаще – за похищения чужих жен. Ведь разум освобождает умных людей от пут устаревшей морали.

Сами же идеи Просвещения были модны, и многие власти хотели бы применить их к своему правлению. На том и держалась идея «просвещенного абсолютизма». Марксисты уверяли, что короли и императоры просто совершали чисто популистские ходы: заигрывали с общественным мнением, а на самом деле ничего менять в своих методах правления не хотели. Эти утверждения сомнительны.

Во-первых, Фридрих II Великий и сам написал трактат, в котором доказывал, что правитель должен руководствоваться гуманными соображениями. За это будущий король имел громадные неприятности: его папа, король Фридрих I, лупил наследника палкой, орал на него и даже грозился отрубить голову, если сын не перестанет заниматься ерундой.

Поветрие Просвещения прочно поселилось и во дворцах.

Во-вторых, императрице Екатерине II вовсе не было нужды играть с общественным мнением. Вот о ее попыт-

ках улучшить систему управления своей империей нам известно немало.

В числе всего прочего Екатерина вложила в просветителей немалые деньги! Она даже предложила Дидро перенести издание в Ригу или любой другой город Российской империи, если уж во Франции издание «сталкивается с какими-либо трудностями».

Она материально поддержала Дидро: его личную библиотеку она купила, но книги не забрала, а оставила ему же – потому что взяла Дидро в библиотекари. Дидро стал библиотекарем императрицы в собственной библиотеке и получил не только деньги за «проданную» библиотеку, но и жалованье за 20 лет вперед.

Об этом сразу же стало известно всем королевским дворам Европы. Российская империя находилась на подъеме. Шел первый год окончания Семилетней войны. В ней Россия одержала блестящую победу над «непобедимой» армией Фридриха. Союзница Франции, Россия воевала уже после практически полного разгрома французской армии. Не считаться с мнением России и ее императрицы Франция никак не могла, «трудности», с которыми «сталкивался» Дидро, были мгновенно преодолены.

Екатерина II интересовалась Дидро, как и вообще французскими философами. «Энциклопедия» была ее настольной книгой.

Во Франции Дидро сблизился с российским посланником в Париже князем Голицыным, а также посетившей Париж Е.Р. Дашковой, президентом Российской академии наук. Она подолгу беседовала с Дидро. Однажды Дидро высказал мысль о необходимости приступить к освобождению русских крестьян. Княгиня Дашкова старалась разъяснить ему, почему освобождение может оказаться невыгодным, даже опасным. Она сравнила их со слепорожденным, стоящим на скале среди глубоких пропастей. Внезапно врач возвращает ему зрение, и он вдруг видит опасности, которыми он окружен; он не знает, как себе помочь, и в цвете лет становится жертвой отчаяния. Дидро воскликнул: «Что вы за женщина! В одну секунду вы поколебали идеи, с которыми я носился в течение двадцати лет!»

Как видите, столкновение «идей» и реальности мгновенно оказалось не в пользу «идей».

После выхода в свет последнего тома «Энциклопедии» Дидро приезжает в Петербург. Идет 1773 год, до революции осталось 16 лет.

И повторяется то же, что при общении с Дашковой: буря эмоций со стороны Дидро, пылкое восхищение императрицей.

«Да, я ее видел, слышал и уверяю вас, что она не понимает, сколько она мне сделала добра. Что за правительница, что за удивительная женщина!» В разговорах с ней он брал ее за руку, вскакивал и бегал по комнате, ударял кулаком по столу. Игра? Может быть. Но в этом случае – необычно хорошая для Дидро игра. А может быть, и правда Екатерина II произвела на Дидро очень сильное впечатление?

А вот у Екатерины происходит обратное: она считает Дидро очень умным человеком, но никак не может приложить его идеи к реалиям жизни.

«Ваш Дидро, – писала Екатерина, – необыкновенный человек. Он меня занимал, но пользы я выносила мало. Если бы я руководствовалась его соображениями, то мне пришлось бы поставить все вверх дном в моей стране: законы, администрацию, политику, финансы и заменить все неосуществимыми теориями. Тогда я объяснилась с ним откровенно: «Господин Дидро, я с большим удовольствием выслушала все, что подсказывал вам ваш блестящий ум. Между тем я, бедная императрица, работаю на человеческой коже, а она очень щекотлива и раздражительна». После этого объяснения он, как я убеждена, стал относиться ко мне с некоторым соболезнованием, как к уму ординарному и узкому».

Один ждет, что его замечательные идеи тут же будут воплощаться в жизнь.

Другая хочет сперва понять, как это можно сделать. И не находит никакого способа.

Екатерина жаждала практических указаний, а находила в беседах с Дидро только то, что читала уже раньше в его произведениях. Да он и не мог дать ей практических

указаний, потому что никогда и ничем практическим не занимался.

В конце февраля 1774 года он уехал из Петербурга, не простившись с императрицей, которая сама не пожелала прощальной аудиенции, очевидно, чтобы избежать чувствительной сцены. Но «Энциклопедия» еще долгое время служила Екатерине настольной книгой.

Точно так же и Вольтер некоторое время был придворным Фридриха II Великого. С тем же результатом – то есть с полным отсутствием результата. Можно, конечно, предположить тут некую хитрость, подлое желание королей обмануть просветителей и вообще всю образованную общественность. Но в этом ли дело?

Мудрецы или глупцы?

Предвестием Французской революции стали решения, принятые четырьмя сотнями людей одним прохладным летним утром. Это были дворяне, купцы и духовные лица, которых король Франции Людовик XVII созвал для участия в Генеральных штатах. Королю надо было только одно – чтобы Генеральные штаты от имени всей нации подтвердили его право собирать налоги, какие и когда он хочет. Но Генеральные штаты, избранные представители нации, не пошли на поводу у короля. Очень почтительно, но совершенно непреклонно они требуют – пусть король раз навсегда откажется собирать налоги, на которые не согласна вся нация.

«Вы не нужны мне такие!» – гневно кричит король, пытаясь разогнать Генеральные штаты. «Мы нужны своему народу... Мы отвечаем перед теми, кто нас избирал», по-прежнему почтительно и по-прежнему непреклонно возражают ему депутаты. Король приказывает распустить Генеральные штаты. Он велит запереть все помещения, где собирались депутаты. 17 июня 1789 года депутаты не смогли войти в наглухо запертый зал заседаний. Из всех помещений оказался не заперт только зал для игры в мяч. И тогда четыреста человек в этом зале объявили сами себя не Генеральными штатами короля, а Национальным собранием Франции и поклялись не расходиться, пока король не примет их условий.

В это утро было прохладно, ветрено. Почти одновременно с клятвой пробили часы на башне монастыря Сен-Клу – было 10 часов пополудни.

Конечно же, и после этого события было много всего и очень разного. Началась страшная и очень долгая гражданская война, все стороны которой успели наделать много чего, и длилась фактически до реставрации Бурбонов в 1815 году. Мелькали, как в дурном калейдоскопе, якобинский террор, Вандейские войны, Конвент, смена календаря, переворот, еще переворот, трупы на улицах, Директория и в конце концов новая империя с Наполеоном Бонапартом во главе.

Начинались и кончались войны, и вся Европа полыхала, подожженная революционной Францией, которая сначала хотела принести всем трудящимся Европы такую же счастливую жизнь, а потом как-то незаметно начала строить свою собственную империю. А окончательно все определилось только после поражения Франции и Венского конгресса 1815 года.

Но именно прохладным утром 17 июня 1789 года, в 10 часов по местному времени, провалилась в небытие королевская Франция. А поскольку она была ведущей державой Европы, самой культурной и самой сильной в экономическом и политическом отношениях, то провалился в тартарары и весь мировой порядок XVIII столетия.

Гвардия народа?

Если Национальное собрание не подчиняется королю, то получается – в стране появилось два правительства. В точности как в Англии в недобром 1649 году начали воевать между собой король и парламент.

9 июля Национальное собрание провозгласило само себя Учредительным собранием. Учредительное – от слова «учреждать». Учреждать систему правления? Но в стране как будто уже есть законное правительство? Видимо, «народ» уже не считает законным правительство короля?

И тут на страну обрушивается явление, получившее название «великого страха». В июле – августе 1789 г. по всей Франции прокатываются волны паники. С одной сто-

роны, очень уж это «своевременная» паника, слишком уж полезная для Учредительного собрания. Поэтому до сих пор поговаривают об организации слухов самими революционерами или масонскими ложами.

С другой стороны, нет никаких подтверждений тому, что слухи расходятся из какого-то центра и что их кто-то сознательно распускает. Возможно, народ сам распускал страшные слухи в ситуации неустойчивости. После десятилетий стабильной, спокойной жизни гражданская война обрушивается на Францию внезапно и жутко, вызывая предчувствие какого-то надвигающегося кошмара. Если слухи вызваны предчувствиями, то они не обманули!

Одновременно во всех провинциях Франции заговорили о бандах разбойников, которые явятся буквально завтра-послезавтра. Говорили о «заговоре аристократов», которые двинут против «народа» свои частные армии. Говорили об иностранной интервенции, которой руководят опять же французские дворяне. В общем, слухов было очень и очень много. Под влиянием этих слухов крестьяне и жители маленьких городков, естественно, вооружались и объединялись в отряды, выбирали себе вожakov.

Так же естественно эти отряды не ждали появления разбойников, а сами начинали разбойничать. В лучшем случае они громили нотариальные конторы и сжигали архивы с описанием феодальных повинностей. Многие из них были неграмотны и все равно не могли разобрать, в каком документе и о чем идет речь. Поэтому они жгли на всякий случай вообще все документы.

И это – только в самом лучшем случае. Банды вооруженных людей нападали на замки и в них тоже уничтожали все письменные документы – включая старинные книги и раритеты. На всякий случай и из ненависти к тем, кто умеет читать и писать. Естественно, грабили и вообще все ценное. Если обитатели замков сопротивлялись разбойникам, их изгоняли, калечили и убивали. Не обязательно дворян – прислуги в замках обычно было много, и эти люди были связаны с хозяевами замков поколениями, тесными феодальными связями. Среди 10, 20 или 30 тысяч человек, убитых в это время, самих дворян было в лучшем случае

10–15% – большинство уже бежали в города. Честные люди платили жизнью за то, что не позволяли грабить своих патронов. Негодяи присоединялись к разбойникам, революция отбирала и ковала себе кадры.

В Париже, пользуясь смутой, распоясались уголовники. Запуганная полиция просто боялась связываться с «народом» – с карманниками, например. Страна начала сползать в беззаконие и смуту.

Король стягивает к Парижу верные ему войска? Народ, нация, тоже должен иметь свою армию! А почему только армию? У короля ведь есть своя гвардия? Пусть она будет и у народа. Национальная гвардия (*la Garde Nationale*) рождалась очень мотивированно. Первоначально так назывались отряды ополченцев, созданные Национальным собранием Франции в 1789 для наведения порядка на улицах Парижа.

Первым командиром национальных гвардейцев стал ветеран американской революции маркиз де Лафайет (1757–1834). Когда-то провозглашение независимости США вызвало приступ ликования во Франции: ведь взбунтовались колонии ненавистного конкурента, Британии!

Мари-Жан-Пауль де Лафайет воспитывался на просветительной литературе XVIII в. Он снарядил за свой счет корабль, собрал, вооружил «добровольцев», щедро оплатил их труды и поплыл в Америку: сражаться за свободу колонии против Британии. Американский Конгресс тут же произвел его в генерал-майоры. Воевал Лафайет очень отважно, лично водил войска в атаки и стал национальным героем США. Во Франции он тоже был очень популярен: у одних, как «борец за свободу», у других, как борец с Англией.

В феврале 1780 г. Лафайет вернулся на родину. Король велел посадить его под арест на 8 дней за самовольный выезд из страны. Но и все «хорошее общество», и сам Людовик XVI встречали его как героя. К тому времени Франция открыто встала на сторону Соединенных Штатов. После оваций и пиров во Франции де Лафайет вернулся в Америку. Там он успел много что сделать: например, отрезал путь к отступлению британскому генералу Корнваллису, и тот вынужден был капитулировать.

Лафайет и в третий раз побывал в Америке, в 1784 г. На этот раз не было необходимости воевать. Это было триумфальное шествие национального героя.

Мне не удалось достоверно выяснить, использовалось ли название «Национальная гвардия» для иррегулярных вооруженных сил штатов «граждан-солдат». Принцип Национальной гвардии соблюдался: в мирное время «воскресные солдаты» проводят кратковременные сборы, в военное – защищают отечество, получая небольшую плату. Эти ополченцы и начали войну за независимость 1775–1783 годов. Но, возможно, граждан-солдат стали называть Национальной гвардией позже, по французскому образцу. До сих пор Национальная гвардия (National Guard) США выполняет роль внутренних войск.

Этого-то человека, маркиза де Лафайета, поставили во главе Национальной гвардии. Позже Лафайет это отрицал, но ополченцы много раз заявляли, что это по его приказу они 13 июля ворвались в Дом инвалидов – то есть в Дом отслуживших свой срок солдат, военных пенсионеров, разграбили Дом инвалидов, Арсенал и городскую мэрию. В Париже сразу оказалось от 20 до 30 тысяч вооруженных людей.

Это были от начала до конца «незаконные вооруженные формирования». Не случайно Национальной гвардией в конце 1980-х называли вооруженных повстанцев в Чечне и Грузии, Киргизии и в Узбекистане.

Да, кстати, слухи о разбойниках, восстании дворян и интервентах не подтвердились. Но конечно же, Национальная гвардия и не думала разоружаться.

Величайший фарс Великой Французской революции

Во Франции одновременно два правительства. Одно сидит в королевской резиденции, Версале. Теоретически ему принадлежит и Зимний дворец королей Лувр.

Другое правительство, Учредительное собрание, расположилось в Пале-Рояле (Palais Royal, то есть «королевский дворец») – площадь, дворец и парк, расположенные в Париже напротив северного крыла Лувра.

В Париже две армии. Одна подчиняется королю, другая Учредительному собранию. Солдаты этих армий задирают друг друга, грозят оружием. В воскресенье 12 июля в Париже начались столкновения горожан с ранее стянутыми к столице войсками.

В тот же день король уволил популярного министра Неккера. По этому поводу мало известный журналист Камиль Демулен произнес в Пале-Рояле свою знаменитую речь: «Граждане! Я только что прибыл из Версаля. Неккер получил отставку! Возможно ли большее глумление над нами? У патриотов остается только одно средство – это прибегнуть к оружию! Итак, граждане, к оружию!».

Совершенно очевидно, что отставка Неккера – только предлог. Даже если бы сам Неккер упал на колени, умоляя его не защищать, «патриоты» пошли бы на ненавистного врага – на короля и всех его сторонников.

Толпа в восторге. Воя и рукоплеща, она предлагает Демулену возглавить восстание. А он, картинно простирая руку, кричит, что отказывается от роли вождя, он хочет быть простым солдатом Отечества, Прекрасной Франции. «Свобода! Свобода! – кричит Демулен. – Она парит над нашими головами! Она увлекает меня в свой священный полет. Вперед к победе! Смотрите на меня, притаившиеся шпионы! Это я, Камиль Демулен, призываю Париж к восстанию! Я не боюсь ничего!.. Братья! Мы будем свободны!..

Совершенно очевидно, что перед нами – не политическая программа и не план восстания. Перед нами – тот самый случай, когда один из тысяч болтунов, упиваясь собственной храбростью, спускает с цепи миллионы дикарей.

Историк Павел Воронцов приводит статью из парижской газеты «Монитор» за 17–20 июля 1789 г. «В ней [отставке Неккера. П.В.] видели предвестие трех ужасающих бедствий – голода, банкротства и гражданской войны. Зрелища и увеселения сразу же были отменены, как в дни скорби и траура. Одновременно люди кидаются в Пале-Рояль: для того, чтобы совместно противостоять усилиям тирании. Негодование достигает предела, и со-

бравшиеся во множестве французы, бледные, с отчаянием на лицах и бессвязными призывами к возмездию на устах, готовы, как львы, устремиться ради спасения Отечества, пусть даже и безоружными, навстречу опасности. В этот момент молодой человек [Камиль Демулен. – П.В.] залезает на стол, кричит: «К оружию!», выхватывает шпагу, потрясает пистолетом и показывает собравшимся зеленую кокарду [Камиль сорвал веточку с дерева. – П.В.]. Толпа, которая смотрела и слушала в молчании, наэлектризованная его отвагой, внезапно разражается громкими криками. Все возбуждаются, воодушевляются, и в одно мгновение тысячи людей срывают листья с деревьев, прикрепляют их вместо кокарды и дают тем самым сигнал к восстанию во всех кварталах города»¹.

Что характерно – грабить Арсенал, Дом инвалидов и мэрию толпа могла практически безнаказанно. Правительственные войска не вступают в активную схватку: король не хочет кровопролития в своей столице, проклятый реакционер. Париж фактически в руках повстанцев.

Во вторник, 14 июля 1789 г., продолжается грабеж в складах оружия: королевский режим заготовил его очень много, воровать и грабить можно долго. До сих пор неизвестно, кто первым крикнул: «На Бастилию!». Позже эту заслугу пытались приписать себе до 200 человек. И около 30 тысяч вооруженных «патриотов» устремились к крепости. Тут же выбрали себе командиров – неких Гюлена и Эли (Hulin et Elie), – в прошлом оба – офицеры королевских войск. Кто им подчинялся, кто нет.

Собственно говоря, зачем нужна была повстанцам Бастилия?

Бастилия (фр. la Bastille или точнее la Bastille Saint-Antoine; парижанин скажет просто Bastille) – изначально крепость, построенная в 1370–1381 гг., и место заключения государственных преступников в Париже. Некоторые из них и правда содержались в ужасных условиях... в XV–XVI веках, за два столетия до Французской революции.

¹ http://zhurnal.lib.ru/w/woronkow_p/desmoulins.shtml

Первыми узниками Бастилии стали граф де Даммартен, которому удалось бежать, и коннетабль де Сен-Поль. В 1476 г. в Бастилию ввергли несчастного Жака д'Арманьяка, герцога де Немура. Герцога обвинили в заговоре против короля Людовика XI, держали в железной клетке, пытали и в конце концов обезглавили.

Самый загадочный узник Бастилии – «железная маска», (*homme au masque de fer*) (около 1660–1970 гг.). Кто он такой, до сих пор остается неразгаданным. Одно из наиболее вероятных предположений – мнение Вольтера, усматривавшего в нем незаконного сына Анны Австрийской, притязаний которого на престол Людовик XIV мог справедливо опасаться.

На самом деле маска на узнике была не железная, а шелковая, и он мог расхаживать по всей крепости, но ни с кем не мог разговаривать.

Не менее яркий узник – Алессандро Калиостро: то ли величайший авантюрист, то ли загадочное бессмертное существо, лично общавшееся с Марком Аврелием и Юлием Цезарем.

Побывали в крепости и другие знаменитости, а Вольтер даже дважды: в 1717 г. за сатиру в адрес герцогини де Верри и в 1726 г. из-за истории с шевалье де Роганом.

О режиме содержания в Бастилии рассказывали невероятное количество разных ужасов. Заключали в Бастилию без суда и следствия, на основании королевский записки о заточении, или все тех же карт-бланшей.

Заключенных содержали в цепях. И в ручных и в ножных. За малейшую провинность, тем более за попытку побега их заточали в темный и мрачный погреб. Не менее ужасное место находилось под крышей каждой башни: в жаркие дни крыша раскалялась от солнца, сводя с ума несчастного арестанта. Срок пребывания под крышей или в подвале зависел исключительно от коменданта крепости. А «все знали», что ее последний комендант Лонэ – необычайно черствый, жестокий человек.

Если хоть половина из этих ужасов была бы правдой, Вольтер не пережил бы и одного заключения. А он и после двух не утратил ни здоровья, ни вкуса к жизни.

Во всех легендах о Бастилии совершенно не упоминается еще одно: крепость служила складом оружия и пороха. Порох хранился в тех самых подвалах, которые молва заполняла толпами изможденных закованных узников.

Все эти сказочки очень напоминают истории про ужасы и зверства царского правительства, творившиеся якобы в Петропавловской крепости. Никаких свидетельств этому никогда не было найдено, но упорные слухи ходили.

Другая аналогия: в разгар венгерского восстания 1956 года толпа штурмовала здание Городского комитета правящей партии. В Будапеште давно говорили о том, что из этого здания есть выход в подземелье, где томятся политические узники. Но никаких тайных ходов в захваченном доме найти не удалось, а сотрудники Горкома даже под страхом смерти клялись, что ничего об этом не знают. Не смог помочь и архитектор здания, доставленный на место события. Тогда привезли буровые машины. Целую ночь толпа не расходилась, с волнением наблюдая, как в различных точках просверливается пространство вокруг. При этом сотни людей слышали из-под земли стоны и мольбы о помощи, предупреждая буровиков об осторожности. Но ни подземной тюрьмы, ни заключенных так и не нашли...

Бастилия, к которой мчались до 30 тысяч строителей светлого будущего, представляла собою длинное массивное четырехугольное здание, обращенное одной стороной к городу, а другой – к предместью, с 8 башнями, обширным внутренним двором и окруженное широким и глубоким рвом, через который был перекинут висячий мост. Все это вместе было еще окружено стеной, имевшей одни только ворота со стороны Сент-Антуанского предместья. Дом коменданта и казармы солдат находились во втором, наружном дворе. Крепость защищали 32 швейцарца Салис-Самадского полка и 82 инвалида – весь ее гарнизон.

Официальная история рассказывает о «штурме Бастилии» в таких выражениях: «Но в руках правительства оставалась грозная крепость – тюрьма Бастилия. Восемь башен этой крепости, окруженной двумя глубокими рвами, казались несокрушимой твердыней абсолютизма. С утра 14 июля толпы народа ринулись к стенам

Бастилии, комендант крепости приказал открыть огонь. Несмотря на жертвы народ продолжал наступать. Рвы были преодолены: начался штурм крепости. Плотники и кровельщики сооружали леса. Артиллеристы, перешедшие на сторону народа, открыли огонь и пушечными ядрами перебили цепи одного из подъемных мостов, народ ворвался в крепость и овладел Бастилией¹.

Можно привести много не менее красочных описаний. Это лучше других только живописанием того, как ремесленники использовали профессиональные познания для сооружения лесов.

Но не было этого всего. Не было. Как не было густого порохового дыма, пальбы пушек, трупов на мостовой, так изящно изображенных на картинах Жанине и Уэля (и многих других).

Начать стоит с того, что активных «штурмовиков» насчитали не более 800, остальная толпа только стояла и смотрела. В числе активных были, кстати, и двое русских – братья Голицыны с энтузиазмом лезли в первые ряды.

По описаниям очевидцев, среди зрителей были и дворяне, и прогуливающиеся дамы, и гвардейцы. Штурм? Нет... просто «революционный народ» стал стрелять по крепости. Гарнизон ответил несколькими выстрелами. Убитых не было, но раненые появились и среди стрелявших, и среди зевак. Тогда ряды активных «штурмующих» пополнились, но многие зеваки предпочли удалиться от греха подальше.

«Революционный народ» потребовал сдать крепость. Комендант Бастилии маркиз де Лонэ отказался. Около часу дня «революционные массы» придвинулись вплотную к крепости, грозили оружием и ругались. Де Лонэ прекрасно знал, что крепость сражаться не может, что осады она не выдержит из-за отсутствия запасов воды и что никакой помощи из Версаля не пребудет. Верный присяге, маркиз решил взорвать Бастилию.

Но в то самое время, когда он с зажженным фитилем в руках хотел спуститься в пороховой погреб, два унтер-

¹ Всемирная история. Том VI. – М., 1959. с. 20.

офицера Беккар и Ферран бросились на него, отняли фитиль и заставили созвать военный совет гарнизона. В сущности, гарнизон Бастилии взбунтовался.

Военный совет? Это был скорее митинг, на котором все решало число поданных голосов и громкость крика. Почти единогласно было решено сдаться. Был поднят белый флаг, и спустя несколько минут по опущенному подъемному мосту Гюлен и Эли, а за ними огромная толпа проникли во внутренний двор Бастилии (стрелять по цепям моста не было ни малейшей нужды).

Зверства «старого режима»? В Бастилии не нашли ни камеры пыток, ни орудий пыток, ни прикованных скелетов, ни страшных казематов под крышей и в подвалах. А вот зверства со стороны революционеров были. Несколько офицеров и солдат были убиты на месте, еще несколько «революционный народ» «судил» и тут же повесил.

Что любопытно – революционный народ немедленно стал сжигать и растаскивать архив Бастилии. До нашего времени сохранились от силы 2–3% всех документов. Кому и зачем было это надо? Вот, право, интересный вопрос...

Один из ключей от Бастилии де Лафайет отослал первому президенту Соединенных Штатов Джорджу Вашингтону: он был знаком с ним как с одним из главных организаторов Американской революции. Ключ до сегодняшнего дня хранится в бывшей резиденции президента Маунт-Вернон (Mount Vernon): ее превратили в музей.

Бастилию объявили символом «старого режима», а что «старый режим» так вовсе не считал – революционеры полагали не важным. Крепость ритуально уничтожили – как в Средние века ритуально уничтожались гербы и символы опальных феодалов.

До 16 мая 1791 года продолжалось разрушение крепости. Большая часть камня Бастилии пошла на строительство моста Конкорд. Из этого же камня делали миниатюрные изображения Бастилии и продавали как сувениры.

Уничтожили «символ королевской власти» – получили символ революции: образовалась обширная пустая площадь. На провеваемом ветрами пустыре установили революционную табличка с надписью «Отныне здесь танцуют».

«Старый режим» давно собирался снести Бастилию. Архитекторы планировали поставить на площади памятник Людовику. Теперь, конечно, памятник должен был изображать кого-нибудь другого. Предлагали воздвигнуть памятник Бонапарту. Но генерал Наполеон Бонапарт предложил построить на этом месте фонтан в виде колоссального слона с башней. Такого слона не построили, но некоторое время здесь возвышалась деревянная модель этого памятника. Это тот самый слон, в котором ночуют бездомные дети в романе В. Гюго «Отверженные» – в эпизоде с Гаврошем.

В настоящее время на месте снесенной крепости находится площадь Бастилии – место пересечения десятка улиц и бульваров с подземным узлом парижского метро из трех линий и новой Парижской оперой.

Чем дальше от события, тем больше оно расцветивалось различными подробностями, все больший масштаб и все большую значимость приобретало взятие Бастилии. Начиная с 1880 года годовщина взятия Бастилии, 14 июля, празднуется французами как национальный праздник. Французский вариант 7 ноября.

Большое значение в этой пропаганде играла пресса.

Роль прессы

Во время Французской революции 1789–1794 гг. (или 1799?) произошло становление политической печати и зарождение прессы в современном понимании этого слова. Роль и значение газет и журналов возросли до такой степени, что уже никто не представлял себе того положения, в котором пребывала печать до Революции.

Вот какое объяснение слова «газета» приводит Камилль Демулен: «При старом режиме периодический листок, который сообщал о погоде. А сегодня журналисты – общественная власть. Они разоблачают, декретируют, управляют удивительнейшим образом, оправдывая или осуждая. Каждый день они поднимаются на трибуну: они среди тех, чей голос слышат 83 департамента. За 2 су можно слушать этого оратора. Газеты каждое утро сыплются, как манна небесная, и, подобно солнцу, ежедневно выходят освещать горизонт».

Важность печати была понята всеми политическими партиями. Все выдающиеся деятели Французской революции редактировали газеты. Их журналистская работа была тесно связана с политической деятельностью.

Перед революцией шло стремительное оживление периодической печати. Газеты продавались на улице, имелись в большинстве кафе, а кафе насчитывалось в Париже перед революцией 1800.

К 1789 году мысль о свободе печати проникла глубоко в сознание общества, и необходимость ее для развития прессы никем не оспаривалась.

Если в 1788 году во всем королевстве насчитывалось 60 периодических изданий, то с 14 июля 1789 года по 10 августа 1792 года появилось свыше 500 различных газет.

Накануне революции наиболее распространенной была «Парижская газета», имевшая тираж около 10 тыс. экз. Как правило же, тираж колебался от 300 до 500 экз. Большинство газет выходило 2–3 раза в неделю. Обычно распространялись брошюры из нескольких номеров газет, но с 1789 года с ростом тиража и числа газет революции их стали продавать и отдельными номерами.

Печать сыграла важную роль в борьбе за свержение монархии. Печать стала серьезнейшим оружием в борьбе за установление якобинской диктатуры.

Эта революция в печати не была следствием технической революции, но стала возможной исключительно благодаря политическим изменениям в стране. Лишь в 1815 г. во Франции стала внедряться новая техника в полиграфии. До этого почти все делалось вручную. Как правило, один и тот же человек был и редактором, и издателем, и продавцом своей газеты. На одном прессе можно было напечатать за 24 часа 3 тыс. экз. – максимальный тираж ежедневной газеты.

Бумага была обычно низкого качества, грубая, зернистая, шероховатая, иногда слегка окрашенная или покрытая пятнами. Многочисленные дефекты бумаги сказывались на качестве печати.

Производство газет было делом дорогим, но все же рентабельным, причем за счет продаж: реклама в газетах находилась в зачаточном состоянии.

Говоря о печати первых лет революции, необходимо отметить появление в это время вечерних газет, в которых помещались стенографические отчеты о работе Национального собрания. Эти вечерние газеты быстро завоевали популярность, так как они оперативно информировали о заседаниях Ассамблеи.

Увековечили...

В фольклоре революционеров всех стран взятие Бастилии изображалось как великое деяние и как историческое событие. В стихотворении Эдуарда Багрицкого «Бастилия» это выглядит так:

Бастилия! Ты рушишься камнями,
Ты падаешь перед народом ниц...
Кружится дым! Густое свищет пламя,
Ножам вырываясь из бойниц.
Над Францией раскат борьбы и мести!
(Из дальних улиц барабанный бой...)
Гляди! Сент-Антуанское предместье
Мушкетом потрясает над тобой.
Оно шумит и движется, как пена,
Волнуется, клоочет и свистит...
И голосом Камилла Демулена
Народному восстанию говорит!
Король! Пора! К тебе народ взывает!
К тебе предместий тянется рука!
Гремит охота. Ветер раздувает
Напудренные букли парика...
Олений парк. Английская кобыла
Проносится по вереску... А там
Трясутся стены воспаленной силой
И отблески танцуют по камням.
Король, ты отдыхаешь от охоты,
Рокочут флейты, соловьи поют...
Но близок час! В Париже санкюлоты
Республику руками создают!
В ком сердце есть, в ком воля закипает,
Вперед! вперед! По жилам хлещет дрожь!
И Гильотэн уже изобретает
На плаху низвергающийся нож.
Еще в сердцах не разгулялось пламя,
Еще сжимает жесткий нож ладонь,
Но Робеспьер скрывает за очками
Сверкающую радость и огонь...

Но барабанов мерные раскаты
Восстаний отчеканивают шаг,
Но выщербленное лицо Марата,
Прищурившись, оглядывает мрак...
Бастилия! Ты рушишься камнями,
Ты сотрясаешь площадей гранит...
Но каждый камень зажигает пламя,
И в каждом сердце барабан гремит!

Главный освобожденный

Самым заслуженным, без сомнения, оказался не кто-нибудь, а ненавистный революционерам аристократ – граф де Лорж. Он содержался в заключении более сорока лет. Кроме него, свободу обрели четыре финансовых махинатора, один распутник, заключенный в Бастилию по желанию своего отца, и дворянин, как-то не поладивший с королевской фавориткой. Если бы Бастилию взяли на день раньше, то на свободу вышел бы и маркиз де Сад, по случайности переведенный из нее в другую тюрьму как раз накануне штурма.

Маркиз Донасьен Альфонс Франсуа де Сад (1740–1814). Проповедник абсолютной свободы, которая не была бы ограничена ни моралью, ни религией, ни правом. Любитель получать сексуальное удовлетворение путем причинения другому человеку боли или унижений. После работ сексолога Рихарда фон Крафт-Эбинга эта склонность получила название садизма. Основной целью жизни он считал достижение максимального телесного наслаждения.

Маркиз окончил кавалерийское училище и сделал неплохую военную карьеру. За заслуги в боях на полях Семилетней войны 14 января 1757 года он получил звание корнета карабинеров, а 21 апреля 1759 года – звание капитана кавалерии Бургонского полка. В 1763 году де Сад ушел в отставку в звании капитана кавалерии.

Все прекрасно, да только маркиз не ограничивался сомнительными теориями и все старался воплотить их в жизнь. 17 мая 1763 года он, с благословения короля Людовика XV и королевы, женится на госпоже Рене-Пелажи Кордые де Монтрей. А 29 октября он был даже заключен в башню замка Венсенн за скандальное поведение в доме

свиданий, откуда был выпущен через пятнадцать суток. Скандальное поведение состояло в попытке пороть розгами обитательниц дома терпимости.

С тех пор он с иссушающей душу регулярностью попадал в тюрьму, бежал оттуда, влипал в новые истории, снова попадался. Весело жил. В Бастилии де Сад написал очередной роман с характерным для него названием «120 дней Содома». Рукопись представляла собой рулон бумаги длиной около двадцати метров. Маркиз прятал его 4 года!

2 июля 1789 года де Сад прокричал из окна своей камеры, что в Бастилии избивают арестантов. Он призывал народ прийти и освободить его и других избиваемых страдальцев! 4 июля за эту выходку де Сада перевели в лечебницу Шарантон, причем запретили ему забрать книги и рукописи, среди которых находилась рукопись «120 дней Содома» (спрятанная?!). 14 июля Бастилию заняли народные толпы, камера де Сада была разграблена, и многие рукописи были сожжены. Но рукопись «120 дней Содома» перед «штурмом» крепости «нашел» и вынес охранник. Трудно поверить, что охранник с самого начала не знал, где эта рукопись находится¹.

Говоря коротко, маркиз продолжал жить бурно и, наверное, по своим представлениям, весело. Он писал и ставил пьесы, выпускал книги, занимал должности комиссара государственного Совета по здравоохранению, присяжного революционного трибунала, председателя революционной секции «Пик». В конечном счете был вынужден бежать.

Что характерно, при Наполеоне никаких должностей он не занимал, хотя скончался уже в 1814 году.

Двоевластие по-французски

Людовик XVI уступил требованию Национального собрания отозвать войска из Парижа. В пятницу 17 июля король посетил Ратушу. В знак единства с «народом» король

¹ Маркиз де Сад и XX век. Пер. с франц. Исследования о де Саде Ж. Батая, П. Клоссовски, М. Бланшо, Р. Барта, А. Камю и др. – М., 1992.

принял из рук мэра трехцветную кокарду. То есть символ революционного правительства. Король утвердил в должностях выбранных парижанами мэра Ж.-С. Байи и командующего Национальной гвардией М.-Ж. де Лафайета. Кому же обязаны эти лица своими должностями?! Учредительно-му собранию? Да... но, получается, и королю.

Национальное собрание пытается «прихватизировать» и армию.

Декрет Национального собрания от 10 августа 1789 г. гласит: «Чтобы солдаты приносили присягу перед целым полком, стоящим под оружием, в том, что они никогда не покинут своих знамен и будут верны нации, королю и закону».

Солдаты должны быть верны и нации и королю... В реальности они, конечно, выбирают или нацию, или короля.

После взятия Бастилии по всей Франции развернулась «муниципальная революция»: в ее ходе создаются новые органы местного самоуправления. Образцом для них стал служить городской муниципалитет Парижа – Парижская коммуна. Во многих городах возникает реальное двоевластие. «Муниципальная революция» сопровождается повсеместным формированием Национальной гвардии.

Но и у новых властей возникают опасения: слишком много никем не учтенного оружия захватил «народ». «В Париже Избирательному комитету во главе с новым мэром и командующим приходится убеждать воинственных рабочих возвратиться к своим ремеслам... Люди, не записавшиеся в гвардию, сдают оружие – не так охотно, как хотелось бы, и получают по «девять франков» [это половина дневной зарплаты членов Национального собрания].

Сдают не все! Повсеместно происходят столкновения между Национальной гвардией и теми, кто в гвардию идти не хочет, но и оружия не сдает. Марксисты упорно называют их «революционными рабочими». Современники частью были сторонниками того, чтобы все «патриоты» владели оружием, частью опасались, что сами накликали на свою голову разбойников.

Марксисты обожают говорить о «рабочем движении», но активность рабочих и ремесленников бывает такова,

что ни в какую «теорию» Карла Маркса ее не уложишь. Скажем, портные-подмастерья требуют от правительства, чтобы им платили в два раза больше прежнего и чтобы торговцам запретили чинить и шить одежду, сохранив за портными монополию.

Парикмахеры-подмастерья и сапожники-подмастерья, наоборот, требуют, чтобы им дали такие же права, как мастерам. Мастера не хотят пускать в цех конкурентов, подмастерья возмущаются... Рабочие против рабочих, а ружья из арсенала – у всех.

В деревне восстание 14 июля отразилось как новая волна крестьянских восстаний. Во многих провинциях, особенно в Дофине, Франш-Конте, Эльзасе, развернулись необычные по силе и размаху крестьянские восстания и выступления. Крестьянские восстания продолжаются до прихода к власти Бонапарта. Летом же 1789 года начался первый поток белой эмиграции из Франции.

Самое же зловещее: ни от каких споров о праве короля на вето и о числе выборщиков не становится больше хлеба. Экономика разваливается.

23 августа 1789 года Генеральный контролер финансов дает приказ о роспуске благотворительных мастерских на Монмартре и в Шайо. Работали они при короле и работали... А теперь все, денег нет. Граждане, представители народа могут идти куда угодно. А они ведь тоже вооружены!

Против рабочих мастерских выступают войска. Лафайет, как командующий войсками, сообщает этим рабочим, «что столица и впредь будет выдавать им поденную плату в 20 су на их пропитание и что вскоре она будет вынуждена отправить большинство из них в разные провинции». Лафайет ясно объясняет рабочим, что их труд больше не нужен и что их скоро разгонят. А на рабочих, в знак серьезности намерений, наводят пушки. Пока не стреляя, пока так.

Подвоз продовольствия уменьшился, цены растут, мука исчезает из продажи. Торговки с Центрального рынка организуются в корпорацию. Они требуют от правительства снижения цен на хлеб и жалуются на слишком длинные очереди у булочных. В источниках упоминается, что «Мэр

Сен-Дени был повешен на тамошнем фонаре, до того черен был его хлеб». Я не смог установить, кто вешал мэра пригорода Парижа Сен-Дени? Неужто торговки? И за что? Он сам портил муку или как? Одна из множества жертв события, о котором до сих пор полагается говорить, придыхая от восхищения.

Праздно, озлобленно, недовольно гудит громадный город.

Пленение короля

Король по-прежнему находится в Версале. В Версаль стекаются офицеры и дворяне, преданные королю. Ходят слухи (опять слухи!), что короля собираются увезти в Мец 5 октября. Там находится маркиз Буйе с войском, состоящим из французских и иностранных солдат. Там король должен стать во главе этого войска, объявить Национальное собрание сборищем мятежников и силой проложить себе дорогу в Париж.

Пока что не король куда-то бежит, а 23 сентября Фландрский полк прибывает в Версаль с двумя пушками. К нему на помощь подтягивается полк Монморанси. Король увеличивает число своих лейб-гвардейцев. Национальная гвардия в Версале ведет себя тише воды, ниже травы. Две армии, короля и Учредительного собрания, пока что стоят друг против друга.

1 и 3 октября двор дает обед лейб-гвардейцам. На обеде придворные дамы, принцы и герцоги призывают их снять с себя трехцветные буржуазные кокарды и вместо них надеть черные, королевские.

5 октября не король бежит в Мец. 5 октября в Версаль пожаловала толпа из нескольких тысяч парижских женщин. Дамы уже давно активно выступают на митингах. В Пале-Рояле некая дама публично заявляет, что «ее бедному мужу местные власти заткнули рот, их председатель и чиновники не дают ему выступать. Поэтому она будет говорить здесь». Какой именно злодей заставил ее бедняжку мужа молчать, история умалчивает.

Женские митинги разрастаются. 5 октября толпа женщин захватывает стоящие у ратуши пушки. Они устремля-

ются в Версаль, катят с собой пушки. У них нет пороха и ядер, они не умеют обращаться с артиллерией. Но героические революционные власти дают им эти пушки и не мешают. Уже за толпой женщин следует Лафайет с отрядами Национальной гвардии в трехцветных кокардах. С Национальной гвардией идет толпа, вооруженная ружьями.

В Версале женщины требуют у короля ограничения цен на продовольствие. Король откровенно растерян. Из толпы кричат, что должны быть наказаны те гвардейцы, которые оскорбили «патриотическую» трехцветную кокарду.

Тут национальные гвардейцы из Версаля открывают огонь по лейб-гвардейцам короля! Белые и красные готовы начать сражение... королю достаточно скомандовать, его приказа откровенно ждут. Но король не решается. Он... нет, даже не приказывает... Он просит лейб-гвардейцев уйти из Версаля в Рамбуйе: не провоцировать «народ». Остаются только дежурные часовые, верные королю части уходят.

Сам король тоже пытается выехать из Версаля. Однако версальские патрули, состоящие из солдат Национальной гвардии, под командованием майора Лакуэнтра оба раза возвращают королевские экипажи. Фактически король взят под стражу.

В 11 часов вечера в Версаль прибывает Лафайет с главной массой Национальной гвардии. Лафайет в сопровождении двух членов муниципалитета предъявляет королю требования, состоящие из четырех пунктов: «Первое, чтобы честь охранять его священную персону была возложена на Национальную гвардию... Второе, чтобы было получено продовольствие, если возможно. Третье, чтобы в тюрьмы, переполненные политическими преступниками, были назначены судьи. Четвертое, чтобы Его Величество соизволило переехать жить в Париж».

Король обещает подумать.

На следующий день, 6 октября, один из оставшихся в Версале лейб-гвардейцев говорит что-то, чего «не одобряет» «народ». Что именно он сказал, мы не знаем. Одни историки говорят про «оскорбление», другие, что он «обругал собравшихся».

Перебранка переходит в перестрелку. «Народ» врывается в казармы лейб-гвардии, в которых почти никого нет. «Подвиг «в духе «штурма Бастилии». Лейб-гвардейцы отступают в покои короля. И тут выходит Национальная гвардия... с ружьями наперевес. Король выходит на балкон своего дворца, сопровождаемый Лафайетом. О чем говорили они, король Людовик и Лафайет? Этого мы не знаем. Знаем, что толпа кричит снизу: «Короля – в Париж!» Король кивает. С этого момента он – фактически пленник.

Главный политический фарс

Первоначально депутаты Учредительного собрания разделились на «аристократов» (защитников старого порядка) и «патриотов» (сторонников преобразований). Как лозунг всего государства провозглашаются свобода, равенство, братство¹. Что свобода категорически противоречит равенству, как-то никто не замечает.

Идут ожесточенные и совершенно абстрактные споры о том, какие права должен иметь король, а какие – Народное собрание. Учреждение новой формы власти никак не может состояться – слишком различны позиции партий жирондистов, фельянов, «Горы», якобинцев. Я не буду подробно описывать их позиции, поведение и политику. Об этом написаны целые библиотеки, да моя книга и не об этих удивительных личностях.

Важно, что они никак не могут договориться между собой решительно ни о чем. Спорят о числе палат будущего парламента, о праве короля накладывать вето (запрет) на решения парламента, о том, кому предоставлять избирательное право, – страна разваливается сама по себе, господа учредители болтают сами по себе.

Единственно, в чем преуспели господа учредители, 26 августа 1789 года они приняли «Декларацию прав человека и гражданина». Приведу полностью этот фантастический документ.

«Представители французского народа, образовав Национальное собрание и полагая, что невежество, забвение

¹ Пшменова Л. А. Идея свободы во Французской революции XVIII в. // Новая и новейшая история. № 1. 1992.

прав человека или пренебрежение ими являются единственной причиной общественных бедствий и испорченности правительств, приняли решение изложить в торжественной Декларации естественные, неотчуждаемые и священные права человека, чтобы эта Декларация, неизменно пребывая перед взором всех членов общественного союза, постоянно напоминала им их права и обязанности, чтобы действия законодательной и исполнительной власти, которые в любое время можно было бы сравнить с целью каждого политического института, встречали большее уважение; чтобы требования граждан, основанные отныне на простых и неоспоримых принципах, устремлялись к соблюдению Конституции и всеобщему благу. Соответственно, Национальное собрание признает и провозглашает перед лицом и под покровительством Верховного существа следующие права человека и гражданина.

Статья 1

Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе.

Статья 2

Цель всякого политического союза — обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковые — свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению.

Статья 3

Источником суверенной власти является нация. Никакие учреждения, ни один индивид не могут обладать властью, которая не исходит явно от нации.

Статья 4

Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти могут быть определены только законом.

Статья 5

Закон имеет право запрещать лишь действия, вредные для общества. Все, что не запрещено законом, то дозво-

лено, и никто не может быть принужден делать то, что не предписано законом.

Статья 6

Закон есть выражение общей воли. Все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в его создании. Он должен быть единым для всех, охраняет он или карает. Все граждане равны перед ним и поэтому имеют равный доступ ко всем постам, публичным должностям и занятиям сообразно их способностям и без каких-либо иных различий, кроме тех, что обусловлены их добродетелями и способностями.

Статья 7

Никто не может подвергаться обвинению, задержанию или заключению иначе, как в случаях, предусмотренных законом и в предписанных им формах. Тот, кто испрашивает, отдает, исполняет или заставляет исполнять основанные на произволе приказы, подлежит наказанию; но каждый гражданин, вызванный или задержанный в силу закона, должен беспрекословно повиноваться: в случае сопротивления он несет ответственность.

Статья 8

Закон должен устанавливать наказания лишь строго и бесспорно необходимые; никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, принятого и обнародованного до совершения правонарушения и надлежаще примененного.

Статья 9

Поскольку каждый считается невиновным, пока его вина не установлена, то в случаях, когда признается нужным арест лица, любые излишне суровые меры, не являющиеся необходимыми, должны строжайше пресекаться законом.

Статья 10

Никто не должен быть притесняем за свои взгляды, даже религиозные, при условии, что их выражение не нарушает общественный порядок, установленный законом.

Статья 11

Свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека; каждый гражданин поэтому может свободно высказываться, писать, печатать,

отвечая лишь за злоупотребление этой свободой в случаях, предусмотренных законом.

Статья 12

Для гарантии прав человека и гражданина необходима государственная сила; она создается в интересах всех, а не для личной пользы тех, кому она вверена.

Статья 13

На содержание вооруженной силы и на расходы по управлению необходимы общие взносы; они должны быть равномерно распределены между всеми гражданами соответственно их возможностям.

Статья 14

Все граждане имеют право устанавливать сами или через своих представителей необходимость государственного обложения, добровольно соглашаться на его взимание, следить за его расходом и определять его долевого размер, основание, порядок и продолжительность взимания.

Статья 15

Общество имеет право требовать у любого должностного лица отчета о его деятельности.

Статья 16

Общество, где не обеспечена гарантия прав и нет разделения властей, не имеет Конституции.

Статья 17

Так как собственность есть право неприкосновенное и священное, никто не может быть лишен ее иначе, как в случае установленной законом явной общественной необходимости и при условии справедливого и предварительного возмещения»¹.

На очень долгое время французские законодатели «забыли» об этой Декларации, как стараются забыть страшный сон. Но 4 октября 1958 года она подтверждена Французской конституцией. А 16 июля 1971 года конституционный совет Франции признал Декларацию юридически обязательным документом, нарушение которого приравнивается к неконституционности.

¹ Французская республика: Конституция и законодательные акты. – М., 1989. с. 26–29.

Нарастающий хаос

Буквально любые решения, которые принимает новое правительство Франции, служат только увеличению хаоса, бардака, беспорядка, беспредела. Даже вроде бы довольно разумные. Причина простая: все они совершенно непродуманны. Все хотят как лучше, а получается, как всегда.

Сравнительно удачны декреты об упразднении цехов (1791), об уничтожении регламентации, внутренних таможен и прочих ограничений, препятствовавших развитию торговли и промышленности.

Декреты об отмене деления на сословия не в силах изменить принадлежности людей к тому или иному сословию. Есть вещи, которые хоть отменяй, хоть не отменяй, они есть, и все. Характерно, что в Индии после достижения независимости касты не «отменили», а объявили об их равенстве перед законом.

Декрет о передаче церковного имущества в распоряжение нации 2 ноября 1789 ведет к диким спорам о том, как и по какому принципу делить бывшую церковную землю. Ведь механизм не продуман.

Декрет об уничтожении старого, средневекового административного деления Франции и о разделении страны на департаменты, дистрикты, кантоны и коммуны (1789–90) ведет к невероятному бардаку в управлении страной. Совершенно непонятно, как разграничить полномочия коммун-муниципалитетов, административных единиц и центрального правительства.

Декреты конца 1789-го о введении цензовой избирательной системы и разделении граждан на «активных» и «пассивных» делят вроде бы «равных» граждан на имущественные категории. Одни (примерно треть мужского населения) имеют избирательные права, другие – не имеют. Эти декреты вошли в Конституцию 1791 г.

В 1790 году проводят реформу церкви, чтобы поставить католическую церковь на службу государству и превратить священников в государственных служащих. До этого французская церковь подчинялась Ватикану. Теперь все священнослужители должны были принести граждан-

скую присягу, и им вменялось в обязанность разъяснять прихожанам постановления Национального собрания. Устанавливалась выборность священников и епископов прихожанами.

Регистрация актов гражданского состояния из ведения церкви передавалась государственным органам.

Почти все епископы и около половины низшего духовенства отказались принести гражданскую присягу. Неприсягнувшее духовенство оказывалось политическими врагами «народа».

Римский папа предал анафеме гражданское устройство духовенства. В результате французское духовенство раскололось на присягнувшее (или конституционное) и не-присягнувшее.

Решения властей вызвали и первые территориальные расколы государства. Расположенные на юге Франции Авиньон и графство Венессен со столицей в г. Карпантра были владениями римского папы. С началом революции жители Авиньона сформировали муниципалитет и Национальную гвардию. Они стали требовать присоединения к Франции. Но хотели этого не все, летом 1790 г. в городе вспыхнуло восстание, которое быстро было подавлено местной Национальной гвардией.

Жители Карпантра предпочли сохранить верность римскому папе. В 1791 г. между Авиньоном и Карпантра началась гражданская война, в которой Авиньон опирался на поддержку Национальной гвардии других городов Юга. В сентябре 1791 г. декретом Учредительного собрания Авиньон и графство Венессен были присоединены к Франции. Одни Декрет признали, другие – нет, гражданская бойня продолжалась.

Многие ученые разделяют Французскую революцию на три этапа. Первый этап революции (14 июля 1789 – 10 августа 1792). Пока Франция – еще монархия. Но уже ползут слухи о возможном вторжении австрийских войск и о сговоре с ними короля.

1 октября 1791 года открылось Законодательное собрание, и уважаемые законодатели увлеченно обсуждают эти

слухи. «Народ» невероятно волнуется. Никто не видел ни одного австрийского солдата, никаких сведений о «сговоре короля». Но «все же знают», как на самом деле обстоят дела!

20 июня 1791 года перепуганная королевская чета пытается бежать из Франции. Не повезло: на границе король высунулся из кареты, таможенник его узнал. Разумеется, «всем» стало окончательно ясно, что король виновен в подготовке войны.

С этого времени известно слово «санкюлот». Его не точно переводят словом «бесштанник» или «голоштанник». Санкюлоты, простонародье, носили длинные штаны-панталоны. Дворяне же носили короткие обтягивающие бриджи-кюлоты. Санкюлот – это который «без кюлот».

«Народные массы» Парижа требуют свержения короля. Учредительное собрание¹ не хочет. Оно даже приказывает (17 июля 1792) расстрелять демонстрацию и митинг на Марсовом поле, требовавших отрешения короля от власти.

Тогда Парижская коммуна начинает готовить восстание. 10 августа 1792 г. парижские секции образовали повстанческий центр. В него вошли по три представителя от каждой из 48 секций Парижа. Повстанческая коммуна, или Коммуна, 10 августа взяла власть в столице в свои руки.

В результате народного восстания в Париже 10 августа 1792 г. король Людовик XVI свергнут и заключен под стражу. Монархисты изгнаны из Законодательного собрания – и правда, нельзя же предоставлять право голоса таким чудовищным типам?! По всей Франции прокатывается волна бессудных убийств аристократов и всех, кто не нравится «революционерам». Число жертв и военных действий гражданской войны, и убитых называют разное, от 10 до 40 тысяч.

В числе погибших – и жертвы штурма королевского дворца Тюильри. Во время обороны дворца от революционеров отличились маркизы Дю Пон де Немур. Они – во все не коренные аристократы. Предками Дю Понов были

¹ Или это было уже Законодательное? В одних источниках используют одно название, в других – другое. Видимо, историки сами уже путаются.

парижские часовщики. «Тот самый» Дю Пон, Пьер-Самюэль, насмерть поссорился с отцом, не желая становиться часовщиком. Он стал предпринимателем и теоретиком: экономистом-либералом. Странник экономической теории физиократов, он полнейшим образом изложил их учение в работе «О возникновении и развитии новой науки», где пропагандировал низкие налоги и снятие таможенных барьеров.

Пьер-Самюэль и его сыновья, Виктор-Мари (1767–1827) и Элетер-Ирене (1771–1834), были сторонниками конституционной монархии. Пьер-Самюэль даже избирался в Учредительное собрание и, чтобы отличаться от депутатов-однофамильцев, принял вторую фамилию Немур по имени избравшей его коммуны. Маркиз Дю Пон де Немур.

10 августа отец и сыновья Дю Пон собственноручно защищали короля и его семью. По одной версии, отец был в Тюильри только с одним из сыновей, с Элетером-Ирене. По другой – с обоими, и три человека всю ночь сдерживали широкую лестницу от напора беснующейся толпы. «Строители светлого будущего» накатывались волна за волной, а маркизы методично били по толпе из пистолетов. Кончился порох – рубили и кололи шпагами, держа кинжалы в левой руке. Толпа лезла, махая железом, оскользнулась на залитой кровью лестнице, получала железо в первое попавшееся место, катилась вниз, сшибаемая падалью сообщников, потом снова лезла, завывая, махая оружием. И так всю ночь. Под утро революционеры ворвались во дворец через другой вход. Маркизов спас знакомый садовник: дал им одежду переодеться, назвал своими помощниками и вывел наружу. А возле дворца смирно лежали рядом, навек задрали к небу оскаленные рыла, скрючили в трупном окоченении верхние лапы, посягнувшие на короля, 63 дохлых революционера. Именно эти создания не будут закапывать живыми детей и делать абажуры из человеческой кожи. Не они будут ср... в алтарях церквей и надевать регалии епископов на ослов.

К концу якобинского террора маркиза-отца осудили на смерть: «враг народа». По другим данным, осудили и его сыновей. Переворот 1794-го спас их от смерти на гильотине.

Во время очередного восстания 18 фрюктидора (4 сентября) 1797-го дом Дюпонов был осажден, чуть не захвачен толпой. Снова удалось отстреляться и отбиться, устлая падалью «строителей светлого будущего» булыжники узких, кривых парижских улиц. На этот раз маркизам хватило. Вся семья бежала в США. Маркизы Дю Пон де Немур стали американцами Дюпонами. Основатели колоссально-го концерна «Дюпон де Немур энд компани». Миллиардеры, откупившие пол-штата Делавэр. В этом разросшемся, до 2 тысяч членов, семействе до сих пор полагается хорошо знать французский и читать на языке подлинника дневники и письма своих предков.

Но вернемся в 1792 год, когда подвиг маркизов Дю Пон де Немур уже оказался ненужным, но ничто еще бесповоротно не решено.

На втором этапе революции (10 августа 1792 – 2 июня 1793) революционеры создали новый орган власти: Национальный Конвент. Депутатов в него избирали все мужчины, достигшие 21 года и не состоявшие в услужении. Таким образом, было ликвидировано деление граждан на «активных» и «пассивных». Раньше в Законодательном собрании главенствовали жирондисты, а в Парижской коммуне – якобинцы. Теперь те и другие боролись за счастье народа в Национальном Конвенте.

На первом публичном заседании, 21 сентября 1792-го, Конвент единодушно принял решение об упразднении королевской власти. 22 сентября провозгласил Францию республикой.

Разгорелись ожесточеннейшие споры о дальнейшей судьбе короля. Жирондисты взывали к тому, что конституция 1791 г. гарантировала неприкосновенность его особы. Коммуна Парижа, секции, народные общества, клубы и коммуны провинциальных городов добивались предания Людовика XVI суду за измену. В Конвенте их требования поддерживали монтаньяры. 15–16 января 1793-го в Конвенте состоялись голосования по трем вопросам: виновен ли Людовик в злоумышлениях против свободы нации и безопасности государства; нужна ли апелляция к народу по поводу вынесенного приговора; какого наказания заслу-

живает Людовик? Король был почти единогласно признан виновным; большинством голосов Конвент отверг апелляцию к народу; 387 голосами против 334 Людовик был приговорен к смертной казни. Действительно, чего там апеллировать к народу: «народ» уже заседает в Конвенте. 21 января 1793 г. Людовик XVI был гильотинирован.

Королеву Марию-Антуанетту перевели в тюрьму Консьержери. В маленькой сырой камере ее ни на минуту не оставляли одну, даже во время утреннего и вечернего туалета. У нее отобрали все вещи, в том числе маленькие золотые часики – ее талисман.

Конвент и Комитет общественного спасения использовали членов королевской семьи как разменную карту: отдадим в Австрию, если прекратите движение своих войск! Ведь Мария-Антуанетта Габсбургско-Лотарингская была младшей дочерью эрцгерцога Австрии Франца I и родной сестрой правящего эрцгерцога Леопольда II. Но конечно же, «народ» очень беспокоился по поводу жизни такой страшной женщины. Под давлением мнения «народа» 16 октября 1793 года суд вынес королеве смертный приговор.

В день казни Мария-Антуанетта поднялась очень рано, часов не было, так что она не могла следить за временем. С помощью служанки королева надела белое платье. Охрана следила за каждым ее шагом, и, наконец, осужденная воскликнула: «Во имя Господа и приличия, прошу вас, оставьте меня хотя бы на минуту!» Не оставили.

Гильотина находилась неподалеку от дворца Тюильри, на площади Революции. По пути к месту казни толпа выла и улюлюкала, швыряла гнилыми фруктами и какашками. Когда Марию-Антуанетту подвели к плахе, она неосторожно наступила на ногу палачу. «Простите меня, мсье, я не нарочно». Это были последние слова французской королевы.

Глава 3.

КАК ЯКОБИНЦЫ БОРОЛИСЬ ЗА СЧАСТЬЕ НАРОДА

Железной рукой загоним человечество в счастье!

*Плакат, висевший в Соловецком лагере
особого назначения*

Третий этап Французской революции (2 июня 1793 – 27/28 июля 1794) марксистские историки называют «высшим этапом» или «революционно-демократической якобинской диктатурой».

Якобинской она была. Организовали ее члены политического клуба, находившегося в доминиканском монастыре Святого Якова. В число якобинцев входили прежде всего члены революционного Якобинского клуба в Париже, а также члены провинциальных клубов, тесно связанных с основным клубом.

Вот как диктатура может быть демократической, не поспигаю. Скорее уж диктатура была утопической.

Все шло, как всегда, во всех революциях. Сначала крушение «старого режима». Все в восторге, все произносят длинные прочувствованные речи, все ожидают немедленного наступления царства справедливости и разума, благодати и некоего высшего порядка. За счет чего все это должно наступить, никто объяснить не может, но все ждут.

Вскоре страна лежит в руинах, экономика в полном коллапсе, наступает полный хаос. Власть как таковая фактически исчезает. В стране властвуют вооруженные отряды, от армии до обычных разбойников.

Власть валяется под ногами, и ее подбирает самая радикальная из революционных организаций. В России вторая стадия революции продолжалась с мая по ноябрь 1917 г. У французов растянулась на больший срок – с 1789 по 1793 г.

Если радикальных организаций несколько, при переходе к третьей стадии они враждуют между собой. Так враждовали и воевали анархисты, левые эсеры и коммунисты в Российской империи. Так воевали во Франции якобинцы, «бешеные», кордельеры, «Социальный кружок» Марата, приверженцы газеты «Друг народа»...

К лету 1793 года правительство Франции контролировало только треть территории страны. Нехватка продуктов стала нормой. Власть поддерживал все меньший процент населения.

2 июня 1793 г. 80 тысяч национальных гвардейцев и вооруженных граждан окружили здание Конвента, направили на него даже пушки. Конвент принял декрет об исключении из своего состава 29 депутатов-жирондистов. Якобинцы остались одни!

Если якобинцам можно, почему «бешеным» нельзя? «Бешеные» поднимают новое восстание в Париже 4–5 сентября. Они требуют введения «максимума»: то есть установления максимальной цены продуктов. Цены-то растут и растут. Разгромив восстание и перестреляв-пересажав «бешеных», якобинцы взяли многие их лозунги. 29 сентября они ввели максимум.

24 июня якобинский Конвент принял первую демократическую конституцию (1793 года). Эта конституция никогда не была введена в действие и осталась только на бумаге. «Обстоятельства» были таковы, что пришлось введение конституции «отсрочить».

Реальной полнотой власти обладали Конвент, Комитет общественного спасения и Комитет общественной безопасности. Они опирались на организованные по всей стране революционные комитеты.

Аграрным законодательством (июнь – июль 1793 г.) якобинский Конвент передал крестьянам общинные и эмигрантские земли для раздела и полностью уничтожил

всё феодальные права и привилегии. Ленин был в восторге от этих мер: «действительно революционная расправа с отжившим феодализмом...»¹.

Разумеется, справиться с голодом путем борьбы с феодализмом пока что никому не удавалось. Якобинцы установили «максимум»: нельзя было повышать стоимость продуктов выше установленного. Нельзя было, правда, еще и платить выше установленной зарплаты.

Подвоз продуктов в города окончательно остановился: их не было смысла везти. Если продукты и появлялись, то по астрономическим ценам. Якобинцы стали выставлять заградительные отряды, чтобы не пропускать в города спекулянтов. Если они ловили торговцев, то сразу же убивали (интересно, а куда они девали то, что было с торговцами? Неужели сами съедали, феодализм их по-бери?! Ах, негодные нарушители идеалов!).

В Ла-Рошели, Нанте, Бордо, Лионе отряды вооруженных людей прочесывали город, чтобы выловить торговцев. Обычно на рынок выходили крестьянки или мещанки-перекупщицы, обычно вместе с детьми. Этих женщин вместе с их ребятишками, иногда с несколькими сразу, убивали самыми разнообразными способами. Чаще всего их связывали попарно, привязывали к ним детей и топили. Если мужа этих торговок и отцы детей брались за оружие, их по-ступки, конечно, объяснялись исключительно отсталостью и непониманием, как невыразимо прекрасна революция.

Становилось ли в городах больше хлеба? Сомнительно.

Специальные отряды грабили крестьян, но в те времена средства транспорта позволяли делать набеги только на ближайшие окрестности городов. Захватывали, ценой голодной смерти сельского населения, каплю в море.

Время якобинской диктатуры – период быстрого снижения и так невысокого уровня жизни народа.

Фруктозы из нивоза

Еще одной мерой, необходимой для счастья народа, оказался новый календарь. Французский респу-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., 5-е изд., т. 34, с. 195.

бликанский (революционный) календарь был введен во Франции в ходе Великой французской революции декретом Национального Конвента от 1 вандемеера II года (5 октября 1793), и отменен только Наполеоном с 1 января 1806 г. Календарь был разработан специальной комиссией под руководством Жильбера Рома. Он знаменовал разрыв с традициями, дехристианизацию и введение «естественной религии», которой почему-то считался культ разума.

На Марсовом поле в Париже поставили алтарь Отечества, где 8 июня 1794 г. отмечался праздник Верховного существа: этот культ провозгласили, официально упразднив католицизм. Поклонялись Разуму в виде Богини Разума – красивой девицы в белой полупрозрачной рубашке. Девицу спускали на канате, и она венчала лаврами самых достойных якобинцев.

Католичество не запрещалось, но сделалось таким не-люльным.

Одним из следствий казни короля и объявления культа Высшего существа стала волна вандализма, хулиганства, бессмысленного разрушения. Наверное, это очень неправильная, «отсталая» логика: «если Бога нет, какой же я генерал?!». Но множество людей жили и сегодня живут по такой логике. Если святынь нет и если они объявлены ложными, они теряют ориентиры и просто не знают, что им делать и каких берегов держаться. Первыми, кстати, становятся сами «идейные» революционеры, которым «культ разума» позволяет отказаться от «химеры морали» и «предрассудков простого народа»: благодаря чему они довольно быстро погибают от полового разврата, наркотиков и обычного простонародного пьянства.

А всякий крутой поворот всегда сопровождается буйством разнузданной черни и актами бессмысленного разрушения. В современной Франции часто сравнивают Французскую революцию 1789–1794 и Русскую 1917–1922 годов: конечно же, в пользу Французской. При этом охотно приводят примеры разрушений, насилий, совершенных преступлений, в том числе осквернений церквей. Но в действительности во Франции было не лучше, если не хуже. По стране прокатился вал иррациональной жесто-

кости и вандализма. Власть же положительно относилась к избиениям духовных лиц и к осквернению храмов, как к «революционным деяниям». Все, как и у нас, это точно.

Уже 1789 год называли «началом эры Свободы». Теперь 1792-й был объявлен началом эры Свободы, Равенства и Братства. Эра «от рождения Христова» и начало года с 1 января упразднились. Отсчет лет начинался с 22 сентября 1792-го, даты уничтожения королевской власти и провозглашения республики. Последующие годы начинались в полночь того дня, на который приходился момент осеннего равноденствия (по среднему парижскому).

Названия месяцев и дней года были предложены депутатом Конвента Фабром д'Эглантином. Они сконструированы из французских, латинских и греческих корней (например, «фрюктидор» – «дарящий плоды», от лат. fructus «плод» и греч. *dogon* «дар», «прериаль» – «месяц лугов», от фр. *prairie* «луг»). Названия 360 дней (кроме санкюлотид) носили имена явлений природы, растений, животных, например, фр. *Vache* «корова», фр. *Rhubarbe* «ревень», фр. *Carotte* «морковка».

Названия дней были аналогичны прежним именам святых в святцах; в частности, родителям иногда рекомендовалось называть детей, родившихся в эти дни, Ваш (Коровой) или Каротт (Морковкой). Этим рекомендациям следовали редко, но все же находились и любители.

Названия же месяцев были такие:

Осень

вандемьер (фр. *Vendémiaire*) (22 сентября – 21 октября) – месяц сбора винограда

брюмер (фр. *Brumaire*) (22 октября – 20 ноября) – месяц туманов

фример (фр. *Frimaire*) (21 ноября – 20 декабря) – месяц заморозков

Зима

нивоз (фр. *Nivôse*) (21 декабря – 19 января) – месяц снега

плювиоз (фр. *Pluviose*) (20 января – 18 февраля) – месяц дождя

вантоз (фр. *Ventôse*) (19 февраля – 20 марта) – месяц ветра

Весна

жерминаль (фр. Germinal) (21 марта – 19 апреля) – месяц прорастания

флореаль (фр. Floréal) (20 апреля – 19 мая) – месяц цветения

прериаль (фр. Prairial) (20 мая – 18 июня) – месяц лугов

Лето

мессидор (фр. Messidor) (19 июня – 18 июля) – месяц жатвы

термидор (фр. Thermidor) (19 июля – 17 августа) – месяц жары

фрюктидор (фр. Fructidor) (18 августа – 16 сентября) – месяц плодов

Республиканский календарь был восстановлен во время Парижской коммуны и действовал с 18 марта по 28 мая 1871 г. После этого на территории Парижа опять был введен григорианский календарь.

Враги народа

В 1789 году лидеры Французской революции придумали новый термин: *ennemi du peuple* – враг народа.

Закон от 22 прериала II года (10 июня 1794 года), принятый Конвентом, определял врагов народа как личностей, стремящихся уничтожить общественную свободу силой или хитростью. Врагами народа были сторонники возврата королевской власти, вредители, препятствующие снабжению Парижа продовольствием, укрывающие заговорщиков и аристократов, преследователи и клеветники на патриотов, злоупотребляющие законами революции, обманщики народа, способствующие упадку революционного духа, распространители ложных известий с целью вызвать смуту, направляющие народ на ложный путь, мешающие его просвещению.

По этому закону враги народа наказывались смертной казнью. Революционный трибунал якобинцев в одном Париже ежедневно выносил по 50 смертных приговоров.

Удостоверение о цивилизме (гражданской благонадежности) выдавалось революционными комитетами коммун

и секций. Такое удостоверение должен был иметь каждый гражданин согласно Декрету от 17 сентября 1793 г. Те, кому революционные комитеты отказывали в выдаче удостоверения о цивизме, объявлялись «подозрительными» и подлежали аресту.

Враги народа арестовывались по анонимным доносам, судебная процедура была упрощена: не было ни защитника, ни прений сторон. Процесс занимал не более часа, остальное становилось делом техники.

Система террора не просто помогала удерживаться у власти. Она помогала все время держать все общество в напряжении. Обязанностью гражданина стало быть «беспокойным», все время радеть за общественные интересы и находиться в напряжении по любым поводам. Тот, кто не был все время напряжен и подозрителен, не выискивал врагов народа и не искал опасностей существующему строю извне и внутри государства, сразу же сам вызывал подозрение. По гениальной формуле Шамбарова, террор заставлял проявлять энтузиазм и проникаться «прогрессивной» революционной идеологией. Проникаться под угрозой смерти. Уверуй или уничтожим¹!

Кроме того, террор позволял не замечать ничтожности реальных дел якобинцев и явного вреда многих их мер. Ведь малейшее сомнение в пользе работы правительства для «народа» сразу делало человека «подозрительным».

Заключение в тюрьму само по себе могло стоить жизни. Как-то в Нанте пересажали городских чиновников. Спустя два месяца выпустили, но из 127 человек 39 умерли с голоду. Заключенный и не должен был долго жить, его путь и должен был как можно быстрее закончиться на гильотине.

Народ вовсе не был для якобинцев собранием реальных людей. Это было умозрительное понятие, воплощение их кабинетных теорий. Реальные люди не представляли для них существенной ценности.

Мало известный факт: в Париже действовали мастерские, в которых из кожи татуированных казненных изго-

¹ Шамбаров В.Е. Государство и революция. – М., 2001.

тавливались абажуры и другие красивые вещицы. Волосы казненных женщин использовались для изготовления париков. Сначала волосы сбривали с голов, потом, видимо для удобства, стали сбривать с голов приговоренных перед казнью. Палач сам продавал волосы в мастерские¹.

«Прогрессивные люди» обожают рассказывать о том, что страшные немецкие нацисты только и делали, что вываривали мыло из всех пойманных ими евреев, набивали матрацы женскими волосами и понаделали абажуров из заключенных своих концлагерей. Сложность в том, что до сих пор не представлено ни одного матраца с человеческими волосами. В Бухенвальде, превращенном в музей, были выставлены абажуры из человеческой кожи и человеческие сердца жертв медицинских экспериментов. Но в 1989 году, после падения ГДР, эти экспонаты изучили, и выяснилось – и кожа на абажурах свиная, и сердца тоже свиные². Какие-то странные это все экспонаты. Что до мыла... До сих пор не существует методики варения мыла из человеческого жира.

А вот преступления «прогрессивных» людей, «борцов за светлое будущее» и «героических коммунаров» – доказуемы. И не только сами преступления, но нечеловеческое отношение ко всем, кто не разделял их идеологию. Фактически – ко всему человечеству.

Сент-Жюст призывал «карать не только врагов, но и равнодушных, всех, кто «пассивен к республике и ничего не делает для нее». «Друг народа» (по названию издававшейся им газеты) Ж.П. Марат призывал обезглавить 100 тысяч врагов народа. Ж.Ж. Дантон считал, что во Франции можно оставить и 5 млн человек из 28, а М. Робеспьер настаивал на 12 млн казней.

Посеявшие гром пожали бурю: Сент-Жюста, Робеспьера и Дантона (как английского шпиона) обезглавили на гильотине. Марата в ванне зарезала Шарлотта Корде.

¹ Лебедев С.В. Русские идеи и русское дело: национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. – СПб, 2007.

² Агафонов А.М. (Глянцев). Записки бойца Армии теней. – СПб., 1998.

По этому поводу и сказано, что «Революции имеют свойство пожирать своих создателей» (автора этого тезиса я не выявил). Жалеть ли об этом свойстве революций?

Точно так же и большевики не считали полноценными человеческими существами всех «не своих». Якобинцы были для них дорогими соратниками и предшественниками, которые «показали как надо». Ленин в 1917 году писал: «Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение. Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции».

Большевики тоже поставили смерть на поток. Вместо гильотины у них был расстрельный подвал, но велика ли разница?

Они тоже применяли самые чудовищные способы умерщвления людей.

Главный палач Харьковской ЧК, некий Саенко, практиковал снятие кожи «перчаткой» с кистей рук. Для этого жертве обваривали руки крутым кипятком, потом ледяной водой. Ну, и снимали кожу «чулком», вместе с ногтями. Еще любил Саенко втискивать жертве на сантиметр шашку в тело и поворачивать несколько раз.

В Одесской ЧК на допросах применялись плети, подвешивание, щипцы. Офицеров разрывали пополам колесами лебедок, поджаривали в печах, хоронили вместе с полуразложившимися трупами. Хищникам в Одесском зоопарке скармливали еще живых людей.

В Полтаве чекистка Роза и уголовник Гришка-Проститутка (это кличка у него такая) любили сжигать живьем. Священников и монахов он обычно сажал на кол. Гришка-Проститутка ставил для себя кресло и сидя наслаждался зрелищем.

При паническом бегстве из Киева большевики просто не успели последовать инструкции, чтобы трупы «не попадали в неподобающие руки».

В Киеве найдено было больше 12 000 голых мужских, женских и детских трупов со следами самых чудовищных пыток. Тут практиковались различнейшие способы умерщвления: разрубание на куски, четвертование, про-

ламывание голов дубиной и пробивание черепа молотком, вбивание кола в грудную клетку и вспарывание животов, умерщвление штыками или вилами с прокалыванием шеи, живота или груди. Некоторых закапывали заживо, причем одна из женщин была связана со своей восьмилетней дочерью. По-видимому, чекисты экспериментировали.

Одно из мест экзекуций выглядело так: «Весь цементный пол большого гаража был залит уже не бежавшей вследствие жары, а стоявшей на несколько дюймов кровью, смешанной в ужасающую массу с мозгом, черепными костями, клочьями волос и другими человеческими остатками. Все стены были забрызганы кровью, на них рядом с тысячами дыр от пуль налипли частицы мозга и куски головной кожи. Из середины гаража в соседнее помещение, где был подземный сток, вел желоб в четверть метра ширины и глубины и приблизительно в десять метров длины. Этот желоб был на всем протяжении доверху наполнен кровью»¹.

Большевики тоже последовательно планировали уничтожить кто 10%, кто и 50% населения Российской империи.

18 сентября 1918 года Г. Зиновьев на Петроградской партконференции сказал: «Мы должны повести за собой девяносто из ста миллионов человек, составляющих население Советской Республики. Остальным нам нечего сказать. Их нужно ликвидировать».

Цифры, конечно, примерные, но подход вообще интересен: замыслено истребить 10% жителей России, несколько миллионов человек.

Точно так же, как яacobинцев, большевиков частично истребили они же сами. Убили Свердлова, многих повстанцев типа Щорса, Кравченко или Щетинкина.

Но что самое главное – яacobинцев во Франции окончательно искоренил Наполеон. На словах он отстаивал идею, что прошлое должно быть забыто, никого не надо преследовать за преступления, совершенные во время револю-

¹ Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. London: Overseas publications interchange Ltd, 1992. с. 125.

ции. Но при первой же возможности он сослал как можно больше бывших якобинцев в Каейнну, во Французскую Гвиану в северо-восточной части Южной Америки. Оттуда мало кто возвращался. И вообще к якобинцам и всем «идейным» революционерам Наполеон относился намного строже, чем к аристократам, роялистам и даже к беспринципным честолюбцам.

Так же точно и в России большевиков истребил Сталин, потому и ненавидимый всеми «революционными элементами». При Сталине «врагами народа» стали почти все «пламенные ленинцы», раздувавшие в России кошмар революции и Гражданской войны, чекисты, русофобы, «красные комиссары» и прочая нечисть. Совершенно тот же очистительный подход.

В России последним «врагом народа» оказался Л.П. Берия. 23 декабря 1953 года он был приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР к расстрелу как враг народа» и английский шпион (как Дантон). А убит, судя по всему, еще до этого¹.

Позже термином «враг народа» пользовались в Китае, и, конечно же, во всех левацких марксистских группах, от Сальвадора Альенде до Сендеро Луминосо.

Изобретение доброго доктора Гильотэна

Человек самой гуманной в мире профессии, добрый доктор Гильотэн родился в 1738 году и стал членом Учредительного собрания в 1789 году. Этого достойного революционера очень волновало, что людей разных сословий казнят разными способами и что казнь через отрубание головы – привилегия аристократии. Он очень хотел уравнивать сословия в способах предания смерти.

Революционеры долго спорили о предложении доброго доктора. Для начала уравнивали сословия и ввели в Уголовный кодекс требования всем отрубать голову. Но мечом это делать, оказывается, неудобно. Передовые люди действовали, как подобает сынам Просвещения: создали комиссию под руководством другого доктора, Антуана

¹ Берия С.Л. Мой отец – Лаврентий Берия. – М., 1994.

Луи. Тот поддержал коллегу: надо рубить головы специальной машинкой!

После ряда удачных опытов на трупах, а потом и на живых, в апреле 1792 года на Гревской площади произвели первую публичную казнь новой машиной. Назвали ее по именам обоих «айболитов» – «луизеттой» или «малышкой Луизеттой» в честь Луи или гильотиной в честь Гильотэна.

Тяжелый косой нож весом до 100 кг поднимали вдоль вертикальных направляющих на высоту 2–3 метра и удерживали веревкой. Голову убиваемого «врага народа» помещали в специальное углубление у основания механизма, закрепляли сверху деревянной планкой с выемкой. Палач отпускал веревку, веревка переставала удерживать нож, и он падал на шею жертвы с большой силой.

Среди легенд есть и такая, что сам Гильотэн был казнен на собственном изобретении. К сожалению, здесь только мифология. Эта сволочь сдохла своей смертью в 1814 году.

Развал страны

Естественно, далеко не всем французам нравилась «дехристианизация», фруктитозы и нивозы, дамы в ночных рубашках, спускаемые на алтарь Высшего Существа в роли «Богинь Разума», непрерывная работа гильотины и всеобщий контроль всех за всеми, голод и нехватки всего на свете, соревнование в «революционности» и прочие чудеса революции.

С июня 1793 года на всем юге и юго-западе Франции шли сплошные мятежи – под руководством и роялистов, но чаще членов партии жирондистов.

Уже летом 1792 года восстали Нормандия и Вандея. Тогда восстания удалось подавить. Принудительный набор в армию 1793 года стал новым толчком к восстаниям. В марте 1793-го в городке Шоле молодежь прикончила командира местной национальной гвардии. Через неделю «истинные патриоты» в Машекуле попытались взять рекрутов. Стихийное восстание стремительно становилось все более организованным. Повстанцы под руководством рабочих каретника Кателино и лесничего Стоффле разбили целую республиканскую армию.

Конвент в тот же день издал декрет, каравший смертью ношение оружия или белой кокарды – символа королевской Франции. В ответ восставшие до конца оформили свою Католическую королевскую армию, которую возглавили и выходцы из народа, и профессиональные военные из дворян: Шаретт, Ларошжаклен и другие. Реально это было аморфное объединение разрозненных полупартизанских, полурегулярных отрядов. Католическая армия состояла на две трети из крестьян; она сильно редела, когда наступала пора сельских работ. Настоящее оружие приходилось добывать в боях. Лозунг: «За короля и веру». Символ: белая кокарда или белая нарукавная повязка.

В мае вандейский штаб, объединивший командиров и вожakov разных отрядов, создал свое правительство: Высший совет. Он управлял «завоеванной страной» во имя «законного монарха» Людовика XVII, сына казненного короля (который находился в заточении).

В июне 1793-го войска вандейцев заняли город Сомюр, открыв себе дорогу на Париж. Жаль, что они не решились пойти на столицу: гражданские войны мало предсказуемы, шанс был. Но повстанцы повернули на запад, вошли в Анжер, полностью брошенный властями и лишенный войск. Они осадили Нант, надеясь на помощь Британии. Они даже ворвались в город и завязали в нем уличные бои, но сил не хватило. На залитых кровью улицах Нанта преклась жизнь достойного сына Франции, каретника Кателино: его выбрали «генералиссимусом короля», он прикрывал отступление своих.

Конвент послал армию Клебера и Марсо. Ее наголову разбили 19 сентября. Конвент бросил новые армии. В середине октября у Шоле, в самом сердце восстания, отряды вандейцев потерпели сокрушительное поражение.

Армия во главе с новым генералиссимусом, дворянином Ларошжакленом, стремительно отступила к Луаре. Британия обещала помощь, корабли для эвакуации. За армией в 30–40 тысяч солдат шла армия беженцев до 80 тысяч человек. Колонны растянулись на многие километры, по дороге грабя города и деревни в поисках хоть какой-нибудь пищи. Британцы обманули, флот не пришел. Голод, болезни

и осенние заморозки несли смерть ослабевшим крестьянам. Пошли обратно, устлая многострадальную, когда-то прекрасную землю крестами собственных скелетов.

В декабре «строители светлого будущего» и лучшие друзья народа настигли вандейцев. Даже на революционную сволочь производили впечатление матери, которые убивали маленьких детей и сами шли в бой: живые скелеты с косами и вилами в руках против вооруженных ружьями мужчин. Остатки Католической королевской армии погибли под Рождество, когда отступали вдоль Луары. Не пошедшие в Нормандию отряды Шаретта и Стоффле воевали еще довольно долго, но «большая война» в Вандее практически закончилась: воевать стало некому.

Еще 1 августа 1993 года Конвент издал Декрет, согласно которому «Вандея должна стать национальным кладбищем». Реализуя декрет, командующий Западной армией генерал Тюрро разделил свои войска на две армии, по двенадцать колонн в каждой, которые должны были двигаться навстречу друг другу с запада и с востока. Их официально называли «адские колонны».

С января до мая 1794 года в Вандее активно строилось светлое будущее, торжествовал Разум, давилась Гадина, изничтожались «враги народа» и подавлялась контрреволюция. Во имя идеалов Революции войска прочесывали местность, чтобы никто, спаси Кислород, не спасся. Они жгли дома и посеvy, грабили, насиловали, убивали. Особенно чудовищным была расправа в Нанте, руками члена Конвента Каррье. Около десяти тысяч человек, многие из которых никогда не держали оружия в руках, а просто сочувствовали повстанцам, были казнены. Повезло тем, кто попал на гильотину. В основном людей топили в Луаре, затопляя в баржах и лодках.

С супругов срывали одежду и топили попарно. Беременных женщин обнаженными связывали лицом к лицу с дряхлыми стариками, священников – с юными девушками. Каррье называл такие казни «республиканскими свадьбами». Он любил наблюдать за ними со своего суденышка. Плавал на нем по Луаре, пил вино со своими подручными и совокуплялся с куртизанками. Особое бешенство

у него вызывала недоступность местных женщин: убежденные католички, они скорее умирали, чем отдавались прогрессивным людям, постигшим нелепость феодальных пут морали.

Еще якобинцы развлекались, надевая на ослов тиару пап римских и привязывая к их хвостам Библию.

Якобинцы никогда и не пытались замирились с Вандеей. Только после переворота в июле 1794-го начались поиски хоть какого-то компромисса. В начале 1795 года Стоффле, Сапино и ряд других лидеров уцелевших вандейских отрядов подписали с «представителями народа» мирный договор в Ла Жонэ: Вандея признала республику, республика же, в свою очередь, обещала освободить на десять лет непокорные департаменты от рекрутского набора и налогов, приостановить преследование неприсягнувших священников.

Но тут высадился десант эмигрантов-роялистов в Кибероне! Вандея тут же снова восстала. Республика послала в Вандею нового палача, генерала Гоша. Весной 1796 года восстание окончательно захлебнулось в крови. По подсчетам современного французского историка, в результате гражданской войны департамент Вандея потерял более 117 тыс. человек, или около 15% населения¹. Стоффле и Шаретт тоже были казнены. Мертвая страна стала частью Республики. Да здравствует Революция!

Конец

Коммунисты объясняют падение якобинцев тем, что плебейские элементы города и сельская беднота хотели углубления революции. А большая часть буржуазии и зажиточное крестьянство не желали далее мириться с ограничительным режимом и плебейскими методами якобинской диктатуры, переходили на позиции контрреволюции.

К тому же якобинцы оттолкнули от себя зажиточное и среднее крестьянство, недовольное политикой реквизиций.

¹ Secher R. Le genocide franco-francais: La Vendee-Venge. P., 1986. Partie IV. Ch. 1.

Объяснить можно и проще: далеко не все хотели разрыва с культурной традицией и жизни в утопии.

Якобинцы правили, создавая напряжения и гоня народ в никуда под все более безумными лозунгами, все глубже в утопию. Долго это не могло продолжаться. Если не было внешней силы, возникла внутренняя. Если о буржуазии, то самыми богатыми были буржуа, нажившиеся на спекуляциях военного времени. Эти порожденные революцией нувориши больше всех хотели завершить революцию.

Уже с начала 1794-го в рядах якобинского блока развернулась внутренняя борьба. Руководившая революционным правительством группировка робеспьеристов в марте – апреле поочередно разгромила левых якобинцев и дантонистов – новых буржуа.

Летом 1794-го возник новый заговор против возглавлявшегося Робеспьером революционного правительства. Возглавившие заговор Ж. Фуше, Ж.Л. Тальен, П. Баррас объединили осколки дантонистов, заручились поддержкой «болота», установили связи с жирондистами и левыми. В общем – все против Робеспьера.

9 термидора на заседании Конвента заговорщики сорвали выступление Сен-Жюста, пытавшегося разоблачить готовившийся контрреволюционный переворот, и провели решение об аресте руководителей революционного правительства.

Робеспьеристы воззвали к «народу», к Парижской коммуне. Восставшие отбили Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона. Они засели в здании ратуши, под защитой расхристанной вольницы.

Но термидорианцы имели большинство в конвенте. Конвент энергично организовывал свои силы, разослав агитаторов и созывая на помощь секции, особенно буржуазные; со стороны Конвента командующим Национальной гвардии был назначен Поль Баррас, получивший чрезвычайные полномочия. Конвент объявил всех участников восстания вне закона. Известие об этом вызвало панику среди сторонников Робеспьера. Никто не хотел оказаться «врагом народа». Площадь пред Ратушей быстро опустела.

Около 2 часов 10 термидора жандармы и национальные гвардейцы ворвались в Ратушу. Там Робеспьер занимался любимым делом: подписывал очередное воззвание против «врагов революции». По одним данным, Робеспьер пытался застрелиться, по другим, в него выстрелил из пистолета жандарм Меда и ранил Робеспьера в челюсть. Его брат Огюстен Робеспьер выбросился из окна, но остался жив. Кто застрелился, кто прыгал из окон, кто сдался. Все арестованные (22 человека) были доставлены в Комитет общественной безопасности.

Они уже были объявлены вне закона, суд оказался ненужным. На следующий вечер Робеспьер и его сторонники были гильотинированы на Гревской площади после простого установления личности. Толпа при этом кричала: «Смерть тирану!» 11 термидора были казнены еще 71 человек. Режим якобинской диктатуры пал¹.

Тут же отменили максимум, перестали выдавать удостоверения о лояльности, почти прекратились казни.

Директория как директория

Исполнительная директория, своего рода коллективный президент, правила 27 октября 1795 – 9 ноября 1799 г. Директория ввела свою «Конституцию III года Республики» (1795).

Члену Директории должно было быть не менее 40 лет от роду; каждый год один из членов выходил по жребию и заменялся новым по выбору; Директория могла решать дела только при наличии по крайней мере 3 членов; в Директории председательствовал каждый член по очереди, в течение трех месяцев.

Несколько раз происходили перевороты, устранявшие одних и ставившие у власти других членов Директории.

18 фруктидора (4 сентября) V года Свободы, Равенства и Братства (1797), 30 прериаля VII г. (18 июня 1799 г.). Всего за 4 года в составе Директории перебивало 13 человек. Единственным постоянным членом Директории был Поль Баррас (30 июня 1755 – 29 января 1829) – факти-

¹ Кареев Н. И. Роль Парижских секций в перевороте 9 термидора, – Пг., 1914.

ческий правитель (глава Национальной гвардии) Франции в 1795–1799 гг.

Дворянин Баррас в 1792 году избран в Конвент. Голосовал за смертную казнь короля Людовика XVI. Примкнул к якобинцам.

В качестве комиссара Конвента участвовал в подавлении роялистского мятежа в Тулоне (1793). Подавил и мятеж роялистов 1795 года¹.

После переворота Наполеона Бонапарта 18 брюмера (9–10 ноября 1799) отстранен от участия в политической жизни. Барраса отослали из Парижа сначала в его замок Гробуа, потом в Бельгию, оттуда в Прованс, а в 1810 году ему было окончательно запрещено жить во Франции. Вынужденный поселиться в Риме, он оставался там вплоть до первого отречения Наполеона в 1814 году.

Революция пожирает своих детей? Тогда тиран Наполеон все же добрее революции: он не убил Барраса, а только отстранил его от власти.

¹ Бовыкин Д. Ю. 1795 год: несостоявшаяся реставрация // Французский ежегодник, 2003. – М., 2003.

Глава 4. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВОЙНЫ

В ранце каждого солдата лежит жезл маршала.

Н. Бонапарт

Кто кому был опасен?

Коммунисты полагали, что «революционная Франция оборонялась от реакционно-монархической Европы»¹. Странная форма обороны, учитывая: якобинцы откровенно хотели революции во всех странах Европы и установления везде похожих якобинских режимов.

В 1792 г. Австрия и Пруссия подписали Пильницкую конвенцию, по которой оба государства обязались оказать военную помощь французскому королю. Но никаких военных действий не предприняли: при том, что оснований беспокоиться у них было очень немало

В Венгрии весной 1794-го были основаны два тайных общества – «Общество реформаторов» и «Общество свободы и равенства». Они так и назывались: «общества венгерских якобинцев». Только в 1795 году руководители венгерских якобинцев попали в руки австрийской полиции. Что характерно: только 18 человек из 200 арестованных были приговорены к смертной казни. Из них только 7 признаны «неисправимыми» и казнены. На месте австрийского правительства якобинцы казнили бы всех.

В России до сих пор уважительно отзываются о лютom враге Российской империи, Тадеуше Костюшко. Не все

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., 5-е изд., т. 34, с. 196.

знают, что в конце 1792 года Костюшко в Париже от имени патриотов Речи Посполитой вел с французским революционным правительством безуспешные переговоры о совместных действиях против Австрии, Пруссии и России.

Еще менее известно, что после провозглашения в Кракове Акта восстания и провозглашения Костюшко «начальником восстания» ему была предоставлена диктаторская полнота гражданской и военной власти в стране.

24 марта – обыкновенно и считается днем начала восстания. 24 марта Тадеуш обратился к населению, выпустив четыре патриотических воззвания: «К войску», «К гражданам», «К священникам», «К женщинам». Очень красиво и патриотично.

«Я не буду воевать за одну шляхту», – говорил Костюшко. 7 мая Костюшко издал Поланецкий универсал, в котором крестьянам обещалось личное освобождение и уменьшение повинностей. Очень демократично.

Вот только не знают у нас, что этот патриотизм и демократизм обеспечивала... гильотина. Стояла она на площади Рынок в Кракове. Отрубили голов не так и много, около сотни. Всего-то! Только почему-то и об этом «пустячке» ни у нас, ни в Польше не пишут. Видимо, не хотят «бросить тень» на образ великого поляка, личного друга Пушкина.

После того как Костюшко 10 октября в бою под Мазевицами потерпел поражение, был ранен и взят в плен русскими войсками, он, по одним сведениям, заключен в Петропавловскую крепость. По другим сведениям, он жил в Петербурге в бывшем дворце князя Орлова и пользовался полной свободой. Даже если сидел в крепости, его лечили, и он вышел из крепости здоровым. Это в тюрьмах Конвента умирали от голода.

Стоит ли удивляться, что Екатерина II издала указ о расторжении торгового договора с Францией, запрещения впускать в русские порты французские суда и в Россию – французских граждан?

Кто хотел войны?

В феврале 1792 г. Австрия и Пруссия заключили против Франции военный союз. Но великие империи не

торопились начинать наступление. Все, что они сделали, это придвинули свои войска к границам Франции и ожидали. Облегчали бегство белым, блокировали источник международного терроризма. И только.

В самой Франции же только фейяны выступали против войны, опасаясь связанных с нею внутренних потрясений. Даже королевский двор добивался объявления войны, надеясь подавить революцию с помощью интервентов.

Революционная Франция ХОТЕЛА войны, чтобы нести свои идеи в остальную Европу. Президент Конвента Грегуар высказывался с полной ясностью: «..все правительства нам враждебны, все народы – наши друзья и союзники; мы погибнем, или все нации будут свободны». Так же откровенно говорил разве что Лев Троцкий: 1 февраля 1918 года на переговорах в Брест-Литовске он заявил: «Мы больше не желаем принимать участие в этой чисто империалистической войне, где притязания имущих классов явно оплачиваются человеческой кровью. В ожидании того, мы надеемся, близкого часа, когда угнетенные трудящиеся классы всех стран возьмут в свои руки власть, подобно трудящемуся классу России, мы выводим нашу армию и наш народ из войны. Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий».

М. Робеспьер и его сторонники противились объявлению войны, призывая сосредоточить все силы на борьбе с внутренней контрреволюцией. Все остальные активно пропагандировали идею революционной войны с тиранами Европы. Верх одержали сторонники войны, 11 июля 1792 г. Законодательное собрание объявило: «Отечество в опасности». 20 апреля 1792 г. Франция объявила войну Австрии.

Уже к воюющей Австрийской империи присоединились Пруссия и Сардинское королевство, а в 1793-м – Великобритания, Нидерланды, Испания, Неаполитанское королевство, германские государства.

Летом 1792 г. союзные войска (в общем – до 250 т.) стали сосредоточиваться на границах Франции. Войска эти находились в лучшем состоянии, чем революционные. Но это были типичные феодальные армии, руководимые высшей аристократией, с кастовым офицерством, стеной

отделенным от солдат, с устаревшей тактикой ведения боевых действий.

К тому же не было единства: энергичные пруссаки рвались в бой, австрийцы были очень медлительны и крайне осторожны.

Французская армия – революционный развал

В начале 1792 года Франция располагала 125-тысячной армией. Армия находилась в сильнейшем расстройстве. Из-за воровства, процветавшего среди поставщиков, войска снабжались крайне скверно, постоянно терпели лишения всякого рода. Материальная часть военного устройства была в плачевном состоянии.

В линейных войсках сохранилась дисциплина, но эта дисциплина была сильно надорвана тремя годами распушенности. Многие опытные генералы и офицеры бежали или эмигрировали. Оставались, конечно, и старые офицеры, способные принести большую пользу. Но работа этих офицеров была сильно затруднена: их подозревали во всем на свете. Многие и ответственные должности занимали прежние низшие офицеры, которые принесли на ответственные посты накопленный долгими годами опыт, но у этих офицеров чаще всего не хватало навыков и знаний, необходимых для несения ответственной команды.

В армии остался прекрасный штаб, но он менялся очень быстро, потому что подозрения якобинцев не позволяли засиживаться на местах сколько-нибудь популярным генералам.

С самого начала военных действий национальная война соединялась с Гражданской. Измена многих генералов французской армии облегчила интервентам проникновение на территорию Франции, а затем наступление на Париж. 18 марта 1793-го французская армия Дюмуре потерпела поражение при Неервиндене. И тогда в конце марта Дюмуре попытался двинуть свою армию в поход на Париж. Армия не пошла за ним, и тогда Дюмуре бежал к австрийцам. Так 10 июля 1918 года командующий Волжским фронтом Красной Армии левый эсер М.А. Муравьев попытался повернуть свои войска против большевиков,

но они ему не подчинились. Мятеж подавили кроваво и быстро, но заминка большевиков им дорого обошлась.

Передовая армия Европы

Даже в развале французская армия оставалась передовой. Союзники по примеру Фридриха Великого шли в бой отдельными линиями-шеренгами. А французы вели тактику сомкнутых масс, колонн. По примеру американцев в борьбе за независимость они обрушивали на врага огонь сразу множества стрелков. Плотную колонну бессмысленно было атаковать линиями, она отбивала и атаки конницы.

Качество французской артиллерии тоже было выше союзной.

Новая французская армия

Полководцы союзников вели солдат в бой идеями долга.

Французы защищали Отечество – громадное преимущество с точки зрения духа войск.

Франция могла противопоставить врагу еще одну идею: революционной справедливости. Ее солдаты несли на штыках освобождение от феодализма, равенство, братство и свободу. У них была воодушевлявшая их идея. Они несли счастье всему человечеству!

Еще одно «ноу-хау» революционной Франции – единство офицеров и солдат. Всякий простой рядовой, какого бы происхождения он ни был, мог достичь любых, даже высших должностей в армии.

Ошибки и неудачи карались совершенно беспощадно, но был и шанс на продвижение. В ранце французского солдата лежал маршальский жезл. А в ранце прусского и австрийского – не лежал.

Было очевидно, что регулярная армия не выдержит удара. 23 августа 1793-го Конвент принял Декрет о мобилизации французской нации на борьбу с внешними врагами. В кратчайшие сроки создавались многочисленные формирования добровольцев-волонтеров. Эти полки несли в себе самопожертвование и порыв. Они были готовы

идти в огонь, не ожидая оружия и обуви. Но много ли они могли сделать без продовольствия, хорошего оружия, необученные и разутые?

Полуголодные, плохо одетые добровольцы все чаще пользовались предоставленным им законом правом и возвращались к родным очагам. К февралю от 400-тысячной армии осталось всего 228 тыс. человек. Ставка на революционную сознательность и патриотизм не оправдывалась, и 24 февраля 1793 года Конвент принял декрет о принудительном рекрутировании еще 300 тыс. человек.

Но что важно: 400 тысяч добровольцев – это 4–4,5% всего мужского населения Франции. Каждый двадцать пятый пошел воевать **ДОБРОВОЛЬНО**. А многие ли пруссаки и австрийцы пошли бы?

Наивные австрийцы

Французы пытались атаковать в Бельгии и почти сразу откатились. 1 августа 1792-го главные силы союзников под начальством герцога Брауншвейгского перешли через Рейн и стали сосредоточиваться между Кёльном и Майнцем. Французские эмигранты уверяли, что стоит союзникам вступить во Францию, как Франция восстанет против революционного меньшинства. Герцог решил идти прямо на Париж. Он издал грозную прокламацию, которая имела целью утешить французов. Но тут оказалось: французы герцога и его армии не испугались. Более того, вызывающий тон прокламации возбудил сильнейшее негодование. На пути войск союзников всякий, кто мог, взялся за оружие. Всего через 2 месяца численность французских войск опять превзошла 400 тысяч человек!

Союзники потом объясняли неуспех тем, что в Арденнах скверные дороги и мало продовольствия. Можно подумать, французские войска были сыты и шли по прекрасным дорогам.

20 сентября 1792-го произошла малозначительная сама по себе, но весьма важная по своим последствиям канонада при Вальми. Союзники остановились. Их войска занялись страшным мародерством и еще более восстановили против себя население.

А вот когда французы пошли в контрнаступление, выяснилось: их есть кому поддержать. Когда генерал де Кюстин разбил войска разных мелких германских владетелей и вошел в Пфальц, революционная партия в Майнце помогла ему овладеть этой крепостью.

Вообще война на Среднем и Верхнем Рейне шла с переменным успехом, и в 1793 году французы отошли. От полного разгрома их избавляло лишь отсутствие согласия в действиях противников и взаимное недоверие между австрийцами и пруссаками.

Но получалось: расчеты союзников на восстания французов не оправдались, а вот французы могли рассчитывать на помощь населения Германии.

Затяжная европейская война

1 февраля 1793 г., тотчас после казни Людовика XVI, Французская республика объявила войну Голландии и Британии. С этого времени Британия встала во главе союзников и очень помогала им субсидиями и частными экспедициями. С помощью своего флота наносила громадный вред колониям и торговле Франции.

Франция оказалась в плотном кольце вражеских войс. Как говорили позже большевики, «в огненном кольце фронтов».

В Нидерландах французы стали терпеть неудачи, завершившиеся 18 марта поражением при Неервиндене. В Альпах, на границе Италии, французы действовали успешно: во многом за счет помощи местного населения. Сардинцы, вступившие в Савойю, были разбиты при Альбаретте (20 сентября) и Вальмени (14 октября) и отступили, но не ушли и оружия не сложили. Война в Пиренеях с испанцами шла вяло, но скорее благоприятно для французов.

«Зато» контрреволюционная война в Вандее разгоралась, а Тулон на юге Франции отбили роялисты, и его заняли англичане и испанцы.

И все же уже в 1794 г. наметился перелом. 26 июня французы разгромили союзников при Флерюсе (или Флерюссе). После этого войска Конвента опять вошли в Бельгию, устранив навсегда вероятность завоевания Франции.

К концу 1794 года французы снова оккупировали Нидерланды и создали на месте этой страны новую Батавскую республику. Смысл не в перемене названия, а в том, что раз появляется новое государство, то и правительство у него новое. Батавская республика заключила союз с Францией. На Рейне на левом берегу реки в руках союзников оставался один лишь Майнц¹.

Благодаря устранению внешней опасности большинство депутатов Конвента и решились свергнуть диктатуру Робеспьера.

В Италии французские республиканцы дважды разбили австро-сардинские войска и вторглись в Пьемонт. Итальянцы их поддерживали. Тоскана заключила с Францией отдельный мир, которым обязывалась признать французскую республику и уплатить ей миллион франков.

В 1795 Испания и Пруссия вышли из коалиции союзников. Прусский король уступил Франции все свои зарейнские владения, а вся Северная Германия признавалась нейтральной.

Но в целом война шла затяжная, тяжелая, кровопролитная. Никто не мог добиться решающей победы. Все спорные города и страны по многу раз переходили из рук в руки.

Единственная страна, хоть что-то выигравшая от ведения военных действий, – это Британия. Британцы перевозили экспедиционные корпуса французских роялистов. Роялисты не могли победить республиканцев, но серьезно тревожили их. Британцы захватили часть владений Франции: Корсику и Тулон. Эти приобретения не были прочны – но стратегическая инициатива была у Британии. А самое главное, Британия захватила многие колонии Франции. А когда Батавская республика, бывшая Голландия, под давлением Франции объявила Британии войну, англичане захватили и ее колонии.

Трудно сказать, сколько еще продолжались бы эти, уже почти бессмысленные, войны, если бы не пришел Наполеон.

¹ Голицын Н.С. Всеобщая военная история новейших времен. Т. 1. – СПб, 1872–1878.

Часть II. ИМПЕРАТОР РЕСПУБЛИКИ ФРАНЦИЯ

Задумывают революции мудрецы, начинают их глупцы,
а результатами их пользуются подлецы.

Отто фон Бисмарк

Глава 1. СПАСИТЕЛЬ НАЦИИ

Убивал много людей, потому что был очень гениальный.

Граф Л.Н. Толстой

В 1794–1799 годах Франция представляла собой страшное зрелище. Погибло больше миллиона человек; большая часть из них – молодые мужчины, становой хребет нации. Экономика расстроена. Уровень жизни раза в два ниже, чем в королевское время. Часть страны просто перестала существовать: мертвые, обезлюдевшие деревни, где ветер стучит ставнями пустых домов, заросшие кустарником поля, сытые волки среди бела дня лежат посреди сельских дорог.

Противоборствующие политические силы готовы снова вцепиться друг другу в глотки, их удерживает только вооруженная сила правительства и страх вернуться к ужасам 1793–1794 гг. Во многих провинциях продолжается гражданская война.

Правительство? Директория – это правительство разжиревших за последние годы спекулянтов. Называли их «нувориши», то есть «новые богачи». В современной России не очень почетно название «новый русский». Правительство «новых французов». Представьте себе правительство России 1922 года, состоящее из нэпманов. Причем из трусливых нэпманов, боящихся порвать с ре-

волюционными традициями. Нэпманов, которые называют себя «комиссарами» и клянутся именами Дзержинского и Троцкого.

Так и нувориши послереволюционной Франции не ставались с «нивозным» календарем, с Пантеоном и другими революционными чудесами.

Если отменили максимум, не значит, что все проблемы сразу решились. Цены взлетели, подвоз продовольствия нерегулярный, Париж голодал. Уже на острове Святой Елены Наполеон вспоминал, как однажды на одной из улиц он и офицеры его штаба были остановлены большой толпой возбужденных женщин. С возгласами: «Хлеба! Хлеба!» они окружили плотной стеной офицеров. Одна из женщин, «чудовищно большая и толстая», обратилась с негодующей речью: «Вся эта свора в эполетах издевается над нами; они сами обжираются и жиреют, и им все равно, что бедные люди умирают с голоду». Бонапарт нашелся: «Мать, взгляни на меня хорошенько: кто из нас двоих более жирный?» В толпе раздался взрыв смеха: «Я был в то время тощим, как пергамент», – объяснял это Наполеон. Офицерам удалось пройти.

Эта несчастная голодная страна, живущая вне времени и собственной истории, все время воюет со всем окружающим миром. Страна, которой необходимо, во-первых, подвести итог большому периоду своей истории. Во-вторых, прагматично и жестко решить – куда идти дальше?

Эти задачи смог решить человек, который до конца своих дней говорил по-французски с акцентом. Его титулы выглядят так: генерал французской революционной армии, Первый консул Французской республики (с 1799 г.), император французов (18 мая 1804 г. – 11 апреля 1814 г., 12 марта 1815 г. – 22 июня 1815 г.), король Италии (с 1805 г.), протектор Рейнского союза (с 1806 г.).

При этом французом он себя никогда не считал.

Сын Корсики

Наполеоне Буонапарте родился 15 августа 1769 года в Аяччо, столице острова Корсика. Корсиканцы – особый народ, не итальянцы и не французы. Они говорят на языке,

который обычно считают диалектом итальянского; сами же корсиканцы о своем языке более высокого мнения.

Корсика же с 850 по 1034 г. находилась под властью мавров. Потом остров перешел под контроль Генуэзской республики.

В 1755 году Корсика свергла генуэзское господство и с этого времени фактически существовала как самостоятельное государство. Многие страны Европы фактически признавали корсиканскую независимость. Во главе стоял глава повстанческой армии, Паскуале Паоли. Паоли возглавил правительство, провел ряд реформ, основал университет. Отец Наполеона, адвокат Карло Буонапарте, был секретарем Паоли.

В 1768 году Генуэзская республика продала свои права на Корсику французскому королю Людовику XV. Корсиканцы не собирались идти под нового владыку, но в мае 1769 года в битве при Понтенуово французские войска разгромили корсиканских повстанцев. Паоли эмигрировал в Англию. Наполеон родился через 3 месяца после этих событий.

В 1789-м Паоли приехал в революционный Париж, получил полномочия и вернулся на Корсику. Но в 93-м Конвент обвинил его в предательстве. Тогда Паоли собрал совет-«консульту» и с согласия «консульты» передал остров Британии. Британия ничем не помогла. Не получив действенной поддержки, Паоли вновь отправился в изгнание. Умер Паскуале Паоли в Лондоне в 1807 году, когда его земляк Буонапарте, сын его секретаря, уже завоевал пол-Европы.

Карло Буонапарте был одним из составителей Конституции Корсики. Его аристократичная семья известна на острове с начала XVI века. После поражения корсиканцев Карло проявил ценное, хотя и не очень уважаемое качество – гибкость. Карло подчинился французской верховной власти. Он был на хорошем счету у оккупантов и занимал должность ассессора.

Наполеон был вторым из 13 детей Карло Буонапарте и Летиции Рамолино. Пятеро детей умерли в раннем возрасте, в семье Карло было 5 сыновей и 3 дочери. Перво-

начально дети учились в городской школе Аяччо, позже Наполеон и некоторые его братья и сестры обучались письму и математике у аббата. Особых успехов Наполеон достиг в математике.

Добрые оккупанты дали стипендии для двух старших сыновей Карло. В декабре 1778 г. Жозеф и Наполеоне покинули остров и были взяты в колледж в Отене. Главным образом учили их французскому языку. Наполеон был мало способен к языкам. Французский он выучил, но всю свою жизнь говорил с сильным акцентом. Немецкий он учил долго и старательно, но говорить на нем не мог. Уже став императором, Наполеон пожимал плечами: «Разве по-немецки можно понять хоть одно слово?!» Латынь он знал так плохо, что не был допущен к экзаменам.

На следующий год Наполеон поступил в кадетскую школу в Бриенне, а оттуда был переведен в Парижскую военную школу. Друзей в колледже у Наполеона не было, так как он происходил из не слишком богатой семьи. По-прежнему он шокировал учителей своим восхищением Паоли, Корсикой, неприязнью к Франции и к французам как поработителям Корсики. Он часто дрался в этот период и, судя по всему, оставался очень одинок. Друзей у Наполеона практически не было. Учился он в этот период превосходно, очень много читал, составляя обширные конспекты. Бонапарт проявлял необыкновенную работоспособность и трудолюбие. Да и развлечений у него ведь не было.

Писал Наполеон по-французски плохо, делал много ошибок, но любил читать. Его хвалили за стиль. Историю он знал хорошо. Больше всего Наполеона интересовали такие персонажи, как Александр Великий и Юлий Цезарь. Уже с того раннего времени Наполеон чрезвычайно много трудился и читал книги в различных областях знаний: путешествия, география, история, стратегия, тактика, артиллерийское дело, философия.

На выпускных экзаменах он 42-й на курсе. Типично, кстати, когда гении в школьные годы вовсе не считаются очень одаренными людьми: видимо, стандартные системы образования малоприспособлены для нестандартных людей.

1 сентября 1785 года Наполеоне выпущен из Парижской военной школы в армию в чине поручика, во 2-й артиллерийский полк Ла Фер. 10 апреля 1786 г. произведен в лейтенанты. В августе 1786 г. он впервые участвовал в «деле», и было это вовсе не генеральное сражение: подавление беспорядков в Лионе.

Буонапарте за 10 лет прошел всю иерархию чинопроизводства в армии тогдашней Франции и вовсе не сделал карьеры. И жил чрезвычайно бедно, питался дважды в день молоком и хлебом. Тем более, после смерти отца 14 февраля 1785 года Наполеон взял на себя роль главы семьи: с ним вместе жил его 11-летний брат Луи.

Наполеоне на русской службе?

Неудивительно, что Наполеоне не раз пытался найти себе службу получше. В 1788 году, в чине поручика, он пытался поступить на русскую службу: Российская империя набирала волонтеров для участия в войне с Турцией. Генерал-поручик Заборовский готов был принять энергичного корсиканца, но недавно вышел указ: при приеме на русскую службу иноземцев понижать их на чин. Приняли бы, но подпоручиком.

Наполеоне пришел в ярость. Выбежав от Заборовского, он громко крикнул, что предложит свои услуги королю Пруссии: «Мне король Пруссии даст чин капитана». Что характерно, Пруссии свои услуги он не предложил.

Иногда с умным видом говорят, что от таких случайностей и зависят судьбы всего мира. Мало вероятно. Не будь Наполеона, французскую революцию «прикрыл» бы кто-то другой. Забавно представлять себе войну французского императора X с русской армией, возглавленной русским генералиссимусом Наполеоном. Хотя вероятнее всего, в России Наполеон стал бы «только» одним из генералов: не случайно же Отечественная война потребовала русского главнокомандующего Кутузова.

А у Наполеоне, кстати, был и другой вариант устройства, даже получше России. Офицера французской королевской армии Буонапарте неудержимо тянуло на Корсику.

Корсиканский сепаратист

В 1788 г. он приезжает в отпуск на Корсику и разрабатывает проекты укреплений для обороны Сен-Флорана, Ламортиры и залива Аяччо. В августе 1789 г. он вновь просил отпуск и уехал на Корсику.

Революцию Наполеон встретил восторженно, в 1792 г. вступил в Якобинский клуб. В августе 1791 г. обратился с просьбой о переводе на Корсику. Отказали, и тогда он просит трехмесячный отпуск.

На Корсике Наполеон 22 февраля 1792 г. зачислен в состав Национальной гвардии в чине капитана. 1 апреля 1792 г. избран 2-м подполковником батальона волонтеров Аяччо.

В тот же день Наполеона исключают из списков французской армии: корсиканские волонтеры – сепаратисты. Это вовсе не дружественная армия. Но и на Корсике с Паоли начинаются трения: слишком восторженно отзывался Наполеон о революции во Франции. Тихое оливково-виноградное захолустье хочет независимости, но совершенно не хочет революций.

И вот тут рождается Наполеон, каким мы его знаем: сочетание великолепного специалиста и политического прагматика, чтобы не сказать – циника. Много говорили о связях Наполеона с местной мафией. Называли даже организации: «Братья из Аяччо» и «Друзья Свободной Корсики». Смутные литературные отзвуки этих слухов есть и у Конан Дойля в его «Приключениях бригадира Жерара»¹. Было? Не было? Во всяком случае известно, что Наполеон несколько раз делал странные назначения корсиканцев на хлебные интендантские должности. Радел соплеменникам? Может быть, и так, а может, и что-то большее.

Во всяком случае, в 1793 году Наполеоне Буонапарте дважды пытался захватить цитадель города Аяччо. После первого раза он бежит с Корсики один. Второй раз он пытается захватить крепость вместе с депутатом Народного собрания Аяччо Саличетти (который уж точно связан с

¹ Конан Дойль А. Как бригадир уничтожил братьев из Аяччо
Конан Дойль А. Собрание сочинений. Том 6. Подвиги бригадира Жерара. Приключения бригадира Жерара. – М., 2009.

тайными обществами). После этого приходится бежать не ему одному, а всей семье: Народное собрание объявило всю семью Буонапарте изменниками отечества.

Семья Буонапарте в полном составе бежит на юг Франции, в Тулон. Франция не мстит неудачливому сепаратисту, назначает Наполеона командиром береговой батареи в Ницце.

Но вот вопрос: а если бы Наполеон все же взял бы крепость Аяччо и стал бы диктатором Корсики? Вряд ли он отдал бы власть Паоли или Народному собранию, правил бы сам. А вот тогда какой вид могла бы принять история?

Тулон

В мае 1793 г. Тулон, куда собралось много недовольных роялистов, восстал против Конвента. Для усмирения белого восстания послали республиканскую армию под начальством генерала Карто.

Тогда тулонские роялисты отдались под защиту Великобритании. В конце августа 1793 г. они передали крейсировавшему в Средиземном море адмиралу Худу все форты, рейд и 46 судов. Худ признал законным королем Франции пребывавшего в заключении малолетнего Людовика XVII, но похоже, и приди Людовик к власти, не спешил бы отдать город, важный стратегический пункт. В Тулон прибыло до 19 тысяч английских и испанских войск, вместе с находившимися в нем роялистами гарнизон возрос до 25 тысяч.

Вошедший в состав Франции в 1481 году Тулон рос как военный порт, он постоянно строился и перестраивался. При Людовике XIV знаменитый военный инженер маркиз Во Бан возвел новые городские стены и защитил рейд системой фортификаций. Армия Конвента бессмысленно идет на штурм. Огонь артиллерии фортов и британских кораблей раз за разом отбрасывает армию Конвента. Тяжело ранен начальник осадной артиллерии республиканцев. Наполеона назначают на его место: просто некого больше. Случайность? Если и так, Наполеоне использовал случайность сполна. В этой случайности проявляется в первую очередь талант Наполеоне: он перестраивает артиллерию так, что артиллерия фортов и кораблей подавлена.

А Наполеоне лично принимает участие в атаке на важнейший форт Мальбуке (Мюльгрейв). Он получает штыковую рану, но скрывает это: создает миф о своей неуязвимости. Когда труп Наполеона будут обмывать, на нем найдут много следов ранений. Но ни одно из них при жизни он не упоминал. Неуязвим для пуль, и все тут!

После занятия фортов армией Конвента англичане 18 декабря 1794 г. уходят в открытое море. Город сдался, красные его сожгли и разграбили «в наказание».

Вот с этих пор никому не ведомый Наполеоне Буонапарте и начал делать стремительную карьеру. Что характерно – никакое восхищение Наполеоне революцией не помогло ему выдвинуться как демагогу и политикану. Сама по себе политическая карьера «патриота» в смутные дни – откровенно «не его». Как и обычная, повседневная служба: на ней он тоже не продвинулся, оставаясь почти 10 лет просто младшим офицером, одним из многих. Наполеон стремительно взлетел на своей профессиональной работе, но притом в обстановке чрезвычайной, исключительной. Особый человек – особые задачи. Но – профессиональные задачи. Не демагогия и не интриги в клубах.

22 декабря комиссары Конвента произвели 24-летнего Наполеона в бригадные генералы – нечто среднее между чинами полковника и генерал-майора.

С 26 декабря он уже инспектор береговых укреплений, составил проект обороны побережья от Тулона до Ментоны. 24 марта 1794 назначен начальником артиллерии Итальянской армии.

Для множества романтических карьеристов слово «Тулон» стало метафорически означать момент блестящего начала карьеры никому не ведомого молодого военачальника. Так про «свой Тулон» мечтает и герой Льва Толстого Андрей Болконский, когда со знаменем бежит на французов под Аустерлицем.

Политический перевертыш

Нет никаких оснований считать, что Наполеон воюет за Конвент вопреки своим убеждениям. Его поддерживают комиссары Конвента, покровительствует брат

Максимилиана Робеспьера, Огюстен, – для всей этой революционной компании Наполеоне однозначно «свой». Быть корсиканским сепаратистом не значит не быть революционером. Несостоявшийся диктатор Корсики занимает высокие должности в Итальянской армии. Карьеру прервал переворот 9 термидора и падение якобинской диктатуры. Наполеон очень уж близок с якобинцами! Его обвиняют в тайных сношениях с Робеспьером, арестовывают и заключают в форт Каре. Но уже через 13 дней освобождают и назначают в Западную армию, в Вандею. При этом Буонапарте переведен в пехоту – оскорбление для артиллериста.

И тогда Наполеон не поехал к месту назначения, а отправился в Париж: искать правды. За непослушание его даже исключают с действительной службы. Зато есть кому помочь! Всемогущий Баррас знает Наполеоне по Тулону и по Италии, приближает его к своей особе. Важны даже не официальные места. В революционных системах важнее «быть вхожим» в те или иные места, к влиятельным людям. Судя по всему, система «блата» Наполеоне не особенно симпатична, но пользоваться ею он умеет.

Баррас не ошибся в выборе: Наполеоне Буонапарте проявил и энергию, и активность при подавлении монархистского мятежа 13 вандемьера (5 октября 1795). Наполеоне презирует толпу, не уважает тех, кто не способен на точный расчет. Плохо организованная, еще хуже вооруженная толпа на улицах Парижа сметена огнем артиллерии. Симпатичны ли Наполеону убеждения этой толпы? Всю жизнь он метался между якобинством и монархизмом, а в своей собственной империи создал причудливый гибрид того и другого. Если роялисты ему и симпатичнее зажавшихся нэпманов-нуворишей, действует он вполне прагматично.

Менее года спустя, 9 марта 1796 г., Бонапарт женился на вдове казненного при якобинском терроре генерала, графа Богарне. Жозефина Богарне (1763–1814) родилась на острове Мартиника, где служил ее отец. В браке с виконтом Александром де Богарне она родила сына Евгения и дочь Гортензию. Александра убили якобинцы. Жозефину – просто не успели. Покровителем генераль-

ской вдовы сделался сам Баррас. Он и устроил ее судьбу через брак с мало известным тогда, только начинавшим Наполеоне.

Описывая эту пару, биографы обычно кидаются в одну из крайностей: одни толсто намекают, что брак с очень богатой Богарне устроил многие дела Наполеона. Другие упоенно описывают пикантные подробности брака: что Жозефина была старше супруга на 6 лет и при заключении брака «скинула» себе 4 года, а Наполеоне «прибавил» полтора. Или пишут о письмах Наполеона к жене: «Я еду, не мойся». В музее-квартире Наполеона и Жозефины в Париже показывают шест, который супруги использовали для изощренных занятий любовью.

Если же обойтись без подглядывания в замочную скважину, то увидим: «устроенная судьба» Жозефины переросла в очень близкие и теплые отношения. Если хотите, назовем их любовью. Наполеону бурная страсть не особенно мешала подумывать о разводе и новом браке с невестой, более «подходящей» для императора. К тому же детей у Жозефины больше не было, а Наполеоне хотел династию. Жозефина же все больше привязывалась к мужу. Чтобы убедить ее дать развод «для блага Франции», потребовались 2 года, наполненных бурными сценами и упорной борьбой за место в жизни Наполеона.

Впрочем, и после развода супруги переписывались, встречались. Жозефина хотела приехать к Наполеону на остров Эльба, но союзники ей запретили.

А дети Жозефины прочно вошли в семью Бонапартов. Евгений де Богарне носил титулы Его Императорского высочества, принца Франции. С 1805 года он – вице-король Италии, с 1810 г. – еще и великий герцог Франкфуртский.

От брака с принцессой Баварской имел двух сыновей и пятерых дочерей. Один из сыновей, Максимилиан Лейхтенбергский, был женат на Марии Николаевне, дочери императора Николая I Павловича.

Гортензия де Богарне стала женой голландского короля Людовика Бонапарта, родного брата Наполеона, и матерью французского императора Наполеона III. Ходили, впрочем, слухи (их активно распространял Виктор Гюго),

что Наполеон III – вовсе не сын своего титульного отца, брата Наполеона I. Вряд ли это правда, но основание для слухов было: супруги жили очень недружно. Наполеон I насильно поженил тех, кого считал нужным, а что они при том испытывали, было только их личное дело.

Во всяком случае, семьи Богарне и Наполеонов имеют общих потомков.

Жозефина умерла в 1814 году, в ее последней резиденции в Мальмезоне ее дети воздвигли ей памятник в 1822 г. Памятник сохранился.

А в 1796 году некоторые считали назначение Наполеона Бонапарте командующим Итальянской армией своего рода свадебным подарком Барраса... Или отступным любовнице, переданной другому.

Есть и другая версия: произведенный за подавление бунта в дивизионные генералы, назначенный главнокомандующим Внутренней армией, Наполеон сделался очень уж популярен в политических кругах. Баррас хотел удалить Наполеона из Парижа...

Итальянские походы

Наивные политики «в упор не видели»: армия может быть намного опаснее для них, чем любой, даже самый изощренный политический деятель. Наполеона отправили из Парижа подальше? Но воюющая армия – сила куда более грозная, чем внутренняя. А вот Наполеон это знает. И перевод в Итальянскую армию, свадебный подарок, принимает очень спокойно.

В Итальянской армии Наполеон сначала встречен старыми генералами осторожно, если не неприязненно: молодой выскочка, личный приятель влиятельных людей. Каков-то он будет в деле? Но кто-кто, а Наполеон умел утвердить свой авторитет. Во-первых, он был блестящим полководцем.

Австрийский генералитет феодальной, отсталой армии ничего не смог противопоставить молниеносным маневрам Наполеона. К тому же итальянцы с восторгом встречали французов: Наполеон избавлял их от австрийского владычества. Французы этнически и по языку, и по культуре

были ближе итальянцам, чем немцы. Во главе французов стоял «почти итальянец» Наполеон.

После целой серии побед: под Монтенотто, Лоди, Миланом, Кастильоне, Арколе, Риволи, Австрия потеряла все свои земли в Северной Италии.

Во-вторых, Наполеон был и прекрасным политиком. Он создал в Италии целый ряд новых государств. Началось с того, что в Неаполе провозгласили Партенопейскую республику. К 1798 году Франция была окружена союзными государствами: республиками Батавской, Цизальпинской, Римской, Партенопейской и Гельветической (на месте Швейцарии).

С папой римским Наполеон поступил так же, как с любым другим светским владыкой. Светская власть пап римских основывалась на подложном «Даре Константина»: якобы еще римский император Константин в IV веке подарил некие земли папам, наследникам апостола Петра. Но когда же Наполеон чтит традиции?! Власть пап ему мешала, он с ней боролся последовательно и жестко. Во время бунта, вспыхнувшего в Риме в конце 1797 г., был убит французский генерал Дюфо. Наполеон тут же занял Церковную область французскими войсками. 16 февраля 1798 г. «народ» в Риме провозгласил уничтожение папской власти и учреждение республиканского правления. Папа принужден был отказаться от своих прав светского владыки. Через несколько месяцев его отвезли пленником во Францию.

Позже Наполеон будет договариваться с папой и даже заключит Конкордат с церковью. Но начнет он с жесткого подчинения пап своей власти.

В результате политики Наполеона не просто двигалась и одерживала победы армия, но победы получали политическое выражение. Перекраивалась карта Европы, создавались новые государства с другим политическим строем.

Достижения Французской революции приходили к итальянцам, изменяя до полной неузнаваемости затхлое полуфеодальное общество. Рядовые итальянцы считали, что завоевания Наполеона не наносят им большого

вреда, а вот пользы от него больше, чем от собственных властителей. Военачальники феодальной Франции, даже гениальный маршал Во Бан, никогда не имели бы такого отношения.

В-третьих, Наполеон поставил на поток ограбление завоеванных стран.

Уже в 1796 г. герцоги Пармский и Моденский принуждены были заключить перемирие, купленное значительной суммой денег. С города Милана Наполеон тоже взял огромную контрибуцию.

Общей участи не избежал папа римский: и он заплатил 20 миллионов, да к тому же позволил французам увезти в Париж значительное число произведений старинного искусства.

В Италии у Наполеона появились свои деньги. Не деньги жены – а его собственные. И не только у него одного.

Вот только грабил он герцогов и купцов, а не простой народ, и это ему тоже помнили. В-четвертых, Наполеон прекрасно владел искусством пиара.

Бонапарт гораздо раньше и в гораздо большей степени, чем многие титулованные монархи, постиг значение агитации и пропаганды. Лишь только он принял командование армией Италии, он сразу издал знаменитую прокламацию от 26 марта 1796 года. В частности: «Солдаты! У вас нет ни сапог, ни мундиров, ни рубах. Вам не хватает хлеба, а наши склады пусты. Тем временем у врага все имеется в изобилии. От вас лишь зависит, чтобы все добыть. Вы хотите и можете это сделать. Итак, вперед!»

Пока Наполеон еще не император, а скромный генерал Директории. В этой роли он регулярно посылал членам Директории бюллетени – краткие справки о боях и походах.

7 октября 1796 года вышел первый бюллетень в виде печатной листовки: уже не для членов правительства, а для народа. Бюллетень был украшен профилем Бонапарта, увенчанного лавровым венком и императорским орлом, держащим в шпонах гром и пучок ликторских розог. Весь бюллетень состоял всего лишь из одиннадцати строк. Он вкратце описывал переправу через Рейн, окружение

австрийских войск, названия взятых городов. Простая форма и короткий текст с картинками помогали понять солдатам, в каких славных исторических событиях они только что участвовали. А обыватели видели, какие великие дела совершает армия под командованием Наполеона.

И эту, и все последующие прокламации, разумеется, широко распространяли среди солдат. Но, кроме того, Бонапарт быстро понял, насколько важна поддержка всего французского народа. Поэтому он принял все усилия для того, чтобы прокламации распространялись не только среди солдат, но и среди гражданского населения. Он добивался этого посредством публикаций газет, плакатов и листовок, передаваемых из рук в руки.

Первоначально Наполеон хотел издавать бюллетени регулярно: через восемь дней. Вскоре он решил, что лучше издавать их реже, но зато уделять больше внимания великим битвам и взятым городам. Быстро сформировалась целая серия бюллетеней Великой армии. В последующих походах в обозе армии шли целые походные типографии. Бюллетени уходили во Францию чуть ли не сразу после сражений.

Наполеон, как правило, сам диктовал тексты бюллетеней, а редактировали их секретарь или начальник штаба. Первые экземпляры бюллетеней печатались в полевых типографиях или типографиях ближайших к месту стоя городов. Зачастую у бюллетеней бывало несколько редакций, их печатали разными шрифтами. Затем бюллетени распространялись в войсках, причем младшие офицеры или сержанты читали их вслух перед строем рот. Раздавать бюллетени в виде листовок «на руки» не было принято из-за относительно небольшого их количества.

Затем наиболее удачные бюллетени переиздавали в виде плакатов, которые расклеивали на стенах по городам, прибавали к деревьям в деревнях. С самого начала Наполеон издал указ о перепечатывании бюллетеней государственными типографиями и официальными газетами. Причем не только в Париже или во всей Франции, но и во всех покоренных или зависимых странах.

Бюллетени трактовали исторические события настолько своеобразно, что в войсках скоро появилась поговорка: «Врет, как бюллетень». Но быть упомянутым в бюллетене считалось великой честью даже для генерала или маршала. А солдаты гордились, если бюллетень упоминал их дивизию или корпус.

Под конец Итальянского похода, 20 июля 1797 г., Наполеон основал даже «корпоративную» газету «Курьер Итальянской армии».

С тех пор в армиях под командованием Наполеона, а затем и во всей французской армии, полевые типографии печатали не только императорские прокламации и бюллетени, а и постоянную военную прессу.

Опыт оказался бесценным. Бюллетени выпускали и в кампаниях, которые вел уже Наполеон-Император: в 1805, 1806–1807, 1809, 1812 и даже 1813 гг.

В 1811 году Наполеон приказал Александру Бертье собрать все бюллетени предыдущих походов и издать их в виде книги. Тут уже речь шла не об информировании французов о победах Великой армии, а об укреплении легенды о победах и культа личности Наполеона Бонапарта.

Можно спорить, планировал ли Наполеон уже тогда, в Италии, свержение Директории и приход к власти? Подумывал ли он о том, чтобы сделаться новым императором, не хуже Людовиков? Скорее всего, первые мысли о свержении Директории у него возникли под конец Итальянского похода, после ряда блистательных побед. Сам он об этом не рассказывал, а больше спросить не у кого. Фактом является то, что после первых же побед Наполеон стал претендовать на самостоятельную роль.

Не менее важный факт: у него в руках оказался мощнейший аппарат пропаганды. Аппарат, который он сам придумал и создал! Этот аппарат повседневно делал из Наполеона живую легенду. И из него лично, и из тех солдат и офицеров, которые были верны Бонапарту и шли за ним. Пропаганда укрепляла связь Главнокомандующего и армии, она делала всех участников событий участниками одной пропагандистской легенды.

И благодаря победам, и благодаря пиару к концу Итальянского похода имя Бонапарта гремело по всей Европе.

Наполеон – кумир армии

Наполеон никогда не был демократом в том смысле, в каком это слово упоминается чаще всего: он не считал людей равными. У него хватало ума понимать, что если дать людям свободу, они очень быстро станут неравными – ни по положению в обществе, ни по имуществу.

Но он считал, что способности человека не зависят от места, где он родился, от сословия и от богатства. Свидетель великих потрясений, он скорее считал, что место в обществе и богатство должно следовать за талантливым и предприимчивым. В этом отношении военная косточка Бонапарт был очень аристократичен.

Действительно, есть много примеров того, что демократия не умеет оценивать людей, выделяющихся из толпы. Если все равны независимо ни от чего, если каждый равен другому без условий и оговорок, то какой смысл в заслугах, выдающихся особенностях и чертах характера? Они лишние, за них никаких дополнительных преимуществ не получишь. Они даже подозрительны, потому что разрушают иллюзию одинаковости.

Демократия волей-неволей помешана на деньгах. Это единственный вид неравенства, который она способна признать. И получается, что каждый сам себя может «выбрать» в верхи общества, разбогатев. А к любому другому неравенству демократия подозрительна.

Аристократическое сообщество, во-первых, выбирает себе членов. Можно самому стать миллионером, но никак нельзя самому стать генералом, крупным чиновником, архиереем или профессором. Для этого нужно потрудиться, и нужно, чтобы твою работу оценила верхушка аристократической системы.

Во-вторых, аристократия предъявляет жесткие требования к своим членам. Если ты не соответствуешь предъявляемым требованиям, ты не станешь генералом, профессором... жрецом Амона-Ра... нужное вставить.

Демократизм демократии определяется допуском каждого к обогащению.

Демократизм аристократической системы определяется допуском каждого к проявлению нужных качеств – и тем самым к карьере.

Корсиканский дворянин Наполеоне Боунапарте был глубоко аристократичен. Генерал Конвента и Директории Наполеон Бонапарт был глубоко демократичен. Он видел, как проявляют прекрасные качества люди самого скромного происхождения.

19 мая 1804 г. Наполеоновским кабинетом был опубликован декрет, которого ждала вся армия. 18 популярных генералов назначались маршалами Франции, причем четверо из них считались почетными, а остальные – действительными.

Всего маршалов за все время наполеоновских войн было 25 человек. Из них только 7 – выходцы из дворянства. Причем только племянник последнего польского короля Жозеф-Антуан (Юзеф-Антоний) Понятовский и Этьенн-Жак-Жозеф-Александр Макдональд входили в верхушку аристократии, и сделали бы карьеру в любом случае. Даву, Груши, Серюрье, Периньон, Мармон, скорее всего, остались бы офицерами и не вышли в генералитет.

Большинство – выходцы из горожан, причем если Сюше, Удино, Массена, Мортье, Виктор, Лефевр – из богатых, процветающих буржуа, то Сульт, Бессьер, Брюн, Монсей, Журдан – из тех, кого мы назвали бы интеллигенцией, дети адвокатов, врачей, нотариусов. А пятеро маршалов Наполеона (20%!!!), Ней, Мюрат, Лоран, Ланн, Ожеро – выходцы из городских низов. Пьер Ожеро (1757–1816) – сын лакея и до вербовки вел совершенно люмпенское существование. Вербовка в армию стала для него возможностью получить гарантированную еду и одежду.

Много говорилось о комплексе неполноценности неродовитого, незнатного Наполеона. Да, в сравнении с царствующими особами, с потомками участников Крестовых походов он выглядел неродовито, неказисто. Тем более в свете своих невероятных амбиций.

Но в феодальной системе всегда кто-то выше вас, а кто-то ниже. Наполеон – родовитый провинциальный дворянин, семья которого известна уже 250 лет. Из его маршалов он по происхождению ниже Понятовского и Макдональда, примерно равен остальным пяти дворянам, незначительно выше «дворянства мантии», но, конечно же, несравненно выше всех потомков буржуа. Для пяти люмпенов происхождение Наполеона – такое же поднебесье, как происхождение Людовика.

Получается – Наполеон достаточно типичный выдвиженец для своей армии. Пример для всех остальных. В армии Наполеона каждый реально мог сделать карьеру. Сделавший – такой же, как мы, только лучше. Ведь никто не мешал делать карьеру, это вам не королевская армия.

Наполеон – такой же, как мы. Выдвиженец, простой человек. Продвинулся, начиная с Тулона. Каждый может продвинуться. Даже в грабежах такой же. Откуда у него деньги? Оттуда же, откуда у нас всех. Выдвинулся – и остался солдатом. Живет просто, не бежит от опасности. В атаках – впереди, руководит войсками.

Наполеон – не из верхушки аристократии. Он демократичен и прост, он может разговаривать с любым, кто ему интересен, – в том числе с рядовыми артиллеристами или младшими офицерами. У него такая же еда. У него в походе нет особых одежд и особой мебели, обычная раскладная кровать.

Наполеон мог потрепать за ухо того, кто ему понравился, вызвал его одобрение. Жест не аристократический, не версальский.

А одновременно творился миф о Наполеоне – отце солдатам. Это не только миф, Наполеон и правда был заботливым, разумно-строгим, но и снисходительным начальником. Итальянская армия действительно обязана была Наполеону тем, что из толпы полурасдетых и голодных превратилась в организованную корпорацию сытых, одетых, обеспеченных. И тем не менее миф о Наполеоне – отце родном, и творился вполне сознательно.

Еще более важной частью культа личности Наполеона был миф о его исключительности. Наполеон прав – это

правители по праву рождения, Бурбоны и Гогенцоллерны, могли быть заурядными людьми и оставаться на тронах. Таковой, как он, был исключением в роли военачальника. Значит, он должен обладать исключительными дарованиями!

Наполеон – абсолютный гений войны. Наполеон не может проиграть сражения. Армия под командованием Наполеона – непобедима. Это почти соответствовало истине, но многократно обыгрывалось в пропаганде.

Наполеон неуязвим, его не берут пули – тоже часть мифа. В Италии, на Аркольском мосту, позже в войнах с Пруссией Наполеон не раз был легко ранен. И всегда скрывал свои ранения. Если ему и оказывали помощь, то тайно. Творилась легенда, культ личности.

Идеалы революции никто и не думал отменять. Солдаты несли на своих штыках Свободу, Равенство и Братство. Причем свободу от феодальных порядков они и правда несли. И при том солдаты все сильнее чувствовали себя членами корпорации, которая к ним справедлива, принадлежать к которой хорошо и правильно и в которой им воздается по достоинству.

На словах Наполеон всегда презрительно относился к человеческой жизни, к «пушечному мясу» солдат. Он откровенно говорил, что «...вырос на полях битвы. Такому человеку, как я, наплевать на жизнь миллиона людей!».

Тем не менее солдаты чувствовали, что ими интересуются, о них заботятся, у них есть Отец Родной, выросший до масштабов Главнокомандующего батяня-комбат.

Солдаты французской армии воевали под командованием исключительной, чуть ли не мистической личности. Они чувствовали связь своей личной судьбы с судьбой Наполеона Бонапарта. Он был выше и лучше любого другого генерала. Исключительнее и особеннее. Личность этого выдающегося человека бросала отблеск на армию и связывалась с армией. Армия все больше боготворила своего «маленького капрала» в неизменной треуголке и сером походном сюртуке.

Столетием позже другой человек, в другой стране сумеет вырастить аппарат, преданный лично ему, поддерживающий лично его и идущий лично за ним. С помощью это-

го аппарата Иосиф Виссарионович подомнет и уничтожит своих врагов, придет к неограниченной власти и станет диктатором СССР.

Так и Наполеон в Итальянском походе начал растить СВОЮ армию. Ту армию, которая пойдет лично за ним и поддержит лично его.

Египетская авантюра

До сих пор не очень понятно, почему Наполеона послали в Египет. Историки говорят о том, что французская буржуазия хотела таким способом конкурировать с английской, стремилась утвердить свое влияние в Азии и в Северной Африке. Говорят о геополитическом противостоянии Британии и Франции, о желании нанести болезненный удар в направлении Британской Индии. Еще говорят о том, что сам Наполеон охотно предложил себя в качестве Главнокомандующего Египетской армии. И совсем редко говорят о том, что правительство не прочь было отправить его подальше от Франции: слишком уж популярен, очень уж известен, чересчур любит его армия. Наверное, были все причины.

Египетская экспедиция 1798–1801 гг. была откровенной неудачей. Французская армия лихо громила турок, но для местных мусульман популярной и любимой не стала. Не Италия, британский флот разгромил французский при Абукире и отрезал французскую армию в Египте от Европы. Египет Наполеон захватил, но поход в Сирию оказался неудачен.

Тем не менее Египетская кампания сделала Наполеона еще более знаменитым. Что справедливо: он командовал не хуже, чем в Италии. Врагов он громил, власть Франции утверждал. Замечательные афоризмы, как при битве у пирамид: «Солдаты! Сорок веков смотрят на нас с этих гробниц!». И не худшее, при атаке арабской конницы: «Ослов и ученых на середину!»

Глава военной хунты

Пока Бонапарт воевал в Египте, кризис власти в Париже достиг своего апогея. Становилось очевидно, что

бездарная и невероятно коррумпированная Директория не способна обеспечить завоевания революции. Пока Наполеона не было в Италии, туда вошли русская и австрийская армии, которыми командовал Александр Суворов.

Суворов ликвидировал все итальянские приобретения Наполеона, скovyрнул республики-однодневки. Возникла реальная угроза русского вторжения во Францию. Увы, Римский-Корсаков был вовсе не Суворов, его операции в Швейцарии особого успеха не принесли.

Слухи обо всех этих ужасах достигли, конечно, и Египта. Это был повод, которым просто невозможно не воспользоваться. И спасать отечество надо, а то Суворов его завоюет, и в Египте уже все понятно, пусть лучше неизбежное поражение будет не на совести Наполеона. 22 августа 1799 г. Наполеон передал командование генералу Ж. Клеберу и самовольно покинул экспедиционную армию. Он вернулся в Париж в октябре 1799-го, когда кризис режима Директории достиг уже крайней степени.

Слабость Директории, ее постоянные колебания, вялость, трусливость, жадность заставляли французское общество искать «твердую власть» и «сильную руку». Какая же рука сильнее руки Наполеона? Кто же лучше него установит сильную власть? Тем более армия за ним. 9–10 ноября 1799 г. (18–19 брюмера VIII года Свободы, Равенства и Братства) Наполеон совершил типичный военный переворот.

То есть действовал он не один, а вместе с несколькими членами Директории. Только у политиков вооруженной силы не было, а у Наполеона – была.

Совершенно неожиданно Наполеон явился в зал Совета старейшин и заговорил об опасностях, грозящих республике, о необходимости защитить свободу и равенство. «А конституция?» перебил его один член. «Конституция! – воскликнул генерал. – Но вы ее нарушили 18 фрюктидора, вы ее нарушили 22 флореаля, вы ее нарушили 30 прериаля! Конституция! На нее ссылаются все партии, и она всеми партиями была нарушена; она более не может нас спасать, потому что ее никто более не уважает».

Наполеона сопровождали гренадеры. Депутаты стали ораторы: «Вне закона!» и вытолкали Наполеона; его буквально вынесли на руках гренадеры. И тут же вошел уже целый батальон гренaдер во главе с Мюратом. Солдаты наставили штыки на депутатов, те выпрыгивали в окна, а внизу их уже поджидали. Солдаты даже ловили падающих деятелей, никто не расшибся. Но всех отстранили от власти.

Назначили временное правительство из трех консулов – Бонапарта, Роже-Дюко, Сийеса. Новая конституция 22 фримера (13.12.1799) объявила Наполеона на 10 лет первым консулом, фактически диктатором страны.

– Революция закончилась! – произнес по этому поводу Наполеон.

Видимо, историки до сих пор слушаются Наполеона, потому что этот государственный переворот 18 брюмера (9 ноября 1799 г.) считается концом Французской революции.

С тех пор, кстати, он окончательно стал называть себя исключительно Наполеон Бонапарт. Без всякого корсиканско-итальянского акцента. Если о нем при дворах врагов Франции говорили как о Буонапарте, то было в этой форме имени и пренебрежение, и как бы отрицание его прав на престол: он же не француз! Он – «корсиканское чудовище».

По новой конституции, законодательная власть делилась между Государственным советом, Трибунатом, Законодательным корпусом и Сенатом. Классический принцип Наполеона – делить власть между многими учреждениями. Чтобы без него никак нельзя было обойтись.

А вот вертикаль исполнительной власти, напротив, собиралась в один кулак, и это был кулак первого консула, то есть лично Наполеона Бонапарта. Второй и третий консулы имели лишь совещательные голоса.

Эту совершенно тоталитарную систему Наполеон ввел вовсе не вопреки воле народа. Он провел плебисцит, и все имеющие право голоса высказались в пользу или против новой Конституции. «За» было около 3 миллионов голосов. «Против» – 1,5 тысячи. Так что народ был целиком и полностью за Наполеона и его власть.

Император

Позже Наполеон совершенно законно провел через сенат Декрет о пожизненности своих полномочий (1802). Франция быстро начала превращаться в монархию, даже внешне.

Наполеон поселился в Тюильрийском дворце, его окружал блестящий двор. Многие из бывших эмигрантов появились при этом дворе и в значительной степени содействовали возвращению в обществе старых монархических традиций и нравов. В законодательном корпусе был поставлен бюст Наполеона, а в «день Наполеона» (15 августа) везде в Париже засверкал его вензель.

Монархии своеобразные явления. При монархах всегда собираются люди блестящие и несколько консервативные. Так же точно и при дворе Наполеона, при самом прямом участии Жозефины, возник «кружок моралистов». Членам того кружка очень не нравились материалисты и вольнодумцы.

Либералам, материалистам и республиканцам сделалось во Франции неуютно. Вольтеру и Дидро в королевском государстве было вполне даже уютно. Ну, король накричит, самое большее, арестуют на две недели, а потом можно годами принимать картинные позы и рассказывать, как ужасно страдал в Бастилии, в компании избиваемого охраной маркиза де Сада. Тебе еще и посочувствуют. В отличие от Людовиков Наполеон шутить не любил.

Впрочем, и с ним обращались серьезнее. На французских королей после Генриха Наваррского не было ни одного покушения. А вот на Наполеона покушались много раз.

Враги были с обеих сторон: и либералы, и республиканцы, и роялисты, верные знамени Бурбонов. Заговорщиков охотно снабжала деньгами и оружием Британия.

Последний из важнейших заговоров сам по себе – важное историческое событие. Во главе этого роялистского заговора стоял граф д'Артуа, давно уже живший в эмиграции в Британии. Активное участие в заговоре приняли генералы – политэмигранты, Пишегрю и Дюмурье, втянув-

шие в него еще и республиканского генерала Моро. Пишгрю неосторожно приехал во Францию – нелегально, конечно. Исполнителем политического убийства склонили стать старого вождя вандейцев, Жоржа Кадудалья. Казалось бы, вандейцам-то что делить с Наполеоном?! Но для Кадудалья Наполеон был живым воплощением революции, якобинцем на троне.

Заговор даже не начали осуществлять. Полиция знала буквально о каждом шаге заговорщиков и мгновенно арестовала их. Они довольно откровенно рассказывали о своих планах, причем их не пытали и не пытались шантажировать амнистией.

Кадудаль и члены его группы были расстреляны. Пишгрю найден был в тюрьме, удавившимся собственным галстуком. До сих пор спорят, действительно ли это было самоубийство.

На допросах Кадудаль заявил, что в заговоре участвовали принцы королевского дома. Якобы герцог Энгийенский тайно пересекал границу и появлялся во Франции, был близок с Дюмурье. Так ли это, до сих пор не известно. Но Наполеон, судя по всему, решил преподать всем урок, какие длинные у него руки.

Молодой герцог Энгийенский в это время находился в великом герцогстве Баденском и жил на пенсию, получаемую от английского правительства. Отряд драгун пресек Рейн, 15 марта 1804 г. захватил герцога Энгийенского и доставил его в Страсбург, а потом в Венсенн.

На суде герцог категорически отрицал всякую прикосновенность к заговору на жизнь первого консула. Никаких доказательств его виновности не было, тем не менее судьи, повинувшись воле своего повелителя, приговорили его к смерти. В ту же ночь, во рву Венсеннского замка, молодой принц был расстрелян. Эта казнь невинного принца возмутила всю Европу, и как это ни странно, но именно эта пролитая кровь легла неизгладимым пятном на памяти Наполеона в глазах потомства, прощавшего ему потоки крови, пролитые им на полях битв. Жозефу Фуше приписывается фраза: «Это более чем преступление. Это ошибка».

Малоизвестный при жизни, герцог Энгийенский более известен своей смертью во рву Венсеннского замка. В 1816 г. останки герцога были перезахоронены в часовне Венсеннского замка. Отец и дед пережили смерть герцога, но род Конде пресекся навсегда.

А есть и такая версия, что никакого заговора вообще не было. Что Наполеон просто дал задание своей тайной полиции создать заговор из ничего, выдуть мыльный политический пузырь. Ему просто нужен был такой заговор, чтобы расправиться с несколькими врагами сразу.

И не только с врагами, с конкурентами. Генерала Жана Виктора Моро считали соперником Наполеона тоже очень популярен в армии. В 1800 г., на посту главнокомандующим Рейнской армией он одержал ряд блестящих побед над австрийцами и подошел к Вене на 75 км. Перепуганные австрийцы заключили с Моро перемирие, а потом уже с официальными представителями Франции – Люневильский мир. Армия охотно кричала: «Да здравствует Наполеон!» и «Да здравствует наш маленький капрал»! Но она охотно кричала «виват» и генералу Моро.

Моро судили, за связи с роялистами приговорили к тюремному заключению. Добрый Наполеон амнистировал Моро, заменил тюрьму изгнанием. Моро уехал в США, в Европу он вернулся только в 1813 г., по прямому приглашению императора Александра I.

Он играл видную роль в качестве советника союзников, часто встречался со всеми монархами. 27 августа 1813 года под Дрезденом Жан Моро был смертельно ранен ядром, когда он объезжал с большой группой офицеров передний край союзных войск.

Рассказывали, что Наполеон заметил группу людей в расшитых золотом мундирах. Вроде кто-то даже сказал императору, что в этой группе находится Моро. И тогда Наполеон дал приказ артиллеристам перенести огонь на эту группу генералов и высших офицеров.

Этот залп и стал для Моро роковым. Тело его погребено в католической церкви Святой Екатерины в Санкт-Петербурге.

Верить ли этой истории? Скорее всего, да. Во всяком случае, версию, что никакого заговора вообще не было, отстаивают многие историки, в том числе российские¹.

Это заговор не заговор на жизнь первого консула послужил предлогом для превращения его в императора.

Народ радовался неудаче заговора, а ему объяснили: смерть Наполеона угрожала всему государственному строю! Необходимо сделать верховную власть наследственной, это навсегда обезопасит французский народ от заговоров и от смут.

Все ссылались на революцию, свободу и равенство, которые должна была обеспечить наследственность верховной власти. Это последний случай потока революционной демагогии. В законодательных учреждениях был поднят вопрос о поднесении Наполеону императорского титула. Вроде как римский цезарь теперь Наполеоне Буонапарте у нас будет.

В особом комитете была составлена конституция (шесть с начала революции), получившая название органического сенатус-консульта XII года и доверившая республику императору. «Наполеон Бонапарт, первый консул Республики, является императором французов». Как ни ссылались законодатели на историю Рима, ни взывали к теням великих людей в тогах, а ведь не было в Риме ничего даже отдаленно похожего. Император республики – это уже интересно.

Наполеон и это решение отдал на плебисцит. Три с половиною миллионов голосов высказались за то, чтобы предоставить Наполеону права наследственного императора французов. Только 2,5 тысячи высказались против. Так что провозглашение Наполеона императором состоялось совершенно законно и с соблюдением всех демократических норм.

18 мая 1804 года Наполеона провозгласили императором. 2 декабря 1804 года Папа Римский Пий VII торжественно помазал Наполеона на императорский престол.

А тут еще такое вот дело. До сих пор в Европе было только две империи. Священная Римская империя герман-

¹ Пискунова Е.П. Приход к власти Наполеона Бонапарта и окончание Вандейской войны. Вестник ВолГУ. Серия 4. История – философия. Выпуск 1. – Волгоград, 1996.

ской нации. Рыхлое образование, в котором император играл роль скорее представительскую. Эта империя мыслила себя как продолжение Римской империи и империи Карла Великого VIII–IX веков.

Был еще император Российской империи, к Римской явно не имевший никакого отношения.

Теперь в Европе появился еще третий император, французский! Не к добру.

В трудное время возникли Консульство и Империя. Франция находилась в состоянии войны с Австрией и Англией. Новый итальянский поход Бонапарта (1800–1801) напоминал первый и по блистательности, и по результатам. Перейдя через Альпы, французская армия неожиданно появилась в Северной Италии. Население по-прежнему встречало ее восторженно. После битвы при Маренго (1800) и рейда Моро к воротам Вены всякая угроза французским границам была ликвидирована. Тем более к тому времени Суворов был отозван в Россию и умер в опале.

Жаль, но два этих великих полководца ни разу не встретились на поле боя.

Пропаганда Наполеона

«Брат мой, если подданные говорят, что король добр, – это означает, что царствование не удалось...» – писал Наполеон Жозефу, которого пристроил королем Голландии. Жозеф пытался оправдывать свои малые успехи тем, что зато он хороший человек, любимый народом.

Это при том, что народ Наполеона любил и Наполеоном восхищался. Культ личности Наполеона был ничем не слабее культа личности Сталина. Но считаться «добрым» Наполеон не хотел, он хотел быть великим, а для этого мало быть добрым.

Пропаганда периода революции сосредоточивалась на идеалах самой революции, на борьбе идеологического характера.

Пропаганда периода Консульства и Первой империи возвеличивала лишь одного человека – Наполеона Бонапарта и созданного им государства.

Творить такую легенду для Наполеона же не только выгодно, но и жизненно необходимо.

Наполеон прекрасно понимал, что в отличие от старых европейских династий, сидящих на тронах «божьей милостью» веками, он не легитимен. В июне 1813 года он заметил в разговоре с Клеменсом Меттернихом: «Ваши государи, рожденные на троне, не могут понять чувств, которые меня воодушевляют. Они возвращаются побежденными в свои столицы, и для них это все равно. А я солдат, мне нужна честь, слава, я не могу показаться униженным перед моим народом. Мне нужно оставаться великим, славным, вызывающим восхищение»¹.

Узаконить его власть могли только военные победы и поддержка всего французского народа, – а она в огромной степени зависела от этих побед. И от того, что знают об этих победах.

Прекрасно сознавая важность воздействия на общественное мнение, Наполеон закрыл 60 из 73 парижских газет, а остальные поставил под контроль своего правительства. Вскоре газет осталось всего 8, а печатать политические новости разрешалось только трем. Из этих трех главной была «Монитор».

Наполеон постоянно следил за тем, чтобы французские газеты перепечатывали передовицы и все статьи о войне, о внешней и внутренней политике из главной парижской газеты «Монитор».

На всех оккупированных территориях все газеты должны были поступать точно так же. При малейшей попытке вести собственную линию они немедленно закрывались.

Это была первая в мире система управляемой прессы.

Принципы пропаганды Наполеона были просты:

- постоянно «опускать» врагов;
- запаздывать с сообщением плохой новости или не сообщать вовсе;
- давать строго дозированную информацию.

¹ Тарле Е.Н. Наполеон. – М., 1956. С. 243.

До какой степени была выдрессирована им французская пресса, говорит хотя бы известный факт.

26 февраля 1815 года Наполеон бежал с острова Эльба и вскоре с отрядом в 1000 человек высадился во Франции. По мере его триумфального шествия по Парижу резко изменялся тон газет и отзывы о нем. Линия была примерно такая: в начале: «Корсиканское чудовище высадилось в залив Антиб». Через два дня: «Генерал Бонапарт подошел к Лиону». Еще через два дня: «Вчера Его Величество Император прибыл в свой дворец в Тюильри».

Естественно, пропаганде своего величия, могущества своей армии, справедливости ведущихся войн Наполеон уделял самое пристальное внимание. Как и шельмованию своих врагов. В изображении французской прессы все его противники и внутри страны, и за ее пределами выглядели личностями совершенно ничтожными, жалкими, недостойными.

Наполеон не ограничивался печатной пропагандой. Был разработан целый церемониал парадов и смотров. Каждое воскресенье во дворце Тюильри в Париже давался смотр гвардейским отрядам, с участием самого Наполеона и многотысячной толпы жителей французской столицы, посетителей со всей Франции и заграницы.

В иных смотрах или парадах участвовало по несколько десятков тысяч солдат. Так было по случаю награждения первыми крестами Почетного легиона в Булонском лагере, при вручении новых – уже императорских – знамен, императорской коронации в соборе Нотр-Дам в Париже, рождения Короля Рима и пр.

Начиная с 1806 года ежегодно 2 декабря праздновались очередные годовщины Аустерлицкого сражения; эта дата к тому же совпала с годовщиной императорской коронации. Военные церемонии, хотя рангом поменьше, давались и в дни рождения маршалов и генералов. Наполеон всячески поддерживал подобные традиции.

По личному приказу Наполеона лучшие художники Франции и Европы писали портреты самого Наполеона и его маршалов и генералов. По его заказу писались портреты многих выдающихся полководцев, которыми впослед-

ствии украшали императорские резиденции: Тюильри, Сен-Клу или Мальмезон, или государственные учреждения: Государственный совет, Сенат, Казначейство, министерства и пр.

По его же заказу писали батальные полотна, прославляющие эпизоды из наполеоновских кампаний. Так возникла впечатляющая картина Антуана-Жана Гро «Битва при Эйлау» с центральной сценой ухода хирургов Великой армии за ранеными – французскими и русскими. Сразу видно, какие они гуманные, эти французские врачи: оказывают помощь и врагам.

Кисти того же художника принадлежит и знаменитая картина «Наполеон в госпитале чумных в Яффе». На этой картине изображен штабной офицер, который с отвращением, не в силах вынести отвратительную вонь, отворачивает голову, прикрывая рот и нос платком. А Бонапарт, изображенный в центре полотна, бесстрашно протягивает свою руку одному из больных. Это полотно заняло особое место в истории военной пропаганды, так как оно должно было разоблачить английские обвинения в том, что Наполеон приказал расстрелять всех больных при отступлении из Яффы. На самом деле больных действительно расстреляли, но ведь зрители этого не знали.

Подобные картины в обязательном порядке выставлялись на Парижских салонах, где опять же их зрителями было в основном гражданское население.

Роль в деле пропаганды играли и знаменитые миниатюры из Эпиналя. В то время работало много артелей, которые выпускали лубочные гравюры на дереве, сюжетами которых стали Наполеон и его армия. Кроме наивных миниатюр, представляющих, в весьма фантастической обстановке, битвы у Пирамид или Аустерлица, там выпускались и гравюры иллюстраций к ставшим уже знаменитыми сериям «Наполеон и его солдаты», представляющим императора и его армию во всевозможных ситуациях. Эти гравюры широко поступали в продажу, особенно во время ярмарок, раздавались детям в награды за школьные успехи или мелким служащим за прилежную работу. Простолудины охотно покупали миниатюры и украшали ими

свои жилища, а это, в свою очередь, способствовало распространению легенды о Наполеоне и Великой армии.

Идеологическая пропаганда Наполеона внушала французам идею особой миссии Франции и непобедимости армии, ведомой императором. Так, поражения маршала Мессена в Испании в прессе выдавались за победы. Поражение в битве при Лейпциге трактовалось так, что становилось неясно, кто же все-таки победил.

Уже во время битвы при Ватерлоо, 18 июля 1815 года, явно проигрывая сражение, Наполеон все же в 3 часа дня отправил в Париж сообщение о полном разгроме английских войск. Опубликовать его не успели, потому что спустя два часа гвардия Наполеона побежала, поражение стало катастрофическим.

Как сильно воздействовала пропаганда на людей и какие фантастические представления о мире она сеяла, говорит хотя бы такой факт: уже после захвата Франции союзниками англичане были крайне удивлены. Оказалось, что французы даже не слышали о битве при Трафальгаре, в которой адмирал Нельсон разгромил французский флот. Им об этой битве решительно ничего не сообщили.

Монументальная пропаганда

В годы Французской революции 1789–1993 годов во Франции не построили ни одного долговечного сооружения. Это была эпоха временных построек, в основном деревянных, которые, конечно, просуществовали очень недолго. Эпоха использовала наработки прежнего, пытаясь их переосмыслить в «революционном» духе, но не создавала ничего своего.

На площади Бастилии, на руинах старой крепости, воздвигли павильон с надписью: «Здесь танцуют». Площадь Людовика XV была названа площадью Революции и обособлена триумфальными арками «в честь побед, одержанных над тиранией», статуями Свободы, фонтанами с эмблемами.

На месте конной статуи Людовика XV в центре площади установили гильотину.

В Париже появились скульптурные памятники «Возрожденная природа» и «Слава французского народа».

Архитектура Франции эпохи Наполеона I

А вот при Наполеоне Париж продолжали перестраивать, как это делалось при королях. При Наполеоне Париж серьезно перестроили. В круговерти кривых средневековых улочек прорубали новые широкие авеню, построили два моста. Средневековый, хаотично растущий город сделался хотя бы частично регулярным, построенным (вернее, перестроенным) по единому плану.

Важнейшая часть «правильного» города – огромная парадная площадь, основное назначение которой – напоминать о могуществе империи. Площадь Конкорд (Согласия) – прекрасный пример подобного имперского пространства.

Площадь Людовика XV (позже площадь Согласия) возведена в Париже в 1753–1775 гг. (Ж.А.Габриель). Наполеон ничего не перестроил на ней. Он только «украсил» площадь вывезенным из Луксора гигантским обелиском, прославляющим фараона Рамзеса II.

Теперь широкие проспекты связывали не «королевские» и не «революционные», а «имперские» сооружения: Лувр и Тюильри с площадью Согласия. Отсюда новый проспект Елисейские Поля вел к западной окраине города, на скрещении несколько ведущих в город дорог.

Улица Риволи (1801 г., Шарль Персье и П.Ф.Л. Фонтен), ведущая от площади Согласия к Лувру, была заполнена типовой застройкой.

При этом архитектурные формы приобрели особую пышность и торжественность, а масштабы строительства – грандиозный размах. Неоклассицизм времен Наполеона I получил название ампира (франц. *empire* – «империя»). Он должен был символизировать величие и могущество державы, созданной генералом Бонапартом.

Бонапарт стремился превратить Париж в эдакий «второй Рим», столицу громадной и чуть ли не вечной империи.

Приемы античного зодчества использованы в архитектуре Триумфальной арки, Биржи, церкви Мадлен, фонтана на площади Шатле.

Нередко античные памятники просто копировали. Триумфальная колонна на Вандомской площади (1806–1810 гг., архитекторы Жан Батист Лепер, Жақ Гондуэн) повторила форму Колонны императора Траяна.

Триумфальная арка на площади Карусель (1806–1807 гг., архитекторы Ш. Персье, П.Ф.Л. Фонтен) уменьшенная копия знаменитой Триумфальной арки императора Септимия Севера. До 1815 г. арку венчала бронзовая колесница Победы, увезенная с фасада собора Сан-Марко в Венеции.

Фонтан Победы на площади Шатле (1806–1808 гг., Ф.-Ж. Бралья (1750–1832), главный инженер службы водоснабжения Парижа) установлен в память побед, одержанных Наполеоном Бонапартом.

Фонтан Победы известен также как «Пальмовый фонтан». Построенная в 1806 году колонна украшена пальмовыми листьями, между которыми выбиты названия наполеоновских побед в Италии, Египте и Германии (Лоди, Пирамиды, Маренго, Ульм, Данциг). Венчает колонну богиня Победы, творение Луи Симона Буазо (1743–1809).

Монумент является характерным образцом наполеоновского ампира («стиля Империи»), сочетающего в себе черты классической архитектуры императорского Рима с вошедшими в моду египетскими мотивами.

Многие отмечают, что сталинские павильоны и фонтаны ВДНХ напоминают облик фонтана и его декор.

Громадьё планов императора, стремившегося превратить Париж в столицу мира, помешало их осуществлению. Некоторые монументы были закончены только в период Июльской монархии и Второй империи. Наполеону Бонапарту не хватило нескольких лет, Сталин оказался удачливее.

Такова и Триумфальная арка, которую строили с 1806 по 1836 год, или арка Звезды (от ее подножия отходит 12 улиц).

Эту арку после Аустерлицкого сражения в 1806 году Бонапарт распорядился соорудить на парижском холме Шайо в честь военных побед, одержанных Францией. 50-мет-

ровый памятник воинской доблести строился 30 лет по проекту архитектора Шальгрена. Арку окружают сто гранитных тумб (в честь «ста дней» правления Наполеона), соединенных между собой чугунными цепями.

Получается: Наполеон Бонапарт строил столицу СВОЕЙ империи. И одновременно продолжал традицию эпохи Просвещения. Его империя опиралась на эту традицию, была воплощением Разума, и это давало моральное право «нести Просвещение» всем остальным народам Европы.

Амбиции и их отражение

Вполне очевидно, что по крайней мере в одном отношении Наполеон был продолжателем королевской Франции: он продолжает рассматривать Францию как культурного лидера Европы. Вся его архитектурная политика – это визуализированная претензия на лидерство в Просвещении.

Его Империя – логическое развитие идей этого лидерства: Франция, по его представлениям, на штыках его солдат несет Европе свет Просвещения. Напомню, что в обоях Великой армии, вторгшейся в Российскую империю в 1812 году, везли два изваяния Наполеона в тоге и венке римского императора, со свитком в руках: символ Наполеона, дающего России свободу (предполагался манифест об упразднении в России крепостного права).

Наполеон с его политикой – только продолжение тех амбиций, которые вынашивались Францией с 1648 года. Если бы во Франции сохранялась королевская власть, война за лидерство в Европе тоже была бы неизбежна – вопрос, когда именно и в каких формах.

Возможно, без революции 1789–1794 годов и без порожденного ею Наполеона войны начались бы не в 1792 г. и были бы менее грандиозными по продолжительности и масштабу. Но и только.

Реальная политика Наполеона

Какое бы значение Наполеон ни придавал пропаганде и созданию своего культа личности, его политика стояла на четырех «китах»:

1. Сохранение результатов революции.
2. Создание правового государства.
3. Подъем экономики.
4. Имперская политика.

«Могильщик революции»

Наполеона упрекают в том, что он стал «могильщиком революции». Действительно, от утопической части революции он последовательно отделялся.

Не успев стать императором, он прекратил демагогические вопли об опасностях, угрожающих революции и народу, о врагах и заговорщиках. С 1 января 1806 г. он отменил «революционный» календарь.

Наполеон восстановил отношения с церковью. Хотя и на совершенно других основаниях. «Общество, – говорит он, – не может существовать без неравенства имущества, а неравенство имущества не может существовать без религии. Голодный человек не мог бы терпеливо переносить того, что рядом с ним другой утопает в излишестве, если б не существовало власти, говорящей ему, что так угодно Богу».

Прагматический подход, в котором Наполеон очень походил на Вольтера с его «если бы Бога не было, его следовало бы выдумать». Если теория мироздания Лапласа, в которой не было места Богу, его и не устраивала, то именно потому, что Бог нужен был ему для управления.

Он всегда был на стороне положительных, установленных вероисповеданий, видя в них нечто вроде «прививки оспы, удовлетворяющей стремление человека к чудесному и гарантирующей его от шарлатанов». Он говорил: «Попы лучше, чем Калиостро, Канты и все немецкие фантазеры!» Заметим – философ Кант был для него ничем не лучше, чем авантюрист Калиостро, объявлявший самого себя вечным, бессмертным и «волшебным» существом.

Но сам Наполеон отнюдь не был религиозен. Он даже прямо заявлял: «Я – никто! Я был мусульманином в Египте, а здесь я буду католиком для блага народа. Я не верю в религии!»

Святая правда: Наполеон говорил республиканцам, что враги французской свободы – это роялизм, феодализм и религия.

А в первый же год своего консульства, в речи, сказанной перед миланским духовенством, он уже говорил, что, по его мнению, католическая религия одна только в состоянии доставить настоящее благополучие правильно устроенному обществу и утвердить основы хорошего правительства.

Он высказался при этом и против философии XVIII века, и против революции, преследовавшей католицизм, и заявил, что ни одно общество не может существовать без морали, а хорошая мораль невозможна без религии!

В его представлении религия и государство должны быть тесно связаны между собой. Но эту связь представлял совсем не как Людовики. Для тех папа римский был не ниже королей, его власть существовала параллельно с королевской.

Наполеон же таких вещей не терпел. Он превратил католическое духовенство во Франции в своего рода «священную жандармерию», часть государственного механизма. Он даже сам издал «органические статьи католического культа». А когда он сделался императором, то по его приказанию был составлен для школ новый катехизис, в котором власть императора возводилась почти в степень религиозного догмата.

В катехизисе, составленном тогда с одобрения кардинала-легата Капрера для употребления во всех церквях французского государства, был такой вопрос: «Какие особенные обязанности наши относительно императора нашего Наполеона I?»

В перечислении обязанностей находятся и военная служба, и горячие молитвы о его здоровье. «Почему обязаны мы исполнять эти обязанности относительно нашего государя?» – «Потому что Бог в высшей степени милосерден к нему в мире и войне и, создав его по своему подобию на земле, поставил его правителем у нас. Потому, если мы уважаем и служим императору, то мы чтим и служим самому Богу!» «Нет ли особенных побудительных причин,

по которым мы должны усилить свою преданность нашему императору Наполеону?» – «Да, потому что он тот, которому в тяжелых обстоятельствах Бог дал прозреть и восстановить святую религию отцов наших».

Такой вот катехизис. Остается согласиться с крупным германским историком: «С нахальным лицемерием пустил он в дело религию для своих целей: он, который ежедневно попирали ногами божественные и человеческие права. Ту самую религию, которую он поносил и от которой отрекался на берегах Нила, когда ему нужно было прикинуться магометанином! В этой душе тирана все было делом расчета, самолюбия, лжи и своекорыстия»¹.

Наполеон не верил в пользу политической демократии. На его глазах именем политической свободы и равенства совершалось столько преступлений, что и более упертый человек мог бы в них усомниться. К тому же для чего провозглашались утопические идеалы? Наполеон считал, что эти идеалы выдвигались теми, кто хочет прийти к власти. Каждый, кто добивался власти, вел себя как обладатель абсолютной истины и брал свободу только для себя и для кучки единомышленников и приспешников. А свободу всех остальных давил.

Такой хитрый лозунг, манипуляция властолюбцев. Опыт подтверждал это мнение: Наполеон давал должности властолюбивым республиканцам, и они служили ему не хуже монархистов. Значит, дело вовсе не в идеалах.

Причины революции он видел в несправедливости социального строя, в неравенстве подданных короля. А вот в стремление к демократии – не верил.

При Наполеоне Франция опять стала монархией. Всякое местное самоуправление отсутствовало или вообще было подавлено. При Людовиках существовали различные выборные учреждения. Королевская Франция в этом смысле была более демократическим государством, чем Империя Наполеона.

Что, и правда «могильщик революции»? Не торопитесь... Не так много он похоронил, как казалось.

¹ *Егер О.* Всемирная история. В 4 тт. Том третий. – СПб., 1897.

«Робеспьер на коне»

Пропаганда всячески заверяла, что империя Наполеона не имеет ничего общего с монархией Людовиков. И в этом она лгала мало – Наполеон действительно строил совершенно другое государство, основанное на совершенно других принципах.

Людовики правили феодальной страной, население которой было жестко разделено на сословия. Если понимать демократию как право избирать и быть избранным, то в королевской Франции демократии было больше, чем у Наполеона. Но почему непременно надо понимать демократию так узко?

Демократия – это еще и гарантированные права отдельного человека. Это и возможность изменять свою жизнь, свое место в обществе, свободно владеть имуществом, распоряжаться доходами. И по всем этим параметрам империя Наполеона была намного более демократичной, чем королевская Франция.

Однажды он заявил: «Свобода может быть потребностью лишь весьма малочисленного класса людей, от природы одаренного более высокими способностями, чем масса, но потому-то свободу и можно безнаказанно подавлять, тогда как равенство нравится именно массе»...

Наполеон считал важным приобретением революции вовсе не политическую свободу, а гражданское равенство, которое могло существовать и под властью самого авторитарного правительства. Такое равенство, без сословий и без наследственных привилегий, действительно было политическим идеалом громадного большинства французов.

Наполеон вполне искренне считал себя народным избранником, а свое правительство – выразителем интересов народа.

В первый же год консульства, в заседании государственного совета, он говорил следующее: «Моя политика состоит в том, чтобы управлять так, как того хочет большинство нации. Превратившись в католика, я кончил ван-дейскую войну, сделавшись мусульманином, я утвердился

в Египте, а ставши ультрамонтаном¹, я привлек на свою сторону духовенство в Италии. Если бы я управлял народом, состоящим главным образом из евреев, я бы восстановил храм Соломона. По той же причине я буду говорить о свободе в свободной части Санто-Доминго, но я утвержу рабство в Иль де-Франсе или в другой части Санто-Доминго, оставив за собой право смягчить и ограничить невольничество там, где я его удержу, и, наоборот, восстановить порядок и поддержать дисциплину там, где я его отменю. В этом, по-моему, и заключается принцип народного верховенства».

Здесь Наполеон откровенно произносит формулу тоталитарного государства. Авторитарный правитель запрещает критиковать власть и расстреливает явных врагов – но он вовсе не считает себя единым с народом. Генерал Франко вовсе не считал свой режим воплощением народного духа. А вот Сталин считал. «Народ – это я», – говаривал Людовик XIV. А Сталин так не говорил, Сталин так чувствовал. И подписывая смертные приговоры десяткам тысяч людей, и приказывая строить города среди тайги, и возглавляя ближайших советников, и в толпе восторженных «ходовоков» он ощущал себя живым представителем народных масс.

Наполеон тоже считал себя «слугой народа», пусть и с особыми полномочиями. Укрепляя свою личную власть, он укреплял государство, а тем самым укреплял и народ.

Наполеон провел административную реформу, создавая «вертикаль власти». Он назначал подотчетных правительству префектов департаментов и супрефектов округов, а в города и деревни назначались мэры. Критика власти запрещалась и каралась. Были созданы мощная полиция и разветвленные тайные службы, конкурировавшие между собой.

¹ Ультрамонтанство – популярнейшее течение в политике Италии, отстаивавшее верховную светскую власть пап над светскими государствами Европы. Обозначение наиболее ортодоксального, наиболее последовательного направления клерикализма и «папизма».

Сам термин *papa ultramontano* (буквально «папа из-за гор») возник не позднее XIII века и первоначально обозначал папу, избранного не из итальянцев, а из иной страны – *papa ultramontano*.

Наполеон только на словах мог быть ультрамонтаном, в реальной политике он лишал пап всякой светской власти.

Громадная армия включала до 8% всего населения страны, 20% мужского населения. Бесперывные войны, конечно, сами собой выдвигали армию на первый план. Но и Наполеон делал все, чтобы привязать к себе солдат, офицеров и генералов, сделать армию важным инструментом своей политики. Повышение офицеров происходило необыкновенно быстро, и вообще военная карьера была самой выгодной в материальном отношении. Офицеры получали, кроме большого жалованья, денежные награды и имения в завоеванных странах. Они реально могли получить титул барона, князя или герцога. Денег это не приносило, но тщеславию льстило.

Наполеон и в среде гражданских людей старался привнести военный дух безусловного повиновения. Потому что сам был военным, и ему так было комфортно? Возможно. Но вряд ли только поэтому. В тоталитарном государстве большой соблазн провести принципы военного повиновения и казарменной дисциплины и в управлении государством.

К тому же Наполеон очень боялся ослабить власть, выпустить из рук вожжи, даже показаться слабее, чем он был раньше. Множество раз и по разным поводам возвращался он к мысли: только старые династии могут безнаказанно заигрывать с народом. Он же – выскочка, парвеню, нувориш, не имеющий никаких прав, кроме личных заслуг.

Известный химик Шанталь был при Наполеоне членом государственного совета. У них сложились доверительные отношения, и Наполеон как-то сказал Шанталю: «Моя империя разрушится, как только я перестану быть страшным... И внутри и вне я царствую в силу внушаемого мной страха. Если бы я оставил эту систему, то меня не замедлили бы низложить с престола. Вот каково мое положение и каковы мотивы моего поведения!»

Но это была политика укрепления личной власти Наполеона как гарантии сохранения результатов революции: гражданских прав, прав собственности на землю крестьян, а также тех, кто купил во время революции национальные имущества, то есть конфискованные земли эмигрантов и церкви.

Обеспечить все эти завоевания должен был Гражданский кодекс (1804), вошедший в историю как Кодекс Наполеона.

Сегодня трудно даже представить себе, какое революционизирующее значение играл этот Кодекс, утверждавший равенство всех пред законом и неизбежность частной собственности. Мы настолько привыкли, что так оно и есть и должно быть, что забыли – так было не всегда.

«Неважно, кто приходит к вам за справедливостью. Закон одинаков для всех, какое бы место в обществе он ни занимал и каков бы ни был его доход», – напутствовал Наполеон юристов.

Экономическая политика режима была направлена на развитие промышленности и торговли; в 1800 г. был основан Французский банк для хранения золотого запаса и эмиссии бумажных денег. До 1936 года в систему управления Французским банком, созданную Наполеоном, не вносилось серьезных изменений: управляющий и его заместители назначались правительством, а решения принимались совместно с 15 членами правления из акционеров – так гарантировался баланс между интересами общественными и частными.

28 марта 1803 года были ликвидированы бумажные деньги: денежной единицей становится франк, равный пятиграммовой серебряной монете и поделенный на 100 сантимов. Для централизации системы сбора налогов были созданы Управление прямого налогообложения и Дирекция сведенного налогообложения (косвенных налогов).

Приняв государство с плачевным финансовым состоянием, Наполеон ввел жесткую экономию во всех сферах. Нормальное функционирование финансовой системы было обеспечено созданием двух конкурирующих министерств: финансов и казначейства. Их возглавляли выдающиеся финансисты того времени Годен и Молльен.

Министр финансов отвечал за поступления в бюджет, министр казначейства давал подробный отчет о расходовании средств, его деятельность проверялась Счетной палатой из 100 государственных служащих. Она контролировала расходы государства, но не выносила суждения об их целесообразности.

В материальном отношении Франция начала процветать; промышленность быстро развивалась, и даже сельское хозяйство начало подниматься. Торговля увеличилась, потому что улучшились пути сообщения. Наполеон не жалел на это денег и с беспощадной энергией боролся с хищничеством. Он сам просматривал расходы министров каждую неделю и оглашал их отчеты. В сущности, как министры, так и все чиновники были его слепыми орудиями, и он даже в походной палатке просматривал все министерские бумаги, неусыпно следя за всем.

Особо покровительствовал Наполеон промышленности, потому что в ее развитии он видел средство укрепления государства.

Наполеон создал систему средних школ – лицеев, готовящих к поступлению в вузы, и высшие учебные заведения – Нормальную и Политехническую школы. Это до сих пор самые престижные вузы во Франции.

Административные и правовые нововведения Наполеона заложили основу современного государства, многие из них действуют и по сей день.

Пережил его и орден Почетного легиона, ставший «лицом» национальной наградной системы и одним из известнейших орденов мира.

Конвент отменил все королевские награды как атрибуты монархии. Первый консул Франции Наполеон Бонапарт 4 мая 1802 г. принял решение об учреждении Почетного легиона. Днем его установления стало 19 мая 1802 г. (29 флореаля X года). Республиканцы кричали Наполеону, что в республиках такие игрушки не нужны. Он же ответил: «Вы называете это игрушками? Так знайте же, что при помощи этих игрушек можно вести за собой людей!»

Орден Почетного легиона был призван объединить в своих рядах достойнейших граждан, как военных, так и гражданских, оказавших значительные услуги республике. Вскоре ленточка Почетного легиона сделалась целью великого множества французов.

Первое вручение орденских знаков состоялось 15 июля 1804 г., и награды получили приблизительно 5000 человек, второе массовое награждение (около 2000 человек)

произошло 16 августа. Среди первых награжденных было всего 12 гражданских лиц.

Я не смог выяснить, кто первым назвал Наполеона «Робеспьер на коне». Во всяком случае, он этого вполне заслуживал.

Популярнейший правитель

После развала эпохи Революции утвердился жесткий порядок.

После развала экономики, голода, нищеты и роста цен – стабильный подъем.

После развала нормального общества и войны всех против всех – гражданское согласие и созидательная работа.

После неопределенности и произвола партий и отдельных лиц – законность и безопасные дороги, твердо установленные правила игры.

В глазах французов Наполеон не погубил, а упрочивал социальные приобретения революции, укрепил внутреннюю организацию государства, обеспечил гражданское равенство, свободное распоряжение собственностью и равенство перед законом. Он выглядел спасителем революции и ее наследником, и это укрепляло его положение среди народа.

Одновременно Наполеон был продолжателем старой традиционной монархии, сторонником традиционных ценностей, расширителем пределов государства, поднявшим Францию на неизмеримую высоту.

В стране была оппозиция роялистов, которые ненавидели Наполеона именно за то, что он – «Робеспьер на коне». Была интеллигенция, ненавидевшая его именно за то, что он равнодушен к идеологии и возвышает людей по реальным заслугам, а не по количеству сказанного.

Для госпожи де Сталь Наполеон был узурпатором и первым из контрреволюционеров. Но много ли таких было? Несколько сотен, максимум несколько тысяч на всю Францию.

Наполеон самый популярный правитель Франции за всю ее историю. Ни один король прежних времен и ни

один президент позднейших не были так милы народу, как Наполеон. Никого так не любили при жизни, никого так не помнили после смерти.

За все годы своего правления Наполеон совершил только один непопулярный поступок: развелся с первой женой Жозефиной, от которой не имел детей, и женился на дочери австрийского императора Марии-Луизе (1810). Наследник престола родился (1811), знаменитый Орленок, но австрийский брак императора был крайне непопулярен во Франции.

Мария-Луиза еще дважды выходила замуж, имела несколько детей. Ее вполне бесцветная жизнь окончилась в 1847 году в возрасте 56 лет.

Наполеон Франсуа Жозеф Шарль Бонапарт, сын Наполеона, прожил короткую жизнь фактически пленником австрийского двора. Он умер от туберкулеза совсем молодым в 1832 году. Как говорили романтики, «Орленок не успел расправить крылья». Считалось, что парень не может быть не привержен «великим деяниям» отца и не стремиться к абсолютной власти. Австрийцы очень боялись, что «герцог Рейхенштадтский» станет знаменем бонапартистов и вождем революции. Каков на самом деле был Орленок и насколько обоснованны были опасения австрийского двора, мы, наверное, до конца никогда не узнаем.

Его двоюродный брат принц Луи Наполеон пришел к власти в 1852 г. и провозгласил себя императором Наполеоном III. Фактически он признал Наполеона Франсуа Жозефа Шарля Бонапарта главой династии и не правившим Наполеоном II. Сам он оказывался как бы третьим в династии и наследником Орленка.

В 1940 г. по приказу Адольфа Гитлера останки герцога Рейхштадтского были перенесены в оккупированный Париж и погребены в Доме инвалидов рядом с гробницей отца. При этом сердце покойного, хранившееся, по тогдашнему обычаю, отдельно, осталось в Вене. Это случилось ровно через 100 лет после перенесения праха Наполеона I с острова Святой Елены в Париж. Символично, хотя и не очень понятно. Хорошо ровно то, что папа и сын лежат рядом.

Французский Сталин

Бонапарт – классический пример военного диктатора. В русской революции самым близким аналогом ему всегда считался Михаил Фрунзе. Аналогия понятна: самый талантливый из выдвинувшихся в Гражданскую войну военачальников, лично отважный, умный, харизматичный. Даже некое внешнее сходство иногда ухитрялись находить.

Гибель Фрунзе чаще всего считают следствием страха Сталина перед талантливым и популярным военным. Белая эмиграция до самого последнего времени ждала «русского Наполеона» именно из среды военных. Ждали неведомого пока «командарма Пилипчука» – вот он сделает в Красной Армии карьеру и прихлопнет советскую власть! При нем, «командарме Пилипчуке», белые смогут вернуться в Россию и будут служить диктатору вместе с красными, которые окажутся на это способны.

На роль «командарма Пилипчука» виделся и А.А. Власов, и маршал Жуков, и даже генерал Лебедь. В белом журнале «Посев» в 1992–1995 годах всерьез обсуждалось, не станет ли Александр Лебедь «русским Бонапартом». Сильна же была сила аналогий!

Тем не менее ни один из «признанных Пилипчуком» на его роль не «потянул». Как россияне XVI–XVIII веков жаждали «истинного» царя, так наша эмиграция пыталась узнать «правильного» Пилипчука. Национальные традиции неистребимы...

А ведь намного больше аналогий с Бонапартом вызывает не Фрунзе и тем более не глубоко советские люди, Власов и Жуков. А Иосиф Виссарионович Сталин. Судите сами.

Сталин человек с южной периферии Российской империи. Отношение к «кавказским национальностям» в России очень напоминает отношение европейцев к итальянцам, корсиканцам, сицилийцам, каталонцам... К южанам. В компьютерных игрушках «про мафию» выводится такой вечно небритый человек в кепке-«аэродроме», до смешного похожий на стереотипное «лицо кавказской национальности».

Сталин до конца своих дней говорил по-русски с заметным акцентом. Он не был грузинским националистом, но к «своим» явно благоволил. После Второй мировой войны в Белоруссии налоги повысили втрое – последствия войны. А в Грузии налоги ПОНИЗИЛИ втрое и по той же причине – чтоб страна быстрее поднялась.

Сталин уничтожил большевиков «ленинского призыва» – в точности, как Наполеон уничтожил французских якобинцев. Революционеры, умевшие только разрушать, при Сталине и Наполеоне чувствовали себя очень неуютно.

Общее даже в том, что изначально Сталин был уголовником и попал в партию большевиков как организатор ограбления банков. Но, человек очень прагматичный, революционного идеологического дурмана не одобрял и революционеров, придя к власти, уничтожал.

Наполеон в молодости готов был идти на контакт с организованной преступностью того времени, корсиканской мафией. Тем более с якобинцами. Но и ему «революционная идейность» была глубоко неприятна и, судя по всему, не очень понятна.

Обычному человеку трудно понять равнодушие Сталина к собственным детям, по крайней мере спокойно-прохладное к ним отношение.

Но и Наполеон, по-южному любивший родственников, опиравшийся на братьев, племянников и пасынков, обожавший поздно родившегося «законного наследника», ставил семейные узы далеко не на первое место.

Когда Наполеону сказали, что после его смерти невозможно будет управлять такой громадной империей, которую он создал своими завоеваниями, то он ответил: «Если мой преемник будет глуп, то тем хуже для него!»

Он очень любил сына и на острове Эльба любил рассматривать его портрет. Но когда они расстались, мальчику было 3 года.

Интересно, а как бы он повел себя, если бы остался у власти, Орленок вырос и оказался бы совершенно не способен править? Или увлекся бы ботаникой и уехал в лес, чтобы изучать жизнь короедов? Может, сделался бы таким же равнодушным к сыну, как Сталин был равнодушен

к сильно пившему сыну Василию и бесцветной, лишенной всякой личности Светлане? Во всяком случае, нельзя этого исключить.

И Сталин, и Наполеон были порождениями революций, и оба они покончили с революциями.

И Сталин, и Наполеон готовы были давать любые посты в своей империи и бывшим белым, и бывшим красным – лишь бы они честно служили ему и были бы полезны. Можно привести много примеров карьер, сделанных при Сталине «бывшими», – лишь бы они не рекламировали своего происхождения. Такие карьеры описаны и в литературе¹. А в некоторых областях жизни (в науке, например) делали карьеры и не скрывая, что происходят из дворянства или старой интеллигенции.

Эмигранты при Сталине никак не были задействованы, многие из них воевали против Сталина и СССР во Второй мировой. Но ведь и французские эмигранты воевали с Наполеоном и вернулись во Францию только в обозе победителей или в составе их армий. Но один брат мог быть в эмиграции и умереть в Париже или в США, а другой стать генералом или профессором в СССР. Точно так же было при Наполеоне.

Оба сравниваемых могли поддерживать людей совсем «не своих» убеждений, но для чего-то полезных. Сохранилась легенда о диалоге Лапласа и Наполеона:

– Вы написали такую огромную книгу о системе мира и ни разу не упомянули о его Творце!

– Сир, я не нуждался в этой гипотезе².

Наполеон не был атеистом. Но что характерно, наградил Лапласа титулом графа империи и всеми мыслимыми орденами и должностями. Он даже пробовал его на посту министра внутренних дел, но спустя 6 недель предпочел признать свою ошибку. Лаплас внес в управление, как выразился позднее Наполеон, «дух бесконечно малых», то есть мелочность.

Лаплас процветал при Наполеоне, а титул графа, данный ему в годы империи, Лаплас сменил вскоре после

¹ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. – М., 2003.

² Лишевский В.П. Рассказы об ученых. – М., 1986.

реставрации Бурбонов на титул маркиза и члена палаты пэров. Умер он в своем имении под Парижем в 1827 году в возрасте 78 лет.

Так и Сталин явно не разделял убеждений одного из основателей партии кадетов Владимира Вернадского. Но при нем Вернадский был академиком, и хотя его сын писал и публиковал в Германии и в США книги о евразийстве, никогда Вернадского не трогал. При том что Владимир Иванович не был Сталину лично предан.

Наполеон не мог да и вряд ли хотел отказаться от результатов революции. Но ее реальные результаты он четко отделял от идеологических. Никакой утопии он строить не хотел и проявил себя как величайший прагматик. Ни королевская Франция и не якобинский кошмар, а нечто третье. Такое «третье», в которое сможет войти все лучшее и из королевской Франции, и из революционной. И ему это удалось.

Он обольщивал массы своей прессой, строил помпезные сооружения и пафосные памятники, лавировал и лгал. Но железной рукой объединял нацию, строил империю, поднимал экономику, поддерживал науки и искусства.

Но точно то же самое делал и Сталин! При нем строились «советские небоскребы» в Москве, а «сталинки» сделались заметными и значительными элементами наших городов. При Сталине пресса лгала, фильмы рассказывали сказки о богатстве кубанских казаков, писались картины «Они видели Сталина» и «Незабываемая встреча» (со Сталиным, разумеется). Но какой бы миф ни создавался, была ведь и реальность: точно так же создавалась империя, объединялась вокруг новых задач нация, вырастала громадная по значимости наука, поднималась экономика.

Это тоже было «качественное третье», не царская Россия и не революционная Россия 1919 года. И тоже включавшее в себя лучшее из прежних эпох.

Создавался культ личности Сталина, Вождя и Учителя. Да, и культ личности Наполеона. Вокруг этих фигур происходило новое собирание и народа, и его жизненного пространства.

Глава 2. ИМПЕРИЯ НАПОЛЕОНА

Убивал много людей, потому что был очень гениальный.
Граф Л.Н. Толстой

Вынужденная империя

До сих пор спорят, где граница революционных войн и наполеоновских войн. Для современников это было не так важно. Проклятый Буонапарте-Бонапарт и на троне нового императора нес зловередные идеи Просвещения. И эти идеи приходилось принимать всерьез, как факторы международной политики. Якобинец на троне.

Вся история правления Наполеона – это история войн.

Первая Итальянская кампания (1796–1797).

Египетский поход Бонапарта (1798–1799).

Вторая Итальянская кампания (1800).

Первая австрийская кампания (1805).

Прусская кампания (1806).

Польская кампания (1806–1807).

Испано-Португальская кампания (1807–1808).

Вторая Австрийская кампания (1809).

Русская кампания (1812).

Саксонская кампания (1813).

Битва за Францию (1814).

Бельгийская кампания (1815).

Уже первые революционные войны велись и за торжество «передовых» идей, и за господство Франции в Европе.

Даже если бы Наполеон совершенно не стремился нести в Европу плоды Просвещения, геополитическая борьба никуда не девалась. Падение королевской Франции нарушило привычный баланс сил, Европа была обречена создавать новый.

И Пруссия, и Австрия, сильнейшие страны в Европе, мирились с лидерством Королевства Франция: первой среди равных феодально-монархических держав. Уступать лидерство нахальному узурпатору никто так просто не собирался. Монархи не были равнодушны к судьбе французской династии. У правящих кругов Пруссии и Австрии было активное желание оградить свои страны от революционной пропаганды.

Но и помимо этого они не собирались отдавать первенство на континенте.

Заволновалась и Британия. Она традиционно стремилась поддерживать некий баланс сил континентальных стран Европы: чтобы никто никого не был бы намного сильнее. Конечно же, всеевропейское господство Франции, появление еще одной империи – больше и сильнее прежних резко нарушило баланс сил на континенте. Конфликт наполеоновской Франции с «владычицей морей» становился совершенно неизбежен.

Пойти по пути переговоров, дипломатического разделения территорий и сфер влияния? Такой путь был реален для государства с устоявшейся репутацией. Наполеоновская Франция сразу вызвала бы подозрение в слабости.

Получается, что Наполеон просто обречен был воевать. Происходило не то, чего он хотел, о чем он мечтал или что ему нравилось, а то, на что он был обречен.

Цена побед

Самое удивительное, что бесконечные войны не привели к полному расстройству экономики Франции. Причин тут две:

1) Невероятный по масштабам грабеж везде, где появлялись французские войска.

2) Французская промышленность немедленно получала новые рынки сбыта в захваченных странах. Она была

обеспечена государственными заказами, а население обеспечено работой.

И тем не менее Прекрасная Франция, центр наполеоновской империи, надрывалась. Система призывов помогала брать в армию огромный процент мужского населения.

В 1798 году был принят закон, в котором говорилось: «Каждый француз является солдатом и несет обязанность защищать нацию». Все мужчины в возрасте от 18 до 40 лет состояли на воинском учете. Молодые мужчины в возрасте от 18 до 25 лет (впоследствии призывной возраст был увеличен до 30 лет) призывались в армию последовательно в соответствии с возрастным классом. Начиная очередную кампанию, Наполеон отдавал приказы о проведении мобилизации и получал нужное число новобранцев. Это была первая в истории человечества армия, сформированная с помощью призыва.

Именно призыв позволил создать Великую армию, которую Наполеон назвал «вооруженной нацией». Это были солдаты-патриоты, которые успешно воевала против профессиональных армий Европы: против солдат-наемников, солдат-аристократов и солдат-профессионалов.

Число призванных историки называют очень разное. По одним данным, в 1800–1815 гг. на военную службу во Франции было призвано 3153 тыс. чел., из них только в 1804–1814 гг. погибло 1750 тыс. чел.

По другим сведениям, за годы наполеоновских войн призывы в армию составили 2,3 млн человек, из них не менее 1 млн погибли на полях сражений.

Все население Франции не превышало и 28 млн, в том числе мужского населения призывного возраста – не более 9 млн человек.

Призыв 8–11% и гибель 4–6% всего населения Франции, уход в армию 24–31% и гибель 11–20% всего мужского населения привело к депопуляции, истощению народа, а саму армию – к значительному снижению ее боевых качеств.

Тем более брали не всех, и даже не выборочно, а лучших. Требования к состоянию здоровья и физической под-

готовке солдата были значительно выше, чем в наши дни. Армия в основном ходила пешком с тяжелыми ранцами по 8–12 кг, с ружьями и запасом пороха и пуль. Уже эти ежедневные переходы, в которых артиллерию через канавы и русла рек перетаскивали на руках, могли погубить человека, не обладавшего выносливостью.

Тогдашние пушки откатывались при ведении огня, прицел сбивался. Весящее от 800 кг до 2 тонн полевое орудие руками возвращали на место.

Даже современное ружье, если прижать его к плечу неплотно, может набить приличный синяк. Отдача при стрельбе черным порохом из тогдашних ружей была значительно сильнее. Стреляли с небольшого расстояния, порядка 30–40 метров, а потом сходились в штыковую.

Солдат был на 7 сантиметров выше среднего мужчины, физически сильнее и выносливее. Погиб не просто каждый десятый или даже каждый пятый взрослый мужчина, а человек более сильный и здоровый, чем большинство оставшихся.

В последние годы в Калининграде-Кёнигсберге проведены большие раскопки массовых захоронений солдат армии Наполеона. Коллективные захоронения полутора тысяч человек, 12 аккуратных захоронений в одну линию на валу друг за другом. В Вильнюсе открыто и раскопано одно огромное захоронение примерно 3 тысяч человек.

Видимо, это останки солдат, попавших в госпитали.

Часть из этих людей умерла от тифа и простудных заболеваний. Часть погибла от неудачного хирургического вмешательства, от ампутации. Такие неудачи были в то время нередкими.

В императорской армии была такая поговорка: погиб, как разбитая трубка. В императорской армии Наполеона было принято курить глиняные трубки. Когда человеку ампутировали конечности, ему давали покурить, он зажимал эту трубку зубами, и если он умирал во время этой операции, то естественно трубка падала изо рта и разбивалась. И вот из этой ассоциации разбитой трубки и быстрой смерти и родилась поговорка.

Не было ни дезинфицирующих, ни обезболивающих средств. Солдат должен был выдержать мучительную процедуру. И хирург должен был быть очень умелым – он должен был ампутировать конечность менее чем за минуту.

У большого количества людей обнаружены так называемые маршевые переломы костей стоп. Это известный для военных медиков перелом, который происходит из-за чрезвычайной нагрузки стопы, если человек проходит в день огромные дистанции. Тогда кости стопы не выдерживают и происходят такие переломы.

Основной массив погребенных – это солдаты от 18 до 24 лет. Среди них много очень молодых людей в возрасте 14–17 лет. Эти мальчики были флейтистами и барабанщиками в армии Наполеона.

По литовским материалам из трех тысяч останков примерно 3% принадлежали женщинам. По историческим сведениям мы знаем, что в имперской армии Наполеона были женщины, которые стирали, гладили белье офицерскому составу, помощницы на кухне. Или же женщины помогали в развернутых мобильных госпиталях. Это были чьи-то жены, сестры, дочери, которые тоже ушли в очередную кампанию и не вернулись.

Ученых удивила миниатюрность этих французских женщин. Они невысокие, и состояние здоровья их не было очень крепкое. Большая часть этих женщин по возрасту – так называемые дети Французской революции, 1790–1795 годов рождения. (Интересно, многих ли из них звали Коровами и Морковками?)

По пропорциям тела это «дети войны». Они медленнее взрослеют, они не вырабатывают до конца длину тела, которая запрограммирована генетически: последствие неблагоприятных условий развития. То есть солдат в армию отбирали самых высоких и крепких, а женщин – уж какие есть.

Видимо, мужчины оставались тоже «дети войны». А те, кто мог нести более ценные генетические качества, были отобраны вербовщиками и ушли воевать. И вот, легли навсегда при отступлении.

Теоретически в армию не должны были забирать первых и единственных сыновей. Фактически во время круп-

ных кампаний брали и их. Пресекались целые генетические линии, целые семьи.

Если даже войны были экономически выгодны различным слоям населения, то «налог кровью» становился для народа все более обременительным, вел к истощению нации. И это стало одной из причин краха империи в 1814 году.

Вывод простой: Наполеон мог построить свою империю только одним способом – очень быстро. В те времена еще не было термина «блицкриг»: он появился в Германии в начале XX века. Но по существу, тактика Наполеона – тактика «блицкрига». Мгновенные переходы, быстрое завершение кампании. Если кампания затянется, совершенно очевидно – Франция попросту истощится.

Великая армия

Великая армия (*Grande Armée*) – название вооруженных сил Французской империи в 1805–1807 гг. и 1812–1814 гг. Впервые армия Наполеона получает название «*La Grande Armée*» в 1805 г. и распущена императорским Декретом от 12 октября 1808 г.

С 15 октября она заменена Рейнской армией. Французские войска, действовавшие на Пиренеях, именовались Большой Испанской армией (*Grande Armee d'Espagne*), которая впоследствии была разделена на ряд отдельных армий, носивших названия тех районов, где они дислоцировались на Пиренейском полуострове: Португальская, Андалузская (Южная), Центральная, Северная. Войска Наполеона, воевавшие с Австрией в 1809 г., именовались Германской армией.

Вторая Великая армия была создана специальным декретом Наполеона от 15 февраля 1811г. Первого апреля 1812 г. для участия в войне с Россией соединения Великой армии получили единую нумерацию, и она таким образом окончательно оформилась организационно. После похода в Россию в 1812 г. Великую армию реорганизовали, пополнили личным составом, и она приняла участие в кампаниях 1813 и 1814 гг. (Германской и Французской). После поражения Франции в 1814 г. Великая армия была распущена на основании декрета Сената от 2 апреля

1814 г. Французские войска, сражавшиеся во время кампании «Ста дней» 1815 г. в Бельгии, назывались Северная армия¹.

Включая гарнизоны и войска второго эшелона, Великая армия к 1805 г. имела около 350 тыс. чел. В последующие годы она, вероятно, удвоилась благодаря присоединению к ней (с 1806 г.) все увеличивающегося количества войск союзников.

В 1812 г. против одной только России было мобилизовано не менее 630 тыс. чел., еще 250 тыс. служили в Испании и столько же – в гарнизонах разных стран Европы.

Вооруженные силы Франции делились на отдельные тактические единицы: корпуса. Каждый корпус численностью от 20 до 70 тысяч человек мог вести кампанию автономно, как самостоятельная армия.

В рамках Великой армии к 1806 г. было организовано 7 армейских корпусов, каждый из которых вначале содержал 2–4 пехотные дивизии, бригаду или дивизию легкой кавалерии, 36–40 артиллерийских орудий и дополнительные подразделения саперов и тыловых обозов.

Численность корпуса определялась возможностями и ресурсами местности (от 20 до 70 тысяч солдат), где он формировался, но в корпусе всегда были представлены все рода войск.

Корпус мог вести боевые действия в отрыве от всей остальной армии, то есть представлял собой самостоятельную оперативную единицу. Командир корпуса имел ранг маршала (генерал-от-инфантерии в русской армии) или дивизионного генерала (генерал-лейтенант в русской армии).

Основные массы кавалерии и артиллерии не входили ни в один из армейских корпусов, а были объединены в отдельные резервные части. Наполеон мог использовать их по своему усмотрению и в сражении бросить на помощь какому-нибудь из корпусов. Резервная кавалерия была объединена в несколько резервных кавалерийских корпусов (во время похода в Россию в 1812 г. их было четыре).

¹ Васильев А. А., Попов А. И. Война 1812 года. Хроника событий. – М., 2002, с. 5.

Каждый кавалерийский корпус имел в своем составе несколько дивизий (тяжелой, легкой кавалерии) и конную артиллерию.

В 1804 г. была создана Императорская гвардия. В 1805 г. в Императорской гвардии насчитывалось 7 тысяч человек. В ее составе были организованы полки пеших гренадер и пеших егерей, конных гренадеров и конных егерей, два эскадрона конных жандармов, один эскадрон мамлюков, набранных в Египте, и «итальянский батальон».

За период с 1806 по 1812 г. численность Императорской гвардии увеличилась в несколько раз, в ней были созданы новые части и полки, и гвардия стала настолько многочисленной и хорошо организованной, что сама по сути являлась самостоятельной армией – со своей пехотой, кавалерией, артиллерией, инженерными и морскими частями, вспомогательными подразделениями. Императорская гвардия, будучи особым привилегированным корпусом, предназначалась для личной охраны Наполеона, а также выполняла роль ударного резерва на поле боя. К 1812 г. элитой из элит Императорской гвардии являлась Старая гвардия, где служили самые опытные солдаты-ветераны. Старая гвардия представляла собой мощный резерв и, вводимая в действие в критические моменты, часто являлась решающей силой на поле боя. Кроме того, в гвардии имелись различные иностранные части. Во время похода в Россию Императорская гвардия имела на менее 56 129 солдат¹.

Великое противоречие

Наполеоновские войны 1796–1815 гг. изменили лицо Европы, нет слов.

Но противоречивые это были войны. С одной стороны, войны Наполеона окончательно сокрушили феодальный строй в Европе, прежде всего в ее главных державах того времени – в Австрии и Пруссии.

С другой стороны, идеи свободы народам Европы французские солдаты несли на своих штыках. Любая ар-

¹ Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. – М., 2001, с. 220.

мия несет с собой насилие и жестокость. Любая оккупация не может не иметь следствием мародерство и грабежи. Тем более в армии Наполеона грабеж если не поощрялся, то никогда и не запрещался.

Получалась невероятная двойственность. Многие жители Европы не имели ничего против равенства перед законами и отмены феодальных правил, которые несли с собой французы. Помочь любезным революционным солдатам? Так и делали некоторые, но быстро выяснялось: французский солдат – вовсе не бескорыстный освободитель от феодализма.

Действительно – если ты был так любезен, чтобы принести нам свободу, то зачем ты остаешься оккупантом? Иди домой, а мы тебя будем на расстоянии уважать.

Если же ты пришел и не уходишь, то кто же ты? Завоеватель, вестимо! Если завоеватель не уходит, всякая благодарность исчезает. Остается только вполне закономерное желание как можно быстрее вышибить оккупанта со своей земли.

В Италии практически отсутствовало народное сопротивление французам: и народы близкие, и австрийцев любили еще меньше, и грабили французы князей и богатых горожан, а не простонародье.

Но вот в Испании Наполеон увяз сразу и до конца.

Увяз в Испании

В 1793 году Испания вступила в войну против революционной Франции. Ее армия плохо снабжалась, была плохо обучена, еще хуже вооружена и совсем плохо управлялась. Разбив ее, Франция не оккупировала Испанию, а сделала ее своим младшим партнером и союзником. И втянула в бесконечную войну. 21 октября 1805 г. испанский флот погиб вместе с французским у мыса Трафальгар. Совершенно не нужная Испании война тяжким бременем легла на страну.

С 1807 года Франция вела войну против Португалии и помогавших ей британских войск. Наполеоновская армия на правах союзника вступила в Испанию и начала ее постепенно оккупировать.

При этом верхушка общества была сильно офранцузена и заимствовала во Франции все, что только можно и чего нельзя. Премьер-министр Годой буквально пресмыкался пред Наполеоном.

В 1808 году массовое восстание низвергло Годоя. Наследник престола Фердинанд был провозглашен королем. По совету командующего французскими войсками маршала Мюрата свергнутая чета, Карл IV и Мария-Луиза, просили защиты у Наполеона. Император предложил им приехать в Байонну (на юге Франции). Там он обещаниями и угрозами принудил испанских Бурбонов отречься от своих прав на престол в пользу брата императора – Жозефа Бонапарта.

Без разведки Наполеон не предпринимал решительно ничего. Он изучил подробнейшие отчеты о состоянии армии, флота, администрации страны. Однако разведка ничего не писала о патриотизме испанцев. Наполеон невольно судил о стране по ничтожному двору, который наблюдал вблизи... А наблюдал он драки папы и мамы с сыном, безобразную ругань и чудовищную тупость.

2 мая 1808 г. в Мадриде вспыхнуло восстание против захватчиков. Это восстание Мюрат подавил, и жестоко. Наполеон пытался выдать свою захватническую политику за продолжение революционной борьбы. По введенной им конституции, Испании провозглашалась конституционной монархией, вводилось гласное судопроизводство, отменялись пытки, уничтожались внутренние таможи, создавалось единое гражданское и торговое законодательство.

Конституция несколько не ограничивала власти провозглашенного королем Жозефа Бонапарта, но давала возможность создать общество без сословий, «пережитков» и «предрассудков».

В июле 1808 года произошло сразу три важных события:

1) Испанские гранды, прибывшие в Байонну, одобрили представленную им новую конституцию.

2) 20 июля 1808 г. Жозеф Бонапарт вступил в Мадрид. Он писал оттуда Наполеону: «Государь, я не страшусь своего положения, но оно единственное в своем роде в истории: у меня нет здесь ни одного сторонника».

3) В Байлене испанцы окружили и пленили 20-тысячную французскую дивизию. Это первое крупное поражение армии империи было особенно оскорбительно для Наполеона, поскольку оно было нанесено не равным по силе противником, а «сборищем оборванцев», как он называл испанских партизан.

Вся страна поднялась против французов. Уже 31 июля, через 11 дней после прибытия в столицу, Жозеф должен был покинуть Мадрид и отступить на север Испании, за реку Эбро. Про Жозефа Наполеон позднее не раз говорил: «Это самый неспособный человек, прямая противоположность тому, что требовалось».

Наполеон идет на помощь

5 ноября 1808 г. французский император сам прибыл в Испанию во главе большой новой армии. Путь на Мадрид шел через обледенелые горные хребты – испанские патриоты не жалели своих жизней.

7 декабря Наполеон опубликовал обращение к испанскому народу, в котором наряду с подтверждением своих «прав» как завоевателя объявлял: «Я уничтожу все, что стоит на пути к вашему процветанию и величию... Либеральная конституция создаст для вас взамен абсолютизма умеренную конституционную монархию». Это была попытка изобразить подавление освободительного движения испанского народа как борьбу за учреждение в Испании прогрессивных для того времени социальных и политических реформ.

Перевал Сомосьерра был последним пунктом обороны испанцев под командованием генерала Бенито Сан-Хуана. Испанский генерал знал, что на такой выгодной позиции достаточно выставить артиллерию, чтобы преградить путь армии Наполеона. Длинная, извилистая и крутая дорога через ущелье не позволяла покрыть ее артиллерийским огнем с одной позиции. Шестнадцать имеющихся орудий было поделено на 4 батареи на расстоянии 2 км.

30 ноября 1808 г. Наполеон приказал атаковать. Один из офицеров в ответ на данный ему приказ воскликнул: «Это невозможно!» Наполеон возразил холодно и убеж-

денно: «Этого слова для меня не существует; я его не знаю». С тех пор он не раз повторял этот понравившийся ему собственный афоризм; он его дополнял: «Не нужны ни «если», ни «но»; надо достичь успеха – и это все».

В составе армии были польские конные войска. Они в конном строю атаковали орудия. Они подавили батареи, но вот беда – численность начавших атаку оценивается по-разному: от 125 до 216 чел. А вот число уцелевших известно точно: на следующий день, 1 декабря, Наполеон произвел смотр тех 40 поляков, которые выжили и смогли встать в строй. Он вручил им награды, в том числе 16 крестов Почетного легиона. После церемонии император подошел к полякам, снял шляпу и сказал громко, чтобы все могли слышать: «Вы достойны моей Старой гвардии. Вы – лучшая кавалерия».

Сомосьерра стала символом воинской доблести и самоотверженности поляков. «*Jak ci, z Somosierry szaleńcy...*» («как те, с Сомосьерры безумцы») – поется о них в знаменитой песне «Красные маки на Монте-Кассино». Однако, не отрицая героизма польских всадников, многие в Польше не видели смысла в их подвиге. Зачем польские патриоты проливали кровь, помогая Наполеону громить испанских патриотов?

Путь на Мадрид открыт. Через месяц после начала кампании он уже занят. Через 72 дня регулярная армия Испании полностью разгромлена. Наполеон сразу же издал ряд важных декретов. Он полностью подтвердил все обещанное 7 декабря 1808 г. Французы уничтожили феодальные права помещиков, отменили инквизицию, сократили на две трети число монахов. 12 декабря было отменено феодальное законодательство и вводился Кодекс Наполеона.

Это раскололо нацию, но на очень неравные части. За Наполеоном пошли беспринципные честолобцы и стяжатели и часть либерально настроенных горожан дворян, интеллигентов. Без революции – и к новым порядкам! Это привлекало, хотя и выглядело как плата за отказ от национальной независимости.

Но абсолютное большинство испанцев, в том числе практически все крестьянство, не соглашалось на оккупацию

цию, независимо от ее выгод. Тех, кто соглашался с властью захватчиков, в народе называли «офранцузенными».

Герилья

Все 6 лет французской оккупации, с 1808 по 1814 г., в Испании не прекращалась «малая война» – герилья, то есть народная партизанская война против захватчиков. Герильерос убивали французских солдат, совершали внезапные налеты, перерезали французские коммуникации.

Причем дворянство, верхушка духовенства, горожане, чиновники не могли занять последовательной патриотической позиции: они были охвачены духом особого «либерального» коллаборационизма, стремились «приобщиться» к духу Французской революции и вообще всего «передового». Да они ведь и энциклопедистов почитывали, отравляя свои мозги бредом Вольтера и де Сада. Интересно, они тоже не верили в существование метеоритов?

В отличие от «офранцузенной» верхушки герильерос в массе своей были простые крестьяне. Они Вольтера не читали, «революционная пропаганда» вызывала у них отвращение, а картинки, где на баррикаду взбираются пьяные бабы с голыми сиськами, эти «отсталые» люди считали просто мерзостью. Они шли в бой под девизом: «За Бога, короля и отечество», а вели их в бой выбранные вожаки, низовое сельское духовенство (родом из крестьян) и не успевшие сбеситься дворяне.

Регулярная испанская армия разбита, почти вся территория страны оккупирована. Борьба герильерос казалась безнадежной. Она бы и стала безнадежной, сумей Наполеон продержаться в Испании лет пятьдесят. Желательно, истребив все население.

Однако им удалось превратить жизнь оккупантов в настоящий ад. Независимо от поведения двора и капитуляции регулярной армии Испания пылала. Число партизан называют разное. В любом случае их было значительно больше французских солдат – при том, что Наполеон держал в Испании армию от 240 до 370 тысяч человек.

Любая регулярная армия презирует партизан как «взбесившихся голодранцев», «бандитов» и «дикарей». Партизан

не состоит на военной службе, не приносит присягу, не надевает мундир. Он – вооруженный гражданский человек, который участвует в боевых действиях, внося в них неопределенность, дезорганизацию и смуту.

Для классической военной теории партизан – это скандал, дикость, нелепица. На пойманных партизан не распространялись никакие законы ведения войны. В ходе Наполеоновских войн добивать раненых или расстреливать пленных считалось низостью, которую ни один офицер и даже солдат себе не позволили бы никогда. Но одно дело – вражеские солдаты, совсем другое – мародеры, бандиты и партизаны. Они не имеют ни малейшего права на статус военнопленных, а вместе с ним и на уважение и соблюдение по отношению к ним правил воинской чести.

Пойманных партизан и добивали, и пытали, и вешали – как уголовников, пойманных в зоне ведения боевых действий. Партизаны вели себя не лучше... Тем более что армия Наполеона была для них и вражеской армией, армией оккупантов, и одновременно – бандой революционеров, посягающих на освященные Богом и сами собой разумеющиеся основы жизни. Герильерос истребляли оккупантов, как в компьютерных играх истребляют «монстров» или «космических чудовищ». Закапывание живьем и разрывание деревьями – это не эксцессы, а повседневная практика партизан. И себя они тоже не щадили.

«Французы с первых же своих шагов в Испании натолкнулись на бесчисленные чуть не ежедневные проявления самой неистовой фанатической ненависти к завоевателям. Французский отряд вступает в деревню. Все пусто, жители ушли в лес. В одной избе застают молодую мать с ребенком и находят там же припасы. Подозревая недоброе, офицер, раньше чем позволить солдатам есть, спрашивает у женщины, не отравлены ли продукты. Получив успокоительный ответ, он приказывает ей самой отведать первой эту пищу. Не колеблясь, крестьянка ест. Не довольствуясь этим, он приказывает ей покормить этой пищей ребенка. Мать сейчас же исполняет требуемое. Тогда некоторые солдаты принимаются за еду, а спустя короткое время и мать и ребенок, и поевшие солдаты умирают в мучени-

ях. Ловушка удалась. В первое время подобные эпизоды еще поражали французов, но вскоре все это стало бытовым явлением, и уже никто ничему в испанской войне не изумлялся»¹.

Крах французского владычества в Испании наступил еще до полного крушения наполеоновской империи. Уже в 1812 году территория, которую контролировали французы, уменьшилась примерно в три раза. Испания выбирала между «прогрессивной» оккупацией и «отсталым» патриотизмом. Она не приняла «прогресса» из рук оккупантов и вышибла их вон.

Отпущенный из французского плена наследник престола Фердинанд в марте 1814 года вернулся в Испанию. Его первым шагом был вероломный отказ от всех своих прежних обещаний. Он отменил конституцию 1812 года, восстановил королевский абсолютизм, реставрировал феодальные порядки и учреждения. Законодательные собрания, кортесы, избранные на основе конституции 1812 года, были распущены. В стране воцарился режим самой устрашающей реакции. Что характерно, испанцы сами это выбирали.

Страсти по Германии

В эпоху Наполеона французы в несколько приемов оккупировали, покорили почти всю Германию. Одна из причин этой легкости – отсутствие единого государства. В Священную Римскую империю германской нации входило более 350 государств разной степени независимости и в разных отношениях друг с другом.

Священная Римская империя не имела общей конституции. В основе ее государственного устройства и политической жизни лежали неписанные правовые обычаи. К 18 веку конституционно-правовые нормы были разбросаны по значительному числу актов. Веками складывался и сложился баланс власти между различными имперскими институтами и сословиями. Добавьте к этому федеративный характер империи.

¹ Тарле Е.В. Наполеон. – М., 1941.

По замечательному выражению крупнейшего германского правоведа XVIII века Иоганна Якоба Мозера: «Германия управляется по-немецки: «наше государственное устройство нельзя объяснить в нескольких словах или путем сравнения с государственным устройством других стран»¹.

Разумеется, это вызывали волну критики в Англии Франции: как они смеют управляться по-немецки, когда «надо» по-английски и по-французски?! У западноевропейцев были свои сторонники в Германии. В XVII веке создатель теории «регулярного государства» Самуэль Пуфендорф назвал Священную Римскую империю «подобным чудовищу» «скопищем полусамостоятельных княжеств, существовавших под прикрытием слабых прерогатив императорского престола»².

Разные государства формально находились в подчинении императора и имперского рейхстага, но фактически жили совершенно самостоятельно. Дворянство было неоднородно по составу, имело разные права в разных княжествах и находилось в зависимости от князей или от императора. Крестьяне были в основном крепостными, но их повинности и права очень варьировали по землям.

Каждый город оправлялся по собственному регламенту. Помимо городов, подчинявшихся князьям, был 51 вольный город – фактически самостоятельное государство. Городское население состояло из патрицианских семей, граждан города, подмастерьев и учеников, зависимых от мастеров.

Это была средневековая организация общества, и очень часто Германию на этом основании называют «отсталой». Действительно – ни единого государства, ни парламента с сотнями болтливых политиканов, ни «адамитов», бегающих нагишом по городам, ни идей, как «все поделить». Просто чудовищная отсталость!

¹ *Hartmann, P.C.* Das Heilige Römische Reich deutscher Nation in der Neuzeit 1486–1806. – Stuttgart, 2005.

² *Прокопьев А.Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола: 1555–1648. – СПб., 2002.

Но даже если считать «прогрессивным явлением» борьбу за клиническую демократию, Священная Римская империя германской нации была более демократичной, чем Британия и Франция XVIII века.

Начнем с того, что управлялась Священная империя выбираемым императором.

Императорский титул не был наследственным, императора выбирали на специальной коллегии князей-курфюрстов. Представьте себе английского короля, которого выбирает палата лордов. В захлебывающейся от демократии Британии ничего подобного отродясь не было. А в отсталой Германии было.

Если император не мог венчаться на царство в Риме, он так и назывался «выбранный римский император». Если венчался – то назывался «римский император».

Власть этого выборного императора никогда не была абсолютной. Сначала ее ограничивал совет высшей аристократии Германии (в точности как в Англии, где 100 знатнейших баронов должны были объявить войну королю, если он нарушает права человека). С 1495 г. собирался рейхстаг. Он состоял из трех коллегий:

Совет курфюрстов (нем. Kurfürstenrat), в состав которого входили курфюрсты империи (первоначально семь, к концу XVIII века – восемь человек);

Совет имперских князей (нем. Reichsfürstenrat), в состав которого входили светские и духовные имперские князья, каждый из которых обладал одним голосом, а также имперские графы и имперские прелаты, обладавшие, соответственно, четырьмя и двумя коллективными голосами. Совет имперских князей разделялся на курии светских (63 члена в 1800 г.) и духовных (37 членов в 1800 г.) князей;

Совет городов (нем. Städterat), в состав которого входили представители свободных имперских городов (51 член в 1800 г.), объединенных в две коллегии: Швабскую и Рейнскую.

Во всей Европе королей выбирали только в отсталых Германии и Речи Посполитой. Вероятно, в этом проявлялись немецкий садизм и скотская сущность славян.

Демократы обожают говорить о децентрализации власти как основе для демократии. Но власть не была разделена во Франции и в Британии. Это в Германии дуализм императора и имперских сословий являлся относительно независимым источником верховной власти.

В каждом из 350 государств существовала своя политическая система. Недовольный достаточно легко мог переселиться туда, где ему лучше. Такого нет даже в современных Соединенных Штатах с их различиями в законодательствах штатов.

Последний эрцканцлер Священной Римской империи Карл Теодор Дальберг дал такое определение своему государству: «...прочное готическое здание, которое хотя и не было построено по всем правилам архитектуры, тем не менее безусловно удобное для жилья»¹.

Франция сумела сделать его значительно менее удобным.

Кризис Священной империи

Среди германских княжеств размерами, богатством и военной силой выделялись Пруссия, Саксония, Бавария, Вюртемберг и особенно – могучая Австрия. Но в XVIII веке Пруссия и Австрия жестко конкурируют друг с другом за руководство в Германии.

В 1785 г. под руководством Фридриха II Прусского был создан Союз немецких князей как альтернатива имперским институтам, контролируемым австрийскими Габсбургами. Австро-прусское соперничество лишало остальные немецкие государства возможности оказывать хоть какое-нибудь влияние на внутриимперские дела. В малых и средних субъектах империи заговорили об «усталости от империи». Из-за соперничества сильнейших устойчивость империи была окончательно утрачена.

Значит ли это, что ее время прошло? Нет, прошло время именно для такой организации Германии. После разгрома Наполеона в 1813–1814 гг. идея восстановления Священной Римской империи витала в воздухе.

¹ Wesel, U. Geschichte des Rechts. Von den Frühformen bis zur Gegenwart. – München, 2001.

Эту идею поддерживали Британия и папа римский. Многие малые и средние немецкие княжества хотели возрождения империи, чтобы их не поглотили крупные государства: Пруссия, Бавария, Саксония, Вюртемберг. В ноябре 1814 г. двадцать девять немецких князей подписали воззвание к Францу II Австрийскому с просьбой принять титул императора Священной Римской империи германской нации.

Однако реставрация Старой империи была уже просто опасной. Попытка возрождения империи угрожала военным конфликтом Австрии с Пруссией и другими крупными немецкими государствами.

На Венском конгрессе 1814–1815 гг. Франц II отказался от императорской короны и воспрепятствовал проекту восстановления империи под управлением избираемого из немецких князей императора. Вместо этого 8 июня 1815 г. был учрежден Германский союз – конфедерация 38 немецких государств, включая наследственные владения Австрийской империи и Прусского королевства в границах, примерно соответствующих бывшей Священной Римской империи. Председателем Германского союза до 1866 г. оставался император Австрии. Германский союз был распущен после австро-прусской войны 1866 г., ему на смену пришел Северогерманский союз, а с 1871 г. – Германская империя под главенством Пруссии¹.

Понимать, чем была Священная Римская империя германской нации и каков ее путь, необходимо, чтобы понять – что и зачем делал Наполеон?

Перекройка Германии

В эпоху революционных войн страны империи с перепугу консолидировались. В 1790 г. был заключен Райхенбахский союз между императором и Пруссией, на время прекративший австро-прусское противостояние. Однако цели союзников были различны. Эрцгерцог Ав-

¹ *Kubin, E. Die Reichskleinodien, Ihr tausendjähriger Weg, Wien und München, 1991.*

стрии Франц II хотел не укрепления империи, а расширение Австрийской монархии, в том числе за счет немецких княжеств, и изгнания французов из Германии.

Аналогичные стремления имел и прусский король.

23 марта 1793 г. рейхстаг объявил имперскую войну Франции. К этому времени левобережье Рейна и австрийские Нидерланды были оккупированы французами, а Франкфурт сожжен. Имперская армия была крайне слаба, в тылу восставали «прогрессивные личности».

Субъекты империи стремились как можно более ограничить участие их воинских контингентов в боевых действиях за пределами собственных земель, отказывались платить военные взносы и пытались как можно скорее добиться заключения сепаратного мира с Францией. Уже в 1794 г. имперская коалиция начала распадаться. В 1795 г., заключив Базельский мир, из войны вышла Пруссия, за которой последовали северонемецкие государства, а в 1796 г. Баден и Вюртемберг.

Более стойкая австрийская армия продолжала вести военные действия и неизменно терпела поражения на всех фронтах. Наконец, в 1797 г. французская армия Наполеона Бонапарта вторглась из Италии на территорию наследственных владений Австрии. Весной 1797 г. был заключен Кампоформийский мир. Император Священной Римской империи германской нации, эрцгерцог Австрии Франц II, передавал Франции Бельгию и Ломбардию и соглашался на уступку левобережья Рейна, а взамен получил континентальные владения Венеции и право на увеличение австрийских владений в империи за счет церковных княжеств юго-восточной Германии.

В 1798 г. в Раштатте открылись мирные переговоры с Францией от имени империи, на которых началось обсуждение вопроса предоставления компенсаций бывшим правителям княжеств левого берега Рейна за счет секуляризации церковных владений. Переговоры провалились, но вспыхнувшая в 1799 г. война Второй коалиции (1799–1801), в которой Австрия попыталась добиться реванша, завершилась полным поражением союзников. Люневильским миром 1801 г. была признана аннексия Францией

левого берега Рейна, в том числе земель трех духовных курфюрстов – Кельна, Майнца и Трира. Решение вопроса о территориальном возмещении пострадавшим немецким князьям было вынесено на рассмотрение имперской депутации. После длительных переговоров под нажимом Франции и России и при фактическом игнорировании позиции императора был принят окончательный проект реорганизации империи, который и был утвержден 24 марта 1803 г.

«Заключительное постановление имперской депутации» 1803 г. предусматривало кардинальную реорганизацию состава и структуры Священной Римской империи. Церковные владения на территории Германии были секуляризованы и большей частью вошли в состав крупных светских государств. Прекращали также свое существование в качестве субъектов имперского права почти все (за исключением шести) имперские города. Всего было упразднено, не считая аннексированных Францией земель, более 100 государственных образований в составе империи, а численность населения секуляризованных земель достигала трех миллионов человек. Причем наибольшие приращения в отношении территории и численности населения получили французские сателлиты Баден, Вюртемберг и Бавария, а также Пруссия, под власть которой перешла большая часть владений церкви в Северной Германии. После завершения территориального размежевания к 1804 г. в составе Священной Римской империи осталось около 130 государств, не считая владений имперских рыцарей.

Территориальные изменения повлекли радикальные изменения в составе рейхстага и коллегии курфюрстов. Были упразднены титулы трех церковных курфюрстов, а вместо них курфюрштешеские права были предоставлены правителям Бадена, Вюртемберга, Гессен-Касселя и эрцканцлеру империи Карлу-Теодору Дальбергу. В результате в коллегии курфюрстов, а также в палате князей имперского рейхстага, большинство перешло к про-

тестантам и сформировалась сильная профранцузская партия. Ликвидация вольных городов и церковных княжеств – традиционно основной опоры империи – привела к потере империей устойчивости и полному падению влияния императорского престола. Священная Римская империя окончательно превратилась в конгломерат фактически независимых государств и утратила перспективы своего выживания как единого политического образования.

К концу XVIII века их число сократилось до 51. Решением имперской депутации 1803 г. большинство городов потеряло самостоятельность и вошло в состав немецких княжеств. К моменту роспуска Священной Римской империи в 1806 г. продолжало существовать лишь шесть свободных имперских городов: Любек, Гамбург, Бремен, Франкфурт, Аугсбург и Нюрнберг.

Наполеон – император Священной Римской империи?

Когда Священная Римская империя еще существует, но уже разваливается, представляет из себя конгломерат ничем не связанных княжеств, возможно многое. Например, возникла реальная опасность того, что римским императором будет избран Наполеон. А почему бы и нет? В 1804 г. Наполеон Бонапарт посетил древнюю имперскую столицу Аахен и находящуюся там могилу Карла Великого.

Он прозрачно намекал, что лучше него императора нет и быть не может. Идее принятия Наполеона римской короны симпатизировал даже эрцканцлер империи Карл-Теодор Дальберг: он видел в этом шанс продолжить имперскую историю.

18 мая 1804 года Наполеон провозглашен императором, но помазан на царствование только 2 декабря. И тогда 11 августа 1804 года провозглашает себя императором Австрии последний император Священной Римской империи германской нации (7 июля 1792 по 6 августа 1806) эрцгерцог Австрии, король Богемии и Венгрии (с 1 марта 1792) Франц II (1768–1835).

Австрия у нас настолько прочно ассоциируется со словом «империя», что многие просто с трудом воспринимают: до 1804 года Австрия империей не была. У В. Пикуля, например, Австрия оказывается империей и в XVIII веке. А это, мягко говоря, не совсем так.

Вообще империя, в представлении европейцев, может быть только одна. Еще в поздней античности сосуществование Восточной и Западной империй казалось чем-то странным и причудливым. Вождь племени скиров Одоакр зарезал последнего императора Западной Римской империи (в 476 году), но вовсе не для того, чтобы самому стать императором. Он отослал регалии императора в Византию со словами: «Не может на небе быть двух солнц, а на земле двух императоров». После чего смиренно просил разрешения быть представителем единственного императора в Италии....

И империя Карла Великого, и Священная Римская империя германской нации были как бы продолжениями Римской империи. Только Российская империя, провозглашенная в 1721 году, нарушала этот порядок, становилась чем-то вроде Восточной Римской империи, живущей параллельно с Западной.

Теперь же в Европе оказалось сразу три империи, кроме четвертой, Российской! С августа 1804 года и до августа 1806 г., два года, сосуществовали Французская империя, Священная Римская империя и Австрийская.

Франц Габсбург носил династический номер Франц II как император Священной Римской империи. Как первый император Австрии и король Венгрии и Богемии, он имел династический номер Франц I. Имея теперь такой же ранг, как и Наполеон, Франц I, пока одновременно Франц II, стремится не дать Наполеону возложить на себя вторую императорскую корону, императора Священной империи.

Принятие титула императора Австрии свидетельствовало: Габсбурги осознают, что могут потерять престол Священной Римской империи.

В мае 1806 г. имперский эрцканцлер Дальберг несмотря на протест императора назначил своим коадьютором и преемником дядю Наполеона кардинала Йозефа Феша,

француза, не говорящего ни слова по-немецки. В случае смерти Дальберга Феш (дядя Наполеона!) стал бы главой правительства Священной Римской империи.

По мнению нового австрийского канцлера Иоганна Филиппа Штадиона, перед империей открывалось лишь две перспективы: роспуск либо реорганизация под французским господством.

Последний и уже смертельный удар по Священной Римской империи нанесла война Третьей коалиции 1805 г. Армия Франца II была наголову разгромлена в сражении под Аустерлицем, а Вена захвачена французами. На стороне Наполеона в этой войне сражались войска Бадена, Баварии и Вюртемберга. Предатели? Нет, Священная империя фактически развалилась. Действия германских государств не вызвало никакой отрицательной реакции в империи.

Франц II был вынужден заключить с Францией Пресбургский мир, согласно которому император, во-первых, окончательно отказывался в пользу Наполеона и его сателлитов от владений в Италии, Тироля, Форарльберга и Передней Австрии (Наполеон вскоре принял титул короля Итальянского).

Во-вторых, он признавал за правителями Баварии и Вюртемберга титулы королей, что юридически выводило эти государства из-под какой-либо власти императора и предоставляло им почти полный суверенитет. Австрия окончательно была оттеснена на периферию Германии, а империя превратилась в фикцию.

22 июля 1806 года австрийский посланник в Париже получил ультиматум Наполеона: если Франц II не отречется от престола империи до 10 августа, французские войска войдут в австрийские владения.

В Вене уже в течение длительного времени велись дискуссии о целесообразности сохранения Священной Римской империи в условиях абсолютного доминирования Франции в Германии. Возобладала позиция канцлера Штадиона, полагавшего, что существует серьезная опасность превращения империи во французский протекторат и что сохранение Францем II имперского престола неминуемо

повлечет войну с Наполеоном, к которой Австрия была не готова. Отказ от короны стал неизбежен.

Очевидно, к началу августа 1806 г., получив гарантии французского посланника, что Наполеон не наденет корону римского императора, Франц II решил пойти на отречение.

6 августа 1806 года Франц II объявил о сложении с себя титула и полномочий императора Священной Римской империи. Он объяснял это возникшей невозможностью исполнения обязанностей императора после учреждения Рейнского союза. Одновременно он освободил имперские княжества, сословия, чины и должностных лиц имперских учреждений от обязанностей, наложенных на них имперской конституцией.

Хотя акт об отречении и не был безупречен с юридической точки зрения (до сих пор ведутся дебаты по вопросу, имел ли император право единолично принимать решение об упразднении империи), в Германии уже не было политической воли поддерживать существование имперской организации. Священная Римская империя перестала существовать.

Рейнский союз

12 июля 1806 г. Бавария, Вюртемберг, Баден, Гессен-Дармштадт, Нассау (обе линии), Берг, эрцканцлер Дальберг, Дармштадт, Клеве-Берг, Гогенцоллерн, Лихтенштейн подписали в Париже договор с Наполеоном.

Эти государства заявили об образовании Рейнского союза под покровительством Наполеона, а августа объявили о своем выходе из состава Священной Римской империи. Перед подписанием Наполеон поставил перед участниками 24-часовой ультиматум, при котором в случае неподписания французские войска должны были быть введены в южно- и западногерманские земли.

Заключение Рейнского союза и «добило» Франца II: он отрекся от престола Священной Римской империи германской нации и объявил об ее упразднении спустя несколько дней после заключения договора о Рейнском союзе.

Образованию союза очень помогал бывший эрцканцлер Священной империи, архиепископ Майнцский, Карл фон Дальберг. За это он получил город Франкфурт-на-Майне и звание князя-примаса. Он был назначен наместником Наполеона в Рейнском союзе.

Это был наступательный и оборонительный союз, заключенный князьями с Францией на вечные времена. Внутри союза отдельные князья были самостоятельны. Самостоятельные правители получили во власть других правителей, поменьше. Рейнский союз сделался коллективным вассалом Наполеона, основой его политики стала безусловная покорность Франции во внешней политике и военных делах. Союз обязался держать для него наготове войско в 63 000 человек и участвовать вместе с Францией во всех ее войнах. Вот во внутренних шло увеличение власти государей над подданными. Во внутренних делах всех княжеств Наполеон ограничился введением в Французского гражданского кодекса (Кодекса Наполеона), и проведением стратегических дорог.

Протектором этого Рейнского союза был император Наполеон, утверждавший новых членов и распоряжавшийся вооружением войск. Для общего управления союза было назначено собрание во Франкфурте, одно королевское и одно княжеское. Чтобы уничтожить само воспоминание о Священной Римской империи, прежнее место собраний имперского сейма, город Регенсбург, в 1810 г. был присоединен к новому баварскому королевству.

По договору Рейнский союз должен был иметь общие конституционные органы (как Священная Римская империя), но это не получилось: более крупные члены союза очень уж хотели самостоятельности. Бундестаг, организованный председательствующим князем Карлом Теодором фон Дальбергом, так и не собрался: в нем отказывались участвовать Вюртемберг и Бавария.

Вскоре участники Рейнского союза начали прихватизацию владений имперских рыцарей и мелких графств. В результате число всех немецких государственных образований сократилось с двухсот до сорока двух. Из 51 вольного города осталось 5, остальные вошли в состав других госу-

дарств. Число жителей Рейнского союза достигало 8 миллионов на 2400 кв. миль.

До 1808 г. к Рейнскому союзу присоединились еще 23 немецких государства. Уже вследствие поражения Пруссии против Франции в битве при Йене в его состав вошли многие центрально- и северонемецкие мелкие государства.

В 1808 г. Рейнский союз достиг своих наибольших размеров. Он охватывал четыре королевства, пять великих герцогств, тринадцать герцогств, семнадцать княжеств, а также независимые ганзейские города Гамбург, Любек и Бремен. Последним к Рейнскому союзу присоединился князь Ангальт-Дессау и получил за это титул герцога. Вообще Наполеон не жалел титулов: Баден, Гессен-Дармштадт, герцогства Клеве и Берг стали великими герцогствами, а Вюртемберг и Бавария – королевствами. Многие крупные государства Германии сделались еще крупнее.

В 1810 г. большие части Северной Германии, включающие устья Эмса, Везера и Эльбы, были аннексированы непосредственно наполеоновской Францией, чтобы лучше контролировать континентальную блокаду Англии.

Вне Рейнского союза, нового издания Германии, остались лишь Пруссия, Австрия, принадлежавшее Дании герцогство Гольштейн и шведская Померания.

Создав дружественный себе Рейнский союз, Наполеон создал значительное буферное пространство на северо-востоке Французской империи, между ней и Австрией и Пруссией. Рейнский союз был в то же время орудием господства и завоевательной политики Наполеона в Германии.

Между свободой и патриотизмом

Организация армии союза и укрепление границ были в руках французских офицеров и инженеров. Немцы только поставляли солдат. Договора по делам союза заключались в Париже. Имперские законы, суд и сейм были упразднены, равно как и старинные конституционные формы, стеснявшие абсолютизм (например, вюртембергские земские чины).

В администрации и сборе податей введено больше порядка, устранены отжившие судебные процессы, введен Кодекс Наполеона (Баден, Вестфалия). Новый режим, установленный в некоторых государствах Рейнского союза, очень близко подходил к просвещенному абсолютизму: то же недоверие к общественным силам, то же полновластие администрации.

Распространение кодекса Наполеона имело огромное значение: объявляя гражданское равенство, он приводил к необходимости освобождения личности крестьянина. Под давлением Наполеона члены Рейнского союза стали издавать законы, отменявшие крепостную зависимость крестьян.

Сам Наполеон в 1807 г. уничтожил крепостное состояние в Вестфалии, в 1808 г. – в герцогстве Бергском, в Эрфурте, Байрейте и др. В состав Рейнского союза вошли также так называемые медиатизированные имперские чины – множество мелких князей, утратившие свои феодальные права и поглощенные крупными соседями.

Во многих странах была сделана общеобязательной военная служба.

Для прогрессивных людей – совершенно замечательные нововведения. «Французская революция, точно громовая стрела, ударила в этот хаос, называемый Германией»¹, радовался Энгельс.

Убежденного монархиста Оскаре Егера марксисты никак не назовут «прогрессивным». Но и он, называя «демоном» Наполеона, полагал: «Одно только обстоятельство можно было назвать благоприятным: этот человек-демон был сыном своего времени: он знал его потребности и, принося жертвы своему демону, он разбивал вдребезги отживший старый мир и оказал, непроизвольно, неоценимую услугу европейскому населению. Никому это не послужило так на пользу, как Германии, что может несколько утешить автора при печальной обязанности, на нем лежащей, рассказать подробности страшного крушения,

¹ Энгельс Ф., Маркс К., Сочинения в 39 тт. Т. 5. – М., 1954. с. 7

проследить годы невероятного, жгучего позора, в котором едва можно разобраться»¹.

Нововведения и правда были неплохие + скорее чрезмерные. Дворяне и горожане разных земель не перестали отличаться друг от друга потому, что их уравнивали в законе. А были и решения явно вредные.

Вроде бы что можно возразить против эмансипации, то есть уравнивания в правах немецких евреев? Тем более что в Германии давно к этому шло, а во многих государствах евреи получили гражданские права, хотя и не имели прав политических. Если еврей не мог выбирать мэра города или стать офицером в прусской армии, то во всяком случае закон однозначно оберегал жизнь еврея, его личное достоинство и имущество. Не случайно же именно в Германии родилось такое явление, как реформатская синагога. В Гамбурге в 1840-е годы, вскоре после описываемых нами времен, службу в синагоге даже сопровождали звуки органа. Число выкрестов достигало третьей части некоторых общин.

Но в результате действий французов получалось так, что евреи взяли гражданские права из рук оккупантов. К тому же большинство евреев по свойственной им любви ко всему «прогрессивному» поддерживали оккупантов, а множество еврейских юношей пошли добровольцами во французскую армию. Это не могло не сказаться на отношении к евреям и их проблемам.

После наполеоновских войн романтический национализм начал настаивать на различиях между «принципом германизма» и «принципом семитизма». В сознании германского общества укоренилось представление о евреях как ярких типах, которые не имеют и не хотят иметь к Германии никакого отношения, как к наглым инородцам. Это имело для истории страны многообразные и сложные последствия.

В годы наполеоновских войн французов поддерживали люди трех направлений:

1) владетельные князья и феодалы отдельных стран и земель, рассчитывая укрепить свою сепаратную власть.

¹ Егер О. Всемирная история. В 4 тт. Том четвертый. – СПб., 1897.

«Да здравствует Наполеон, восстановитель Баварского королевства», писали 1 января 1806 года в мюнхенской правительственной газете. Находились даже баварские ученые, которые доказывали близкое родство древних баварцев и галлов.

2) Карьеристы и мелкие подонки всех мастей. Имперский канцлер Карл Теодор фон Дальберг объявил 27 мая 1806 года, что он избрал себе в помощники кардинала Феша, дядю Наполеона.

3) «Борцы за прогресс», полагавшие все немецкое «отсталым» и «примитивным», а все французское – «современным» и «передовым».

Французы могли вполне искренне считать, что принесли Германии свободу, – но далеко не все немцы так думали. Какое-то время Германия как бы оцепенела, но ненадолго.

Освободительные войны

В Германии период войн с Наполеоном носит романтическое название *die Befreiungskriege* – освободительные войны¹. Это официальное название целого периода немецкой истории. Одни начинают его с 1801 года, другие – с 1806-го, третьи (чего мелочиться?) с 1792-го – после первых же французских захватов в Германии. Конец эпохи понятен: 1814 год.

То есть сначала все было довольно спокойно. Сопротивление было очень в духе немцев: в рамках закона. До сих пор неизвестно, кто написал брошюру «*Deutschland in seiner tiefsten Erniedrigung*» («Германия в своем унижении»). Называли профессора Иелина из Аугсбурга, но его авторство никогда не было доказано. И после окончания французской оккупации никто не приписал себе авторства. Известно, что эту брошюру весной 1806 г. продавал книготорговец и издатель из Нюрнберга Иоганн-Филипп Пальм (Palm, 1768–1806). В этой брошюре автор писал чистую правду: о поведении французов в Баварии, об унижении немцев. Оккупанты перехватили брошюру в Аугсбурге и сочли ее «враждебной французскому наро-

¹ *Bachmann P., Zeisler K. Der deutsche Militarismus. Berlin, 1971.*

ду». Наполеон пришел в ярость, он велел найти и покарать автора. А зловредный Пальм, упрямый, как все немцы, отказался назвать имя автора.

Наполеон вообще немцев не любил. Он велел предать Пальма чрезвычайному военному суду в Браунау, а суду велел в 24 часа приговорить Пальма к расстрелу за распространение заведомо оскорбительных для Франции книг.

Если не ошибаюсь, нравы Германии были отсталыми и феодальными? А Франция вроде бы несла прогресс и законность? Но почему же тогда в Браунау французский высший военный суд судил гражданского человека? Почему французы судили гражданина независимого государства, вольного города Нюрнберга? Почему судили за продажу брошюры, которая еще не была запрещена? Где же Кодекс Наполеона?!

И почему Иоганн Пальм не бежал, как ему советовали не раз? Почему он всякий раз отвечал, что невиновен и что у него, как у всякого человека, есть неотъемлемые права. Ну какие там права могли быть у мещанина города Нюрнберга при кошмарном феодализме?!

Пальма приказано было признать виновным, и его приговорили к расстрелу. Пальм мог спастись, назвав имя автора, но он этого не сделал, вызвав новый приступ беззьяней ярости Наполеона. 25 августа 1806 года он был расстрелян. В 1866 г. в Браунау воздвигнут бронзовый памятник Пальму, по модели скульптора Кнолля. Памятник сохранился до сих пор.

По мнению многих, убийство Пальма очень подтолкнуло германское сопротивление. Было оно очень неоднородным и разным в разных частях Германии.

Befreiungskriege – это не единое событие, а множество восстаний патриотов Германии. Это студенческие тайные общества, выдвинувшие лозунг «Retten von Tiranneenketten»! – «разбить оковы тиранов!». Студенты сочиняли и пели под гитару патриотические песни. Например, как Теодор Кернер из Дрездена, сын друзей Гете, убитый свечками прогресса 26 августа 1813 года.

Многие немецкие дворяне не приносили присягу Наполеону и целыми дружинами сидели в лесах и горах. Вы-

курить их оттуда у французов не хватало сил – шла война, не до повстанцев в тылах. Временами повстанцы сами нападали на оккупантов – как правило, малыми силами шли против регулярной армии, неся огромные потери. Восстания вызывались и попытками французов призвать немцев в свою армию. Не все шли служить французам, многие бежали в леса.

Время от времени самые разные люди восставали против оккупантов, вплоть до самых мирных людей, крестьян или городских мещан, извозчиков и лавочников.

До новых военных действий в 1805 году бежавшие в леса или отсиживающиеся по глухим деревням французов тревожили мало. А когда началась война, началась целая серия восстаний. Восстания выдвинули вождей, имена которых в Германии не забывали очень долго.

Еще до Второй мировой войны не только профессиональный историк, но всякий образованный немец сказал бы вам, кто такой командир добровольцев из Вестфалии Фердинанд фон Шилль, погибший в ходе восстания против французов в 1809 году. И кто такой Андреас Хофер, глава восставших тирольских горнорабочих. Не знать эти имена было, как в России никогда не слышать про Ивана Сусанина и про Евпатия Коловрата.

Весь XIX век и первую половину XX века об этих людях писали статьи и книги, ставили им памятники. Нарисовано много картин, изображающих эпизоды Befreiungskriege. Тут и то же восстание горнорабочих в Тироле: люди с дубинами и камнями идут против вооруженных французских шеренг. Тут и расстрел 8 немецких офицеров – патриотов в Весселе: скованные цепями люди в штатском, грозящие кулаками врагу в свой последний час.

Германия поднималась медленно. Не тот народный характер, что в Испании. Детонатором Befreiungskriege стала Пруссия. Она проиграла войну, и Наполеон не только произвольно кроил ее границы, но и заставил оплатить расходы на содержание оккупационной армии. В одном Берлине осенью 1808 года стояло 160 тысяч человек и 60 тысяч человек. На их содержание ушло более 3900 тысяч талеров. Для примера города меньшего масштаба:

в маленьком городке Бескоф за 2 года уплатили 28 303 талера. Пруссия была независима, но не имела права иметь армию больше 42 тысяч человек. Когда у Наполеона родились подозрения, генерала Шарнгорста уволили с поста военного министра.

О, этот Шарнгорст!! Наверное, этот пруссак действовал назло Наполеону и вообще всем прогрессивным созданиям. Впрочем, пруссаком Герхард Иоганн Давид Шарнгорст (1755–1813) сделался только в 1801 году. Родом из мещан Ганновера, он до этого служил в армиях нескольких княжеств.

Во время войны 1806–1807 гг. Шарнгорст служил в генеральном штабе и прекрасно ознакомился с недостатками старой прусской армии. Он был главным в созвездии немецких военных, которые сумели полностью преобразовать прусскую армию. Ближайшими его сотрудниками были такие знаменитости, как Бойен, Гнейзенау, Грольман и Клаузевиц.

Шарнгорст стоял за армию призыва и был убежден, что нравственная связь армии с народом гораздо важнее, чем высокое развитие технической стороны военного дела. Дайте народу большую свободу, уважайте его и развивайте в нем самое уважение к самому себе – и армия такого народа совершит чудеса!

Обращение с рядовыми, в числе которых стали служить дворяне и богатые бюргеры, было изменено; унижительные телесные наказания отменены. Изменению подверглись форма, вооружение, организация хозяйственной части. Шарнгорст изменил принципы производства в офицеры, происхождение перестало быть важнейшим основанием. В общем, сделал все не хуже, чем во Франции, и при том не строил храма Высшего существа, никого не топил в Шпрее и не ставил гильотины посреди Берлина.

Наполеон воспротивился созданию ландвера, то пришлось для образования достаточного запаса обученных солдат отпускать взятых в военную службу, как только они оказывались сколько-нибудь обученными. Закон о ландвере, выработанный Шарнгорстом, появился уже после разрыва с Францией, в 1813 году.

Ландвер (Landwehr, от Land – земля, страна и Wehr – защита, оборона), появился в Австрии в 1808 году. В 1813 г. термин «ландвер» принят Пруссией для обозначения ополчения, выставляемого военными округами для полевой службы. Обязанности службы в ландштурме подлежало мужское население с 17 до 60 лет.

Ландштурм (Landsturm, от Land – земля, страна и Sturm – атака, нападение). Появился в 1809 г. в австрийском Тироле. В Пруссии создан в 1813 г. и включал всех годных к ношению оружия мужчин от 15 до 60 лет, не состоявших в армии или ландвере.

Ландштурм и ландвер позволили подготовить к войне практически все мужское население.

Герхард Шарнгорст стоял за скорейшее начало войны с Францией, и когда все началось, принимал в боях самое активное участие. Уже в Польше русские войска шли, не встречая со стороны пруссаков сопротивления.

Фридрих Вильгельм III формально сохранял верность союзу с Наполеоном, вступление русских войск в Восточную Пруссию создало предпосылки для разворота прусской политики. Русские войска держались дружелюбно на прусской территории, не вмешиваясь во внутренние дела Пруссии. 25 января 1813 г. прусский король переехал из оккупированного французами Берлина в нейтральную Силезию (прусские владения на границе с Австрией). 9 февраля Пруссия ввела всеобщую воинскую повинность, что дало возможность наряду с другими мерами создать к началу марта 120 тыс. армию. Прусские регулярные части стали действовать согласованно вместе с русскими против французов, не всегда получая на это санкцию прусского короля. Попытка французов организовать вторую линию обороны по Одру не увенчалась успехом из-за русско-прусского союза.

27 марта 1813 г. прусский король официально объявил Франции войну и издал призыв «К моему народу». С этого времени Шарнгорст снова генерал-квартирмейстер прусской армии в чине генерал-лейтенанта. В битве при Гроссгершене (около Люцена) 2 мая 1813 г. Шарнгорст был ранен ядром в ногу. С незажившей раной он предпринял

путешествие в Вену, чтобы хлопотать о присоединении к коалиции австрийцев. Рана его загноилась, и 28 июня того же года знаменитый Шарнгорст умер.

Ну ладно, пусть Пруссия – коварная змея, пригретая на груди императора Французской республики. Но ведь поднялся народ. В Кюстрине, Шпандау, Данциге ландвер выбил французов до подхода регулярной армии. В Берлине ополчение захватило мосты через Шпрее и удерживало их до подхода регулярной русской армии.

В России помнят «старостиху Василису» (о которой, собственно, ничего больше и не известно). А в Германии известно до 30 девушек, принимавших участие в военных действиях. Одни, как Иоганна Штеген в Люнебурге, перевязывали раненых и подносили патроны. Другие, как Анна Люринг из Бремена и Мария Бухгольц из Берлина, брались сами за оружие. Самой известной женщиной – участницей *Befreiungskriege* – стала унтер-офицер егерского полка Элеонора Прохазка из Потсдама (погибла в атаке 16 сентября 1813 г.).

Германия помнила своих героев и старалась называть их поименно. *Befreiungskriege* – это национальный подъем, романтический национализм, морально подготовивший объединение Германии Бисмарком.

Немцы «голосовали ногами» от Наполеона так, что под Лейпцигом 16 октября 1813 г. Наполеон имел 190 тысяч солдат против 205 тысяч солдат противника. 18 октября, к концу сражения, союзники уже имели 295 тысяч солдат, а Наполеон – 160 тысяч.

Взрыв национального чувства, охвативший Пруссию, отразился и в других немецких землях. После Лейпцигской битвы и отступления разбитой французской армии за Рейн началось быстрое распадение Рейнского союза. На сегодняшний день единственным его членом, сохранившим независимость, является княжество Лихтенштейн.

Владельцы князья, при Наполеоне лишенные престола, вернулись в свои владения. За бывшими членами Рейнского союза сохранены были все верховные их права и территориальные приобретения. Королевство Вест-

фальское исчезло, в Ганновере восстановлено было владычество короля английского. Реставрированные князья пытались вернуться к «доброму старому времени», и в Германии начался виток лютой реакции... но крестьяне уже никогда не стали крепостными, феодализм стремительно уходил в прошлое, а Германия объединялась на совершенно другой основе, мало походившей на Священную Римскую империю германской нации.

Как видно, немцам пришлось делать тот же выбор, что и испанцам: между развитием и патриотизмом. Они последовательнее испанцев использовали возможность развития. Но в целом выбрали в конце концов патриотизм. Реформы монархиста, патриота и убежденного контрреволюционера Шарнгорста доказывали: вполне можно двигаться вперед и не изменяя национальной традиции.

И Германию Наполеон не сумел сделать до конца «своей». Так и долежала до 1813 года эта огромная мина.

Увяз в борьбе с Британией

21 ноября 1806 г. Наполеон подписал один из самых известных своих декретов. «Британские острова объявляются в состоянии блокады как с суши, так и с моря, – гласил он. – Всякая торговля и всякие сношения с ними запрещены... Никакое судно, идущее из Англии или ее колоний... не будет принято ни в один порт».

Началась континентальная блокада экономическая война с Британией. Наполеон не мог победить ее силой оружия и стал воевать таким способом.

Все европейские державы должны были присоединиться к континентальной блокаде. Иначе она и не имела особого смысла.

Британия оценила масштаб угрозы. Зачем выводить товары из колоний, зачем производить промышленные товары, если их невозможно продать?! Она отвечала контрмерами. Всем нейтральным странам было запрещено торговать с Францией. Английские корабли останавливали в открытом море суда других стран и конфисковали товары, направлявшиеся во Францию.

В ответ на это декретами 1807-го и 1810 г. Наполеон объявил, что всякое судно, подчинившееся английскому диктату, будет рассматриваться как английское со всеми вытекающими последствиями.

Так в экономическую войну Британии–Франции оказались втянуты все государства Европы. Континентальная блокада была продолжением англо-французского соперничества, продолжавшегося на протяжении всего XVIII в. Два государства вели ожесточенную борьбу за колонии, за гегемонию в Европе, за торговую, а затем и промышленную монополию на мировом рынке. Эта борьба значительно обострилась к концу XVIII в. в связи с началом промышленного переворота в Англии и французской революции. И теперь, казалось, у Наполеона есть все возможности решить вековой спор в пользу Франции. Не только Наполеон, но и многие в то время были уверены, что, лишив Англию главного источника ее благосостояния, торговли, удастся подчинить ее политически. А поскольку под контролем Наполеона находилась вся Европа, эта задача не представлялась очень сложной.

На войне как на войне! Блокада нанесла серьезный удар по английской торговле и привела к сокращению английского экспорта примерно на 10%. В 1809 г. в Англии начался торгово-промышленный кризис.

Но Франции и всей континентальной Европе блокада обошлась еще дороже. Сначала был период эйфории: континентальная блокада стимулировала развитие промышленного производства во Франции и других европейских странах, в первую очередь хлопчатобумажной и шерстяной промышленности.

Но сырья все сильнее не хватало. Промышленное оживление сменилось упадком и экономическим кризисом 1811 г. Французская промышленность была не в состоянии заполнить европейский рынок товарами, которые до этого поступали из Англии.

Французское сельское хозяйство тоже лишилось рынков сбыта.

Наполеон вынужден был постоянно смягчать условия континентальной блокады. С 1810 г. он начал выдавать

лицензии сначала на вывоз французского хлеба, затем на ввоз и вывоз сырья.

Допуская такие послабления, Наполеон лишал смысла саму идею континентальной блокады. К тому же лицензии давались только французским купцам, это вызывало естественное недовольство в других странах. Экономический кризис усугублял общее недовольство завоевательной политикой Наполеона, поддерживал национальное движение, расшатывал основы империи.

К тому же континентальная блокада заставляла не останавливаться, а, наоборот, начинать все новые завоевательные войны. Пока оставались регионы, через которые английские товары можно было ввезти в Европу, блокада не могла быть успешной. Одним из таких регионов был Пиренейский полуостров, потому Наполеону и «пришлось» увязнуть в войне с Португалией, потом и с Испанией.

Своего рода идефикс Наполеона стал рейд в Британскую Индию. Он был убежден, что «достаточно коснуться Ганга французской шпагой, чтобы обрушилось здание меркантильного величия». Вопрос – как пронести французскую шпагу на Ганг? По морю – никак, на морях господствует британский флот. По суше? Долгонько придется идти.

Британия была одним из трех противников Наполеона, которых он победить так никогда и не смог. Испания была первым. Третьим стала Россия.

Вершина 1811 года

У империй есть загадочное свойство разваливаться в тот самый момент, когда они достигают максимального размера. В 1811 году Французская империя достигла наибольших размеров. Вместе с вассальными и союзными государствами она включала в себя почти всю Западную, Центральную и Южную Европу. В ее состав кроме теперешней Франции входили Бельгия, Голландия и полоса Северной Германии до Балтийского моря, с устьями Рейна, Эмса, Везера и Эльбы, так что французская граница лишь на двести верст отстояла от Берлина. Входил весь левый берег Рейна от Везеля до Базеля, некоторые части

теперешней Швейцарии. В Италии частями Французской империи стали Пьемонт, Тоскана и Папская область.

Часть Северной и Средней Италии составляло королевство Итальянское. Вроде бы отдельное государство, но государем в нем был Наполеон. По другую сторону Адриатического моря, на Балканском полуострове, лежала принадлежавшая Наполеону Иллирия.

И с юга и с севера империя Наполеона охватывала Швейцарию и Рейнский союз. В самом центре Рейнского союза французскому императору принадлежал город Эрфурт.

Сильно урезанные Пруссия и Австрия граничили на западе с Рейнским союзом и Иллирией. Великое герцогство Варшавское состояло под протекторатом Наполеона, граничило с Пруссией на западе и с Австрией на юге.

В Неаполе царствовал зять Наполеона Иоахим I (Мюрат), в Испании – родной брат Наполеона Жозеф. Дания с 1807 г. была в союзе с Наполеоном.

Нелегким был для Европы деспотизм Франции. С годами Наполеон не становился мягче и спокойнее – да и особых причин на то не было. От всех покоренных стран, находившихся под его протекторатом или в союзе с ним, он требовал неукоснительного подчинения. В том числе и от своих братьев, посаженных на престолы Неаполя, Голландии и Испании.

Держать в страхе подданных он просто требовал. Везде вводились, по его приказанию, французские административные нравы и полицейские порядки, шпионство и доносы, вскрытие частной переписки, подслушивание разговоров, цензура, стеснения книжной торговли. Франция подчиняла союзные с нею государства всем тягостям континентальной системы, строгое выполнение которой мыслимо было лишь при неослабном полицейском надзоре и при помощи целой системы обысков, конфискаций, штрафов и других кар.

Наконец, Наполеон требовал от союзников вспомогательных войск и денег, что тяжело ложилось на народные массы. Всякий протест против французского ига строго преследовался и карался.

Ключ к мировому господству

Испания оставалась не разгрызенным куском, но не была и угрозой. Если придется уйти домой, за Пиренеи, не страшно. Испанские солдаты не побегут за отступающей французской армией, чтобы дойти до Парижа.

В те годы владевший Европой владел и всем миром. Две страны не позволяли закончить завоевание Европы, а вместе с тем и мира: Россия и Британия.

Разгромить сначала Британию? Для этого нужен или сильный флот, чтобы перевести через море армию, или доведенная до завершения континентальная блокада.

Россию можно даже не завоевывать, она вполне «годится» и в качестве союзника... Лишь бы выполняла требования континентальной блокады. Если будет выполнять, то и Британию рано или поздно, но сломим. А если Россия «слишком независима»? Тогда ее надо покорить, чтобы заставить присоединиться к блокаде! Так Россия оказывается ключом ко всей остальной Европе. Ее просто «приходится» завоевать.

Точно так же, как Франция при Наполеоне, спустя сто тридцать лет, завоеует континентальную Европу Третий рейх. Точно так же, как Франция, он сумеет включить все европейские страны в свою политическую систему, предложить некую общую «европейскую идею».

При Гитлере, в точности как при Наполеоне, останутся непокоренными, не подчинившимися, Британия и Россия под псевдонимом СССР. Точно так же, как Наполеон попытается завоевать Британию, Гитлер начнет с ней войну. И так же, как Наполеон, завоевать Британию он не сможет.

Точно так же, как Наполеон, владыка Европы вынужден будет выбирать, с кем из непокоренных «разобраться» в первую очередь. И, как Наполеон, он тоже выберет Россию.

Часть III.

ИМПЕРИЯ ДЕКАБРИСТА НА ТРОНЕ

Меня обворовывают точно так же, как и других, но это хороший знак и показывает, что есть что воровать.

Екатерина II

Глава 1.

МОНАРХИЯ, ОГРАНИЧЕННАЯ УДАВКОЙ

Петр I нарек свое государство империей. Скорее он выдавал желаемое за действительное. При Елизавете Российская империя выиграла Семилетнюю войну и показала себя как могучая европейская держава. С ней стали считаться. Ее стали бояться.

Имперское могущество России стояло на двух китах:

1. Громадных материальных ресурсах необъятной империи.

2. Колоссальной концентрации этих ресурсов в руках правительства и благородного сословия.

Империя могла собрать большие и хорошо подготовленные армии, быстро снабдить их всем необходимым и сосредоточить на нужном ей направлении.

При Екатерине Российская империя распространилась в четырех направлениях:

1. Вышла в Тихий океан и начала осваивать Аляску.

2. Присоединила часть Казахстана и вышла к Средней Азии.

3. Завоевала Юг России, присоединила Крым и вышла на Северный Кавказ.

4. Произвела разделы Польши и включила в состав империи почти все земли Древней Руси.

Успехи внешней политики – не единственная причина называть эпоху правления Екатерины II «золотым веком». Но это важная причина! При Екатерине Российская импе-

рия решила задачи, которые не могла решить Московия и Российская империя веками. Это были задачи, которые не способны были решать и европейские державы.

Российская империя грозно нависала над Европой, диктуя ей свою политику. После завоеваний Екатерины II все европейские государства искали союза и поддержки России. Руководитель российской внешней политики при Екатерине II канцлер А.А. Безбородко говорил в конце своей карьеры молодым дипломатам: «Не знаю, как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела».

Это был успех государства, но одновременно и корпоративный успех верных слуг государства, русских дворян.

Стоит ли удивляться, что времена Екатерины II будут вспоминать по-разному... но, как правило, с зарядом ностальгии. При ней Российская империя и впрямь достигла колоссального, почти неправдоподобного могущества.

Сколько было дворян?

В конце XVIII века записано в столбовые книги порядка 224 тысяч человек... Но записывали порой еще не родившихся детей, чтобы к совершеннолетию они уже успели почислиться в полках и «выслужили» бы себе право вступать в службу офицерами. А других, имеющих право на дворянство по выслуге чинов, но не успевших оформить дворянство, сосчитать не удастся.

Не говоря о том, что 224 тысячи человек – это мужчины, юноши, мальчики. Чтобы получить численность сословия, умножаем на два...

Чиновников в Российской империи порядка 14–16 тысяч, в том числе 4 тысячи старших, заслуженных – с I по VIII класс по Табели о рангах.

Число офицеров тоже приходится рассчитывать приблизительно, исходя из числа генералов, оно известно: 500 человек. Традиционного для русской армии соотношение 1 генерал к 30 офицерам. Итак, российский офицерский корпус конца XVIII века не превышал 14–15 тысяч.

Имеет смысл, право, учитывать это все малолюдство. Всей колоссальной империей с ее астрономическими

расстояниями и многомиллионным населением управляет, в сущности, горстка людей. Все эти люди если и не знакомы все поголовно друг с другом, то уж во всяком случае всякий выдающийся, чем-то интересный, яркий чиновник – всегда на виду. Всякий дворянин с необычными убеждениями, большой библиотекой, особенностями поведения сразу же выделяется, отмечается обществом.

По нынешнему миру ходит анекдот, что каждый из нас через десятого знакомого может выйти на президента США. В мире российского чиновничества и дворянства всякий всегда мог найти приятеля, родственника, знакомого, который знаком с практически любым видным лицом. Искать протекции – нетрудно.

Многим современным читателям Пушкина кажется условностью, чем-то надуманным счастливый конец «Капитанской дочки». Современники полагали иначе. Дочка одного из 15 тысяч офицеров Российской империи вполне реально могла обратиться за помощью к высшим сановникам и даже к самой императрице. По крайней мере, в этом не было ничего невероятного.

Не так уж надуманно и стремление Екатерины к справедливому и милостивому решению. Будет глубоко неверно представлять ее полным моральным уродом и тем более клинической садисткой. Петр Гринев не сделал ничего дурного ей лично и ее государству. В общении с ним естественные обычные человеческие чувства.

Не будем даже говорить о политическом, пропагандистском эффекте любого рода милостивых, разумных и справедливых решений верховной власти, – в том числе по исправлению перегибов «на местах». Но Маша Миронова, Петя Гринев и десятки, сотни тысяч таких Маш и Петей – это и есть тот народ, для которого трудится она, «бедная императрица». Разумность и справедливость власти укрепляют дворянское сословие. Надежность и доверие дворян укрепляют власть. Возможность обратиться «на самый верх» и скорректировать ошибки низовых и средних властей – отличное подтверждение и высокого качества верховной власти, и разумности самой системы протекции.

Численность духовенства известна лучше, чем офицеров и чиновников, священников в Российской империи в 1795 году было 215 тысяч человек. Сословие далеко не в такой же степени привилегированное, но тоже не платившее податей, а детей учившее, как горожане и чиновники.

Матушка-Екатерина

Дворянство не без оснований считало, что Екатерина заботится о дворянстве и что она им «как родная мать». Мама могла быть строгой, требовала работы на общее благо и «неукоснительной преданности», порой наказывала, и сурово. Но неизменно заботилась о своем любимом сословии, давала ему все новые права и привилегии, учила и цивилизовала это сословие по мере сил. Для 600 тысяч дворян она и правда была «матушкой»

Только они, эти дворяне, являются для правительства «российским народом»; только они и существуют политически. Остальных 35 или даже 40 миллионов жителей как бы и не существует.

В греческих городах-государствах резко различались граждане, лично свободные неграждане и рабы – государственные и частные. В Российской империи только дворяне выступают в роли привилегированных граждан. Священники, богатые купцы могут стать аналогом свободных неграждан. Их особо не мордуют, но и полноценными людьми не считают, к принятию решений не допускают. Крестьяне же и большинство горожан – типичные илоты, без малейших признаков каких-либо человеческих прав.

Дворянство было верно Екатерине до самой ее кончины 6 ноября 1796 года. Оно было верно и ее правительству. Дворянские историки высоко оценили Екатерину и все ее деяния. Считалось, что она и правда трудится для народа.

Россия сорока миллионов

Да, он грустит во дни невзгоды,
Родному голосу внемля,
Что на два разные народа
Распалась русская земля.

Граф А.К. Толстой

В Российской империи первая (и последняя) перепись состоялась только в 1897 году.

До этого считали не население, а плательщиков податей – ревизские души. Эти ревизские души включали в списки – ревизские сказки. Каждая ревизская душа считалась наличной, даже в случае смерти – до следующей ревизии. На этом и основана афера Чичикова: купить крестьян, которые умерли, никакого дохода помещику не приносят, но формально по ревизии числятся. Всего ревизий в Российской империи было 10: в 1719, 1744–1745, 1763, 1782, 1795, 1811, 1815, 1833, 1850, 1857 годах. Если Чичиков купил «мертвые души» в 1820 году, то они числились вполне даже живыми до переписи 1833 года. Чичиков вполне мог заложить эти «души» в банк и получить кругленькую сумму.

В ходе ревизий учитывались только мужские души, и численность населения теперь устанавливается приблизительно, простым умножением на два. Но и число ревизских душ по V ревизии 1795 года Н.Я. Эйдельман называет 18,7 миллиона, а С.Г. Пушкирев и В.О. Ключевский – 16,7 миллиона. Даже эти «податные» души империя знала весьма приблизительно.

Но ведь и ревизии не охватывали все мужское и активное население Российской империи.

Кочевых инородцев включили в ревизские списки далеко не полностью: они ведь могли от переписи перекочевать. А на Севере, в Сибири и в Америке были еще инородцы «бродячие» – охотники, оленеводы, рыболовы. Был еще контингент, который не хотел быть «сосчитанным», и это не только уголовники (которых, впрочем, не худо тоже посчитать), но скажем, и старообрядцы, относившиеся к переписям агрессивно, как к попытке антихриста наложить на них дьявольскую печать. Эти старались вообще никаких сведений о своем числе «антихристу» не сообщать.

В ревизии не включались неподатные простолюдины: отставные солдаты, ямщики, духовенство.

Все, кто не платил подушной подати, ревизиями не охватывался: дворяне, чиновники, наличный состав армии и флота.

Кроме того, ревизии не проводились в Польше, Закавказье и Финляндии.

Мораль? Правительство Российской империи само не знало, сколько же людей жило в России в XVIII веке. Современные ученые тоже этого не знают. Оценки колеблются от 33 до 40 миллионов, а для получения точных данных нужно не только изобрести «машину времени» и «полететь» на ней в прошлое, но и организовать в Российской империи вполне современную перепись населения...

Даже численность образованного сословия, дворянства, приходится высчитывать приблизительно.

Считается, что к 1795 году в Российской империи жило 36 или 38 млн человек.

В шестой ревизии, перед войной, было учтено только мужское население. Да и была эта ревизия не окончена. Обычно считается, что в 1806-м в Российской империи жило 39 800¹ человек, в 1811 – 1841 млн., в 1815 – 1842 млн². Конечно, это не точные данные, а то, что называется «экспертной оценкой». Плюс-минус несколько сотен тысяч.

Из всего этого населения только 5%, около 2,5 миллиона, живет в городах, коих при «матушке-Екатерине» насчитывается 610. Из этих людей не больше 50 тысяч записаны в купечество. Остальные – мещане, такие же нищие и бесправные, как и крестьянство.

В Петербурге жило порядка 240–250 тысяч человек. В Москве чуть меньше – около 200–220.

Деревень побольше – примерно 100 000, и получается, что в среднем в деревне живет по 300–340 человек. На юге и западе деревни побольше, с населением человек в 500, в 1000, и встречаются почаще. Север и Сибирь совсем малолюдные, глухие, там много деревень с числом жителей в 20, в 30 человек.

62% крестьян – крепостные, собственность помещиков, и получается, что наиболее типичный русский человек конца XVIII века – крепостной мужик; их порядка 57–58% всего населения.

¹ Россия: Энциклопедический словарь. – Л., 1991.

² Рашин А. Г., Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. – М., 1956.

В клубке страшных противоречий

Но полное и удручающее бесправие – это только одна из бед, которая свалилась на основную часть народа... и может быть, даже не самое ужасное зло.

Судя по всему, еще страшнее в их положении было принадлежать к категории туземцев, находящихся за рамками цивилизации. «Необразованный» крестьянин для «просвещенного» дворянина был не только ценной собственностью, но, ко всему прочему, еще и «русским азиатом», подлежащим переделке, перевоспитанию. Ведь переделывал же Петр дворянство?! Так почему бы уже переделанному, «сменившему кожу» дворянству не проделывать то же самое с крестьянами? Такая цивилизаторская работа не только осмысленна, она даже и благородна. Не просто «мы» мордуем «их» как нам нравится, но «мы» «их» превращаем в цивилизованных людей.

Любое включение крестьянина, человека из народа, в барскую жизнь, в жизнь правительства (скажем, взятие в армию) означало не просто продвижение вверх по общественной лестнице... Нет! Тем самым он переходил в другую культурную среду, буквально в другую цивилизацию. Из категории «русских азиатов» (или «русских африканцев», с тем же успехом) он переходил в категорию русских европейцев.

Сами эти «европейцы» могли культивировать самые дикие представления и о Европе, и о самих себе. Очень часто для них «Европой» становилось отсутствие традиции – и народной, и религиозной. Ведь традиции были смешны, нелепы, символизировали собой отсталость. Освобождение от традиций символизировало прогресс, свободу, движение вперед... одним словом, европейскость.

Потому и гарем, совершенно немыслимый ни в одной европейской христианской стране, становился как бы европейским явлением, а владелец гарема, веселый, ироничный вольнодумец, переписывался с Вольтером, и становился европейцем и даже рьяным борцом за просвещение, западником и либералом. Заворот мозгов невероятный, кто же спорит, но так было.

А для крестьянина, замордованного русского туземца, включение в эту среду, в систему образа жизни и представлений, которые верхи общества изволят называть «европейской», – это есть и повышение его статуса, и приобщение к высшим ценностям, и признание его достоинств.

Разумеется, существовали и совершенно реальные механизмы приобщения к культурным ценностям у прислуги в домах с картинами, библиотеками, домашними театрами, вполне европейским или почти европейским строем жизни. Такое приобщение играло роль одного из механизмов действительной, а не только надуманной европеизации страны. Я и не думаю отрицать действия этого механизма, и хочу только лишний раз показать читателю: далеко не все, что называлось европейством в XVIII и начале XIX веков, действительно имеет к нему хоть какое-то отношение.

Два народа в одном

В эпоху правления Екатерины русский народ окончательно разделяется на два... ну, если и не на два народа в подлинном смысле, то по крайней мере на два, как говорят ученые, субэтноса.

Одни – это продолжающие свою историю великороссы-москвиты. Это основная часть народа. Великороссы – имперский народ, этнический центр Российской империи. Но они считаются таким же туземным народом, как украинцы, татары, буряты или грузины.

Другие – это субэтнос, сложившийся в петербургскую эпоху. Имперские великороссы, дворянство и чиновники, «русские европейцы». Как и во всех империях, путь в русские европейцы открыт. И русский туземец, и любой другой подданный империи может сделать карьеру, получить образование, преобразовать себя по образу и подобию русских европейцев. «В князя не прыгал из хохлов»? – писал Пушкин. Хохол тут явно туземец. Если человек стал князем – он уже не хохол, он уже русский европеец.

У каждого из этих субэтносов есть все, что полагается иметь самому настоящему народу, – собственные обычаи, традиции, порядки, суеверия, даже свой язык... Ну, скажем так, своя особая форма русского языка.

У Николая Семеновича Лескова описана его собственная бабушка, которая свободно произносила такие сложные слова, как «во благовремении» или «Навуходоносор», но не была в силах произнести «офицер» иначе, чем «охвицер», и «тетрадь» иначе, нежели «китрадь». То есть, называя вещи своими именами, эта туземная бабушка цивилизованного Н.С. Лескова говорила по-русски с акцентом. Сама она была русская? Несомненно! Но ведь и образованный человек, пытаясь говорить на «народном» языке, тоже говорит с акцентом. Он, выходит, тоже иноземец?

Каждым из этих двух форм русского языка можно овладеть в разной степени. Барышня-крестьянка, Лиза Муромцева, достаточно хорошо владеет «народной» формой русского языка – по крайней мере достаточно хорошо, чтобы Алексей Берестов действительно принял бы ее за крестьянку¹. Не понятно, правда, признали ли бы ее «своей» настоящие крестьяне. По крайней мере народныхольцев, «идуших в народ», крестьяне разоблачали сразу же, и разоблачали именно так, как ловят незадачливых шпионов: по неправильному ношению одежды, по бытовым привычкам, по незнанию характерных деталей. И конечно же, по языку.

В Персии с английским шпионом Вамбери (венгерским евреем по происхождению) произошла беда: играл военный оркестр, и Вамбери, сам того не сознавая, начал притопывать ногой. Он-то сам не замечал, что он делает, но окружающие превосходно это заметили. Будь вокруг и остальные тоже переодетыми европейцами, Вамбери, может быть, и ушел бы невредим... Но все на площади были, что называется, самыми натуральными персами и с радостными воплями потащили Вамбери в тюрьму – всем было ясно, что он вовсе не восточный человек, а «ференги». А зачем «ференги» может одеваться в одежду персов? Ясное дело, шпионить!

Вамбери в конце концов доказал, что он восточный человек: трое суток он почти непрерывно орал и ругался последними словами на трех местных языках, и в конце

¹ Пушкин А.С. Барышня-крестьянка // Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. Том третий. – М., 1987, с. 86–95.

концов тюремщики пришли к выводу – «ференги» так орать не может! И выпустили Вамбери, майора британской разведки.

Вот так же все не очень ясно с Лизой. Она может обмануть парня того же общественного круга, то есть имеющего такой же бытовой опыт, такое же знание «народной» формы русского языка. Трудно сказать, что сказали бы настоящие крестьянки, выйди Лиза Муромцева к колодцу с ведрами и в своем деревенском наряде; может быть, они сказали бы словами тюремщиков Вамбери: «Ты ференги!». Достаточно Лизе показать, что она не умеет и что ей тяжело тащить ведра на коромысле, достаточно произвольным жестом аккуратного человека начать искать носовой платок – и для окружающих все станет ясно – она вовсе не крестьянка! Она «русская мем-сахиб», вот кто она!

Играя крестьянку, она ведет себя не только как человек другого круга, но как иностранка. Ведь для нее все обороты речи, употребляемые в обличье Акулины, – это не «настоящий» русский язык, использование его – только девичья игра, увлекательная, прямо-рискованная. Девушка прекрасно знает, что «на самом деле» по-русски говорят совсем не так.

И дело ведь не только в языке. Дело во множестве деталей, которые и передать бывает трудно. Волей-неволей мы уже затронули одежду. А ведь такие простые вещи, как рубашка (без карманов, между прочим!), кушак вместо брючного ремня, лапти, сарафан или шапка, – это не просто каким-то образом скроенные и сшитые куски ткани – это же еще и привычка их носить, привычка удовлетворять свои потребности, будучи одетым именно так, а не иначе.

Сарафан – это не просто свободная удобная одежда – это еще и походка, которая вырабатывается ходьбой в таком сарафане и в легких (легче сапог и ботинок) лаптях. Это и привычка особенно осторожно обходить глубокую грязь и лужи – ведь лапти промокают гораздо сильнее кожаной обуви.

Отсутствие карманов и носовых платков – это и привычка сморкаться в два пальца, и носить деньги и мелкие

предметы завязанными в узелок или во рту (с точки зрения русских европейцев, это очень неопрятная привычка).

Жизнь в избе – это и привычка спать в спертom воздухе – ведь в избе спят множество людей, а форточек в ее окнах нет. И летом, когда в доме прохладно, и зимой, в натопленном доме, попросту говоря, душно. По-видимому, привычные люди вовсе не испытывают от этого особых страданий, но с тем же успехом могу сказать – и в современной... ну, почти что в современной России, еще в 1970–1980-е годы по крайней мере некоторые сельские жители закупоривали на ночь свои дома так, что городской, привычный к форточкам человек в них попросту начинал задыхаться.

Не раз в различных экспедициях автору этих строк доводилось сталкиваться с ситуацией, когда «экспедишники» дружно вопили хозяину дома – мол, давайте наконец откроем окно! А хозяин качает головой и укоризненно говорит что-то типа: «Сквозник же...» А его супруга смотрит на бедных городских с выражением сочувствия и ужаса, как на рафинированных самоубийц. Причем только что эти милые люди сидели на лавочке и без всякого вреда для себя вдыхали свежий вечерний воздух, напоенный запахом цветущих растений, сохнущего сена и влаги. Но стоит им отправиться спать – и тут же появляется железная необходимость любой ценой отгородить себя от струй свежего воздуха, совершенно непостижимая и неприятная для городского «экспедишника».

Для современного россиянина... по крайней мере для абсолютного большинства россиян, невозможность проветрить помещение было бы неприятным и даже попросту мучительным. В этом мы нашли бы понимание у людей верхушечной русской культуры, у «русских европейцев». Но «русские туземцы» нас бы попросту не поняли, что тут поделать.

«Туземцев» не волновало и обилие насекомых, особенно тараканов. «Искаться» – это обычнейшее занятие для сельских жителей еще в начале XX века. И что такое «искаться», вы знаете? А это вот что: один или одна ложится на колени головой к другу (подруге), а та перебирает волосы, выцепляя там насекомых, в первую очередь вшей. Выгля-

дит не очень «аппетитно», согласен, но таких малоприятных деталей довольно много в жизни людей того времени. Искались ведь не только на Руси. В Европе этот обычай тоже бытовал все Средневековье, а уничтожила его урбанизация быта. Начиная с XVII–XVIII веков слишком много людей в Британии, Скандинавии, Голландии, Северной Франции начали жить в проветриваемых домах, мыться чаще, чем раз в неделю, следить за чистотой белья и получают представление о пользе мытья рук и чистки зубов.

До этого и во всех аграрно-традиционных обществах очень много всего «неаппетитного». Описание, скажем, традиционного дома скандинавского крестьянина способно вызвать попросту тошноту, в том числе у современных шведов и норвежцев. Было в этом доме почти всегда холодно (экономили древесину для протопки) и сильно пахло несвежей мочой – в моче стирали, и потому в земляном полу делалось углубление, в которое мочились все домочадцы; так сказать, не покидая жилья, впрок запасали необходимое в хозяйстве.

А обычай молодых мам высасывать сопли из носа младенцев исчез совсем недавно; в Британии он отмечался в эпоху наполеоновских войн (как яркий признак некультурности батраков, мелких фермеров и прочих малообразованных слоев населения); в Германии он описывался в конце XIX века, а в России зафиксирован последний раз еще в 1920-е годы, уже перед коллективизацией.

Жизнь в крестьянской избе – это и умение вести себя непринужденно в постоянном скопище людей, без всякого уединения. Крестьянская изба, не разделенная на разные комнаты, в которой основное место занимает русская печь, нам бы уж точно не показалась ни особо знакомой, ни так уж сильно привлекательной. Глядя на это в общем-то небольшое пространство (даже богатой северной избы), всегда удивляешься – да как же они все тут помещались?! Несколько супружеских пар, принадлежащие к разным поколениям, куча ребятишек и подростков обоего пола, старики... И все эти десятки людей – на сорока, от силы 50–60 квадратных метрах?! А ведь помещались, помещались...

У туристов, впервые посещающих музеи под открытым небом, где хранятся памятники деревянного зодчества (они есть в Суздале, под Новгородом), обязательно возникает вопрос: что, отдельных комнат ни у кого вообще не было?! Нет, ни у кого не было. И... это... у супружеских пар не было?! Не было. А как же... А вот так! А дети?!

Но в том-то и дело, что никого из обитателей изб в те простенькие времена особенно не волновало – видят дети чьи-то половые действия (в том числе и половые действия родителей) или не видят. Даже лучше, чтобы видели и учились. Дети и учились, и не только на примере всевозможных животных, домашних и диких, но и на примере своих ближайших родственников.

Жизнь в избе – это и умение так же непринужденно выходить пописать и покакать за овин. Выпархивает девичья стайка и на глазах всякого, кто захочет подсмотреть, располагается... благо, сарафаны и рубахи на них длинные.

Впрочем, парни обычно не подсматривают, они посмотрят скорее девичье купанье – ведь изобретение купальника таится во мраке грядущего. Купаются девушки голыми, и мало ли чьи глаза горят в густом кустарнике поодаль... К чему Лизе тоже предстоит привыкнуть, если ей захочется играть в крестьянку постоянно, хотя бы несколько суток, а не несколько часов.

Но купаться хорошо летом, а оно не очень продолжительно в Великороссии. В баню ходят регулярно, раз в неделю, но вот более интересный вопрос – а как мылись в перерыве между банями? Так сказать с субботы и до следующей субботы?

Ответ способен огорчить человека, приписавшего предкам больше достоинств, чем надо, и привести в полную ярость «патриота» советско-жириновского рóзлива. Потому что ответ этот – нерегулярно, а то и попросту никак. Трогательная картинка – девушка, которая умывается из ручейка по раннему утру, на заре. Из мультфильма в мультфильм, из экранизированной сказки в сказку переходит этот милый образ... Только вот сразу вопрос – а как умываться людям постарше? Тем, кому не очень хочется наклоняться и плескать себе ладошкой в «портрет»? Что,

если погода в этот день плохая? И вообще – как умывается та же девушка 7 месяцев в году, с октября по апрель? Не говоря о том, что до ручейка от дома может оказаться довольно далеко идти, и каждый день, пожалуй, не находишься.

Стоит задать себе эти «непатриотичные» вопросы, и быстро выясняется – в крестьянской среде отсутствует культурная норма, предписывающая умываться каждый день. Грубо говоря – вне банных дней можно было мыться, а можно было и не мыться. Некоторые чистили зубы... а большинство – нет, не чистили.

Стало классикой зубоскалить по поводу грязных дам в рыцарских замках. Но ведь и в Московии не было традиции ни умываться, ни мыть уши, шею или под мышками, тем более (тысяча извинений!) подмываться. Ну что поделать, если не было такой традиции, и вполне можно сопроводить любую романтическую историю соответствующими комментариями.

Крестьянский быт – это совершенно иные объемы жилища, другие помещения, другие предметы. Нет, например, шкапов или столов с выдвижными ящиками, комодов и стульев. Есть сундуки – то есть в дворянском быту они тоже есть, но играют не такую значительную роль. А тут вещи класть больше и некуда.

Чтобы жить в избе, нужно уметь пользоваться ухватом, спать на лавке, обметать сажу куриным крылышком, шить и прясть ночью, и даже не при свече, ведь свеча – это дворянская и городская роскошь. А при лучине.

Другие привычки, другие движения тела, языка и души. Другая память, в том числе память о детстве.

У крестьян не просто худшего качества еда. Это еда, состоящая из совершенно других блюд, которые приготовлены другими способами и совсем иначе поедаются.

Повседневная еда низов общества убийственно однообразна и превосходно описана в двух народных поговорках: «Щи да каша – еда наша», и «Надоел, как пареная репа». И вкус у народной пищи, и ее биохимический состав отличается от дворянской еды. И к той, и к другой еде надо привыкать, по существу, всю жизнь.

Если продолжать тему «пожить, как крестьянка», то Лизе Муромцевой очень скоро пришлось бы обнаружить еще одно отличие, весьма существенное как раз для девушки – крестьяне сами готовят поглощаемую ими еду.

Каждое блюдо надо готовить долго, это непростой процесс – каждый раз надо колоть дрова, топить печь, носить воду. Это женская работа; если барышня-крестьянка захочет пожить в деревне несколько дней, как «своя», ей придется колоть дрова и каждое утро, не успев побывать за овинком, идти с ведрами за водой к речке или к колодцу. В каждую бадейку – по два современных ведра, на коромысло – по две бадейки, и вперед! Потому и стараются варить что-то одно, но много, – целый чугунок щей или каши. Едят редко, без полдников, «чая в четыре часа» и прочих приятных перекусов: на еду у них особенно нет времени, да и просто надо экономить воду и дрова.

Правила поведения за столом оставляют желать лучшего – они еще попросту не созданы, а в деревнях, где едят в основном вареное, причем из общего горшка, они и не очень-то нужны. Вот деревянная ложка – очень нужная вещь, и ее каждый носит за голенищем.

Во всех различиях «европейцев» и «туземцев», за 2–3 поколения достигших уровня различий между кастами, много от различий между богатыми и бедными, владельческими и подчиненными, образованными и необразованными. Но не только...

Скажем, в XVII–XVIII веках французские, потом и немецкие ученые начинают изучать народные легенды, сказки, обычаи, представления. Они собрали огромный пласт народного фольклора, бытовавшего в среде людей, которые были менее образованны, менее богаты и больше времени проводили в полях, лугах и лесах. У них тоже будет прорываться порой просветительский раж, но вот чего им и в голову не придет, так это что перед ними – люди другого народа или выходцы из другой эпохи. Ни сборщики улиток в Южной Франции, ни сборщики хвороста в Северной, ни пастухи и дровосеки Германии не вызывают подозрений, что они в чем-то главным больше похожи на народы колоний, чем на городских французов и немцев.

В России сталкиваются, конечно, люди разных культурно-исторических эпох. «Русские европейцы» порождены Петровскими реформами, они – дети петербургского периода нашей истории. В среде «русских туземцев» продолжает жить (вероятно, и как-то развиваться) культура более раннего, московского периода. Во многих произведениях русской классики (у Майкова, Сумарокова, Лажечникова) упоминается такая одежда, которая после Петра совершенно исчезла в дворянской или чиновничьей среде. До Петра сарафан, кафтан, шапка, однорядка или ферязь – обычная одежда всех слоев общества. Теперь же в них одеваются только «туземцы»; «русские европейцы» не знают таких деталей туалета.

Но даже и понимание того, что это – люди разных эпох, не всегда достаточно для понимания происходящего. Тут еще более глубокие, еще более основательные различия.

В первой половине 19 века русские ученые тоже начнут собирать фольклор, в точности как французы и немцы, но очень быстро осознают, – они имеют дело не «просто» с простонародьем, с сельскими низами своего собственного народа, а с каким-то совсем другими русскими! У которых не просто меньше вещей, которые больше времени проводят в природе и которые меньше образованы, а людей, у которых... у которых... ну да, в строе жизни и в поведении, в мышлении которых вся атмосфера совсем другая.

Конечно же, это чистой воды эксцессы, события 1812 года, когда казаки или ополченцы обстреливали офицерские разъезды. Когда русские солдаты, затаившись в кустах у дороги, вполне мотивированно вели огонь по людям в незнакомых мундирах, которые беседовали между собой по-французски.

Конечно же, это крайность, осуждавшаяся и в самой дворянской среде. Но ведь Л.Н. Толстой называет «воспитанной, как французская эмигрантка» именно национальную Наташу Ростову, уж никак не позабывшую родной язык, а не патологического дурака Ипполита, не способного рассказать по-русски простенький анекдот. Случайно ли? Ведь можно понимать каждое слово, даже любить звуки русского языка, самому свободно говорить, думать,

писать, читать и сочинять стихи по-русски, но какое это имеет значение, если сам строй мыслей «русских туземцев», сам способ мышления, если стоящие за их словами бытовые и общественные реалии ему мало понятны?

Так европеец может понимать слова японца, индуса, африканца – в конце концов, нет языка, который невозможно выучить, – но что проку понимать слова, если «непонятен сам строй их мыслей»¹.

Славянофильство и возникнет как реакция на понимание того, что «русские туземцы» – это иностранцы для «русских европейцев», и наоборот. К.С. Аксаков, А.С. Хомяков, И.В. и П.В. Киреевские, другие, менее известные люди делают то же самое, что делал Шарль Перро во Франции XVII века, что делали братья Гримм в Германии и Г.Х. Андерсен в Дании. Но европейцы не обнаружат в своем простонародье людей другой цивилизации, а славянофилы – обнаружат. Можно соглашаться, можно не соглашаться с их идеологией – дело хозяйское, но славянофилы по крайней мере осознали и поставили проблему. Для людей «своего круга» решение прозвучало как «вернуться в Россию!», «стать русскими!». При всей наивности этого клича в нем трудно не увидеть положительных сторон.

Я вынес в эпиграф четверостишие из недописанного стихотворения А.К. Толстого; к славянофилам как к общественному движению Алексей Константинович отродясь не примыкал, но позволю себе привести еще одно четверостишие, которым заканчивается это недоконченное стихотворение:

Конца семейного разрыва,
Слиянья всех в один народ,
Всего, что в жизни русской живо,
Квасной хотел бы патриот².

«Слиянья всех в один народ» не произошло. Русский народ так и оставался разделенным то ли на два народа, то ли

¹ Овчинников В. Ветка сакуры. – М., 1972. с. 8.

² Толстой А.К. «Друзья, вы совершенно правы...»// Толстой А.К. Собр. соч. в четырех томах. Том первый. – М., 1963. с. 670.

даже на две цивилизации весь петербургский период своей истории и большую часть советского периода (впрочем, в советское время появятся другие, новые подразделения).

В эпоху наполеоновских войн распад на два субэтнуса был в самом разгаре, на самом пике.

Загадочные туземцы

Мы очень мало знаем об этом русском субэтноте. То есть мы достаточно хорошо знаем его этнографию: как одевались, как сидели, на чем, что ели и так далее.

Но, в сущности, мы очень мало знаем об этой части русского народа, его истории. Ведь строй понятий, миропонимание «русских туземцев» вовсе не оставались неизменными весь Петербургский период нашей истории. То есть полагалось исходить именно из этого – что изменяющийся, живущий в динамичной истории и сам творящий историю слой «русских европейцев» живет среди вечно неизменного, пребывающего вне истории народа «русских туземцев». По-своему это логичная позиция – ведь история подобает народам «историческим», динамичным, как говорил Карл Ясперс – «осевым»¹, то есть начавшим развитие, движение от исходной первобытности.

А народы «неисторические», первобытные, и должны описываться совсем другой наукой – этнографией, от «этнос» – народ и «графос» – пишу. То есть народоописанием. История повествует о событиях, этнография – об обычаях, нравах и поведении, об одежде и еде. То есть о статичных, мало изменяющихся состояниях.

О русских туземцах и не писали исторических сочинений; в истории их как бы и не было. О русских туземцах писали исключительно этнографические сочинения – о его домах, одежде, пище, хозяйстве, суевериях²⁻⁴. Книги эти написаны с разной степенью достоверности, в разной

¹ Ясперс К. Назначение и смысл истории. – М., 1992. с. 11.

²⁻⁴ Максимов С.В. Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила. – Кемерово, 1991 (первые издания – в 1903 и 1908 годах).

Кавелин К.Д. Собрание сочинений в четырех томах. – СПб., 1897–1900.

Коринфский А.А. Народная Русь. – Смоленск, 1995 (первое издание – в 1901 году).

мере интересны, и в них проявляется весьма разная мера таланта автора. Но вот что в них несомненно общее, так это сугубо этнографический подход. Самое большее, фиксируются именно этнографические изменения: появился картуз вместо шапки; стали меньше носить сарафаны, больше платья «в талию»; смазные сапоги вытеснят лапти... и так далее. Так же вот и Николай Николаевич Миклухо-Маклай фиксировал, что изменилось на побережье Новой Гвинеи между двумя его приездами¹, а В.Г. Тан-Богораз очень подробно описывал, как изменяется материальная и духовная культура чукоч под влиянием американского огнестрельного оружия и металлических ножей и скребков².

Такие же подходы к «русским туземцам» проявляют и при советской власти. Скажем, у Г.С. Померанца есть раздражающе неправдоподобное, какое-то просто фантастическое положение о «неолитическом крестьянстве», дожившем до XX века³. Только в работах интеллигентов более современных поколений проявляется совсем другая тенденция. Наиболее четко поставил задачу, пожалуй, Н.Я. Эйдельман, предположив: а что, если дворянская консервативная позиция в эпоху Екатерины II как-то соотносится с позицией хотя бы части крестьянства⁴?!. Но даже и здесь поставлен вопрос – и не более. Ответа же на него нет и не предвидится.

Я же задам два более конкретных вопроса, без ответа на которые мы будем изучать историю 2–3%, даже 0,1% населения России так, словно это и есть вся история государства и общества Российского.

1. Недворяне, то есть и крестьянство разных губерний, и священники, и мещане, и старообрядцы, и казаки, – все эти группы русских туземцев участвовали в войнах с Турцией и с Пруссией. На глазах этих людей (в той же степени, что и на глазах дворян) происходило раскрепощение дво-

¹ Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений. Тт.1–5. – М.-Л., 1950–1954.

² Тан-Богораз В.Г. Чукчи. Ч.1 и 2. – Л., 1934.

³ Померанц Г.С. Избранное. – М., 1993. с. 364.

⁴ Эйдельман Н.Я. Грань веков. – М., 1984.

рянства, доносились слухи о Французской революции и посылались экспедиционные корпуса Суворова в Италию.

Так вот: как сами-то эти люди воспринимали события, которым они были то свидетелями, то участниками? Чем были эти события не с точки зрения дворян и не с официальной точки зрения Российской империи, а с точки зрения нравственных и культурных ценностей их собственных сословий?

Кстати, а какое воздействие оказывали эти исторические события на историю того или иного сословия или его части? Кем были для крестьян Наполеон ... да и Александр I в полупрусском мундире и с родным немецким языком?

2. Как изменялись сами «русские туземцы», разные группы «туземцев» в ходе исторического процесса? Вряд ли разные группы крестьянства, посадских людей, казаков и священников одинаковы в 1720-м и 1800-м годах, или скажем, в 1770 и 1830. Должны ведь изменяться не только их численность или состав (что иногда фиксируется историками), но и их представления о самих себе, отношение к государству, к другим сословиям.

Не говоря ни о чем другом, ведь «туземцы» могут европеизироваться разными способами и совершенно не обязательно путем включения в число «русских европейцев». До сих пор ни одно историческое исследование не посвящено этому важнейшему вопросу: самостоятельной модернизации недворян в Российской империи.

Пока нет работ, освещающих оба вопроса (огромных вопроса, вне сомнения), мы изучаем даже не два параллельных процесса, никак не связанных между собой. Мы изучаем историю одного из русских народов так, словно это и есть история обоих народов одновременно – ведь «русских туземцев» как бы и не существует.

Порой нам даже удается себя в этом убедить.

С точки зрения дворян

И более того. Вся уже написанная русская история XVIII–XIX веков волей-неволей написана так, словно дворянство, а потом дворянство и интеллигенция – это и есть весь российский народ. Историк, даже не склонный ни к

какой тенденциозности, вынужденно опирается на письменные источники – то есть на то, что оставлено людьми изучаемой эпохи. В каком-то случае он легко подвергнет документ «внутренней критике» – то есть поймет, какие реалии жизни, даже не проговоренные в документе, заставили написать его так, а не иначе.

Получается, что мы и впрямь, вовсе не в переносном смысле слова и не в порядке художественного образа – мы изучаем историю 1% населения России так, словно этот 1% и есть все 100%. Что абсолютно неверно.

Россия бывшая и небывшая

Попробую еще раз назвать особенности той России, которая состоялась после петровского погрома и долгих судорожных шараханий из стороны в сторону: дворцовых переворотов 1725–1762 годов.

1. Состоялась страна, народ которой фактически разделен на два разных народа с разными нравами, культурой и чуть ли не разными языками.

Один из этих народов, составляющий не больше 3% другого, живет за счет всей остальной страны.

2. Во-первых, Россия состоялась как страна «хронической модернизации». Страна, которая официально заявляет своей целью догнать Европу, но правящий слой которой никогда не допустит, чтобы это на самом деле произошло.

Привилегии правящего слоя этой страны, «русских европейцев», объясняются тем, что они ведут остальной народ. Конец модернизации будет обозначать и конец их привилегий, – то есть будет означать то же самое, что революция для правящего класса.

3. В России, состоявшейся к эпохе Екатерины, свободы стало намного меньше, чем было сто лет назад.

Состоялось примитивное рабовладельческое государство, устроенное очень просто и потому почти неспособное развиваться и изменяться.

И потому в этой состоявшейся России все более неизбежна опустошительная гражданская война этих двух народов. Скорее всего, это должна быть война на уничтожение – ведь эти два народа все хуже понимают друг друга.

По поводу знаменитого Манифеста 18 февраля 1762 года «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству»... Да! Этот Манифест о вольности дворянской сразу превращал дворянство из служилого, тяглого сословия в сословие мало зависимое от службы, и притом привилегированное. И более того – сословие, привилегированное предельно, невероятно; сословие, крайне вознесенное над всеми остальными и поставленное в исключительное положение.

Крестьянство и вообще все остальные сословия продолжали тягло нести. Дворянство тягла не несло, и вот в этом-то взаимное понимание «благородного сословия» и остальной нации сильнейшим образом нарушились. Пока дворяне несли службу государству, крестьянин и казак могли мириться очень со многим. Теперь основа для взаимного понимания и общей службы – исчезла.

Не случайно же на Руси мгновенно, буквально через считанные недели после Указа, крестьянство стало ждать... ждать чуть ли не с минуты на минуту, когда же наконец выйдет второй Манифест... Манифест о вольности крестьянской?!

А не дождавшись своего Манифеста, крестьяне с легкостью необычайной верили всякому, кто назывался «настоящим» чудесно спасшимся Петром III, и было таких «Петров» около сорока человек. Петр III вообще оказывается из всех царей на поверку самым любимым, самым обожаемым русским народом. Его славу разделяет Павел I, считавшийся официально сыном Петра III. А вот Екатерина II в народном сознании – не только мужеубийца, но и первейший «враг трудового народа»: это ведь она, Екатерина, извела законного мужа, чтобы не дать ему освободить народ. Петр этого, «конечно же», хотел, для того и издал Манифест о вольности дворянской. А дворяне руками «негодной Катьки» извели законного царя, не дали ему освободить народ...

Наивно? Как сказать... Дело в том, что в Петербурге и весь конец XVIII века, и в первой половине XIX ходила такая легенда... Будто канцлер Михаил Воронцов, автор текста знаменитого Манифеста, советовал императо-

ру как раз издать и Манифест о вольности крестьянской... И будто бы император проявлял интерес, и даже как бы просил подготовить текст Манифеста... Иные договаривались даже, что не случайно «убрала» гвардия Петра III, ставшего опасным для дворянства. Что якобы текст Манифеста уже заготовили и готовы были огласить, когда...

Нет, текст Манифеста о вольности крестьянской хранился за обшлагами шляпы императора, для верности. И когда Алексей Орлов... В общем, с головы императора упала шляпа, а из-за обшлага торчит угол бумаги! Потянули, а это... Манифест! Кто его сжег, текст Манифеста, матушка-царица, сам Орлов, они вместе?.. Наверное, Екатерина первая бросилась к ближайшей свечке, едва уяснив, что за бумагу принес Алексей Орлов! Изменившись в лице, трясаясь от страха, жгла, не в силах дожидаться, когда же распадется серым пеплом такой страшный, такой грозный документ!

Между прочим, эти волнующие подробности рассказывают вовсе не полуграмотные мужики, и в начале XIX века живущие как бы во времена покорения Иваном Грозным Казани... Эту байку сочинили (или не сочинили? или не байку?) столичные, петербургские дворяне, включая и титулованную знать.

Было? Не было? Теперь очень трудно сказать, но в том-то и дело – Петр III вполне мог готовить такой Манифест. Скорее всего, тут полно искажений, преувеличений, надуманных деталей. Тот же уголок бумаги из шляпы задушенного императора... С одной стороны, что же это: император так шляпы несколько дней и не снимал? Если проект Манифеста у него уже был подготовлен, хотя бы вчерне? С другой стороны, такого «уголка бумаги» и не сразу придумаешь. В общем, неясная история.

Главное – никак нельзя исключить, что у легенды была своя основа. Замечу – до чего сходятся версии дворянская и крестьянская! Оба эти сословия после выдумок Петра, а особенно после Манифеста о вольности дворянской друг друга, мягко выражаясь, недолюбливают и взаимно считают... опять же выразимся мягко – недалекими. Но какое одинаковое устройство мозгов! Насколько единый и

общий полет фантазии! Как оба основных сословия Руси ждут Манифеста о вольности крестьянской!

И снова призрак Конституции...

Даже идея Конституции в России не случайна и вовсе не исчезает с воцарением Екатерины. Пришла-то она к власти и должна была править как регентша, до совершеннолетия малолетнего Павла. И править по Конституции...

Конституция вполне определенно была, видели ее многие. После свержения Петра III и захвата Екатериной самодержавной неограниченной власти текст конституции то ли был уничтожен, то ли спрятали его так, что до сих пор никто найти не может. А вот введение к Конституции под названием «завещание Панина» сохранилось и опубликовано Денисом Фонвизиным¹.

И даже этим не все кончилось... Есть данные, что за два дня до смерти, 28 марта 1783 года, Никита Иванович Панин снова убеждал Павла преобразовать государственный строй России «на началах конституционных»².

Как будто существовал еще один, преемственный от панинского, конституционный проект Платона Зубова и Гаврилы Державина³.

И Петр III, и Павел I уже в царское время были представлены, как какие-то нравственные чудовища, невероятно агрессивные психи или в лучшем случае как сумасшедшие. Это мнение о них вполне разделяла и советская историография. Но первый из них надолго стал народным кумиром – которым очень хотела, да так и не стала его «жена»-убийца. А восшествие на престол второго вызвало восторг ожидавших: вот сейчас император Павел I даст Российской империи конституцию, а крестьянству – личную свободу!

¹ Фонвизин Д.А. Собр. соч. Тт. I-II. – М.-Л., 1974, с. 254–267.

² Сафонов М.М. Конституционный проект Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VI. – Л., 1974, с. 280.

³ Сафонов М.М. Конституционный проект П.А. Зубова – Г.Р. Державина // Вспомогательные исторические дисциплины, Т. X. – Л., 1978.

В общем, призрак бродит по России. Призрак ограничения власти монарха и Конституции. Против – разве что Баба-яга. Это Екатерина? Не только. Это основная толща дворянства. Бесправного, но получившего фантастические привилегии. Для Екатерины смерти подобно и отдать власть, и поделиться властью, и ограничить собственную власть. Уцелеть она может, исключительно удерживая всю полноту своей самодержавной власти.

Но «за Бабу-ягу», Екатерину, – толща дворянства. Огромное число властных, организованных людей, осознающих свои права и не собирающихся с ними расставаться. Екатерина берет самодержавную власть – и тут же дает колоссальные привилегии. Никакая другая власть не даст столько.

Любой новый монарх будет иметь дело с этой толщей. С верхушкой своей империи. Со множеством организованных, вооруженных людей, умеющих собраться, выбрать себе предводителей. С осознающими свои права и интересы владельцами почти всей земли и более чем половины рабочей силы империи. Со множеством командующих полками, управляющих имениями, уездами и губерниями. С людьми, которые панически боятся Конституции, потому что боятся пуще смерти лишиться своих привилегий и особенно главной из них: владеть крестьянами. Что бы ни замыслил монарх, какие бы хорошие идеи ни бродили в его голове, а считаться с этой дворянской массой он был вынужден независимо от своего желания.

Глава 2.

СЕМЬЯ, ПРАВИВШАЯ ИМПЕРИЕЙ

Историки приписывают Гамлету комплексы, чтобы не приписывать совести. В конце концов, не такое уж большое удовольствие – перерезать горло собственному отчиму.

К.Г. Честертон

Семейство на троне

У нас судят и рдят о государственных делах, которые вершили цари и императоры, и как-то не учитывают: эти государственные мужи были еще просто обычными людьми. И выдающимися личностями, и не очень, и на своем месте и не на своем, но в любом случае они были сыновьями, дочерьми, братьями и сестрами, мужьями и женами, папами, бабушками и дедушками.

Россией правила Семья. Это была очень известная, очень знатная Семья, корни которой уходили в Средневековье. С 1763 года и каждый год в немецком городе Гота выходил генеалогический сборник. Знаменитый «Готский альманах» включал списки наиболее известных родов, царствующих домов и высшего дворянства Европы. Большая семья, которая правила Российской империей, в «Готском альманахе» называлась «Романовыми-Гольштейн-Готторпскими». Семья возмущалась – она хотела быть так скромненько, просто Романовыми, забыть о сильной примеси немецкой крови в своих жилах.

Но эта была Семья, – независимо от ее знатности, богатства и влияния. Екатерина II была бабушкой для Алек-

сандра I. Совсем маленьким он сидел у нее на руках, любил ее и, как все дети, старался быть для бабушки хорошим и приятным. Если бы Екатерина Алексеевна была бы не императрицей с порядковым номером II, а рядовой дворянской, купчихой или крестьянкой, он вряд ли любил бы ее меньше. Он точно так же пытался бы вести себя так, чтобы бабушка любила его и была им довольна.

Петра III Федоровича Александр I и другие дети Павла Петровича никогда не знали: он был убит, когда Павлу было всего 8 лет. Покойный дедушка, вопросы о котором не поощрялись. Мрачная тайна, которая всегда была – хотя официально ее не было.

А убитый на его глазах Павел I был для Александра I Павловича не только императором. Он еще был для него отцом. Папой, папочкой, папулей. Будь Павел купцом или ремесленником, тачавшим сапоги, Александр не меньше любил бы его, и не меньшей трагедией было бы для него страшное убийство папы.

София-Доротея-Августа-Луиза Вюртембергская (1759–1828), ставшая в крещении Марией Федоровной, была для него женой отца, мамой ему самому и всем его 3 братьям и 6 сестрам. 4 сестры умерли еще при его жизни: Александра (1783–1801), Елена (1784–1803), Екатерина (1788–1819) и Ольга (1792–1795). О них не пишут в толстых книгах «про историю», потому что эти девочки или совсем молоденькие девушки не стали историческими личностями. Но для императора Александра это были близкие люди и члены его необычной царствующей семьи.

Рассказывая, что Александр I был лицемерен, лжив, хитер, или что он был очень хорошим актером, в лучшем случае объясняют эти не лучшие качества особенностями биографии. И никто из историков, добрые и нравственные они наши, не задается простейшим вопросом: а как же жить с таким наследием? И каким человеком надо быть, чтобы это наследие преодолеть и создать совершенно нормальную, благополучную семью, без криминальных заворотов. А ведь и Павел I Петрович и Александр I Павлович жили с чудовищным наследием, преодолеть которое почти невозможно.

«Бабушка Екатерина»

Страшный узел русской истории завязался еще при Петре I, за полвека до Екатерины и за 80 лет до правления Александра I. Громадная страна слетела с рельсов своего традиционного развития и полетела строить причудливую утопию. Как всегда, утопия не получилась, получилось что-то причудливое, странное и никем не ожидаемое. Эти события русской истории я обсуждаю в своих других книгах: «Правда о допетровской Руси» и «Петр I. Проклятый император».

В японской конституции есть очень точные слова: «Император является символом нации». Именно. Если с династией происходит «что-то не то», это вернейший показатель – что-то «не то» делается со всей страной. С династией же Романовых и правда происходили странные вещи весь XVIII век.

Вся Россия перестала верить в себя и осознавать себя самостоятельной самоценной державой.

Династия Романовых тоже все пытается прислониться то к Вюртембергской, то к Гольштейн-Готторпской династии. Своего рода новое призвание варягов, упорное желание смешаться с немцами.

Россия из обычного европейского государства превратилась в восточную деспотию, почти что в рабовладельческое государство.

На престол первых трех Романовых, добродушных и умных, села страшноватая Анна Ивановна и узурпатор с наклонностями тиранши, Екатерина II.

Единый русский народ раскололся на европейцев и туземцев.

Сидящая на престоле династия сделалась династией не всех русских, а царями дворян и разночинцев. Петр III не понял этого и погиб. А Екатерина II поняла – и уселась на трон на всю свою долгую жизнь, с 1762 до 1796 года.

Любопытно, что императрицы умирали своей смертью. Ранняя, в 43 года, смерть Екатерины I (1684–1727) проистекает от естественных причин, в основном от пьянства. Такая же ранняя, в 47 лет, смерть Анны Ивановны произошла от болезни. Елизавета Петровна (1709–1761) прожи-

ла недолго, 52 года, но тоже умерла своей смертью, как и Екатерина II (1729–1796), прожившая почти 67 лет.

А вот императоры не жили. Возможно, уже Петр I (1678–1725) был отравлен своей второй женой и ближайшими к нему людьми. Простудившись, в 15 лет умер его внук Петр II (1715–1730). О судьбе несчастного Ивана VI Антоновича (1740–1764) просто не хочется рассказывать. Петр III (1727–1762) убит собственной женой. Павел I (1754–1801) убит при участии сына.

XVIII век – это четыре императрицы, умершие своей смертью. И пять императоров, из которых трое совершенно точно убиты, один, вероятно, тоже убит, а один умер таким молодым (чтоб не сказать маленьким), что, видимо, просто не успел никому перейти дорогу.

Как видно, безумная российская политика не терпела мужских форм правления, мужских качеств на троне. Потому что в это «гвардейское столетие» власть прочно «прихватизировала» гвардия. Коллективный император, гвардия, не терпела конкурентов: второй мужской воли в государстве.

Собственно, и дети у Елизаветы, а потом у Екатерины рождались от этого коллективного императора: от гвардии.

Происхождение Павла I уже сомнительно. Появился он на свет через 9 лет бесплодного брака и после двух неудачных беременностей 20 сентября (1 октября) 1754 года. Большинство придворных полагали, что отцом ребенка был Сергей Васильевич Салтыков (1726 – ?).

«Он был прекрасен, как день, – пишет Екатерина II, – и, конечно, никто не мог с ним равняться даже при большом дворе, не говоря уже про наш. Он был довольно умен и обладал тою прелестью обращения, теми мягкими манерами, какие приобретаются жизнью в большом свете, особенно при дворе. В 1752 г. ему было 26 лет. Вообще и по рождению, и по многим другим качествам это была выдающаяся личность. У него были недостатки, но он умел скрывать их; величайшие его недостатки заключались в склонности к интриге и в отсутствии строгих правил, но все это было мне неизвестно тогда».

Салтыкова немедленно послали к шведскому двору со счастливым известием о появлении на свет наследника престола. Оттуда сразу посланником в Гамбург. В России он ненадолго появился, снова отправлен посланником в Париж. Последние упоминания о нем относятся к 1764 году, когда его невенчанная жена и мама его (?) ребенка уже сидела на троне.

Помимо Салтыкова называют и другие имена возможных отцов Павла, вплоть до лакеев. Говорят и о том, что Екатерина родила мертвого, и «пришлось» притащить во дворец «курносого чухненка», то есть финского младенца, подменыша.

Помимо сплетен, у нас есть собственноручные записки Екатерины и ее верного клеветы княгини Дашковой. Что любопытно: есть и русская версия этих записок¹, и немецкая². Они различаются в деталях. Например, в русской версии говорится, что после нескольких лет бесплодного брака Елизавета намекала Екатерине: верность мужу соблюдать надо, но в государственных интересах можно верностью и пренебречь. То есть получается: рожай от кого хочешь, девочка, был бы наследник.

В немецкой версии такого упоминания нет.

В русской лишь упоминается, что Петру III сделали операцию, после которой он смог исполнять свой супружеский долг. Екатерина рассказывает, что многолетний брак не приносил потомства, поскольку Петр имел «некое препятствие», которое после ультиматума, поставленного ей Елизаветой, было устранено ее друзьями, совершившими над Петром насильственную хирургическую операцию, в связи с чем он все-таки оказался способным зачать ребенка.

В немецкой версии уточняют, что сделали ему эту операцию силой (брыкался, должно быть).

Современные ученые порой глубокомысленно рассуждают, какое это заболевание могло помешать Петру III

¹ Записки императрицы Екатерины II. Записки княгини Дашковой. – СПб., 1906.

² *Erinnerungen der Kaiserin Katharina II, von ihr selbst geschrieben. Nach Alexander Herzens Ausgabe neu herausgegeben von G. Kuntze. Mit mehreren Portraits und einem Nachtrag aus den Erinnerungen der Fürstin Daschkoff.* Stuttgart, Verlag von Robert Lutz, 1908.

сделать ребенка, и чаще всего называют фимоз. Фимозом называют сужение кожицы на половом члене, затрудняющее выход головки полового члена при эрекции.

Был ли у Петра фимоз, неизвестно. Но известно, что у него были женщины и до предполагаемой операции.

Еще известно, что сына, будущего императора Павла, у Екатерины сразу забирают, лишают возможности воспитывать, а позволяют только изредка видеть.

Показатель, что отцом Павла был не Петр: после рождения Павла отношения Екатерины с Петром и Елизаветой Петровной окончательно испортились.

Петр открыто заводил любовниц, а у Екатерины возникла связь со Станиславом Понятовским – послом Саксонии, а в будущем королем Польши. Откровенно от него она 9 декабря 1757 года родила дочь Анну (1757–1759).

Петр уже при известии о рождении Павла высказывался о «сыне» в самых сильных выражениях. Но неофициально. При рождении же «дочери» не только кроет русским и немецким матом, но и заявляет Елизавете: «Бог знает, откуда моя жена беременеет; я не знаю наверное, мой ли этот ребенок и должен ли я признавать его своим».

Когда Екатерина в третий раз забеременела от Григория Орлова, это уже нельзя было объяснить «случайным» зачатием от мужа: любое общение супругов к тому времени совершенно прекратилось. Екатерина скрывала беременность, а когда подошло время рожать, ее преданный камердинер Василий Григорьевич Шкурин поджег свой дом. Любитель подобных зрелищ Петр с двором ушли из дворца посмотреть на пожар; в это время Екатерина благополучно родила.

Ребенок родился 11 апреля 1762 года незадолго до переворота. Его отдали в приют, и только через 19 лет, 2 апреля 1781 года, получил от матери собственноручное письмо о том, что «мать ваша, угнетаема злыми людьми и обстоятельствами», не могла признать ребеночка своевременно. Помогли Бобринскому и деньгами, пожаловали герб, но ко двору не пустили.

Павел Петрович через 5 дней после прихода к власти произвел Алексея Григорьевича Бобринского (1762–1813),

сына Екатерины II и Г. Г. Орлова, в графское достоинство и в чин генерал-майора. От четверых детей первого графа Бобринского пошел многочисленный и успешный род. В Киеве был поставлен памятник Алексею Алексеевичу, второму графу Бобринскому (1800–1868): бронзовая статуя, на подножии которой изображены земледельческие орудия с надписью: «Полезной деятельности графа Алексея Алексеевича Бобринского».

Известны Бобринские – археологи, министры, егермейстеры. Вплоть до эмиграции, где граф Владимир Алексеевич (1867–1927) – политический деятель, идеолог защиты русского населения зарубежной Руси. Живут Бобринские и в наши дни.

Трое детей – от трех разных отцов.

Империя лжи

Воцарение Екатерины началось с лицемерия и лжи. Лжив и двуличен ее Манифест о воцарении. Еще более двуличен, лицемерен и подл ее Манифест о смерти Петра III. От начала до конца лживо, двулично и подло ее поведение до переворота, во время и после него.

Стремясь сначала уцелеть и возвыситься при Елизавете, потом стремясь захватить власть, она постоянно лгала, по сути, всем. Ложь стала ее спасением еще с подросткового возраста.

Она лгала матери, чтобы избавиться от физических наказаний, и отцу, чтобы избавиться от его нравоучений. Отправляя дочь в Россию, папа написал «маленькой Фике» пространную инструкцию, в которой советовал избегать любых интриг, азартных игр, а более всего – любовных связей на стороне. Фикхен благодарила папеньку за науку и целовала родительскую ручку. В России же интриговала направо и налево, число ее любовников переваливает по крайней мере за 50 человек. Что до азартных игр... С бытности великой княгиней и до самой смерти Екатерина Романова-Ангальт-Цербстская-Гольштейн-Готторпская больше всего любила играть в карты. Проиграть ей в карты было вернейшим способом сделать придворную карьеру.

Великой княгиней она лгала Елизавете, рассказывая о своей преданности. Лгала Фридриху, обещая отблагодарить его за избрание в невесты великого князя Петра Федоровича. Лгала Бестужеву и другим царедворцам. Лгала мужу, изменяя ему направо и налево. Лгала любовникам, боясь их длинных языков и претензий на чрезмерную близость.

Всех этих людей она неизменно предавала.

Идя к трону, она лгала гвардии, пытаясь представить себя «второй Елизаветой» и отстранив от себя гвардию сразу после переворота.

Она лгала сановникам империи, притворяясь будущей регентшей.

Она лгала церковным иерархам, притворяясь верной дочерью православной церкви, которая не допустит огосударствления церковных имуществ.

Она лгала даже Григорию и Алексею Орловым, ловко играя их чувствами и надеждами. Даже с ними она вела себя так, чтобы в случае неудачи переворота можно было свалить всю вину на них, а самой остаться в стороне.

Убивая мужа, она оставила документы, обличавшие Алексея Орлова, как убийцу, и заставила почти все образованное общество в России считать его главным виновником.

Она лгала, рассказывая о чудовищных качествах своего законного мужа, Петра III Федоровича, и распространяя о нем отвратительные сплетни.

Она лгала иностранным дипломатам и собственному двору, изображая случайностью задуманное ею убийство.

Она лгала каждой строчкой своего манифеста, рассказывая сказки о том, что «вынуждена» была взять власть по воле «всего народа».

Уже став императрицей, она не только продолжала лгать о событиях своего воцарения. Она повязала круговой порукой всех, знавших хотя бы кусочек правды, и заставила их или молчать, или самим тоже лгать. Орлов молчал из государственных соображений, Теплов – боясь быть уличенным как предатель и убийца, Загряжская до конца своих дней рассказывала отвратительные сплетни об императоре Петре III и об Алексее Орлове.

Участники переворота лгали, чтобы обелить себя и оправдать свое участие в измене присяге и нарушении своего долга.

На протяжении всего правления Екатерины очень не рекомендовалось интересоваться обстоятельствами смерти Петра III или причинами, по которым Павел I Петрович (или все же Сергеевич?) был отстранен от фактической власти. Точно так же не рекомендовалось интересоваться, насколько соответствуют действительности слова ее манифестов.

То есть все прекрасно знали, что Павел давно должен править и что император Петр III скончался от чего угодно, только не от «геморроидальной колики». Знали – и молчали. Дворянство было единственным слоем, на который опиралась Екатерина. Единственным классом общества, для которого правление Екатерины было хоть чем-то полезно и выгодно. Но и дворянство было обречено почти на беспрерывную ложь.

Все знали, что официальные сведения почти обо всем лживы и ненадежны. Слухи роились, как мухи в мясных рядах, но почти все слухи тоже были по неизбежности лживы.

Насколько плохо представляли себе жизнь империи... по существу дела, абсолютно все, говорит такой, почти невероятный, случай: после смерти Екатерины один из первых вопросов, заданных царедворцам Павлом I Петровичем (Сергеевичем?) был: «Жив ли мой отец?». Принц не исключал возможности, что его официальный отец не убит, это все сплетни, досужие побасенки... А на самом деле Петр III заточен в дальнем монастыре, в крепости, в каменном мешке, в подвале.

«Страшный Павел»

Павел I родился 20 сентября 1754 года. От Сергея Салтыкова или от Петра Романова-Голштинского? Сергеевич он или Петрович? Эта тайна преследовала Павла I всю его жизнь и дожила до нашего времени. Никто доподлинно не знает, чей он сын. Вот что известно совершенно точно, так это что матери он не любил и боялся. И что мать точно так же не любила и боялась своего сына.

Есть какая-то мистика в том, что Павел родился в Летнем дворце Елизаветы Петровны. Впоследствии этот дворец был снесен, а на его месте сам же Павел построил Михайловский замок. В этом замке Павел и был убит 11 марта 1801 года.

Другое место, навсегда связанное с ним и его семьей, – Павловский парк площадью 540 га и Павловский дворец. Они заложены в год рождения Павла. Дом всегда характеризует человека. Колоссальный парадно-помпезный Екатерининский дворец в Царском селе и Павловский в соседнем Павловске, в считанных километрах – это как два разных мира. Дворцово-парковый комплекс в Павловске совсем другой: домашний, семейный и добрый. Трудно объяснить, что такое «дух дворца» или «дух дворцово-паркового комплекса». Но такой дух существует совершенно реально, и, похоже, во многом именно он определяет популярность Павловского парка у петербуржцев. В этом хорошо организованном, любовно устроенном парке просто приятно бывать.

Павловский дворец и Павловский парк устроила женщина, сыгравшая огромную и до сих пор не оцененную до конца роль в истории всей правящей династии.

Первая жена Павла Петровича Наталья Алексеевна (1755–1776), урожденная принцесса Августа-Вильгельмина-Луиза Гессен-Дармштадтская, не принесла Павлу большого счастья. Женаты они были с 10 октября 1773 г., а в 1776 году молодая женщина умерла родами, вместе с младенцем. С Екатериной Наталья Алексеевна сразу вступила в конфликт: она была «прогрессивно» настроена, стояла за раскрепощение крестьян и широкие конституционные реформы.

Павел очень страдал по покойной жене, никак не мог прийти в себя. И тогда Екатерина «вылечила» его очень в своем духе: представила сыну перехваченные ее разведкой любовную переписку Натальи Алексеевны и графа Андрея Кирилловича Разумовского.

На похороны жены в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры Павел Петрович не пришел, траур при малом дворе наследника престола не объявлялся.

Почти сразу же после похорон начались поиски новой супруги для наследника. Вся эта история сильно повлияла на характер Павла, сделав его подозрительным и неуравновешенным. Позже он не доверял ни своей второй жене, ни даже детям.

Но вторая жена Павла, Мария Федоровна (1759–1828), урожденная принцесса София Доротея Вюртембергская, сделала очень многое.

Замужем с 7 октября 1776 г., она сумела организовать жизнь царственной четы так, что у Павла появился тыл. Первая жена была скорее соратницей; вторая – домашним другом и хозяйкой в его доме. Стоит посетить ее покои в Павловском дворце. Ее комната с низкими окнами выходила в «садик Марии Федоровны»: чтобы встать и сразу оказаться среди плодов собственного труда. Мария Федоровна сама вела хозяйство, родила 10 детей и, судя по всему, была предана мужу намного сильнее, чем он ей. С ней у императоров Российской империи появились не любовницы, не тайные браки, а такие категории, как семья и дом.

В 1783 г. Екатерина дарит Павлу Гатчину. Павел не коронован, не миропомазан, не венчан на царство. Это какой-то недоимператор. Тот, кто имеет законное право на престол, но кого к престолу не подпускают.

«Гатчинский полуимператор» в официальной истории ославлен почти как его официальный отец – истеричным полудурком, жестоким деспотом, солдафоном. Как и его официальный отец, был он человеком образованным, неглупым и гуманным.

Что касается истеричности и скверного характера Павла I Петровича. Его учитель (с 1760 г.) граф Никита Иванович Панин был убежденным либералом и конституционалистом. Его мировоззрение формировалось в многолетней дипломатической работе в Дании и Швеции. Его брат Петр Иванович был великим поместным мастером масонского ордена в России.

Павел сильно привязался к Панину. Юноша весьма охотно занимался чтением и был хорошо знаком с Сумароковым, Ломоносовым, Державиным, Расином, Корнеєм, Мольером, Вертером, Сервантесом, Вольтером и Рус-

со. Прекрасно владел латынью, французским и немецким языками, любил математику.

Один из младших наставников Павла, Порошин, вел дневник, в котором день за днем отмечал все поступки маленького Павла. В нем не отмечены никакие отклонения в психическом развитии личности будущего императора, о которых так любили впоследствии рассуждать многочисленные ненавистники Павла Петровича.

Павел был ярко выраженным холериком, это факт. Он был сторонником конституции и равенства сословий. Но его психическое развитие не показывает каких-либо отклонений.

Что касается атеизма. Духовником и наставником цесаревича был один из лучших русских проповедников и богословов архимандрит, а впоследствии митрополит Московский Платон (Левшин). В Гатчине до самой революции 1917 г. сохраняли коврик, протертый коленями Павла Петровича во время его долгих ночных молитв.

Таким образом, мы можем заметить, что в детские, отроческие и юношеские годы Павел, ослабленный невежественным дураком и психопатом, получил блестящее образование, имел широкий кругозор и рано пришел к рыцарским и религиозным идеалам.

Типичное обвинение Павла – в жестокости и жуткой муштре, царивших в Гатчине. Но самый высокий процент выслужившихся в офицеры простолюдинов – как раз в Гатчинском гарнизоне. Самое низкое число телесных наказаний солдат – там же. Павел был популярен и любим в своей войске не меньше, чем его мама – гвардией. Даже больше, потому что ему больше доверяли. И потому, что гарнизон Гатчины и Павла объединяла общность судьбы.

Захоти и сумей Екатерина убить Павла – и что же? И конец его войску, разошлют его по дальним гарнизонам, и уж там никакой надежды на карьеру.

А Павел и впрямь боялся матери. Гатчина жила за чашкой рогаток, и службу караульные несли не за страх, а за совесть. Это был гарнизон чуть ли не отдельного государства, где действовали свои уставы и порядки.

Несколько раз в Гатчине среди ночи поднимали солдат по тревоге – якобы к Гатчине шли правительственные войска. Подсылала ли Екатерина к сыну убийц, не были бы тревоги ложными – неизвестно. Что солдат поднимали по тревоге, люди стояли с заряженными ружьями и пушками, готовы были отражать неприятеля – это факт. Что стоит за этими происшествиями? Какие еще мрачные тайны? Бог весть...

В окружении Павла отнюдь не звонили во все колокола, там старались замять такого рода происшествия. А уж в официальном летописании Российской империи таких эпизодов, конечно, и в принципе быть не могло. Но они были.

Есть данные и о том, что Павел Петрович, не без оснований опасаясь за свою жизнь, во время восстания Пугачева вполне серьезно собирался двинуться ему навстречу со всем своим гатчинским войском. В 1773 году ему уже 19 лет, он имеет право на престол.

Какой вид могла бы принять встреча «чудом спасшегося Петра III» «папы»-Пугачева и пришедшего к нему почтительного «сына»-Павла, можно только гадать.

Но на какой-то момент сделалась вполне реальной связь принца Павла, законного наследника престола, и самозванца Пугачева, называвшего себя Петром III. Стало реальным соединение крестьянского сопротивления и дворянской, более того – придворной оппозиции... До какой степени меняет она принятые, казалось бы – единственно возможные оценки событий!

Вряд ли победа Пугача могла нести что-то большее, чем ввержение России в кровавый хаос. Но сама то перспектива какова?!

Впрочем, эта встреча не состоялась... скорее всего, ко всеобщему благу.

Павел жил нецарствующим принцем до 1796 года, до возраста 42 лет. Большую часть этого времени он находился в постоянном ожидании и в постоянном напряжении. Разумеется, это сказалось на его характере и поведении.

В 1794 г. императрица окончательно решила устранить своего сына от престола и передать его старшему внуку

Александрю Павловичу. Правда, она тут же встретила противодействие со стороны высших государственных сановников.

О дальнейшем есть две версии: согласно одной, внезапная смерть Екатерины 6 ноября 1796 г. открыла Павлу дорогу на трон. Что характерно, в убийстве матери Павла никогда не обвиняли. Видимо, не тот человек.

По другой версии, Екатерина все же написала завещание: отстранить Павла от трона, передать трон внуку Александру! Согласно законам, введенным Петром I, она имела право сама назначить наследника.

Сразу же после того, как Павел получил весть, что императрица без сознания, он с верными гатчинскими полками занял дворец. Павел тут же опечатал все документы матери, а завещание Екатерины было сожжено в дворцовом камине.

Так ли это, до сих пор не известно. Ходят темные слухи, которым можно верить или не верить.

Свое царствование Павел начал с изменения всех порядков екатерининского правления. В том числе Павел прямо во время своей коронации, пришедшейся на день Пасхи, отменил петровский указ о назначении самим императором своего преемника на престоле и установил четкую систему престолонаследия. С того момента престол мог быть наследован только по мужской линии, после смерти императора он переходил к старшему сыну или младшему брату, если детей не было. Женщина могла занимать престол только при пресечении мужской линии. Этим указом Павел исключал дворцовые перевороты, когда императоры свергались и возводились силой гвардии, причиной чему было отсутствие четкой системы престолонаследия (что, впрочем, не помешало дворцовому перевороту 24 марта 1801 г., в ходе которого он сам был убит). Также сообразно этому указу женщина не могла занимать русский престол, что исключало возможность появления временщиков (которые в XVIII веке сопутствовали императрицам) или повторения ситуации, подобной той, когда Екатерина II не передала Павлу престол после его совершеннолетия.

Хотя сам Павел I пал жертвой последнего из дворцовых переворотов, с ним кончается режим чрезвычайщины XVIII века. С этого времени до 1917 года на престоле Российской империи сидит самая обычная династическая семья. В XVIII веке на престол было и некого сажать: императоры часто не имели прямых законных наследников. Ну, и действовал петровский указ.

Теперь у императоров, усилиями и молитвами Марии Федоровны, семья есть. В каждом поколении будет по нескольку наследников. У Александра I прямых наследников не было.

Его брак с Елизаветой Алексеевной (1779–1826), урожденной Луизой Марией Августой Баденской (заключен в 1793), был прохладен и практически бесплоден: обе их дочери Мария (1799–1800) и Елизавета (1806–1808) умерли в раннем детстве, сыновей не родилось.

В течение 15 последних лет жизни Александр имел практически вторую семью с Марией Нарышкиной (в девичестве Четвертинской). Она родила ему двух дочерей и сына и настаивала, чтобы Александр расторг свой брак с Елизаветой Алексеевной и женился на ней. Даже если бы царь женился на Нарышкиной, их дети не могли бы наследовать престол.

Некоторые исследователи отмечают, что Александра с юности связывали тесные и весьма личные отношения с его сестрой Екатериной Павловной¹. Но если бы у них были дети, тем более престол бы они не наследовали.

Но в 1825 году отсутствие детей у Александра не вызовет династического тупика: есть еще трое братьев. Причем трудами Павла I, есть и законы о престолонаследии, не зависящие от блажи данного императора. Есть и складывающиеся традиции обычного династического семейства. Дети Павла росли в крепкой семье. Они были преданы друг другу и могли договариваться друг с другом.

Константин – второй по годам брат; но с его бешеным характером ему непросто сидеть на престоле. 14 января 1822 г. Константин вынужден был обратиться к Алексан-

¹ Сахаров А. Н. Александр I. – М., 1998.

дру с письмом об отказе от своих прав на престол. Характерно, что оно было написано под диктовку Александра, который правил и текст письма. 2 февраля Александр дал письменное «согласие» на отречение Константина.

16 августа 1823 Александр издал тайный манифест: ссылаясь на письмо Константина, Александр передавал права на престол Николаю. Все эти акты составлялись и хранились в глубокой тайне. О манифесте знали только сам Александр, Голицын, Аракчеев и составитель текста – митрополит московский Филарет. Манифест был положен на хранение в Успенском соборе в Кремле, а три его копии, заверенные подписями Александра, – в Синоде, Сенате и Государственном совете, с собственноручными надписями царя: «Хранить с государственными актами до востребования моего, а в случае моей кончины открыть прежде всякого другого действия». Можно предполагать, судя по этой надписи Александра, что свое решение он не считал окончательным и мог его переменить («востребовать» для пересмотра). Такое поведение его до сих пор остается загадкой. Оно создало династический кризис, которым и воспользовались декабристы¹. Но главное – договориться было можно. Братья не поднимали друг против друга гвардию и не подсылали убийц.

«Властитель слабый и лукавый»

Произнесите про себя, а лучше вслух, примерно такие слова: «Моя бабушка убила дедушку». Уже сильно звучит. Произнесите, подумайте, прочувствуйте, примерьте на себя. А потом продолжайте тоже вслух: «Бабушка убила дедушку, чтобы завладеть его имуществом. Она подговорила своих любовников, и они похитили деда, держали его тайно в одиночно стоящем доме, а потом убили. Бабушка всю жизнь боялась своих любовников и потому давала им все больше денег. От кого родился папа, никто доподлинно не знает. Бабушка никогда его не любила, даже маленьким. Папа всегда жил от нее отдельно, и все время боялся, что бабушка и его велит убить».

² Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. – М., 2006.

Я самым серьезным образом прошу читателя: войдите в роль человека, который это все произносит. Неважно, какого сословия и класса будет для вас человек, от имени которого вы это все произносите, в какую эпоху жил. Главное – войдите в роль, проникнитесь духом семьи.

Но и это еще не все! Продолжаем:

«Меня бабушка сразу отобрала у папы, как только я родился. Я и не знал папы и мамы, почти их не видел. Бабушка хотела отдать мне все наследство, в обход папы. Она хотела его убить или прогнать, а меня оставить наследником. Мне все время приходилось лавировать между папой и бабушкой, врать и притворяться».

Прочувствовали? Тогда запасаемся валидолом, и дальше:

«Когда мне было 17 лет, мне пришлось участвовать в убийстве моего папы. Я не хотел его убивать, и мне обещали, что «только» заставят его уйти от дел. Но никто не собирался выполнять этого обещания, и сотрудники папы его убили. Он вел дела так, чтобы фирма процветала, но их доходы должны были на какие-то время уменьшиться. Я встал во главе фирмы, но мама никогда мне не простила участия в убийстве отца. Она его сильно любила».

Попробуйте примерить на себя такой текст и все, что за ним стоит. А ведь в русской истории был человек, который мог бы с полным основанием произнести примерно такой текст: Александр I.

Но этот человек был тем, кто продолжил дело своего отца: формировал нормальную политику Российской империи и нормальную политику семьи.

Изуродованный царевич

Сложность и противоречивость личности Александра I стали важным фактором политики первой четверти XIX века: ведь он сам – один из самых важных персонажей в истории XIX столетия. Противоположности Александра оказали влияние на его политику и, через него, на судьбу всего мира. Одновременно аристократ и либерал, оценки которого, при всей противоречивости, совпадали в одном: это человек очень скрытный, при необходимости неис-

кренный и хитрый. Никто никогда до конца не знает, что думает и чувствует император.

Наполеон считал его «изобретательным византийцем», северным Тальма, актером, который способен играть любую заметную роль. Впрочем, он и Кутузова называл «северной лисицей» и «старым хитрюгой».

«Будь человек с каменным сердцем, и тот не устоит против обращения государя, это сущий прельститель», – писал близкий к Александру человек, М.М. Сперанский.

Такого же рода оценки нетрудно умножить.

Екатерина отобрала у сына и невестки двух внуков. Они общались строго в дни, установленные Екатериной. Даже имена внукам Екатерина дала со смыслом: Константин в честь Константина Великого и Александр в честь Александра Невского. По преданию, Константин освобождает Константинополь от турок, а Александр станет императором новой империи. Однако есть сведения, что на престоле Греческой империи она хотела видеть именно Константина, а Александра – на своем собственном.

Двор Екатерины II был начитан, умен, интеллектуален. Весь ее мужской гарем состоял из образованных людей, с которыми можно было еще и разговаривать.

В воспитатели ему определили интереснейшего человека: Фредерика Сезара Лагарпа (1754–1838). Вообще-то он де Лагарп, но во время Французской революции Фредерик Сезар изменил написание фамилии, удалив дворянскую частицу de. Швейцарский генерал и государственный деятель, был адвокатом в Берне, а затем переехал в Санкт-Петербург, где ему были поручены научные занятия с великими князьями Александром и Константином Павловичами.

Места при дворе ему стоила активнейшая поддержка Французской революции. Ее идеи Лагарп в целом разделял и активно интриговал в Швейцарии, желая реформ по образцу французских. Не без его участия в Швейцарии разразились беспорядки. Враги Лагарпа довели это до сведения петербургского двора...

Александр же очень любил воспитателя, и они вместе думали о том, как реформировать к лучшему Российскую

империю. В соответствии со своими убеждениями Лагарп проповедовал могущество разума, равенство людей, нелепость деспотизма, гнусность рабства. Судя по всему, влияние Лагарпа было огромно и никуда не исчезло, и когда Александр Павлович вырос. В 1812 году император признавался: «Если бы не было Лагарпа, не было бы и Александра».

Одновременно военный учитель Николай Салтыков знакомил наследника с традициями русской военной аристократии. Отец передал ему свое пристрастие к парадной стороне армии и учил практически заботиться о подчиненных. Некоторое время Александр проходил военную службу в Гатчинских войсках, сформированных его отцом. Здесь у Александра развилась глухота левого уха «от сильного гула пушек».

Екатерина II считала своего сына Павла неспособным занять престол и планировала возвести на него Александра, минуя его отца. Умная женщина, она не баловала внуков, а воспитывала. Наивно думать, что братья купались в роскоши. Наоборот! Братья Александр и Константин Павловичи воспитывались строго и в неприхотливости: вставали рано, спали на жестком, ели простую, здоровую пищу. Их растили выносливыми и неприхотливыми, умными и активными.

Екатерина II обожала внука, называла его «господин Александр», сама сочиняла сказки. Одна из них, «Царевич Хлор», дошла до наших дней. Она составила «Бабушкину азбуку», своеобразный свод правил для воспитания наследников престола. В основу «азбуки» она положила идеи и взгляды английского философа и педагога Джона Локка.

Тайна Федора Кузьмича

По официальной версии, император Александр I умер 19 ноября 1825 года в Таганроге от горячки с воспалением мозга. А. Пушкин сильно не любил Александра, как отцеубийцу, и императора, таким образом, нелегитимного. Он разразился «эпитафией»: «Всю жизнь свою провел в дороге, простыл и умер в Таганроге».

Скоропостижная смерть императора породила и в народе, и в рядах дворянства массу слухов. Известно до 51 мнения, возникших в течение нескольких недель после смерти Александра. Один из слухов сообщал, что «государь бежал под прикрытием в Киев и там будет жить о Христе с душою и станет давать советы, нужные теперешнему государю Николаю Павловичу для лучшего управления государством»¹.

Позднее в 30–40 годах XIX века появилась легенда, что Александр, измученный угрызениями совести (как соучастник убийства своего отца), инсценировал свою смерть вдалеке от столицы и начал скитальческую, отшельническую жизнь под именем старца Федора Кузьмича.

Федор Кузьмич (умер 1 февраля 1864 года в Томске) и впрямь личность загадочная и интереснейшая². К сожалению, все сведения о тождестве Александра и Федора Кузьмича очень недостоверны и базируются в основном на слухах.

Есть свидетельства того, что при вскрытии гробницы Александра I в Петропавловском соборе, проводившемся в 1921 году, обнаружилось, что она пуста³. В русской эмигрантской прессе в 1920-е годы появился рассказ И.И. Балинского об истории вскрытия в 1864 году гробницы Александра I, оказавшейся пустой. В нее якобы в присутствии императора Александра II и министра двора Адальберга было положено тело длиннородого старца⁴. В личных вещах Александра III были обнаружены вещи старца Федора Кузьмича: скуфеечка и посох, с надписью: «вещи дедушки». Конечно, это доказывает только одно – что Александр III верил в тождество Федора Кузьмича и предка.

Вопрос об этом тождестве может быть решен буквально на протяжении недель: путем генетической экспертизы. Специалисты Российского центра судебной экспертизы

¹ *Василич Г.* Легенда о старце Кузьмиче и Александре I. – СПб., 1910.

² *Эйдельман Н.Я.* Связь времен // Знание – сила. 1994. № 3.

³ *Головкин Н.* Загадка Федора Кузьмича.

⁴ *Крупенский Н.П.* Тайна императора (Александр I и Федор Кузьмич). – Берлин, 1927, с. 79–80.

готовы ее провести¹. Архиепископ Томский Ростислав, в чьей епархии хранятся мощи сибирского старца, тоже высказался в пользу проведения такой экспертизы². Если экспертиза не проводится – видимо, это кому-то не нужно.

Но что важно для нас: по типу личности Александр I вполне мог тайно бежать и стать Федором Кузьмичом. Это очень в его духе: обмануть всех, а самому сделать нечто совершенно не стандартное, не ожидаемое.

Тем более в последние годы жизни царь нередко говорил о намерении отречься от престола и «удалиться от мира».

В середине XIX века похожие легенды ходили и в отношении супруги Александра, императрицы Елизаветы Алексеевны. Официально она умерла вскоре после мужа, в 1826 году. Ее отождествляли с затворницей Сыркова монастыря Верой Молчальницей, появившейся впервые в 1834 году в окрестностях Тихвина³.

Прожил ли Александр I до 1864 года под личиной отшельника, мы не знаем. Может быть, и не узнаем никогда. Но эта история показывает, как все непросто. Человек, который мог тайно бежать и уйти в отшельники, или по крайней мере тот, кто мог вызвать волну таких слухов о себе, практически непредсказуем.

Выводы

Судя о том, что было выгодно для России и что невыгодно, что «правильно», а что «неправильно» понимали цари, историки не дают себе труда оценивать три самых важных обстоятельства, влиявшие на формирование политики и на поступки всех трех русских императоров – современников Наполеона и участников Наполеоновских войн.

1. Тугой узел внутренних российских проблем. Российская империя конца XVIII – начала XIX века – вовсе не

¹ Российские специалисты могут провести экспертизу мощей святого, которого считали Александром I. Интерфакс (27 июня 2008 года, 11:05).

² Томская епархия не будет возражать против проведения идентификации останков старца, которого считали Александром I. NEWSru.com (30 сентября 2008 г., 18:56).

³ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. – М., 2006.

идиллическое «царство Берендея», не тихая область патриархальной жизни.

Это страна с тяжелыми внутренними проблемами. Главная из них – это все большее расхождение русских европейцев и русских туземцев. Вторая по сложности проблема: проблема отмены крепостного права. Третья – то, что власть в Российской империи оказывается фактически заложником одного из сословий дворянства. Четвертая – проблема введения хоть каких-то форм народного представительства.

Все эти проблемы сложно переплетаются друг с другом и усугубляют друг друга.

2. Сложность самой династической семьи, порождавшей характеры куда как непростые.

3. Говоря о «странностях» политики Александра, большинство историков совершенно не учитывают, что любые события внутренней политики проходили во время ожесточеннейших войн. Это были и войны в Европе, в основном с Францией, и войны на востоке, с Турцией и Персией.

Очень многие реформы, особенно связанные с «крестьянским вопросом», могли посорить правительство с единственным военным сословием – все тем же дворянством. В мирное время это приемлемо... А во время войн, сменяющих одна другую, а чаще ведущихся параллельно?

Только понимая все это, можно переходить к рассмотрению того, как разворачивались отношения Российской и Французской империй и как Наполеон ухитрился спасти Россию.

Глава 3.

МЕЖДУ БРИТАНИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ

Узок путь виноцветного моря
Меж пастью Харибды и ужасом Сциллы.

Гомер

Позиция Екатерины

В европейской политике Екатерина исповедовала позицию «свободы рук». Очень удобная позиция, переводимая просто: с кем хотим, с тем и дружим. Во Франции бушевала революция, Австрия и Пруссия начали свои грозные словесные выступления против «гидры революции», и к этим словесам охотно присоединялась Екатерина. Она порвала отношения с Францией в 1792 году после казни Людовика. Вот только дальше слов дело не шло.

Франция воевала с Пруссией и Австрией, Британия начала военные действия на море, Наполеон начал громить австрийцев в Италии. Екатерина запрещала въезд в Российскую империю подданных Франции, ввоз оттуда книг и газет. Но по-прежнему ни один российский солдат ни разу не скрестил оружия с французским.

Известно семь антифранцузских коалиций 1791–1815 годов. Россия принимала участие в шести из них, но в первой, 1791–1797 гг. – не принимала. У России были дела поважнее: она уклонялась от войны вместе с Австрией и Британией, но округляла свои владения и укреплялась на Черном море.

Русско-турецкая война 1787–1792 гг. завершилась как раз ко времени обострения революции во Франции, убийства короля и начала войн со всем миром.

1 декабря 1790 года взят Измаил. Тогда же на Кавказе турецкий корпус Батал-паши высадился у Анапы, двинулся в Кабарду, но 30 сентября был разбит генералом Германом. Союзные с турками горцы разбиты генералом Розеном.

Летом 1791 г. русские войска громят турок на Дунае, а на Кавказе Гудович берет штурмом Анапу. Черноморский флот под командованием адмирала Ф.Ф. Ушакова нанес Турции крупные поражения в сражениях у Фидониси (1788), в Керченском проливе (1790), у Тендры (1790) и, наконец, при мысе Калиакрии (1791). После этого сражения у турок почти не осталось флота, и они поняли, что пора заключать мир.

Вполне очевидно, что если бы Российская империя воевала с Францией, эти победы или вообще не были одержаны, или были бы одержаны позже и намного более дорогой ценой.

9 января 1792 г. Османская империя была вынуждена подписать Ясский мирный договор, закрепляющий Крым и Очаков за Россией и отодвигавший границу между двумя империями до Днестра.

В 1796 разразилась русско-персидская война, вторая по счету из четырех русско-персидских войн. Весной 1795 г. персы вторглись в Грузию, Карабах и Азербайджан, а 12 сентября захватили и разграбили Тбилиси. Выполняя свои обязательства по Георгиевскому трактату 1783 года, русское правительство направило Каспийский корпус (около 13 тыс. человек) из Кизляра через Дагестан в азербайджанские провинции Ирана.

2 мая 1795 русские войска осадили, а 10 мая штурмом взяли Дербент. 15 июня русские отряды одновременно без боя вступили в Кубу и Баку.

В середине ноября 35-тысячный русский корпус под командованием генерал-поручика Зубова достиг района слияния рек Куры и Аракса. Русские готовились продвигаться в глубь Ирана. Остановила политика, и никак не французская: после смерти Екатерины II 17 ноября 1796 г. на престол

воссел Павел I. В политике России произошли изменения, Зубовы впали в немилость, и в декабре 1796 года русские войска были выведены из Закавказья¹. Не реализовав своих возможностей и не добившись решающего успеха.

Во Франции Директория, подписывают договор с собственной провинцией Вандеей. Россия решает собственные геополитические задачи.

Забывать о Франции не приходится, и в своей записке «О мерах к восстановлению королевского правления во Франции» в 1792 г. Екатерина стремилась решать «французский вопрос» не силой оружия, а дипломатическими средствами, опираясь на умеренных роялистов и республиканцев.

Публичная казнь короля и приход к власти якобинцев не дал реализоваться этой идее. А жаль. Новых же идей у Екатерины до ее смерти не появилось, или она их не успела записать.

Назло и вопреки?

Павел I за свои 4 года 4 месяца и 4 дня правления издал 2179 законодательных актов, что составило Свод законов, сравнимый со знаменитым Кодексом Наполеона.

Было бы странно, если бы его отношения с матерью не сказались и на политике. Павел I очень многое делал откровенно назло и вопреки воле и политике Екатерины II. Пока это сочеталось с расчетом, получалось неплохо. Всякий раз, когда он поддавался чистым эмоциям, получалось не очень хорошо.

Скоропалительный мир с Персией не дал реализоваться в политике результатам военных побед. Армия остановлена в Бессарабии и Азербайджане, впервые размещенный в Тифлисе гарнизон оставлен без каких бы то ни было распоряжений.

Большинство видных военачальников екатерининских времен отправлены в отставку. Фельдмаршал Суворов отправлен на пенсию в свое имение, пожалованное Екатериной за успехи в войне против турок в Малороссии.

¹ Шишов А. В. Схватка за Кавказ. XVI–XX века. – М., 2005.

Только что с Турцией успешно воевали, а теперь сил для войны с Турцией нет. Зато оказывается, что с Францией воевать можно и нужно: ведь Франция нарушает рыцарские законы! Она захватила остров Мальту!

В действительности революционные войны скорее на пользу России: в Европе пожар, все государства ослаблены. Ситуация для европейских монархий сложилась угрожающая: Британия потеряла все свои форпосты на континенте, Австрия лишилась Италии и большого числа мелких княжеств на западе, влияние Австрии падает, само существование Священной Римской империи германской нации под большим вопросом. Хорватия подумывает об отделении от Австрии.

С появлением французов на Балканах и в Египте усилилась освободительная борьба христианских народов Турецкой империи: Сербии, Греции и Армении. Турция только что лишилась Крыма и Северного Причерноморья, а тут новый виток распада!

России, говоря цинично, проблемы государств Европы только на руку. А ослабление Турции – то, чего можно только желать.

Но Павел I начинает войну с Францией. Наполеон оккупировал остров Мальту по дороге в Египет, мимоходом. Павел I тут же объявил себя Великим магистром ордена Св.Иоанна Иерусалимского и направил три армии сражаться против наполеоновских войск в Северной Италии, Голландии и Швейцарии.

Русско-турецкий флот

Происходит нечто... Россия и Турция в первый и последний раз в истории становятся союзниками. В конце 1798 года черноморская эскадра под командованием Ушакова входит в Константинополь. Россия оставляет идею об освобождении древней христианской столицы, считая «большим злом» ее освобождение богопротивными якобинцами. Лучше с мусульманами, чем с революционерами.

В октябре 1798 года 16 боевых кораблей эскадры под командованием Ушакова бросили якорь в порту Констан-

тинополя. Турецкое название города Стамбул признают только большевики. Здесь под команду Ушакова вступила турецкая эскадра – 14 кораблей и 14 канонерских лодок, и объединенный флот вышел в Средиземное море. Россия получила право на свободный проход через проливы Босфор и Дарданеллы. А Турция обязывалась снабжать русскую военную эскадру в Средиземном море продовольствием и материалом для ремонта кораблей.

В то же время английский адмирал Уорен разбил французский флот у берегов Ирландии. Остатки французского флота, объединившись с голландским, укрылись в нидерландских заливах. В Петербурге вице-адмирал Тет (англичанин, всю жизнь прослуживший на русском флоте) получает приказ о подготовке военной экспедиции и десанта на голландское побережье.

Армия королевства Двух Сицилий начинает боевые действия и занимает Рим, простояв в нем считанные дни. Франция объявляет о дополнительном призыве в армию двухсот тысяч человек. Макдональд, а затем Жубер занимают Пьемонт, Рим и устанавливают контроль над Неаполем. На этом фоне у берегов Греции флот Ушакова захватил остров Церигу и Ионический архипелаг. Блокирован превращенный в крепость остров Корфу. Турция (с русской помощью) успешно действует против французов на Балканах.

В феврале после трехмесячной осады остров Корфу, до этого неприступный, объявляет о капитуляции перед флотом Ушакова. Одержана первая крупная победа. Захвачено два фрегата и 14 кораблей поменьше, взято в плен 3 тысячи человек, в том числе 4 генерала.

Вторая коалиция

В сентябре была провозглашена вторая антифранцузская коалиция. В ее состав вошли Англия, Россия, Австрия, Турция, Королевство Двух Сицилий, ряд германских княжеств, и Швеция. Союз временный, вынужденный, непрочный.

Павел I ставит австрийцам условие: во главе общих войск встанет русский главнокомандующий. Австрийцы со-

глашаются, но требуют Суворова: он непобедим! Павел недоволен: Суворов в опале. Но соглашается. По настоянию союзников Павел I вызвал из ссылки Суворова и назначил его главнокомандующим. Суворов Павла не любил, но армию принял.

Суворов в Италии

Павел Петрович послал сначала 22 тысячи, потом еще 11 тысяч солдат в помощь австрийцам. 1799 год. Австрийцы одерживают две победы над французами, у Стокаджда и у Вероны, занимают Неаполь, но из-за измены генерала фон Лейбриха город переходит к итальянским партизанам (лазаронцы).

4 апреля Суворов вступает в Италию, и через неделю его австро-русская армия одерживает первую победу – отвоевывает у французов город Брешия. Затем, через несколько дней, его части занимают Бергамо и вступают в сражение с армией легендарного французского генерала Моро на реке Адда у селения Бревио. Французы сражаются героически, но Суворова им не победить. Потери Моро – две с половиной тысячи убитых и пять тысяч пленных. Потери Суворова – две тысячи убитых. Русская армия вступает в бывшую столицу Ломбардии – Милан (в то время столица марионеточной Цизальпинской республики и будущая столица Итальянского королевства.).

За спиной Суворова Австрия осмелела. Австрийцы начинают вызывающе вести себя на Раштадтском австро-французском конгрессе... В связи с началом военных действий австрийская делегация прервала переговоры и покинула город. Французы поступают так же, но даже революционерам не приходит в голову напасть на безоружного «противника». А пришло. На выходе из города Рештата на французскую делегацию напали австрийские жандармы, и делегаты были убиты. Это событие было отрицательно воспринято во всем мире, в том числе и союзниками по антифранцузской коалиции. Суворов был крайне недоволен, это стало началом его конфронтации с австрийским руководством.

Тем временем Моро отступает в Пьемонт и занимает сильную оборону, опираясь на крепости Аллесандрия и Верона. Суворов дает отдых армии в Милане. Вновь побеждает Моро и после непродолжительной осады занимает город Аллесандрия, почти что с ходу, проскочив малоприметную деревушку Маренго, не зная, что ей суждено стать звездой Наполеона. Сама деревенька была занята отрядом Багратиона.

Далее в течение 3 месяцев армия Суворова сводит на нет все предыдущие завоевания Бонапарта за 20 месяцев. (В 1800 году, чтобы вернуть все это, он вновь потратит более полугода.)

В Париже паника, Директория дышит на ладан. Для поднятия ее авторитета необходимы победы, нужен «свой» и притом прославленный генерал. Выбор падает на Жубера, участника бонапартовской кампании 1796–1797 гг.

Тем временем Суворов взял Падую и тем самым занял всю Северную Италию, кроме осажденной Генуи. В России сначала ликование. Царь в восторге и пожаловал Суворову звание генералиссимуса и титул князя Италийского. Сардинский король уже прощался со своей короной. Теперь он жалует Суворову не только чин фельдмаршала сардинских войск, но и титул потомственного принца и брата королевского. Это возмущает Павла I: что же, теперь его генерал будет вроде коронованной особы?!

Битвы в Голландии

Эскадра адмирала Тета соединяется с эскадрой адмирала Макарова в Балтийском море, а затем на подходе к Голландии они соединяются с английской эскадрой адмирала Дункана и блокируют голландское побережье. На севере Франции возникает спрос на учителей русского языка.

После прибытия к англо-русскому флоту эскадр Чичагова и Попхэма усилились активные действия. Высаживается совместный англо-русский десант. Отряд под коман-

дованием капитана 1-го ранга Я. Карпова захватывает крепость на острове Тексель, и десант начинает движение в глубь материка. Опять русские «слишком» успешны. Вдруг в случае успеха Италия остается за Россией?! Балканские славяне, как австрийские подданные, так и турецкие, открыто выражают симпатии России. Опасно.

Десант в Голландии также не получает необходимой поддержки, и наступление теряет темп.

А Суворова Австрия все сильнее раздражает непоследовательными распоряжениями.

Суворов в Италии

В Северной Италии Суворов действовал ничуть не хуже, чем против турок. Когда французский генерал Макдональд наивно вообразил себя в безопасности, Суворов за 36 часов прошел 85 километров и так ударил по армии Макдональда, пришедшей на помощь Моро у Треббии, что французы беспорядочно отступали к Реджо, потеряв 18 тысяч человек из 36. Суворов вступает в Турин, столицу Пьемонта. Макдональд с остатками войск запирается в Генуе, которую с моря блокирует Нельсон. Королевская неаполитанская армия при поддержке русского отряда под командованием капитана 2 ранга Г.Г. Белли занимает Неаполь.

Корпус Моро начал заходить наступающей русской армии в тыл. Но как только Суворов направился к этому корпусу, как только французы увидели русских солдат 16 июля 1799 года – так они тут же оставили город Нови и отошли на юг, спрятались в безлюдных горах.

15 августа Жубер подходит к селению Нови... Суворов не стал ловить по итальянским горам ни Моро, ни Жубера. Сами придут. Суворов велел Багратиону выйти из Нови. И Жубер тут же попался в ловушку, вышел с гор и захватил Нови. Произошло это вечером 14 августа 1799 года. Ранним утром 15 августа Суворов стремительно атаковал войска Жубера. Тяжелый бой русской армии с превосходящим по численности противником длился 15 часов. Французская армия в беспорядке отошла на юг, а сам Жубер убит. Множество пленных, среди которых будущие маршалы Виктор и Груши. Австрийцы обещали и не пришли.

Суворов, так и не дождавшийся прихода на помощь австрийцев, не решается вступать в преследование и в сердцах шлет рапорт царю о вероломстве союзников.

В конце сентября русские отряды добиваются новых побед. 30 сентября русская армия занимает Рим. Немногочисленный российский отряд капитана 2-го ранга Г.Г. Белли принимает капитуляцию французского гарнизона, понимающего бессмысленность сопротивления. Восторженный Павел со словами: «Этот капитан хотел меня удивить, ну, так я удивлю его», награждает Белли орденом, предназначенным только для высших офицеров. Положение Ушакова абсолютно стабильное. Его десанты вступают в Мессину и Ливорно. На севере новый командующий, эстонский барон Эссен, перегруппировывает армию и наносит поражения французам под Алкмаром и Бевервейком, а некоторое время спустя занимает Бержен, за что получает Мальтийский крест и чин генерал-лейтенанта. Австрийская армия побеждает при Мангейме.

Австрийская измена

На Севере Европы англо-русские части, пытавшиеся развить преимущество и перейти в широкое наступление, все чаще терпят поражения. Северное наступление гаснет. На юге французский генерал Массена начинает теснить части эрцгерцога Карла. Опять паника в Австрии: открывается дорога на Вену!!!

Свежие части из России под командованием генерала Римского-Корсакова, шедшие на соединение с Суворовым, тут же брошены на подмогу частям эрцгерцога. А эрцгерцог Карл уже бежит, не дождавшись российских войск и не проинформировав их об этом. Римский-Корсаков пришел в назначенное место, под Цюрихом, но там не австрийцы, а французы. Российский корпус (26–27 тысяч человек) атакован внезапно, на марше. Корпус бешено сопротивляется, даже пытается контратаковать, но в двухдневной битве полностью разбит, множество солдат и офицеров попали в плен.

Это торжество французов до сих пор во Франции выдается за победу над самим Суворовым.

Но Суворов никакого отношения к этому не имеет...

Осенью 1799 года Суворов очистил Северную Италию от французов. По его мнению, пора было идти во Францию, на Париж: путь на Ниццу и Тулон свободен, дорога на Лион защищена слабо. Пора закончить войну, и закончить ее надо победоносно!

Но с точки зрения австрийцев, Суворову было больше нечего делать в Европе. Суворов сделал свое дело, разбил французов... Теперь Суворов может уйти, а во Францию австрийцы вполне могут двинуться и сами. Пусть непобедимый Суворов лучше поможет Австрии на другом направлении: заменит разбитого Римского-Корсакова.

Уже не до Франции! Суворов вынужден оставить занятые в Италии позиции австрийцам, а сам с 20 000-м отрядом, с боем начинает движение в Швейцарию, по маршруту, разработанному в австрийском штабе. В Италии Суворов с тяжелыми авангардными боями (командир авангарда Баграцион) пересекает перевал Сен-Готард и переходит Чертов Мост (сейчас здесь высечен в скале православный крест и в честь 200-летия событий установлен памятник Суворову).

Здесь выясняется: в австрийском плане есть ошибка. Союзники врали, будто от Альтгарфа до Швица есть хорошая дорога... А там вообще не было дороги. Суворов шел через горный хребет по бездорожью с пушками и обозами. Пройдя 150 километров за 6 дней (по пересеченной местности, практически без дорог), Суворов явился в долину и в город Муттен.

Пробившись в Муттен, он узнал
От муттентальского шпиона,
Что Римский-Корсаков бежал.
Оставив пушки и знамена.
Что все союзники ушли,
Кругом австрийская измена,
И в сердце вражеской земли
Ему едва ль уйти от плена¹.

Не совсем прав Константин Михайлович. И Римский-Корсаков не бежал сломя голову, и союзники ушли уже

¹ Симонов К.Н. Суворов. – М., Воениздат, 1950, с.17.

давно, предав для начала Римского-Корсакова. А затем и Суворова: горе-союзники не поставили ни обещанного продовольствия, ни полутора тысяч вьючных мулов. Австрийцы отошли, не дождавшись русских частей на марше, подставив их под пушки неприятеля. Армия попала в мешок. Без снабжения, без продовольствия, с ранеными и пленными на руках.

Суворов в своей жизни не проиграл ни одной битвы, и только он знает, какой ценой это было достигнуто. Он не проиграл и эту. Бросив обозы, пленных и оставив раненых «на милость французов» в городе Гларис, армия под командованием своего генералиссимуса осуществила знаменитый переход через Альпы. Преодолев ледник Прагель и перевал Паникс (высота более 2,5 тысячи метров), остатки армии, числом только 6 тысяч человек вышли в долину Рейна и вдоль реки вышли в Вадуц (ныне столица Лихтенштейна).

После этого Суворов отказался продолжать кампанию. К императору ушли соответствующие рапорта от него, его генералов, русского представителя в австрийском штабе графа Толстого и эмоциональное письмо от царевича Константина, также участвовавшего в походе.

Павел I армию возвращает, но лично Суворовым очень недоволен.

Первый союз с Наполеоном

Результаты войн с Бонапартом никакие, но и особой беды России они тоже не принесли. Разрыв с Британией и союз с Наполеоном в 1800 году принес только бедствия Российской империи и самому Павлу.

И в политике «свободных рук», и в войне с Бонапартом Россия была ведущей стороной. Она сама решала, что ей делать. Теперь же в этом союзе ведущая сила – Наполеон Бонапарт.

9 октября 1800 г. Бонапарт прибывает во Францию из Египта и начинает свой триумфальный путь в столицу. Франция с надеждой встречает долгожданного «спасителя»: это последний из генералов, не знающий поражений. Даже Жубер и тот погиб!

Сразу, как только Наполеон взял власть, он послал Павлу I письмо с выражением дружбы. Это было первое его действие после переворота 9 ноября 1800 г. (18 брюмера VIII года по революционному календарю), который провозгласил Консулат и Наполеона Бонапарта первым консулом.

Затем Наполеон без всяких условий освободил всех русских военнопленных, в том числе раненых, оставленных на милость победителя. Все они были переодеты в новую, специально сшитую для этого форму и отправлены в Россию за счет французского правительства.

Эти действия были следствием или гениального расчета Наполеона, или результатом не менее гениальной интуиции. Павел понимает, что позиции Франции слабы и что итог войны, само существование коалиции зависит от России. И тогда в самом конце 1800 года Первый консул Наполеон Бонапарт заявил о передаче Мальты России. Это был гениальный по своей силе ход.

Некоторые историки полагают, что Павел I Петрович вышел из коалиции, напуганный либеральными идеями офицеров своей армии. Проявлением же этих идей стало то, что адмирал Ушаков провозгласил Ионические острова Республикой.

В действительности все происходило с точностью до наоборот: идеи конституции и либерализма ходили в русском дворянстве независимо от участия в военных действиях. Много раз историки показывали, что «европейские» политические конструкции и дворян, включая и декабристов, и либералов-просветителей типа Белинского и Герцена, и народовольцев были чисто утопическими. Они не имели ничего общего с реальностью. В воспоминаниях Тургенева есть потрясающее место: он водит по Парижу Белинского, показывая ему улицы и площади, связанные с революцией. А Белинский совершенно не интересуется реальной Францией и ее историей; гуляя по Парижу, он ведет речи о необходимости немедленного освобождения крестьян¹.

¹ Лотман М.Ю. Очерки русской культуры. – СПб., 1994.

Скорее знакомство с реальной Европой и реалиями революции и французской диктатуры «излечивало» от утопического стремления делать «как в Европе». Ведь что видели офицеры и Суворова, и Ушакова? Нищее, замордованное население. Не только в Южной Европе, в Италии, Греции, но даже в Швейцарии и Голландии уровень жизни простонародья был не выше, чем в России. Жестокие нравы европейской деревни были не лучше, а то и хуже, чем в России. А дворянство было беднее русского и часто хуже образовано.

Война? Это разорение, принесенное войной, озлобление и одичание. Трупы на обочинах дорог и на ветках придорожных деревьев, голодные дети, отчаявшиеся люди, у которых отняли последнее. Национальный и групповой эгоизм, упорное желание, по сути, всех таскать каштаны из огня чужими руками.

Революция? Офицеры, воевавшие в Европе, видели города и деревни, ограбленные революционной армией, говорили со свидетелями чудовищных жестокостей, видели вывоз во Францию сокровищ культуры и истории. Они видели, как по-хамски обращаются революционеры со священниками, как они гадят в церквях и раскуривают трубки от страниц священных книг.

Участие в войне было скорее «прививкой» от революции.

При этом Павел I прекрасно знал и по рапортам Суворова, и по докладам ближних к нему лиц, что Британия и Австрия просто используют Россию в своих целях. Если бы он вышел из коалиции, это было бы политически оправданно и было бы только популярно в России.

Намного хуже была новая опала Суворова. Пока он был в чести, Павел пожаловал ему титул князя Итальянского и звание генералиссимуса, приказал поставить ему памятник в Санкт-Петербурге. Но «своевольный» Суворов долго не удержался в зените славы. Переход через Альпы не прошел даром для великого полководца; все же Суворову было уже 70 лет. Вернувшись в Петербург 20 апреля, он умер 6 мая. За его гробом запрещено было идти придворному обществу и гвардии. Шли толь-

ко армейские полки. А Суворов был культовой фигурой для дворянства и всех служивых людей. Передавали слова Массена: узнав о смерти Суворова, он произнес, что отдал бы все свои победы за один его швейцарский поход.

Еще хуже был союз с Британией...

По приказу Павла I российские войска были выведены из Европы. Ушаков передал все занимаемые позиции Англии... Но это совершенно не помешало ей «прихватить» и важный стратегический пункт, Мальту.

После заключения дружбы России и Франции Британия вполне мотивированно отказалась вернуть Мальту России. Получается, что Бонапарт Мальту подарил, а Британцы подарок захватили.

Без русских войск Наполеон громит и турецкие и австрийские войска. В мае, одновременно со смертью Суворова, армия Моро наступает в Баварии, а Бонапарт лично ведет войска в Северной Италии. После битвы у Маренго Австрия подписывает в Александрии с Первым Консулом соглашение о прекращении боевых действий в Италии.

Совсем выйти из войны Австрия не может: она, как наркоша на игле, сидит на британских субсидиях. Только после того, как в сентябре 1800-го генерал Макдональд занимает Швейцарию и Тироль, Мюрат идет на Неаполь, Брюн наступает в Ломбардии, после того как в декабре 1800-го Моро разбивает эрцгерцога Иогана при Гогенлиндене, взяв 25 тысяч пленных, Австрия просит о мире. Война окончилось полной победой Франции.

А Бонапарт, гениальный стратег и великолепный психолог, не забывает о новом союзнике! По Люневилльскому договору Ионические острова остаются под протекторатом России. А зависимая от Франции Испания урегулирует пограничный конфликт с Россией в Калифорнии.

Более того... Бонапарт предлагает России секретный план с предложениями о разделе Турции. Бывшая Византия достается России, Ближний Восток – Франции, и о совместных боевых действиях в Индии.

Индийский поход Войска Донского

Об индийском походе говорили и говорят очень разное – вплоть до объявления его мифом и выдумкой «врагов императора Павла».

Но секретный проект Российско-французской коалиции по захвату Британской Индии был. Очень возможно, именно он стоил жизни Павлу I. Во всяком случае, его не довели до конца именно из-за убийства Павла I.

По секретному плану должны были двинуться два пехотных корпуса, французский (с артиллерийской поддержкой) и российский, каждый по 35 000 человек, не считая артиллерии и казацкой конницы. Наполеон настаивал, чтобы командование французским корпусом было поручено генералу Массена. По плану французское войско должно было перейти Дунай и пройти через Южную Россию, останавливаясь в Таганроге, Царицыне и Астрахани.

Объединиться с Российским войском французы должны были в устье Волги. После этого оба корпуса пересекали Каспийское море и высаживались в персидском порту Астрабад. Все перемещение из Франции в Астрабад по подсчетам занимало восемьдесят дней. Следующие пятьдесят дней занимал поход через Кандагар и Герат, и к сентябрю того же года планировалось достигнуть Индии.

Этот индийский поход должен был походить на Египетский поход Бонапарта – вместе с солдатами отправлялись инженеры, художники, ученые. По всем законам колониализма, европейские армии вели с собой европейскую науку и культуру.

Реально? Совершенно реально. Этот план должен был вызвать панику у британцев: уж они-то знали меру «любви» народов Индии к Британской Ост-Индской компании. Грандиозное восстание было совершенно гарантировано. Британцев «мочили» бы в сортирах – в деревянных тропических будочках даже там, где не появился ни один французский или русский солдат.

Этот план уже начал реализовываться!

В январе 1801 года казачий атаман Василий Орлов получил приказ вести конницу к границе с Индией. Атаман

Матвей Иванович граф Платов был освобожден из Петропавловской крепости и поставлен во главе казаков.

Через месяц войско из 22 500 казаков должно было достигнуть Оренбурга, а оттуда через Хиву и Бухару добраться до Инда. Немедленно после смерти Павла в марте 1801-го казакам был отдан приказ прекратить поход и возвращаться на Дон.

Так реализовался один из политических законов Российской империи: ограниченность самодержавия удавкой. Чтобы удавка пошла в дело, надо было затронуть интересы дворянства. Они и оказались затронуты: торговля с Британией была слишком выгодна для владельцев земель и крепостных. Как Австрия долго не могла выйти из войны – очень уж задолжала Британии, так и русские дворяне сидели на игле британских денег.

По официальной версии, разрыв экономических контактов с Британией очень сильно ударил бы по экономическим интересам России. Если считать дворянские имения «Россией», то все верно. И если иметь в виду только кратковременную выгоду. Почему дворянство не считало для себя выгодным (в том числе и экономически) навязать Британии политическую волю России и Франции? Ответ может быть только один: они не отождествляли себя и свое благосостояние с могуществом Российской империи. Народ российский? В своем представлении они и были этим народом.

Последствия

Павел I был задушен в собственной спальне в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. в Михайловском замке. В заговоре участвовала верхушка столичного дворянства: адъютант гренадерского батальона Преображенского полка, Аргамаков, Н.П. Панин, вице-канцлер, Л.Л. Беннигсен, командир Изюминского легкоконного полка П.А. Зубов (бывший любовник Екатерины), Пален, генерал-губернатор Петербурга, командиры гвардейских полков: Семеновского – Н.И. Депрерадович, Кавалергардского Ф.П. Уваров, Преображенского – П.А. Талызин), а по некоторым данным – флигель-адъютант императора, граф Петр Василь-

евич Голенищев-Кутузов, сразу же после переворота назначенный командиром Кавалергардского полка.

О том, что именно произошло, судить трудно: документы, написанные непосредственными участниками заговора, уничтожены.

Александр уничтожил воспоминания Палена и Зубова.

Николай с трудом нашел и сжег записки Беннигсена.

Видимо, какие-то документы уничтожал и Павел: мы до сих пор не знаем, от кого он узнал о заговоре. В качестве доносчиков называют генерал-прокурора П.Х. Оболянина, бывшего шефа Санкт-Петербургского полка В.П. Мещерского. Все это – слухи. Достоверно известно только то, что царь узнал о заговоре. И что он безошибочно вызвал к себе тех, кто в заговоре не участвовал: Линденера и Аракчеева. Но фактически это лишь ускорило исполнение заговора: опираться было не на кого, помочь некому.

Впустил заговорщиков в личные покои царя адъютант гренадерского батальона Преображенского полка Аргамаков. Солдат-охранников расставлял командовавший внутренним пехотным караулом Марин. Верных солдат (из простонародья) удалил, потомственных гвардейцев оставил.

Народ, в том числе рядовые солдаты, могли бы спасти своего императора, но он ведь к ним не обратился. А сами они ни во что посвящены не были.

Двое камер-гусара, стоявшие у двери, храбро защищали свой пост. Один из них был заколот, а другой ранен. Это камер-гусар Кирилов, впоследствии служивший камердинером при вдовствующей государыне Марии Федоровне.

Подробности убийства передаются по-разному, каждая версия позволяет разные трактовки. По одной версии, Павел был убит Николаем Зубовым, мужем Натальи Александровны, единственной дочери Суворова, который ударил императора массивной золотой табакеркой (при дворе впоследствии имела хождение шутка: «Император скончался апоплексическим ударом табакеркой в висок»).

По-разному передавали обстоятельства дела: то ли Зубов вырвал табакерку из рук Павла, который пытался сам нанести удар, то ли убийство было преднамеренным.

По одной из версий, князь Платон Zubов долго спорил с императором, доказывая, что деспотизм его сделался настолько тяжелым для нации, что они пришли требовать его отречения от престола. Как видите, аргумент именно такой: «для народа».

Спор скоро сделался очень бурным, «собеседники» подрались.

По другой версии, Павел был задушен шарфом или задушен группой заговорщиков, которые, наваливаясь на императора и друг друга, не знали в точности, что происходит. Приняв одного из убийц за сына Константина, закричал: «Ваше Высочество, и вы здесь? Пощадите! Воздуху, воздуху!.. Что я вам сделал плохого?» Это были его последние слова.

Версии не обязательно противоречат друг другу. По одной из версий, Павел, получив удар в висок, без чувств рухнул на пол. В ту же минуту француз-камердинер Zubова (по другим данным – сам Zubов; по третьим – Беннигсен) вскочил с ногами на живот императора. Называли по крайней мере три имени того, кто взял висевший над кроватью собственный шарф императора и задушил лежавшего без сознания.

Называли имена (до 8 человек) тех, которые стремились выместить полученные от императора оскорбления, избивая уже труп. Врачам и гримерам было нелегко привести тело в такой вид, чтобы можно было выставить его для прощания. Все, прощавшиеся с императором, видели на его лице черные и синие пятна. Треугольная шляпа была так сдвинута набок, чтобы скрыть левый проломленный висок.

Говорили, что когда дипломатический корпус был допущен к телу, французский посол нагнулся над гробом и, оттянув рукой галстук императора, обнаружил красный след вокруг шеи, сделанный шарфом. Но опять – слухи без документов.

Неясно, собирались ли заговорщики вообще убивать Павла I. Известно, что «Великий князь Александр не соглашался ни на что, не потребовав от меня предварительно клятвенного обещания, что не станут покушаться на

жизнь его отца; я дал ему слово: я не был настолько лишен смысла, чтобы внутренне взять на себя обязательство исполнить вещь невозможную, но надо было успокоить щепетильность моего будущего государя, и я обнадежил его намерения, хотя был убежден, что они не исполнятся»¹.

По воспоминаниям князя А. Чарторыйского, мысль о заговоре возникла чуть ли не в первые дни правления Павла, но переворот стал возможным только после того, как стало известно о согласии Александра, который подписал соответствующий секретный манифест, в котором признавал необходимость переворота и обязывался не преследовать заговорщиков после восшествия на престол².

Насколько Пален писал правду, насколько хорохорился? Если Александр действительно испросил жизнь отца, насколько был искренен он сам? Возможно, подписывая Манифест, Александр подписал тем самым смертный приговор отцу. Насколько он обманывался сам? Насколько был обманут?

Во всяком случае, император был убит: жертва всех основных проблем России своего времени. Жертва зависимости верхушки от заграничных денег и ее чужеродности остальной стране; жертва собственной отдаленности от народа; жертва британских интриг; жертва своего непростого характера.

«... дней Александровых прекрасное начало»

В Манифесте о своем воцарении умный юноша Александр обещал «править по заветам бабки Нашей, Екатерины». Формулировка очень полезная для налаживания отношений с дворянством. Но в чем же состояли «заветы»? Допустим, «заветы бабки» можно за уши притащить к отмене почти всего, сделанного Павлом: в течение первого же месяца правления Александр вернул на службу всех ранее уволенных Павлом, снял запрещение на ввоз различных товаров и продуктов в Россию (в том числе книг

¹ Сафонов М. Завещание Екатерины II. – СПб., 2001.

² Чарторыйский А. Русский двор в конце XVIII и начале XIX столетия. Из записок князя Адама Чарторыйского. 1795–1805. М., 2007.

и музыкальных нот), объявил амнистию беглецам, восстановил дворянские выборы. Он восстановил действие Жалованной грамоты дворянству и городам, ликвидировал тайную канцелярию.

Но дальше начинается то, о чем Екатерина и не думала: не отстраняя (пока) прежних царедворцев, 10 марта 1801 г. (одним из первых указов) молодой царь назначил т.н. негласный комитет с ироничным названием «Comité du salut public», то есть «Комитет общественной славы». Название откровенно списано с революционного «Комитета общественного спасения».

Этот «комитет» состоял из молодых и полных энтузиазма друзей: Виктор Кочубей, Николай Новосильцев, Павел Строганов и Адам Чарторыйский. Группа «молодых друзей» сплотилась вокруг Александра еще до его восшествия на престол. Этот комитет, совещательный орган при императоре должен был разработать схему внутренних реформ.

Цели «молодых друзей» во многом оставались утопичными, и не случайно лишь малая доля их программ была реализована.

Александр утверждал, что при Павле «три тысячи крестьян были розданы, как мешок брильянтов. Если бы цивилизация была более развитой, я бы прекратил крепостное право, даже если это бы мне стоило головы».

Только не надо представлять Александра I таким великим либералом и демократом. Теоретический либерализм у императора был связан с аристократическим своеобразием, не терпящим возражений. «Вы всегда хотите меня учить! – он возражал Державину, министру юстиции, – но я император и я желаю этого и ничего другого!» «Он был готов согласиться, – писал князь Чарторыйский, – что все могут быть свободны, если они свободно делали то, что он хотел».

Государь был мечтателен. Он любил побеседовать на интеллектуальные темы, покровительствовал масонам и по своим взглядам (на словах) был большим республиканцем, чем радикальные либералы Западной Европы. Из чего вытекает, что у него было сердце, но не следует, что не было разума.

8 сентября 1802 г. новым манифестом утверждено 8 министерств (военно-сухопутных сил, морских сил, внутренних сил, иностранных дел, юстиции, финансов, народного просвещения, коммерции). Петровские коллегии были очень неэффективны. Екатерина их упразднила, Павел назвал Екатерину опять ввел. Александр создал министерства, никогда не бывшие в числе бабкиных заветов. Для совместного обсуждения дел учреждался Комитет министров.

В 1802 г. был издан указ о правах Сената. Он объявлялся верховным органом в империи, сосредотачивающим в себе высшую административную, судебную и контролирующую власть. Ему предоставлялось право делать представления по поводу издаваемых указов, если они противоречили другим законам.

Изменениям подвергся и Святейший Синод, членами которого были высшие духовные иерархи – митрополиты и архиереи, но во главе Синода стоял гражданский чиновник в звании обер-прокурора. При Александре I представители высшего духовенства уже не собирались, а вызывались на заседания Синода по выбору обер-прокурора, права которого были значительно расширены.

С 1803 по 1824 г. должность обер-прокурора исполнял князь А.Н. Голицын, бывший с 1816 г. также и министром народного просвещения (и видным масоном).

В 1803 г. было издано новое положение об устройстве учебных заведений, внесшее новые принципы в систему образования:

бессословность учебных заведений;

бесплатность обучения на низших его ступенях;

преемственность учебных программ между одно-классным приходским училищем, уездным училищем, гимназией в губернском городе и университетом.

Вся территория страны была разделена на 6 учебных округов. В каждом из них – свой университет. Кроме Московского, открыли еще пять: в 1802 г. – Дерптский, в 1803 г. – Виленский, в 1804 г. – Харьковский и Казанский. Открытый в 1804 г. Петербургский Педагогический институт был преобразован в 1819 г. в университет.

Университетам Александр даровал большую автономию: выборность ректора и профессуры, собственный суд, невмешательство высшей администрации в дела университетов, право университетов назначать учителей в гимназии и училища своего учебного округа.

Одновременно создавались цензурные комитеты из профессоров, подчинявшиеся Министерству народного просвещения.

Неудивительно, что к концу жизни Александр сильно сократил университетскую автономию: профессура была свободна, но не всегда делала то, что хотел император. (Демократия-то зависела от одного лица.) Вот в 1820 г. в университеты и направили инструкцию о «правильной» организации учебного процесса, а в 1821-м провели проверку выполнения инструкции 1820 года и немало профессуры разогнали.

Но впечатление от реформ было велико... Учебных заведений стало больше, и к тому же впервые хотя бы теоретически смог получить образование человек не дворянского сословия. Дворяне не приходили в восторг от этого, и Александр I Павлович основал несколько привилегированных средних учебных заведений – лицей: в 1811 г. – Царское-сельский, в 1817 г. – Ришельевский в Одессе, в 1820 г. – Нежинский. И самое элитное военно-учебное учебное заведение императорской России: Пажеский Его Императорского Величества корпус, с 1802 года.

Но еще более сильное впечатление, чем реформы просвещения, производили попытки решения тяжелейшего крестьянского вопроса.

Крестьянский вопрос

При вступлении на престол Александр I торжественно заявил, что отныне прекращается раздача казенных крестьян. 20 февраля 1803 г. издается указ о «вольных хлебопашцах». По этому указу в сословие «вольных хлебопашцев» вступили до 800 тысяч крестьян к концу его царствования.

Александр нарушил дворянскую монополию на владение землей. Уже 12 декабря 1801 г., одним из первых,

был Указ о праве покупки земли купцами, мещанами, государственными и удельными крестьянами вне городов. Помещичьи крестьяне получают это право только в 1848 г., но тем не менее монополия сломана. Как в России до Петра, владеть землей теперь могут разные сословия.

В 1804–1805 гг. даже готовилось освобождение крепостных в Прибалтике. До конца крестьян в Прибалтике освободили в 1818 году.

Немало для первых лет царствования совсем молодого, 24–27-летнего царя. Ожидали, правда, много большего. По общему мнению, «дней Александровых прекрасное начало» сменилось «реакцией». То ли Александр всех ввел в заблуждение, то ли испугался, то ли изменился с ходом лет. И никому почему-то не приходят в голову самые простые объяснения:

1. Александр I Павлович – такой же точно заложник дворянства, как и Павел I Петрович. Не будем даже обсуждать естественное желание жить. Но ведь убийство императора, пошедшего против дворян, нисколько не приблизит крестьянство к свободе.

2. Все события в России совершаются на фоне продолжающихся непрерывных войн. Европа бурлит, все время движутся войска, нехорошо жужжат пули, рвутся бомбы¹. В крови и огне перекраивается карта мира.

Александр прекрасно понимает – воевать все равно придется. Даже политика «свободных рук» предполагает армию, которая послужит угрозой для желающих окружить свои владения за счет Российской империи.

В этих условиях полное безумие ссориться с единственным военным сословием.

Сворачивание реформ

10 мая восстановлена русская миссия в Вене. По Англо-русской морской конвенции 17 июня 1801 г. Россия

¹ Бомбой или гранатой называли ядро, выдолбленное изнутри с пороховым зарядом и фитилем. Фитиль воспламенялся в момент выстрела, или его специально поджигали, закладывая гранату в дуло. Такой бомбой был смертельно ранен князь Андрей в «Войне и мире».

отказывается от союза с Бонапартом, но к Британии не присоединяется. Политика «свободы рук».

8 октября в Париже подписывается русско-французский мирный договор и секретный протокол о разграничении сфер влияния. Согласно протоколу, стороны обязуются «не оказывать ни внешним, ни внутренним врагам другой державы никакой помощи войсками или деньгами под каким бы то ни было наименованием»¹.

28 сентября 1802 года Сенат восстановил действие русско-французского торгового трактата 1797-го сроком до 1809 года. Опять политика «свободы рук». Со всеми дружим и торгуем, всех любим и не любим одинаково.

Но к войне Россию все равно подталкивают неудержимо. У нежелания Александра влезать в европейскую войну есть два камня преткновения: активность Франции на Балканах и стремительное возвышение Франции.

Франция активизируется на Балканах. Россия давний гарант прав христианского (православного) населения Турецкой империи. Русские монахи приезжают в Турецкую империю, преподают в школах для православных, русское правительство постепенно ведет к тому, чтобы православные отделялись от Турецкой империи, создавали свои государства.

Члены названного Комитета указывают царю на опасность французского присутствия: Франция может резко рвануть на себя одеяло, занять место России на Балканах. Адам Чарторыйский прямо говорит о необходимости «защиты Блистательной порты от происков Франции».

То же самое говорят опытные старые дипломаты. Министр иностранных дел Воронцов в 1803 году представляет доклад, в котором говорит – высадка французских войск на Балканах означала бы распад Турецкой империи и потерю всех позиций, завоеванных кровью и потом многих поколений.

В самой Европе Бонапарт, нарушая все предшествующие договоры, аннексирует дважды завоеванный им Пье-

¹ Сироткин В.Г. Наполеон и Россия. – М., 2000, с. 34.

монт (1802) и родину правящей британской династии Ганновер (1803).

Выход, по его мнению, один – война в союзе с Британией за сохранение существующего положения.

Второй источник беспокойства: расстрел герцога Энгийенского, коронация Наполеона как императора.

Лев Толстой очень точно описывает, какое тяжелое впечатление оказывает на русское общество убийство герцога Энгийенского. Все дворянство понимает – посягнули на человека их круга! И уже не санкюлоты, не якобинцы, а почти император Наполеон. Не Робеспьер, от него другого и не ожидали, а «Робеспьер на коне!» Уже не в романе, а в реальной жизни Александр I объявил по герцогу реальный траур при дворе. По Петербургу ходила брошюра «Историческое описание Его Светлости принца герцога Енгийенского, расстрелянного по повелению Буонапарте в Винценском лесу в ночь с 21 на 22 марта 1804 года»¹.

Но все понимают и то, что новый режим продемонстрировал: для достижения своих целей он готов нарушать любую законность! Этой готовностью пугали якобинцы, а получается – Наполеон не лучше.

Впрочем, тут французам есть что сказать... посол Франции Лористон задает императору, возмущенному беззаконным расстрелом, вопрос: «Что, если бы в дни, когда Британия готовила убийство Вашего отца, Вы бы узнали, что заговорщики находятся за границей, но в пределах досягаемости. Неужели Вы бы не приложили бы все усилия, чтобы их схватить?». Удар ниже пояса? Да. Но Александр сам подставился.

С декабря 1804 года дипломатические отношения России и Франции были прерваны. Накануне коронации Наполеона Александр демонстративно разрывает с Францией дипломатические отношения и отзывает поверенного в делах Петра Убри – чтобы он не присутствовал при коронации.

¹ «Историческое описание Его Светлости принца герцога Енгийенского, расстрелянного по повелению Буонапарте в Винценском лесу в ночь с 21 на 22 марта 1804 года». – СПб, 1804.

А цели у Франции какие? Государственный совет приходит к весьма резонному выводу: стремительное возвышение Наполеона имеет главным образом соображения внешней политики. То есть Наполеон Бонапарт, став императором, намерен раздвигать границы своей империи вплоть до Индии на юг и до Урала на восток.

Это подталкивает к созданию третьей антифранцузской коалиции под предводительством русского царя Александра I. Центральное звено договоров этой коалиции: «Англо-русская конвенция о мерах к установлению мира в Европе» от 11 апреля 1805 г.

Тогда же опять начинают финансово поддерживать французских эмигрантов. Много позже в 1828 г. Николай I попытается получить должок с Карла X Бурбона, правившего в 1824–1830 гг. Должок составляет 19 284 497 франков. Не получил.

«Когда говорят пушки, музы молчат» – говаривал Наполеон.

Когда говорят пушки, музы тоже не всегда молчат. Но они говорят только в том случае, если они помогают пушкам или хотя бы не мешают им стрелять. Мог ли Александр I Павлович проводить раскрепощение крестьян, ставя Россию на грань новой гражданской войны?

Глава 4.

ПОЧЕМУ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА НЕ НАЧАЛАСЬ В 1807 ГОДУ?

Дерево человечества забывает о тихом садовнике, который пестовал его в стужу, поил в засуху и оберегал от вредителей; но оно верно хранит имена, безжалостно врезанные в его кору острой сталью, и передает их позднейшим поколениям, тем лишь умножая их славу.

Гейне Г

Коварство Луизы... или Александра?

После заключения ряда трактатов между Австрией, Пруссией, Россией и Англией была оформлена новая антифранцузская коалиция. 9 сентября 1805 года Александр и Кутузов выехали в действующую армию.

Разумеется, и тут не обошлось без романтической истории, которую до сих пор вспоминают где надо и где не надо. Связана она с прусской королевой Луизой Августой Вильгельминой Амалией (1776–1810), супругой Фридриха Вильгельма III, мамой прусского короля Фридриха Вильгельма IV, первого германского императора Вильгельма I и жены Николая I Шарлотты (Александры Федоровны).

Королева была очень красива. Некрасивый и угрюмый Фридрих-Вильгельм проигрывал в сравнении с Луизой Менленбургской. Луиза была красива и обаятельна. Пожилой Гете называл ее «небесным видением».

В июне 1802 года Александр заехал к своему двоюродному брату, прусскому королю, из Риги в Мемель. Помимо смотров, парадов и приемов королевская чета много времени проводила в домашнем кругу, в компании Александра. Александр много общался с Луизой, когда Фридрих-Вильгельм уходил спать, и, конечно же, о них много чего говорили.

По одной версии, Александр уже тогда влюбился по уши. Обер-гофмейстерина Луизы, графиня Фосс, записала в своем дневнике об Александре: «Бедный, он совсем увлечен и очарован королевой!»

По другой, как выразился хорошо его знавший Чарторыйский, началось «платоническое кокетничанье».

Они прощались чрезвычайно трогательно, Луиза была в слезах. Судя по всему, если кто-то влюбился, то именно она.

В октябре 1805 года Александр снова встретился с прусской королевской четой в Потсдаме. Адам Чарторыйский не без ехидства писал, что император был в Потсдаме «серьезно встревожен расположением комнат, смежных с его опочивальней», и что «на ночь он запирает дверь на два замка, боясь, чтобы его не застали врасплох и не подвергли бы слишком опасному искушению, которого он хотел избежать».

Несмотря на это молва утверждает: под влиянием своей неземной любви Александр подписал с Фридрихом-Вильгельмом III 22 октября 1805 г. конвенцию о присоединении Пруссии к антинаполеоновской коалиции. Глупости, потому что именно за этой конвенцией Александр и приехал в Потсдам.

Еще забавнее утверждение, что Фридрих-Вильгельм III подписал конвенцию по настоянию жены: он спал и видел себя союзником России.

Но больше всего легенд связано с посещением гробницы Фридриха II («Великого Фридриха»). В полночь все трое при свечах спустились в гробницу Фридриха Прусского (которого беспощадно и позорно бил русская армия в Семилетней войне) и поклялись друг другу в вечной дружбе.

Спустя год Наполеон занял Потсдам и выпустил по этому поводу свой 17-й бюллетень. В нем он прошелся и по клятве у гроба Фридриха II:

«Через два дня после свидания оно было изображено на картинке, которую можно видеть во всех лавках и которая заставляет смеяться даже мужиков. На ней изображены: русский император, очень красивый, с ним рядом королева, а с другой стороны король, который поднимает руку над гробницей Фридриха Великого. Сама королева, закутанная в шаль, подобно тому как лондонские картинки изображают леди Гамильтон, прижимает руку к сердцу и смотрит при этом на императора».

Наполеон не мог не пнуть своих заклятых врагов. Сравнение королевы Луизы с любовницей адмирала Нельсона леди Гамильтон должно было казаться ему очень обидным.

Но главное: находятся историки, которым совесть позволяет рассказывать, что этой клятвой у гробницы Фридриха Великого то ли коварная Луиза, то ли коварная прусская чета повязала наивного, сентиментального Александра.

Не может быть ничего более далекого от истины! Все трое монархов просто жаждали этого союза. И Александр получил от него больше, чем прусские короли. Александр вел войну не на территории России. Война с Наполеоном была и его война... Но он вел ее во много раз более комфортных условиях, чем пруссаки и австрийцы.

Что же до сентиментального ритуала... Он очень в духе эпохи романтизма, очень в духе традиционной Германии. А ведь все трое – немцы. Александр – тоже немец по крови. Если его отец родился от Салтыкова, то на 75%. Если от Петра – то на 87,5%. И в огромной степени он немец по воспитанию, литературным вкусам, бытовым привычкам и поведению.

Австрийская катастрофа при Ульме

Пока в Потсдаме целовали холодный, сочащийся водой камень гробницы и шептали слова «вечной клятвы», Наполеон делал более прозаическое дело: разгромил и заставил капитулировать австрийскую армию Макка.

Битва под Ульмом – сражение, состоявшееся 16–19 октября 1805 г. Сражение необычно тем, что победа Наполеона достигнута не в генеральном сражении, а в серии успешных боев с отдельными австрийскими корпусами.

Как обычно, Наполеон сумел добиться внезапности. «Наполеон шел необычайно быстрыми переходами, совершая обход с севера расположения австрийских войск на Дунае, левым флангом которых была крепость Ульм»¹.

Генерал Мак узнал о появлении неприятеля только тогда когда конница Наполеона отрезала его от всех источников снабжения и подкреплений².

Русские стоят в Вене. Наполеон отрезает австрийцев от русских. Макк пытается выйти на соединение с союзниками. 6-й корпус французов заставляет Макка отступить к Ульму.

К 16 октября Наполеону удалось окружить всю австрийскую армию под Ульмом. Потрясенный австрийский генерал просит французов о странном одолжении: о 8-дневном перемирии. Если к тому времени русские не подойдут, он сдается.

Через 5 дней с армией Макка покончено, причем убито всего около 10 тысяч человек (потери французов – не более 6 тысяч). Макк и 30 тысяч австрийцев сдались, 20 000 спаслись бегством. Все, армии Макка больше нет.

Трафальгар

Практически одновременно с победой Наполеона под Ульмом французско-испанский флот потерпел сокрушительное поражение 21 октября 1805 года у мыса Трафальгар на Атлантическом побережье Испании около города Кадис.

Разгром был абсолютным. Британия не потеряла ни одного корабля. Франция и Испания потеряли двадцать два корабля из 33 участвовавших в сражении. Погибло 7 тысяч моряков.

¹ Тарле Е. В. Наполеон. – М., 1941, с.158.

² Делдерфилд Р. Маршалы Наполеона. – М., 2001, с. 159.

Харботл Т. Битвы мировой истории. – М., 1993, с. 466.

Во время сражения погиб командующий английским флотом вице-адмирал Горацио Нельсон. С этого времени его имя стало символом военно-морской мощи Великобритании¹. По поводу этой смерти было сказано, что пережить ее тяжелее, чем остальные 1700 смертей британских моряков и солдат.

Труп адмирала везли в Лондон в бочке с бренди. Веселые британцы рассказывали, что моряки тайком от начальства через соломинки отпивали из этой бочки. Скорее всего, это миф – Нельсон пользовался суеверным почитанием и уважением флота и всей Британии.

Более достоверно, что перед началом Трафальгарского сражения вице-адмирал Горацио Нельсон поднял на своем флагманском корабле «Виктория» сигнал: «Англия ожидает, что каждый исполнит свой долг».

Эта фраза стала крылатой, ее часто цитировали по самым различным поводам.

После Трафальгара стало очевидно, что высадить десант в Британии Наполеону не удастся. Он сосредоточился на сухопутной войне с Австрией.

Аустерлиц

Решающее сражение Наполеона против армий Австрии и России вошло в историю как «битва трех императоров»: Наполеона, австрийского Франца II и русского Александра I Павловича.

Сражение состоялось 2 декабря 1805 г. Союзная армия насчитывала порядка 85 000 человек, из которых 60 тысяч русских и 25 тысяч австрийцев с 278 орудиями.

Общая численность французской армии, прибывшей вслед за Кутузовым в район Аустерлица, достигала 200 тысяч человек. При таком перевесе Наполеон боялся только одного: что союзники отступят и не дадут себя разгромить, и на поле боя выставил пока «всего» 73 тысячи человек. Союзники и впрямь могли бы вовремя отступить, если бы М.И. Кутузов действительно мог бы командовать. Формально он и был главнокомандующим, но фактически

¹ Сухоруков А.В. Трафальгарское сражение: 200 лет // Новая и новейшая история. 2005. № 5.

присутствие двух императоров лишало его той власти, которая должна быть у главнокомандующего. Александр I легко мог отменить решение Кутузова, навязать свое собственное, одним движением руки заставить Михаила Илларионовича молчать.

План австрийского генерального штаба (план Вейротера) основывался на оценке численности французской армии в 40 тысяч человек, и на крайне низкой оценке полководческих талантов Наполеона. Этот план предусматривал, что союзники имеют и не оставят до конца стратегическую инициативу. Французы же будут только обороняться.

Кутузов знал, какова численность войск Наполеона, и не был согласен с австрийцами. Но, совершенно парализованный присутствием Александра, не возражал и составлял собственного плана сражения. В то же время он и не отказывался от формального руководства войсками. Так фактически и оба императора, и Кутузов разделили ответственность за поражение.

Наполеон же был осведомлен о том, что фактическое командование союзной армией принадлежит не Кутузову. Он знал, что Александр скорее всего примет планы австрийских генералов. А австрийцев он бил много раз.

Наполеон предполагал, что австрийско-русские войска будут наступать широким фронтом, стремясь его окружить. Он сконцентрировал войска в центре, против Праценских высот. Этим он создал у австрийцев иллюзию, что они действительно могут быстро его окружить. И подготовил свои войска для стремительного удара по центру союзников.

Союзники начали передвижения еще в сумерках. Наполеон выждал до девятого часа и начал наступление. Здесь он сосредоточил до 50 тысяч человек против 3–4 тысяч русских солдат.

Заняв Праценские высоты, Наполеон нанес удар главных сил на левое крыло союзников, охватывая его с фронта и тыла. Союзники начали отступление. Часть войск была отброшена к прудам и оказалась вынуждена отступать по замерзшему льду. Наполеон, заметив это движение, приказал бить ядрами в лед.

Позже пропаганда Наполеона в бюллетенях говорила о 20 тысячах погибших. Реально их было «всего» от 800 до 1 тысячи человек¹.

Правое крыло союзной армии под командованием Багратиона отступило только после того, как Наполеон направил против него в помощь своему левому крылу и кавалерию Мюрата. Императоры Александр и Франц бежали с поля боя еще задолго до окончания сражения. Если верить легенде, Александр плакал, видя гибель союзной армии.

Союзные войска потеряли до 27 тыс. человек, причем большую часть – 21 тыс. – русские. Потери французов, по разным данным, составили от 9 до 12 тысяч человек.

После этой битвы австрийский император Франц заявил Александру о том, что продолжать борьбу бессмысленно. Австрия вышла из войны, на чем и кончилась Третья антифранцузская коалиция европейских держав².

В России поражение вызвало тяжелое чувство, потому что общественность считала русскую армию непобедимой (в точности как французы считали непобедимой армию Наполеона).

Сражение при Аустерлице часто представляют как пример сражения, приведшего к полному разгрому противника. Но, во-первых, союзная армия отступила в порядке, ушла со знаменами и половиной артиллерии. Она сохранилась и могла продолжать военные действия.

Во-вторых, как ни тяжело переживали поражение в России, дух армии и русского народа не упал. Поражение рассматривали не как неверность тезиса о непобедимости, а скорее как следствие австрийской измены и случайного стечения обстоятельств.

Очень характерный момент: после поражения генерала А.Ф. Ланжерона уволили со службы (скоро взяли обратно). Генералов И.Я. Пржибышевского и Лошакова отдали под суд. Военный суд полностью оправдал И.Я. Пржибышевского, и тогда его делом занялся Государственный совет. Генерала приговорили к разжалованию на месяц

¹ Катело А. Наполеон. – М., 2004.

² Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. – М., 1997, с.265–272.

в рядовые, а после к отставлению от службы. Император Александр I утвердил приговор уже в 1810 году, хотя генерал был совершенно невиновен¹.

Никаких претензий к Кутузову не предъявлялось.

Император Александр I является лицом наиболее виновным за разгром русско-австрийской армии при Аустерлице. Но к нему не только не предъявляли претензий. 13 декабря 1805 г. Кавалерственная дума ордена Св. Георгия обратилась к Александру с просьбой возложить на себя знаки ордена 1-й степени. Но скромный Александр отказался, заявив, что «не командовал войсками», и принял лишь 4-ю степень.

22 ноября 1805 г. было заключено перемирие, по которому русские войска должны были покинуть австрийскую территорию.

26 декабря 1805 года в Пресбурге (Братиславе) Наполеон фактически продиктовал Австрии мирный договор. По нему Австрия окончательно отказывалась от покровительства германским княжествам, уходила из Северной Италии. Самое худшее для России: Австрия отдавала Наполеону Венецианскую область, а также свои балканские провинции: Историю и Далмацию.

В руках у Наполеона оказался сухопутный мост из Северной Италии на Балканы. Возводившаяся Российской империей система обороны Балкан, центральной частью которой был остров Корфу. Теперь Наполеон мог не плыть и вести войска по морю, а сухим путем идти на Балканы, перебрасывая туда любые контингенты войск.

Едва текст франко-австрийского мирного договора дошел до Петербурга, Александр собрал заседание Государственного совета. С 9 по 19 января шло заседание, несмотря на православное Рождество (6 января) и православный Новый год (с 11 на 12 января), когда государственные учреждения Российской империи не работали.

В основном царедворцы предлагали большее или меньшее сближение с Наполеоном. Князь Куракин прямо предлагал союз, очень напоминающий союз 1800 года при Пав-

¹ Шильдер Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. II. – СПб., 1898, с. 137.

ле. Нейтрализация «путем объятий» через мирный договор и раздел сфер влияния в Европе.

Была выдвинута и другая идея: продолжать войну, «заменяв» Австрию в качестве союзника Пруссией.

Странное состояние «ни войны, ни мира» прервали, поручив посланнику Убри вести переговоры с Талейраном. Талейран представил проект русско-французского «Мира на вечные времена», включив в него заранее неприемлемые условия: вывод эскадры Синявина из Средиземного моря, посланной на помощь русским войскам на Корфу, уход с Адриатики.

Большинство членов Государственного совета были за принятие этого мирного договора. Но император 14 августа 1806 года личным решением отказался от этого мира. Вопрос о новой войне с Францией был решен.

Прусская катастрофа Йены-Ауэршадта

В сентябре 1806 г. Пруссия начала войну против Франции. 16 ноября 1806 Александр объявил о выступлении и Российской империи против Франции. 16 марта 1807 г. Александр выехал к армии через Ригу и Митаву и 5 апреля прибыл в Главную квартиру ген. Л.Л. Беннигсена.

Двигала ли им клятва в гробнице Фридриха Прусского? Нет, были намного более важные причины воевать вместе с Пруссией.

В этот раз Александр меньше, чем в прошлую кампанию, вмешивался в дела командующего. Но как выяснилось, Беннигсен – далеко не Кутузов.

Русские войска не принимали участия в Йена-Ауэрштедтском сражении... и это к лучшему. 14 октября под Йеной Наполеон легко разгромил пруссаков, которые потеряли 27 тыс. чел. и 200 орудий.

Корпус Даву (27 тысяч солдат) наступал на Ауэрштедт. Несмотря на превосходство противника (до 38 тысяч человек), он также одержал победу, погнал прусские войска, потерявшие в сражении 18 тыс. чел. и 115 орудий.

В обоих главных сражениях между французскими и прусско-саксонской армиями во время русско-прусско-французской войны 1806–1807 современная армия Напо-

леона легко разгромила феодальную армию Пруссии с ее палочной дисциплиной, устаревшей еще в 1792 году линейной тактикой и знатными, но заурядными или бездарными генералами. Победа Наполеона была абсолютной, французская армия вошла в Берлин.

Прейсиш-Эйлау

К зиме в руках прусского короля и его русских союзников осталась только Восточная Пруссия. В январе 1806 года корпус Нея двинулся на восток, чтобы найти зимние квартиры получше. Беннигсен принял это движение за общее наступление французских войск. В те времена не воевали зимой. И вот почему: «В нашем полку, перешедшем границу в полном составе и не видевшем еще французов, состав рот уменьшился до 20–30 человек. Можно верить мнению всех офицеров, что Беннигсен имел охоту отступать еще далее, если бы состояние армии предоставляло к тому возможность. Но так как она настолько ослаблена и обессилена, то он решился драться»¹.

Французы писали примерно то же самое: «Никогда французская армия не была в столь печальном положении. Солдаты каждый день на марше, каждый день на биваке. Они совершают переходы по колено в грязи, без унции хлеба, без глотка воды, не имея возможности высушить одежду, они падают от истощения и усталости... Огонь и дым биваков сделал их лица желтыми, исхудалыми, неузнаваемыми, у них красные глаза, их мундиры грязные и прокопченные...»².

Уже в ходе сражения был эпизод, когда на обе армии внезапно налетела сильная снежная буря. Из-за этого поле боя застелили тучи снега, которые ветер поднял в воздух. Ослепленные снегом французские войска, дезориентировавшись, потеряли нужное направление и слишком отклонились влево. В результате 7-й корпус врага неожиданно оказался менее чем в 300 шагах прямо напротив большой

¹ Лашук А. Наполеон. История всех походов и битв. 1796–1815. М., 2008, с. 280–281.

² Лашук А. Наполеон. История всех походов и битв. 1796–1815. М., 2008, с. 281.

центральной батареи русских из 72 орудий. С такой дистанции промахнуться просто невозможно – почти каждый выстрел попал в цель. Раз за разом русские ядра врезались в плотные массы вражеской пехоты и выкашивали целые ряды французов. За несколько минут корпус Ожеро потерял 5 200 солдат убитыми и ранеными»¹. Ожеро получил ранение, Дежарден был убит, Эдле ранен.

Ночью российские войска начали отход. Французы не преследовали: не было сил. Говорят, что маршал Ней, глядя на заваленное десятками тысяч трупов, залитое кровью поле, воскликнул: «Что за бойня, и без всякой пользы!».

Впрочем, Наполеон стоял на поле битвы еще 10 дней. Это было для него предлогом объявить Прейсиш-Эйлау победой. По сути же, дело это было достаточно бессмысленное сражение. Оно не принесло ни одной из сторон ни ожидаемой победы, ни существенной пользы. Кровавая и страшная ничья.

Фридланд

Русские войска скрестили с французами оружие 14 июня 1807 года под Фридландом (Восточная Пруссия, ныне город Правдинск Калининградской области РФ).

Беннигсен вел с собой 61 000 солдат при 120 орудиях. Наполеон – 80 000 солдат при 118 орудиях.

Сражение началось в 3 ч. утра, когда с французской стороны на поле находился только корпус маршала Ланна. Первоначально Беннигсен ограничивался только артиллерийской дуэлью и не атаковал до 7 ч. утра, хотя на позициях было только 26 000 французов.

Повторилась ситуация Аустерлица: малые силы сдерживали атакующего противника, пока не подошли основные. Наполеон прибыл на поле битвы вскоре после полудня вместе со своим штабом и принял командование от Ланна.

Ровно в 5.30 был дан сигнал ко всеобщему наступлению французов: несколько частых залпов французской батареи из 20 пушек.

¹ Лашук А. Наполеон. История всех походов и битв. 1796–1815. М., 2008, с. 283.

Когда французская атака начала уже было захлебываться, Наполеон в подкрепление дивизиям Нея выдвинул резервный корпус маршала Виктора, головные части которого вел генерал Дюпон. Паника, начавшаяся в рядах русских, сделала их прекрасной мишенью для французских канониров. Французская картечь косила ряды русской пехоты, причем расстояние от пушек до пехотных рядов сократилось постепенно с 1600 до 150 ярдов и, наконец, до 60 шагов. Остатки русской кавалерии пытались помочь своим пехотинцам, но только разделили их печальную судьбу – картечь разметала в стороны людей и коней.

В отчаянии Беннигсен начал штыковую атаку против правого фланга дивизий Нея, но единственным результатом этого была гибель нескольких тысяч русских солдат в водах Алле. В этот момент битвы отличился генерал Дюпон. Со своей дивизией нанес удар во фланг и тыл русского центра (солдаты которого уже были сильно утомлены боями), а затем атаковал только что введенные в бой полки русской гвардии. Очень скоро гвардейские полки устлали своими телами поле боя. Современник боя пишет, что это была победа гигантов над пигмеями.

Действия генерала Дюпона были высоко оценены императором, и Наполеон обещал ему маршальский жезл за первое следующее удачное дело.

Русская армия потерпела сокрушительное поражение. Французы потеряли около 12 000 чел., русские – от 18 000 до 20 000, то есть около 30 % всей армии, и 80 пушек.

После поражения русской армии в прусско-русско-французской войне 1806–1807 годов Александр был вынужден пойти на мирные переговоры с Наполеоном.

Казалось бы, Наполеон должен быть немилостив к русским: он вообще сурово обходился с побежденными. Но проявилась в его поведении некая странность.

Странности поведения Наполеона

Во-первых, Наполеон не пошел дальше, в Россию. Что ему помешало? Ведь русские армии биты и под Аустерлицем, и под Фридландом. Два поражения – это уже статистическое число, закономерность. Прейсиш-Эйлау –

победа только в пропагандистских материалах, но и не поражение. Почему бы не пойти дальше, на Москву или Петербург? А Наполеон не пошел, и насколько нам известно, у него и планов таких не было.

Более того: Наполеон после Фридланда НЕ преследует русскую армию. Русская армия с пушками и обозами спокойно переходит пограничный Неман в ночь с 18 на 19 июня. Передовые отряды французской армии наблюдают за этим, но даже не пытаются завязать бой. Даже когда русские казаки поджигают мосты через Неман, с французской стороны не раздается ни одного выстрела. Видимо, был такой приказ?

Именно поэтому Наполеон и Александр встречаются на плоту. Дело не в романтической натуре обоих императоров, а в том, что в окрестностях нет ни одного целого моста через Неман.

Во-вторых, Наполеон и до Фридланда не раз посылал к Александру с предложением мира. Александр не отвечал, и это тоже нуждается в объяснении. Невежливость, которую ждешь скорее от победителя Наполеона.

19 июня, всего через 5 дней после Фридланда, он снова шлет послов к Александру. Вроде логичнее ждать послов от побежденных? Александр тоже ищет мира, послы: генерал-адъютант Жерар Дюрок и генерал Дмитрий Лобановский встречаются и пишут проект военного перемирия на месяц. Но подписывают соглашение с русской стороны – адъютант Лобановский, с французской – сам начальник штаба Наполеона А.Бертье. Откуда такое уважение?

И более того: Наполеон лично принимает адъютанта Александра I князя Дмитрия Лобанова-Ростовского. Немедленно после его просьбы. Князь Лобанов передал Наполеону желание императора Александра лично с ним увидеться: Александр до переговоров о мире хочет знать позицию Наполеона. На это ему отвечают, что Наполеон тоже хочет встречи. И встретился на следующий же день, 25 июня 1807 года.

25 июня 1807 г. оба императора встретились на плоту, поставленном посредине реки, и около часу беседовали с глазу на глаз в крытом павильоне. На другой день они сно-

ва виделись уже в Тильзите; Александр I присутствовал на смотре французской гвардии.

О чем они говорили, мы не знаем. Но известно, о чем шли разговоры на следующий день, в Тильзите.

В-третьих, Наполеон совершенно по-разному относился к русским, с одной стороны, и к австрийцам и пруссакам – с другой. Немцев он вообще не любил, но вряд ли этим объясняется его решение: Наполеон мог кататься по земле, отвратительно ругаться и орать, выпуская негативные эмоции. Но решения он принимал только холодно и прагматично.

Прусский король ищет мира уже после Иены-Ауэрштадта. Его бывший посол в Париже Луккезини явился к Наполеону с просьбой о мире. Но Наполеон добрый месяц не начинает переговоров, а возит посла за собой в обозе армии, занимающей одну крепость за другой. А потом продиктовал такой мир (фактически – безоговорочную капитуляцию), что Фридрих-Вильгельм III отказался его подписать.

В Тильзите Наполеон тоже усиленно подчеркивал, что заключает мир именно с русским императором. Прусский король – это совершенно другая статья.

Свидание с Луизой Прусской

Ну конечно же, и тут не обошлось без романтической красавицы Луизы!!! Наполеон в Тильзите не хочет принимать ее царственного супруга, но для нее почему-то делает исключение.

Если верить легенде, императора особо спросили: «А как же король?» На что он пожал плечами: «Зачем мне нужен этот рогоносец? Он будет третьим лишним...»

В течение часа они о чем-то беседуют один на один. Король мнетя у входа в здание, где его супруга общается с Наполеоном. В конце концов он не выдерживает и входит. После чего разговор и с Луизой прекращается. Обоих членов царственной четы просто выставляют вон.

Романтики уже тогда уверяли, что и Наполеон, как и Александр, не устоял перед чарами Луизы. Именно поэтому Наполеон сохранил Восточную Пруссию и вернул ко-

ролю Фридриху-Вильгельму практически все, что успел у него отвоевать.

Несомненно, это очень романтическая версия, но только у Пруссии был защитник посерьезнее.

Как Александр I спас Пруссию

В Тильзите Наполеон желал не только мира, он готов был предложить Александру вместе с ним делить мир. Пусть Александр забирает себе Балканский полуостров и Финляндию. Вот отдать России Константинополь он не соглашался.

Наполеон предлагает разделить Пруссию между Французской и Российской империями: примерно так же, как недавно разделена Речь Посполитая. Александр же (побежденный) категорически не соглашается и требует (от победителя) сохранить Пруссию.

В конце концов больше половины прусских владений Наполеон отобрал. Провинции на левом берегу Эльбы он отдал своему брату Иерониму. Прусские владения в Польше сделали Варшавским герцогством. Россия получила как компенсацию Белостокский департамент, из которого была образована Белостокская область. Гданьск (Данциг) стал свободным городом. Все раньше водворенные Наполеоном монархи были признаны Россией и Пруссией.

На случай, если бы император французов пожелал присоединить к своим завоеваниям Ганновер, решено было вознаградить Пруссию территорией на левом берегу Эльбы.

И тут Наполеон заявляет, что «в знак уважения к русскому императору» он готов оставить прусскому королю старую Пруссию, Бранденбург, Померанию и Силезию.

Можно ли представить себе большее унижение у государства и его монарха? Держать месяц посла в обоях наступающей армии принять жену и не принять мужа, мгновенно прекратив переговоры при появлении супруга. Заявить, что отступаешься от своего плана раздела Пруссии «из уважения» к его союзнику...

Наполеон в грош не ставил Пруссию и ее короля, но «почему-то» подчеркнуто почитает Александра и оказывает ему услуги. Что это с ним?

Поведение Александра, конечно, тоже порой трактуют как поступки человека, очарованного Луизой. Но у Александра есть более веские основания сберечь Пруссию, чем прекрасные глаза Луизы и клятвы в гробнице Фридриха. Пруссия – самый надежный союзник Российской империи. Австрийцы предали много раз. К тому же они не инициативны, осторожны до трусливости, ненадежны. А прусская армия активна и готова воевать.

26 апреля 1807 года было заключено секретное соглашение России с Пруссией о «войне до победы». Победа не состоялась, но Александр остается верен союзнику. И не зря: Пруссия по отношению к России ведет себя честно и последовательно. Александр хороший союзник, надежный друг. Но и Пруссия тоже.

Почему же Наполеон не пошел дальше?

Но почему Наполеон так по-разному вел себя по отношению к Пруссии (и Австрии) и к России? Его поведение ясно показывает: он не считает Россию побежденной стороной. Между прочим: она и не была побежденной.

Наполеон разгромил «заграничную армию» – те части, которые Россия ввела в Европу. Но ее силы далеко не истощены.

Во-первых, русская армия в самой России и на театре военных действий с Турцией и Персией насчитывает более 300 тысяч человек. Если Наполеон перейдет Неман, он будет иметь дело с этой армией.

Во-вторых, указом от 12 декабря 1806 года создается «временное ополчение или милиция» из дворян, купцов, мещан, казаков, государственных крестьян численностью 612 тысяч человек.

Эта армия, в два раза многочисленней всех остальных вооруженных сил России, создается из добровольцев. Она собрана на сборные пункты, получает обмундирование и продовольствие, ее вооружают и обучают.

Через неделю после создания ополчения, царь приказывает Синоду читать текст анафемы «безбожному Буонапартию». Под Новый, 1807 год с амвонов всех православных церквей Российской империи несется: «Наполеон

держат против Бога и России. Покажите ему, что он тварь, совестью сожженная и достойная презрения. Не верьте ему, отвергайте его злодейства». «Анафема» завершается призывом вступить в ополчение.

Стоит Наполеону перейти Неман, и он будет иметь дело еще и с этой армией. Наполеон может сколько угодно презирать церковь и все связанное с церковью. Но он очень хорошо знает, чем отличается солдат-патриот от наемника. Феодалы Европы могут этого не понимать, но уж он-то прекрасно понимает, что столкнется с армией, по духу близкой к французской армии 1792 года.

Идти в Россию с усталыми войсками, сразу после прусской кампании? Безумие... Раздражать Александра, рискуя, что он двинет свою почти миллионную армию в Европу, тесно общаться с французской армией?! Тоже безумие.

События 1812 года не начались в 1807 г. потому, что Наполеон выиграл несколько сражений, но вовсе не победил Россию. И лучше всех знал это он сам.

Почему зарубежный поход русской армии не состоялся в 1806-м?

Но почему же тогда Александр I не двинул своей колоссальной армии в Европу? Появление даже половины... Даже третьей части ополчения весной 1807 года в Пруссии сразу меняло бы картину кампании. И не сдобровать бы Наполеону тогда. То, что произошло в 1813–1814 годах, было совершенно реально в 1807-м. Что ж тогда Александр не решился?

Дело в том, что оснований у Александра было немало. Главное из них – это страх перед Отечественной войной. Бросить на Наполеона громадную армию, состоящую не из бритых обученных солдат, а из бородатых мужиков? Это значило привести в действие народную Россию, Россию туземцев. Если солдаты регулярной армии были как бы низовым слоем русских европейцев, то ополченцы – русскими туземцами, и уж конечно, никак не сторонниками крепостного права¹.

¹ Буровский А.М. Вся правда о русских. – М., 2009.

Комитет общественной безопасности (бывший полицейский комитет) доносил Александру об «опасных на строениях» части ополченцев. В указе о создании Комитета прямо говорилось, что он и создается для противодействия французской пропаганде в России. Ополченцы читали листовки на русском языке о том, что в случае вторжения Наполеона в Россию будет отменено крепостное право. В это верили – ведь Наполеон и правда отменял феодальную зависимость везде, где только ни появлялись его армии. В том числе он сделал это в Пруссии в 1806 г. и в герцогстве Варшавском в 1807 году.

В своем письме Александру Федор Ростопчин сообщал об упорных слухах и даже прокламациях о «воле», которую несет крестьянам и вообще всему простонародью Наполеон.

Со времен Екатерины II русское правительство больше всего боялось именно подстрекателей и агентов французской революции с их пропагандой «воли». Это не было некоей идефикс: в России неоднократно арестовывали агентов Директории и Конвента, распространявших листовки и слухи. Крестьяне если и не выступали, то слушали с большим вниманием. За 1801–1806 годы произошло 45 крестьянских бунтов – часть из них явно не без участия французских агитаторов.

В 1812 году Наполеон бросит против России 8-тысячный Русский легион своей Великой армии. В его составе пойдут и русские пленные 1805–1807 годов, и крестьяне из западных губерний, бежавшие за границу, воевать за раскрепощение в составе его армии.

Дворянство панически боялось Наполеона не как императора Франции и не как военного противника. А именно как «Робеспьера на коне» и «начальника гильотины». Умный московский барин Александр Тургенев писал в своем дневнике, что ему все кажется: «Бонапарте придет в Россию. Я воображаю санкюлотов, скачущих и бегающих по длинным улицам московским».

Был, конечно, простой способ раз навсегда избавиться от этого страха: самому раскрепостить мужиков. Но сделать это означало «разорить дворянство», – даже если

оставить у них всю землю. Сделать это, даже начать подготовку – значило поставить Россию на грань гражданской войны.

Собственно говоря, и Людовик ведь мог не допустить ни Учредительного собрания, ни конвента: достаточно было самому провести уничтожение феодальных пережитков. И Франция была бы спасена от опаснейшего прыжка в утопию.

Двинут простонародную русскую армию в Европу? Это почти гарантированная победа над Наполеоном. Но это еще и почти гарантированная гражданская война в самой России, причем с участием разогитированного ополчения, в два раза многочисленнее остальной армии. И как поведет себя состоящая из крепостных армия – тоже неясно.

Заграничный поход русской армии состоялся в 1813–1814 годах, а не в 1806 и 1807 году, потому что внутреннее положение Российской империи оставалось очень нестабильным.

Глава 5.

ТИЛЬЗИТ И ПОСЛЕДСТВИЯ: КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ БЛОКАДА

По рыбам, по звездам проносит шаланду:
Три грека в Одессу везут контрабанду.
На правом борту, что над пропастью вырос:
Янаки, Стравраки, Папа Сатырос.
А ветер как гикнет, как мимо просвишет,
Как двинет барашком под звонкое днище,
Чтоб гвозди звенели, чтоб мачта гудела:
– Доброе дело! Хорошее дело!

Э. Багрицкий

Сущность Тильзита

Тильзитский мирный договор 1807 г. – это не только договор между Францией и Россией, торопливо подписанный в результате личной встречи и переговоров Александра I и Наполеона 25 июня 1807 г. Это еще и договор между Пруссией и Францией, подписанный 9 июля 1807 г.

Пруссия теряла многие территориальные приобретения, в числе которых был и Белостокский округ, отошедший к России. Александр I обязался вывести войска из Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии), передать французам бухту Котор на Адриатическом море, признал суверенитет Франции над Ионическими островами.

Россия признавала императорский титул Наполеона. Она соглашалась на создание на своих западных границах герцогства Варшавского, которое Наполеон планировал

использовать в качестве плацдарма для нападения на Россию в дальнейшем.

Россия также разрывала дипломатические отношения с Британией и должна была примкнуть к невыгодной для нее континентальной блокаде.

Главный пункт Тильзитского договора не был тогда опубликован: Россия и Франция обязались помогать друг другу во всякой наступательной и оборонительной войне, где только это потребуются обстоятельствами.

Этот тесный союз устраивал единственного сильного соперника Наполеона на континенте. Британия оставалась изолированной, Россия выступала посредником между Францией и Британией.

15 сентября 1808 г. Александр I встретился с Наполеоном в Эрфурте и 30 сентября 1808 подписал секретную конвенцию, в которой в обмен на Молдавию и Валахию обязался совместно с Францией действовать против Британии.

Правда, Александр не все пункты договора выполнял так уж рьяно. Во время франко-австрийской войны 1809 г. Россия как официальный союзник Франции выдвинула к австрийским границам корпус генерала С.Ф. Голицына. Формально царь соблюдал договор. Но корпус Голицына не вел сколько-нибудь активных военных действий.

Вот с Британией Александр «раздружился» всерьез: 25 октября 1807 он объявил о разрыве торговых связей с Англией. В ответ на Тильзитский мир британцы бомбардировали Копенгаген и увели датский флот.

Считается, что Тильзитский мир был крайне невыгоден для России политически и экономически. Так ли это – посмотрим!

Континентальная блокада и ее последствия

Идея экономической блокады как эффективного средства давления на Великобританию исходит со времен французского Конвента, когда Комитет общественного спасения декретировал эту меру еще в 1793 г. Наполеон вновь вернулся к этой идее в конце 1806 г., надеясь нанести сокрушительный удар по торговле и экономике

Великобритании во благо французской промышленности и сельского хозяйства.

Однако впервые на практике экономическая блокада Англии была применена Павлом I на рубеже 1800–1801 гг. Российский монарх оказался своего рода первым разработчиком концепции наполеоновского проекта континентальной блокады Англии, которая началась в Санкт-Петербурге с середины 1800 г.

У Наполеона идея континентальной блокады окончательно сформировалась после поражения Франции в Трафальгарском сражении 21 октября 1805 года. Стратегическая инициатива на морях полностью перешла к британцам. Наполеон понимал, что ему не удастся высадить в Британии десант. И тогда он решил удушить врага экономическими средствами.

Берлинский декрет Наполеона I от 21 ноября 1806 года запрещал вести любые торговые, почтовые и иные отношения с Британией. Любой англичанин, обнаруженный на территории, подвластной Франции, объявлялся военнопленным. Товары, принадлежащие британским подданным, конфисковывались. Ни одно судно, следующее из Англии или ее колоний или заходившее в их порты, не допускалось во французские порты под угрозой конфискации.

Этими мерами Наполеон хотел экономически удушить Британию... Чужими руками и независимо от последствий блокады для экономики союзников.

Декрет был обязательным для всех подвластных Франции, зависимых от нее или союзных ей стран. После Тильзитского договора 1807 года к «континентальной блокаде» присоединилась и Россия.

Россия и инфляция

На первый взгляд, последствия континентальной блокады оказались катастрофическими для российской экономики. Ведь она была зависима от торговли с Британией, а вдруг резко сократилась. В 1802 году в один Кронштадт пришло 1061 торговых кораблей, в 1806-м – 3574, а в 1808-м – всего 65. Во все же порты Российской

империи в 1808 году пришло 1606 кораблей (меньше половины торгового флота 1806 года)¹. Объемы внешней торговли упали в 4–5 раз.

К чему это вело, покажем на примере такого мирного продукта, как сахар. В 1804 г. из-за границы было привезено только к Кронштадтскому порту сахара в различном виде 488,7 тыс. пудов. За весь 1809 г. сахара из-за границы было привезено всего 102 тыс. пудов, что почти в 5 раз меньше его годовой потребности. Это при том, что сахара в России потребляли немного.

Собственное производство этого продукта с 1801 по 1805 г. составляло всего 200 пудов, то есть менее 0,04% годовой потребности. В 1809-м произвели уже до 1 тыс. пудов, то есть 0,2% годовой потребности.

Вот источник и рост цен, и обесценивания рубля.

Другой источник – своекорыстная политика Британии. Конечно же, Британия хотела поддерживать торговлю, и конечно, в собственных интересах. Кроме того, Британия почти не имела сухопутной армии и предпочитала воевать чужими руками. Она готова была давать дотации государствам, выставлявшим армии против Наполеона. Такса был такая: за 100 тысяч солдат, стоящих в строю, Британия платила 250 тысяч фунтов стерлингов. Трудно сказать, что более возмутительно: сам факт такой «таксы» или ничтожная стоимость солдата: 2,5 фунта стерлингов за «голову»². В 1805–1807 годах содержание эскадры Синявина на острове Корфу и «заграничной армии» Беннигсена в Пруссии шло за счет британских субсидий.

Россия присоединилась к континентальной блокаде и стала союзником Наполеона. Британские деньги иссякли.

В ноябре 1806 года Россия обратилась с просьбой предоставить новый военный заем на 6 млн рублей с рас-

¹ Семенов А.В. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVIII столетия по 1858 г., – СПб., 1858.

² Подмазо А. Континентальная блокада как экономическая причина войны 1812 г. Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Часть II. / Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 года. – М., 2003, вып. 137, с.249–266.

срочкой платежей в 20 лет. Переговоры велись до июня 1807 года, когда в займе было окончательно отказано.

Британцы не вводили войск в Россию, не брали Москву и не взрывали Кремля. Но российская экономика реально могла быть закабалена британским капиталом.

Занятые в Британии деньги Россия отдавать не торопилась. Еще «Екатерина II набрала займов на 41 404 681 руб. и при жизни не вернула ни копейки... В период революционных и наполеоновских войн главным кредитором выступала Англия: с 1792 по 1816 г. Россия получила более 60 млн. рублей, расплачиваясь с Англией последующие 50 лет»¹.

Налоговые поступления тоже стали меньше в годину непрерывных войн. В 1805-м собрали 82 529 тысяч рублей, в 1806-м – 79 195; в 1807-м – 78 040; 1808-м – 64 995; 1812-м – 58 903. А вот после войны, в 1815 г. собрано 80 729, как в 1802 г. В пересчете на серебряный рубль с 1808 г. по 1813 г. налоги не компенсировали даже потери казны от инфляции².

Правительство полагалось опять на печатный станок. С 1786 г. по 1810 г. была выпущена в обращение колоссальная сумма – 579 млн. руб. Есть сведения, что в 1804–1810 гг. было напечатано 272,5 млн руб. (всего же в 1804 г. было в ходу 260,5 млн руб.). В 1810 г. внутренний долг достиг 668 млн. руб. (в т.ч. по выпуску ассигнаций – 577 млн.).

Естественно, это вызывало резкое повышение цен и банкротство некоторых банкиров.

Стоимость ассигнаций резко падала. К концу царствования Екатерина II за 1 рубль ассигнаций давали 68,5 копейки серебром. В 1796 году за 1 рубль ассигнациями давали 79 коп. серебром. В 1802 г. – 80 коп., 1805 г. – 73, 1806 г. – 67,5, 1807 г. – 53,75, 1811 г. – 25,2. Резкое падение после 1807 года.

Франция Наполеона пыталась решать свои проблемы за счет России. Это одна из причин войны 1812 года: и использовать ресурсы России, и довести до конца конти-

¹ Сироткин В.Г. Зарубежное золото России. – М., 1999, с. 8.

² Злотников М.Ф. Континентальная блокада и Россия. – М., 1966, с. 13.

ментальную блокаду. При том, что Россия физически не могла не торговать с Британией. Торговля шла, пусть контрабандная. По мнению всех историков, занимавшихся вопросом, не было месяца, чтобы в порты России не приходили «нейтральные» суда. У капитанов их судов были сертификаты, удостоверяющие, что они не торгуют британскими товарами... Стоимость сертификатов называли разную: до 400 франков. Сумма огромная, но стоимость груза корабля могла превышать и 30 тысяч фунтов... Сертификат даже не очень повышал стоимость товаров.

Не случайно сразу же после нападения Наполеона, 12 сентября 1812 г. Александр I опубликовал манифест о возобновлении торговых отношений между Россией и Британией.

Итак, континентальная блокада – разорение? Да, если ничего не делать и оставаться экономическим сателлитом Британии. Да, если кланчить деньги за границей и упорно не зарабатывать их самим.

Нет, если поставить себе цель развивать собственную экономику. Но второй вариант – это путь обуржуазивания страны. Путь не менее опасный для дворянства, чем вооруженное ополчение.

Дворянство хотело одного: не заниматься хозяйством, но получать доход от имений, не затрачивая никакого труда. Если выращивать сахарную свеклу и строить сахарные заводы, доходы явно увеличатся. Но это ведь думать надо... Да еще и рабо-о-отать.

Дворянство хотело сохранения феодальной системы, и торговля с Британией помогала им получать доходы, не ударяя палец о палец. Меньше, чем можно было заработать, трудясь? Ну и что? Главное, не думая ни о чем. Естественно, континентальную блокаду ненавидели все, кто входил тогда в «хорошее общество», в ту «нацию», которую угнетал злодей Павел I и которая убила его за посягательство на владычество Британии на Востоке.

Любопытно, что задолго до Тильзита правительство Российской империи начало склоняться если не к блокаде, то к проведению более независимой политики. Манифест Александра I от 13 января 1807 года «О даровании русско-

му купечеству новых выгод» запрещал иностранцам торговать внутри России и становиться членами купеческих гильдий. Удар по британцам в первую очередь. Некоторые дворянские публицисты приветствовали сей Манифест, а известный просветитель, публицист и общественный деятель В.В. Попугаев (1778/1779 – ок. 1816) даже считал манифест скрытой поддержкой Наполеона¹.

Да не буду я понят как ярый сторонник континентальной блокады. Просто не была бы континентальная блокада катастрофой при наличии политической воли к экономической самостоятельности и стремления развивать страну. А хуже всех от нее было дворянам, причем именно тем, которые владели землей и крепостными. 1–2% всего российского населения.

Эхо Тильзита

В Тильзите Александр хотел только мира. Наполеон – еще и дружбы.

Наполеона Тильзитский мир вознес на вершину могущества, восторг по поводу договора был всеобщим. «Это было, как во сне, – почти неправдоподобное осуществление всех мечтаний». Ведь единственной союзницей Франции может быть только Россия – Бонапарт говорил это в 187-м. Он стремился к этому все годы»².

Во Франции ликовали, считая Тильзит великой победой Наполеона.

Англичане охотно распространяли слухи о том, что Наполеон чуть ли не силой заставил Александра принять этот мир. Форма была как можно более обидной для Александра – вдруг он испугается и устыдится?! Через Воронцова Александру докладывают, что в Петербурге готовится заговор типа того же, который унес жизнь Павла I. По поводу провокации Александр I (все же умный и храбрый был человек!) на полях депеши написал: Вот депеша, которую мне прислал Алопеус. Речь идет не более и не менее как о

¹ Попугаев В.В. О благоденствии народных обществ. – СПб., 1807.

² Манфред А. Наполеон Бонапарт, 1971, с. 520.

попытке отправить меня в другой мир. Ваш Александр»¹. Как видно, раскусил игру британцев.

Если Тильзит поставил императора Александра в очень сложное положение, то не на международной арене, а внутри страны. Тильзитский мир был крайне непопулярен в России. И потому, что континентальная блокада была экономически невыгодна дворянству. И потому, что в Тильзите Россия признала права «узурпатора», «Робеспьера на коне». И потому, что Наполеона продолжали бояться, как исчадия Французской революции.

Аустерлиц не считался таким позором, скорее случайностью. А вот Тильзитский мир – считался. Активнейшим врагом Тильзита стала вдовствующая императрица Мария Федоровна. Князь Андрей Куракин имел личное поручение императрицы: «присматривать» за ее непутевым сыном, как бы он не заключил мира с Наполеоном.

В 1808 году Наполеон захочет жениться на сестре Александра Екатерине Павловне. Но отношение к «корсиканскому чудовищу» и у великой княжны, и у ее матери были категорически отрицательные. Мария Федоровна стремительно выдает дочь за герцога Ольденбургского: младшего сына своей рано умершей сестры и герцога Петера-Фридриха-Людвига, двоюродного брата Екатерины II – принца Георга Ольденбургского (1784 – 1812 гг.). Принца приглашают в Россию, он изучает русский язык и до конца своих дней остается в России. Как выразилась графиня Шуазель-Гофф: «Наполеону пришлось в первый раз получить отказ».

Когда посланец Наполеона Савари приехал в Петербург, императрица уделила ему ровно 1 минуту. По часам. Из аристократических домов, где собирался побывать Савари, его приняли всего в двух, а гвардейские офицеры демонстративно били стекла во французском посольстве.

А вот великий князь Константин, родной брат Александра, наоборот, буквально требовал от брата немедленного заключения мира с Наполеоном. Еще до Фридланда,

¹ Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. – М., 1966, с. 116.

13 июня, братья встретились. Категорически отвергнув аргументы Константина, Александр накричал на брата и велел немедленно отправляться к своей гвардии и не со-
ваться в политику. Константин же ослушался и во время Фридланда собрал самовольный «военный совет», решая вопрос: как замиряться с Наполеоном? Он даже предлагал немедленно послать мирную делегацию.

Интересно, что среди прочего обсуждалось, насколько можно полагаться на лояльность крестьянского населения Российской империи. И в целом участники «военного со-
вета» приходили к неутешительным оценкам.

Такой же разброс мнений был и в самых широких сло-
ях, но преобладали чувства национальной униженности и обиды. Считалось, что «союз с Наполеоном не что иное может быть, как подчинение ему»¹.

Настроения общества гениально выразил А.С. Пушкин:

Его мы очень мирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра.
Да, Александр – не Македонский!

«Его»? Это Александра, конечно. Не любил его Пушкин, не любил.

И конечно же, по-прежнему боялись «Робеспьера на коне». Для большинства дворян Наполеон таковым был и остался. Губернатор Оренбургской губернии М.В. Веригин писал своему знакомому: «В новой конституции гер-
цогства Варшавского говорится, что никто не имеет права владеть крепостными. И вот одним росчерком пера дворя-
не почти лишены собственности. Можно опасаться, что эта эпидемия явится и у нас. Это станет страшным ударом для России»².

Полиция активно перлюстрировала письма, собирая такие, например, перлы: «Война принесла нам много вре-

¹ Вигель Ф. Ф. Записки. В 2 тт. Т. 1. – М., 2003

² ВПР. С. IV, с. 31.

да, а мир окончательно разорит нас... Такого условия не было ни в одном договоре от сотворения мира...»¹.

В марте 1807 года Александр приказал Сенату выпустить указ «о запрещении всяких неприличных и развратных толков о военных и политических делах».

Это ощущение национальной униженности, ославленности, слабости государства и беззащитности перед «санкюлотом на троне» исчезло только после 1812 года. Отечественная война как бы реабилитировала и государство, и лично императора.

«Тильзит! при имени его обидном теперь не побледнеет росс», – писал Пушкин. «Теперь» – это после Отечественной войны 1812 г.

В России возникло представление, что Александр ловко обманул Наполеона, усыпил его бдительность. А потом нанес смертельный удар. Тексты, написанные самим Александром, позволяют толковать его политику и таким образом.

«Бонапарт полагает, что я просто дурак. Смеется тот, кто смеется последним», – писал Александр сестре Екатерине Павловне.

После встречи в Эрфурте Мария Федоровна пишет сыну, что его «преступной политикой» недовольно все русское общество. Его и так считают «орудием Наполеона», а в Эрфурте он делается «марионеткой корсиканского чудовища».

Сын отвечает маме более чем откровенно: «никакого подлинного союза с Францией нет в помине. Есть лишь временное и показное примыкание к интересам Наполеона. Борьба с ним не прекратилась – она лишь изменила форму».

Бонапарт сам поддерживал такое мнение: он не раз, в том числе на острове Святой Елены, объявлял Александра «хитрым византийцем», «двуличным хитрецом» и так далее.

Впрочем, назвать это умение Александра можно и иначе... Манфред полагал, например, что из всех Романовых

¹ Пугачев В.В. Отношение в России к Тильзитскому миру. 1807–1808. Ученые записки Молотовского университета. Т. VIII. Вып. 1. Молотов, 1953.

Александр I Павлович «был, по-видимому, самым умным и умелым политиком».

Что же до обмана. Похоже, Александр мог заверять в чем угодно свое непростое семейство, но вот что он думал на самом деле. Очень может быть, его политика была продолжением «политики свободных рук». Идти с тем, с кем выгодно в данный момент. Лишь бы Наполеон не напал на Россию! Лишь бы французская армия не перешла Неман и по длинным улицам Москвы, по ровным проспектам Петербурга не начали скакать и бегать санкюлоты в обнимку с крестьянскими повстанцами!

Очень похоже, для этого Александр и воевал с Наполеоном, и мирился. Может быть, Мария Федоровна и не понимала, чем чревата пропаганда Наполеона и вторжение Наполеона. Но Александр – понимал. Жаль только, он не ставил цели создания передовой, самостоятельной России, которой не страшен «французский соблазн». Его целью было сохранение России дворян, России верхушки субэтноса русских европейцев. Потому что он сам принадлежал к этому классу? Потому, что заложник верхушки дворянства боялся разделить участь отца? Возможно, в силу обеих причин.

Глава 6.

ТИЛЬЗИТ И ПОСЛЕДСТВИЯ: НОВЫЙ ВИТОК РЕФОРМАТОРСТВА

Это ж прямо зуд реформаторский...

Г Теплов (про Петра III)

Новый виток реформаторства

Не успели засохнуть чернила под Тильзитским договором, как Александр вернулся к своей программе реформ. Но исполнители и советники – уже другие. Потому что в конце 1807 года созрел очередной заговор. Денежки – британские, вестимо. Исполнители: «молодые друзья» императора почти в полном составе. Чарторыйский как будто не участвовал, остальные все здесь! Император раскрыл заговор, разогнал «негласный комитет» уже окончательно, а к себе приблизил Аракчеева. 14 декабря (поистине мистическая дата!) 1807 года издается Указ слушаться поведений Аракчеева, как повелений самого императора.

И до этих невеселых событий локомотивом реформистских идей был, кроме «молодых друзей», простонародный Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839). Уроженец села Черкутино во Владимирской губернии, любимых мест современного (ну, почти современного) писателя Владимира Солоухина¹. Сына бедного приходского священника учил читать слепой дед Василий.

¹ Солоухин В.А. Капля росы. – М., 2006.

Фамилию парень получил во Владимирской семинарии, где из-за его редких способностей был записан под фамилией Сперанский (от латинского глагола *spero, sperare* – уповать, надеяться).

Он сделал фантастическую карьеру; через три месяца после своего вступления в гражданскую службу получил чин коллежского асессора, еще через девять месяцев – 1 января 1798 года – был назначен надворным советником. Спустя двадцать с половиной месяцев в сентябре 1799 года – коллежским советником. Не прошло и трех месяцев, как он сделался статским советником. А уже 9 июля 1801 года Сперанский стал действительным статским советником. Всего за четыре с половиной года мы видим, как из домашнего секретаря знатного вельможи он превратился в видного сановника Российской империи.

В том же 1801 году Сперанский знакомится с наследником престола, с Александром Павловичем.

Какое впечатление Сперанский производил на людей, показывает хотя бы его встреча с Наполеоном в Эрфурте. Участники русской делегации с завистью отмечали, что французский император оказал большое внимание Сперанскому и даже в шутку спросил у Александра: «Не угодно ли Вам, государь, поменять мне этого человека на какое-нибудь королевство?». Сперанский получил в награду от Наполеона за участие в сложных переговорах золотую табакерку (со своим портретом), усыпанную бриллиантами. Новому владельцу политических дивидендов табакерка не прибавила. Над ним сгушались тучи. В Эрфурте Александр позже обратился к Сперанскому с вопросом, как ему нравится за границу. Сперанский отвечал: у нас люди лучше, а здесь лучше установления.

Впрочем, до 1806 года Сперанский бы вне большой политики. Он готовил документы для «молодых друзей», но сам оставался в тени. Постепенно царь избавлялся от слишком докучливых и требовательных «друзей молодости», а вот исполнительный, во всем зависящий от начальства чиновник выходил на первый план.

В конце 1808 г. Александр I поручил Сперанскому разработку плана государственного преобразования Рос-

сии. В октябре 1809 г. проект под названием «Введение к уложению государственных законов» был представлен царю.

Задача плана была модернизировать и европеизировать государственное управление путем введения «буржуазных» норм и форм, причем не в целях революционных, скорее контрреволюционных: «В целях укрепления самодержавия и сохранения сословного строя».

Идея состояла в том, чтобы постепенно ввести в России конституционный строй благодаря «благодетельному вдохновению верховной власти».

Другой идеей было совершенствование гражданского управления – так сказать, «чиновничьей армии». 3 апреля 1809 г. был издан указ о придворных званиях. Теперь нельзя было перейти в гражданскую или военную службу, в тот же класс Табели о рангах. Множество сановных бездельников лишались «карьеры».

6 августа 1809 г. следовал указ о прямой связи получения чина с образовательным цензом и об экзаменах на чин. Данная программа предусматривала проверку знаний русского языка, одного из иностранных языков, естественного, римского, государственного и уголовного права, всеобщей и русской истории, государственной экономики, физики, географии и статистики России.

Высшая аристократия хочет занимать высокие чины? Пускай учится! В 1810 году по плану Сперанского был учрежден Царскосельский лицей.

Страшно и представить, сколько недоброжелателей и врагов появилось у Михаила Михайловича благодаря одному этому указу. Появились обиженные, росла ненависть к реформатору.

Летом 1810 г. по инициативе Сперанского началась реорганизация министерств, завершившаяся к июню 1811 г.

Число министров достигло двенадцати. Сперанский определил состав полномочий каждого, установил точные разграничения их функций, единые принципы их организации, ответственности, пределы власти и отношения министров к другим органам высшего государственного управления.

К началу 1811 г. подготавливается проект преобразования Сената, а в июне вносится на рассмотрение в Государственный совет. Было предложено преобразовать Сенат в два учреждения, причем одни сенаторы назначались от короны, другие выбирались дворянством.

Сперанский непосредственно не готовил отмены крепостного права и вообще крестьянской реформы. Но он готовил для нее почву. «Отношения, в которые поставлены оба эти класса (крестьяне и помещики), окончательно уничтожают всякую энергию в русском народе. Интерес дворянства требует, чтобы крестьяне были ему полностью подчинены; интерес крестьянства состоит в том, чтобы дворяне были также подчинены короне. Престол всегда является крепостным, как единственный противовес имуществу их господ».

«Таким образом, Россия, разделенная на различные классы, истощает свои силы в борьбе, которую эти классы ведут между собой, и оставляет правительству весь объем безграничной власти. Государство, устроенное таким образом – то есть на разделении враждебных классов – если оно и будет иметь то или другое внешнее устройство, – те и другие грамоты дворянству, грамоты городам, два сената и столько же парламентов, – есть государство деспотическое, и пока оно будет состоять из тех же элементов (враждующих сословий), ему невозможно будет быть государством монархическим».

Логично. Если Российская империя намерена существовать как монархическое государство, она должна упразднить крепостное право и сделать политически равными все сословия.

Впрочем, Сперанский уже и сразу кое-что сделал: Указом 10 марта 1809 г. отменялось право помещиков ссылать своих крестьян в Сибирь за маловажные проступки. Подтверждалось правило: если крестьянин единожды получил свободу, то он не мог быть вновь укреплён за помещиком. Получали свободу выходец из плена или из-за границы, а также взятый по рекрутскому набору. Помещику предписывалось кормить крестьян в голодные годы. С дозволения помещика крестьяне могли торговать, брать векселя, заниматься подрядами.

Проект встретил упорное противодействие сенаторов, министров и других высших сановников, и Александр I испытывал на себе и сильнейшее давление придворного окружения, включая членов его семьи, стремившихся не допустить радикальных преобразований в России.

Царь не решился полностью реализовать проект.

Из всех идей Сперанского реализовалось только создание Государственного совета 1 января 1810 г. Государственный совет состоял из Общего собрания и четырех департаментов – законов, военного, гражданских и духовных дел, государственной экономики (позже временно существовал и 5-й – по делам царства Польского).

Для организации деятельности Государственного совета создавалась Государственная канцелярия, и ее государственным секретарем назначен Сперанский. При Государственном совете учреждались Комиссия составления законов и Комиссия прошений.

Государственный совет не издавал законы, а служил совещательным органом при разработке законов. Его задача – централизовать законодательное дело, обеспечить единообразие юридических норм, не допускать противоречий в законах.

С учреждением Государственного совета Сперанский стал государственным секретарем, и тем самым влиятельнейшим сановником России, фактически вторым после императора лицом в государстве.

Над головой реформатора начинают сгущаться тучи. Сперанский вопреки инстинкту самосохранения продолжает планировать реформы. В отчете, представленном императору 11 февраля 1811 г., Сперанский докладывает: «Никогда, может быть, в России в течение одного года не было сделано столько общих государственных постановлений, как в минувшем. /.../ Из сего следует, что для успешного довершения того плана, который Ваше Величество предначертать себе изволит, необходимо усилить способы его исполнения. /.../ следующие предметы в плане сем представляются совершенно необходимыми: I. Окончить уложение гражданское. II. Составить два уложения весьма нужные: 1) судебное, 2) уголовное. III. Окончить устрой-

ство сената судебного. IV. Составить устройство сената правительствующего. V. Управление губерний в порядке судном и исполнительном. VI. Рассмотреть и усилить способы к погашению долгов. VII. Основать государственные ежегодные доходы: 1) Введением новой переписи людей. 2) Образованием поземельного сбора. 3) Новым устройством винного дохода. 4) Лучшим устройством дохода с казенных имуществ. /. Можно с достоверностью утверждать, что /.../ совершением их /.../ империя поставлена будет в положение столь твердое и надежное, что век Вашего Величества всегда будет именоваться веком благословенным».

Вроде бы не революция? Всего-то улучшение системы управления государством, без посягательства на основы. И продолжение тоже не угрожает переворотами и катастрофами.

Но раздражал сам факт изменений. И с чьей инициативы?! Какого-то безродного «поповича».

Недовольных, которым после реформ Сперанского приходилось шевелиться или которые что-то потеряли, набиралось немало. А ведь кто они? Дворяне или чиновники. Люди, близкие к власти, заметные и важные. Становой хребет государства, опора режима.

Реформы Сперанского откровенно были направлены на подготовку Конституции системы выборной власти. А этого почти все дворяне боялись, как бесы, по слухам, запаха ладана.

Были и идейные враги, в том числе сестра царя, Елена Павловна, и члены ее домашнего кружка, в том числе Н.М. Карамзин. Россия должна оставаться неограниченной монархией! Нечего смотреть на всякую там Европу! Никаких перемен! «будут ли земледельцы счастливы, освобожденные от власти господской, но преданные в жертву их собственным порокам? Нет сомнения, что... крестьяне счастливее... имея бдительного попечителя и сторонника»¹. Аргумент совершенно классический: нака-

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М., 1991.

нуне почти всякой аграрной реформы помещики уверяют, что без них крестьяне сопьются, «потеряют духовность» и вообще перестанут работать.

Капля камень точит. Александру постоянно доносили, что Сперанский позволяет себе о нем «непозволительные суждения». Все его дерзкие высказывания мгновенно передавались императору. Самым болезненным для самолюбия Александра были известия, что Сперанский смеется над ним. Что в действительности говорил Михаил Михайлович, а что нет – трудно установить. Вот что рассказывали – известно. Неосторожные упреки Сперанского в адрес Александра I за непоследовательность в государственных делах (или слухи о них) в конечном счете сделали отношение императора более сухим и сдержанным.

В канун же войны с Францией Сперанский был обвинен в шпионаже. Дело в том, что свою переписку с французскими юристами он и накануне войны не прекратил. Императору представили подборку писем Сперанского, в которых он критически отзывался о законах Российской империи и об императоре лично. Припомнили Эрфурт и встречи с Наполеоном. И обвинили в передаче французам «важных секретов».

В какой степени верил этому Александр? Трудно сказать. В 8 часов вечера 17 марта 1812 года в Зимнем дворце состоялась роковая беседа между императором и государственным секретарем. О подробностях беседы можно строить любые догадки, но известно, что Сперанский вышел из кабинета императора почти в беспамятстве и вместо бумаг стал укладывать в портфель свою шляпу. Император вышел из кабинета с очень расстроенным видом, произнес: «Еще раз прощайте, Михаил Михайлович».

В тот же день началась ссылка Сперанского, которая продолжалась до 1821 года.

Называлось это тогда «падением Сперанского». В действительности «упал» не только важный чиновник – подводился итог целому витку несостоявшихся реформ. Повторялось «дней Александровых прекрасное начало».

Интересно, что в народе мало верили в «измену» Сперанского. Скорее видели в нем заступника, погубленного

дворянами. «...местами ходил, довольно громкий говор, что государев любимец был оклеветан, и многие помещичьи крестьяне даже отправляли за него заздравные молебны и ставили свечи. Дослужась, – говорили они, – из грязи до больших чинов и должностей и быв умом выше всех между советниками царскими, он стал за крепостных... возмутив против себя всех господ, которые за это, а не за предательство какое-нибудь, решились его погубить»¹.

После войн 1812–1815 гг. реформы продолжают

Что характерно, после окончательной победы над Наполеоном Александр снова возвращается к идее реформ. В ноябре 1815 г. он даровал конституцию царству Польскому. В 1816–1819 гг. завершается крестьянская реформа в Прибалтике.

В 1818 г. Александр I поручил адмиралу Мордвинову, графу Аракчееву и Канкрину разработать проекты отмены крепостного права.

Проект Мордвинова предполагал, что крестьяне получают личную свободу, но без земли, которая вся полностью остается за помещиками. Размер же выкупа своей личности зависит от возраста крестьянина: 9–10 лет – 100 рублей, а если 30–40 лет – уже 2 тысячи.

Проект Аракчеева состоял в том, чтобы освобождение крестьян провести под руководством правительства, причем выкупать постепенно крестьян с землей из расчета две десятины на душу по соглашению с помещиками по ценам данной местности.

Проект Канкрин предполагал медленный, до 1880 года, за 60 лет, выкуп крестьянской земли у помещиков.

Ни один из этих проектов не был реализован, но что важно – меняя исполнителей и разработчиков, Александр I до конца своего царствования хотел освобождения крестьянства. В том числе и между 1807 и 1812 гг. Но эти годы – время почти непрерывных войн. Если бы реформы не затрагивали интересов военного сословия, кто знает, как могло

¹ Корф М. Записки. – М., 2003.

все повернуться? Но по словам попечителя Петербургского учебного округа Д.П. Рунича, дворяне «теряли голову только при мысли, что конституция уничтожит крепостное право и что дворянство должно будет уступить шаг вперед плебеям».

Войны, остановившие реформаторство

Русско-персидская война 1804–1813 г. Это была третья из четырех войн между Российской империей и Персией в XVIII и XIX вв. (Первая – 1722–1723; вторая – 1796; четвертая – 1826–1828). Все они закончились для России победой.

Причиной именно этой войны послужило присоединение Восточной Грузии к России, принятое еще Павлом I 18 января 1801 г. 12 сентября 1801 Александр I подписал «Манифест об учреждении нового правления в Грузии», Картли-Кахетинское царство входило в состав России и становилось Грузинской губернией империи. Далее добровольно присоединились Бакинское, Кубинское, Дагестанское царства. В 1803 г. присоединилась Мингрелия и Имеретинское царство. В ноябре 1803 г. – январе 1804 г. штурмом взята Гянджа и присоединено к России Гянджинское ханство.

Для христиан Закавказья это было спасением от геноцида. Для мусульман наступлением власти неверных. 10 июня 1804 г. персидский шах Фетх-Али (Баба-хан) (1797–1834), вступивший в союз с Британией, объявил войну России.

Можно долго описывать перепетии войны. Самым главным, на мой взгляд, были две вещи:

1. Русская армия была в несколько раз малочисленнее персидской. Боевые действия велись в незнакомой местности с незнакомым и чересчур жарким для европейца климатом, а главное – с противником, даже не слыхавшем о том, что война должна вестись хоть по каким-то правилам.

8 февраля 1806 г. главнокомандующий Цицианов был убит во время переговоров с бакинским ханом. Все же в войнах в Европе было как-то «скучнее» – хоть какие-то правила соблюдались.

Персидская армия вела себя так, что даже местные мусульмане стали приходить к выводу, что под Россией им будет лучше, чем под Персией. В 1805 г. к России присоединились Карабахское, Шекинское, Ширванское ханства, а также Шурагельский султанат.

2. Война с персами была частью войн с европейскими державами.

Персидский шах Фетх-Али то был в союзе с Британией, то в мае 1807 года вступил в антирусский союз с наполеоновской Францией... Потом он еще много раз будет метаться между Францией и Британией – лишь бы больше давали.

Вспыхнувшая в ноябре 1806 г. русско-турецкая война заставила русское командование заключить зимой 1806/07 г. Узун-Килисское перемирие с персами.

Условия перемирия для России не выгодны, а шах получает очередные дары, на этот раз от французов.

После очередного разгрома иранский главнокомандующий, наместник Ирана в Азербайджане Аббас-Мирза уже готов подписать мирный договор... Но тут в Тегеран приходит известие, что французы заняли Москву! Переговоры тут же прерываются, а Аббас-Мирза захватывает Ленкорань.

И тогда безвестный, намертво забытый полковник П.С. Котляревский перешел реку Аракс. 19–20 октября 1812 года его 1,5-тысячный корпус громит целую персидскую армию – 30 тысяч человек. 1 января 1813 года он штурмом берет Ленкорань, выбивая из нее иранский гарнизон – порядка 7 тысяч солдат.

После этого поражения 24 октября 1813 Персия подписывает Гюлистанский мирный договор, по которому признает присоединение к Российской империи Восточной Грузии, Дагестана, Северного Азербайджана, Имеретии, Гурии, Менгрелии и Абхазии; Россия получила исключительное право держать военный флот на Каспийском море.

Напомню: «битва народов» у Лейпцига произошла 16–18 октября 1813 г. Одновременно с подписанием мира.

Русско-турецкая война 1806–1813 гг. Русско-турецкая война 1806–1812 гг. была одним из звеньев в серии войн между Российской и Османской империями.

Поводом именно к этой войне послужили отставки в августе 1806 г. правителя Молдавии Александра Музури (1802–1806) и Валахии Константина Ипсиланти (1802–1806). По русско-турецким договорам назначение и смещение правителей Молдавии и Валахии должны происходить с согласия России.

Огромную роль в провоцировании войны сыграл французский дипломат генерал О. Себастьяни. Несмотря на протесты английского посла, боровшегося в Константинополе с французским влиянием, ему не удалось помешать разрыву с Россией. Порта заключила союз с Францией, Британии же объявила войну.

Российская империя воевала, введя громадные контингенты солдат, ополченцев и союзников – до 1200 тысяч. Из них было убито 28 тысяч и 72 тысячи умерли от непривычного климата и болезней. Турецкие контингенты войск до 400 тысяч человек потеряли 35 тысяч убитыми и 90 тысяч умершими.

При этом война в Пруссии 1806–1807 года не позволяла вести наступление: не было войск. Активные военные действия на Дунае и на Кавказе начались с весны 1807 г.

Можно долго рассказывать о ходе военных действий, которые то почти прекращались, то начинались вновь, как интриговали Британия и Франция при дворе султанов, как восставали подвластные Стамбулу христианские народы. Сербия восстала во главе с Карагеоргиевым, сербов поддержал русский отряд Исаева, и 10 июля 1807 г. Сербия перешла под протекторат России.

Впрочем, и имеретинский царь Соломон II восстал против России, подстрекаемый персидскими и турецкими агентами.

Неудачные сражения и потеря надежды на помощь Наполеона после мира в Тильзите вынудили Порту принять предложение о перемирии, сделанное генералом-фельдмаршалом князем Михельсоном. Перемирие сроком по 3 марта 1809 предполагало, что русские войска должны были оставить христианские княжества. Турки же обязались тоже не вступать в княжества и прекратить военные действия в Сербии.

Возобновление войны в 1809 году. Император Александр I остался крайне недоволен такими условиями перемирия. Заключение мира с Наполеоном дало возможность увеличить численность Дунайской армии до 80 000 человек.

После новой встречи Александра I и Наполеона в Эрфурте начались новые переговоры, но ненадолго: Турция пошла на новое сближение с Британией и Австрией. Благодаря субсидиям Британии турецкая армия была значительно усилена, 12 марта 1809 г. в Петербург явился султанский фирман с объявлением войны.

Наступление турок, помимо всего прочего, сопровождалось страшным разгромом Сербии, массовым истреблением христиан, и сербы толпами спасались в австрийские пределы.

Русская армия теснила турок, но все время опасалась совместных англо-турецких действий.

На Кавказе русские овладели крепостями Потти и Сухум-кале, захватили в плен царя Имеретии Соломона II, и имеретинцы присягнули на верность России. К Анапе, укрепления которой были возобновлены турками, послана была из Севастополя эскадра с десантными войсками. Крепость эта была взята 15 июля и занята русским гарнизоном.

Пока действовал Тильзит, хоть на кого-то можно было опираться. К началу 1811 г. отношения России к Франции настолько обострились, что предвещали близкую войну. Не стало союзнического лобби при султанском дворе, а для усиления западной границы Российской империи император велел генералу Каменскому отделить от его армии 5 дивизий, отправить их за Днестр, а с остальными войсками ограничиться обороной занятых крепостей.

Тем временем Наполеон употреблял все усилия, чтобы воспрепятствовать заключению Турцией мира; об этом старалась тоже и Австрия.

Подчиняясь их влиянию, Порта напряженно собирала силы для нанесения русским чувствительного удара.

В условиях надвигавшейся войны с Наполеоном и необходимости завершить затянувшуюся войну (1806–1812) с Турцией Александр I был вынужден 7 марта 1811 назначить Кутузова главнокомандующим Молдавской армией.

Ввиду этого посланный главнокомандующим Кутузов вынужден был действовать с особенной осторожностью и, как он выразился, «держаться скромного поведения». Впрочем, его «скромное поведение» состояло в отказе от прежней системы ведения войны: то есть от захвата и удержания крепостей и территорий. Он создал подвижные корпуса и начал весеннюю кампанию 1811 года активными действиями.

Трудно сказать, сколько продолжались бы еще военные действия, если бы не гений Кутузова, который сумел заманить в ловушку, окружить и взять в плен под Слободзеей всю турецкую армию¹. За эту победу получил титул графа (29 октября 1811 г.).

Будучи опытным дипломатом, Кутузов добился подписания выгодного для России Бухарестского мирного договора 16 мая 1812 года, за что получил титул светлейшего князя (29 июля 1812 г.).

По Бухарестскому мирному договору к России переходила Молдавия-Бессарабия. Граница в Европе переносилась с реки Днестр на реку Прут до его впадения в Дунай.

Когда в 1824 г. здесь путешествовал Пушкин, эти области были еще совсем недавно присоединены к России.

Дунайские княжества возвращались Турции, но подтверждалась их автономия, дарованная на основе Кючук-Кайнарджийского (1774) и Ясского (1791) мирных договоров.

Сербии предоставлялись внутренняя автономия и право сербским чиновникам собирать налоги в пользу султана.

В Закавказье Турция признала расширение русских владений, но ей возвращалась крепость Анапа².

Русско-шведская война 1808–1809 гг. Война со Швецией, последней из серии русско-шведских войн, стала

¹ Описание турецкого похода россиян под начальством генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова в 1811 году // Отечественные записки, ч. 34. № 96. 1827.

² Мерников А.Г., Спектор А.А. Всемирная история войн. Минск, 2005.

прямым следствием Тильзитского мира. После него британцы внезапно и без объявления войны напали на Копенгаген и увели датский флот. Тогда Александр I потребовал содействия Швеции, чтобы, на основании договоров 1780 и 1800 гг., держать Балтийское море закрытым для флотов западных держав. Одновременно он предложил королю Густаву IV свое посредничество к примирению его с Францией.

Густав IV долго тянул и обратил внимание Российского правительства: французы занимают гавани Балтийского моря. Как же можно тогда опираться на договоры 1780 и 1800-го, чтобы изгнать британцев? В это же время Густав IV стал помогать Британии в ее войне с союзной французам Дании: надеялся отвоевать у Дании Норвегию¹.

Вообще-то Александр исполнял союзнический долг по отношению к Наполеону только в тех случаях, когда ему самому этого хотелось. На этот раз – хотелось, потому что появлялась возможность сделать территориальные приобретения в Финляндии, опираясь на грозного союзника.

Не объявляя войны, 9 февраля 1808 года русские войска перешли через границу. К марту – апрелю в руках русских войск уже были крепости Свеаборг и Свартхольм, укрепленный мыс Гангут, остров Готланд и Аландские острова.

Узнав о переходе русских войск через границу, Густав IV приказал арестовать всех находившихся в Стокгольме членов русского посольства. Тогда 16 марта 1808 года Россия объявила войну Швеции.

Парадокс в том, что в самой Швеции никто особо не хотел воевать. А вот финны сражались в партизанских отрядах под начальством шведских офицеров и наносили русской армии массу вреда².

Военные действия в Финляндии велись с переменным успехом, но постепенно русская армия начала теснить противника. В марте 1809 года русская армия начала переходить Ботнический залив по льду и перенесла военные действия в саму Швецию.

¹ Захаров Г. Русско-шведская война 1808–1809. – М., 1940.

² Широкопад А.Б. Северные войны России. – М., – Мн., 2001.

Тогда же в Швеции совершился государственный переворот.

Король Густав IV Адольф (1778–1837) упорно отказывался прекратить непопулярную войну и созвать парламент-риксдаг. Он самовольно ввел непопулярный военный налог, а 120 гвардейских офицеров из знатнейших семей разжало в армейские офицеры за трусость на поле боя.

Одновременно с войной с Россией Швеция вела войну с Данией. Датскому командующему принцу Кристиану Аугустенбургскому, титул наследника шведского престола, генерал Адлерспарре заключил с ним соглашение о временном прекращении огня. Он снял с фронта часть войск и двинулся с ними на Стокгольм. 13 марта 1809 года он с группой офицеров ворвался в покои короля и взял его под стражу. Желая сохранить корону за сыном, король Густав IV Адольф 29 марта отрекся от престола, но 10 мая риксдаг решил, что не только он, но и все его потомки лишаются права занимать шведский престол. Королю было полностью оставлено его собственное состояние и назначена пожизненная рента.

Риксдаг провозгласил королем дядю, регента престола герцога Карла Зюдерманландского (в Швеции это имя произносили скорее как Седерманландский) (1748–1818), под именем Карла XIII. Новый король осыпал милостями генерала Адлеспарре и дал ему графский титул, а с Россией предложил начать мирные переговоры.

Каждый шведский король, и Густав IV, и Карл XIII, предлагали России перемирие. Александр отказывался от перемирий, чтобы добиться большего. Только 5 сентября 1809 г. в Фридрихсгаме был подписан мирный договор, согласно которому Швеция заключала мир с Россией и ее союзниками, принимала континентальную систему, закрывала шведские гавани для Британии, а также уступала «в вечное владение» России всю Финляндию, Аландские острова и восточную часть Вестро-Ботнии¹.

21 августа 1810 года шведы обманывают в своих ожиданиях датского принца Кристиана Аугустенбургско-

¹ Фомин А.А., Швеция в системе европейской политики накануне и в период русско-шведской войны 1808–1809 гг., – М., 2003.

го. Вместо него наследственным принцем Швеции, чтобы он наследовал бездетному Карлу XIII, они выбирают французского маршала Жана-Батиста-Жюля Бернадотта (1763–1844) Шведское правительство просит Наполеона «отдать» Бернадотта, и он соглашается. Он явно считает, что французский маршал на шведском троне – свой человек в его борьбе против Британии.

Бернадотт покорила сердца шведов в 1807-м, когда отнесся с исключительной вежливостью и уважением к пленным офицерам шведского отряда. Теперь он, хорошо принятый и Карлом XIII, и парламентом, легко переходит в протестантскую веру.

В начале правления он подчиняется Наполеону и объявляет войну Британии. Но в 1812 году Бернадотт уже подписывает союзный договор с царем Александром I. В 1813 году Швеция входит в коалицию против Франции.

«Я отнюдь не повлиял на возвышение Бернадотта в Швеции, а ведь я мог тому воспротивиться; Россия, помню, поначалу весьма была недовольна, ибо воображала, что это входит в мои планы, – говорил позже Наполеон, – Бернадотт... проявил себя неблагодарным по отношению к тому, кто способствовал его повышению; но я не могу сказать, чтобы он мне изменил. Он стал, так сказать, шведским; и он никогда не обещал того, что не собирался сдерживать. Я могу его обвинить в неблагодарности, но не в измене».

В течение французской кампании 1814 года Бернадотт командует Северной армией. Он захватывает бывшую родину, пройдя через Голландию и Бельгию. О Бернадотте даже говорят как о возможном короле Франции.

Бернадотт остается на шведском престоле. Швеция – одно из союзных государств, Дания – бывший союзник Франции. 14 января 1814 г. сбывается мечта шведского парламента: Норвегию присоединяют к Швеции!

5 февраля 1818 года умирает Карл XIII, и Бернадотт, принц Понтекорво, становится Карлом XIV Юханом, королем Швеции и Норвегии. Его потомки до сих пор сидят на престолах Швеции и Норвегии, а также в Люксембурге, Бельгии и Дании.

Остается добавить, что в 1844 году, когда тело оплакиваемого подданными короля Карла XIV Юхана обмывали, на его груди обнаружили наколку, сделанную в якобинские времена: «Смерть королям!»

Нельзя ссориться с армией!

Войны, которые мы показали сейчас, велись одновременно. Военные и дипломатические события причудливо влияли друг на друга, заставляли принимать во внимание события, происходящие за сотни и тысячи километров.

М.И. Кутузов приехал в действующую армию 17 августа 1812 года непосредственно с театра Русско-турецкой войны. Дунайская же армия пришла на театр войны с Наполеоном только в октябре 1812 г. и с марша была брошена в бой.

Правительство Российской империи могло вынашивать сколь угодно смелые и «прогрессивные» планы самых замечательных реформ. Но чего правительство не могло, того не могло: ссориться с армией. Войти в конфликт с дворянством означало ослабить, а то и потерять управляемость войсками Российской империи, по меньшей мере не реализовать задач обороны и внешней политики.

А может быть, достучаться до переворота типа марта 1801 года.

А может быть, дождаться своего генерала Адлерспарре.

А может быть, получить гражданскую войну: локальную или полномасштабную, на всю Российскую империю.

Ссора с дворянством абсолютно непредсказуема, может быть буквально все, что угодно. И мы еще удивляемся незавершенности реформ, затрагивающих интересы дворян? Мы еще придумываем какие-то другие причины, вроде лукавства и хитрости Александра I Павловича, «неготовности» страны или сложностей с бюджетом?

Глава 7.

К НОВОЙ ВОЙНЕ

Когда пушек слишком много, они сами начинают стрелять.
О. фон Бисмарк

У нас часто считается так, что война 1812 года вспыхнула внезапно, чуть ли не мгновенно. Еще сегодня вся замечательно, царит полная международная идиллия. И «вдруг» по мостам через Неман проходит Великая армия Наполеона...

Конечно же, это не так. Никакая война никогда не может начаться внезапно. Может быть, Александр I Павлович и правда был хитрым «византийцем». Уже стоя на плоту посреди Немана, он знал, как ударит в спину Наполеону. Может быть, он искренне хотел «задружить» с наполеоновской Францией. Но независимо от этого выполнить все требования «союза» он и не хотел, и не мог.

Во-первых, у обоих союзников были свои и противоположные геополитические интересы.

Во-вторых, не удалась попытка заменить британские товары и британский капитал французскими. Поделаться было ничего невозможно, потому что Франция просто не обладала нужной концентрацией капитала и промышленной мощью. В 1808 году в порты России не пришло ни одного торгового французского судна. В 1809 г. – всего 20. До континентальной блокады, в 1775–1802 годах, в порты России вошло 58 836 британских судов и всего 518 – французских.

«Торговые интересы не столь важны для процветания Франции, как это имеет место для Англии, существование которой основано на торговле», – разъяснял послу в Петербурге Лессепсу министр внешних сношений Франции Ж.-Б. Шампаньи. Оба они хотели, как лучше, но Шампаньи лучше понимал, почему получается, как всегда.

Убежденный сторонник русско-французского союза, Шампаньи Жан-Батист де Номпер де (1750–1834), герцог Кадорский, вскоре заплатит своей должностью за отсутствие гибкости: Наполеон сместит его в 1811 году. Ему будут нужны противники, а не друзья России на этом посту.

Да, прочный союз Российской и Французской империй делал их сильнейшими в Европе и во всем мире. Да, эти империи могли бы вызвать великое смятение в колониях Британии, нанести этой стране громадный ущерб, и может быть, покорить ее политически или военными средствами. Но этот союз мог быть прочным только в двух случаях:

- Россия покоряет Францию и использует ее потенциал в своих интересах.

- Франция покоряет Россию и использует ее потенциал в своих интересах.

Все это очень напоминает ситуацию 1933–1941 годов: СССР и лидер Европы, Третий рейх, честно пытаются дружить. Насколько искренни это попытки, до сих пор спорят, выпуская целые библиотеки. Но даже если дружат, и вполне честно, не получается, несмотря на очевидные выгоды. До сих пор убедительно говорят о пользе соединения ресурсов России и технологий Германии, о непобедимости объединенных сил СССР и Рейха. Но... не получается... слишком различны интересы.

В 1810 году франкофил, убежденный конституционалист, ославленный «французским шпионом», М.М.Сперанский выражает полное убеждение, что «Тильзитский мир по существу своему есть мир невозможный». Россия и Франция никак не могут согласовать и примирить свои разнонаправленные геополитические интересы. И потому, «удалая войну, должно, однако, непрестанно к ней готовиться. Должно готовиться не умножением численности пограничных войск, которое всегда опасно, но расширением

арсеналов, запасов, денег, крепостей и воинских резервов в глубине страны»¹.

Российская империя НЕ готовится к новой войне в 1807–1808 годах. А начиная с 1810 г. правительство России выполняет советы Сперанского: готовится к войне, накапливая все необходимое.

Подготовка Александра: деньги

Финансовое состояние России все ухудшалось, и вовсе не из-за континентальной блокады. А из-за колоссальных расходов на армию. Бесперывные войны конца XVIII – начала XIX века привели к выпуску бумажных денег на невероятную сумму: 579 миллионов рублей.

По смете 1810 г. всех выпущенных в обращение ассигнаций считалось 577 млн.; внешнего долга – 100 млн. Смета доходов на 1810 г. обещала сумму в 127 млн.; смета расходов требовала 193 млн. Предвиделся дефицит – 66 млн. ассигнаций.

Доходило до того, что Александр был вынужден совершать глубоко антипатичные ему действия: в связи с тяжелым финансовым положением казны за 1810–1811 гг. было продано частным лицам свыше 10 000 казенных крестьян.

Не в одних происках британцев тут дело. В 1809 году канцлер Румянцев представил императору секретный доклад «О средствах к поправлению курса». Он очень ясно покажет в нем, что расстройство финансовой системы проистекает не от континентальной блокады, а в основном от колоссальных расходов на армию².

В первые месяцы 1810 года состоялось обсуждение проблемы регулирования государственных финансов. Сперанский составил «План финансов», который лег в основу политики правительства. Основная цель этой политики заключалась в ликвидации бюджетного дефицита.

Сперанский предлагал изъять все ассигнации из обращения и вместо них ввести кредитные билеты по «общему курсу», то есть на основе равенства курсов металлических

¹ Русская старина. – СПб, 1880. № 1, с. 65.

² Злотников М. Континентальная блокада и Россия. М.-Л., 1966, с. 342–343.

и бумажных денег. А кредиты обеспечивать серебром. Как обычно, использовали на практике только часть его советов: правительство почти прекратило выпуск бумажных денег, сократило объем финансовых средств на все цели, кроме военных, финансовая деятельность министров ставилась под контроль.

Для пополнения государственной казны подушная подать с 1 рубля была повышена до 3, также вводился новый, небывалый прежде налог – «подоходный прогрессивный».

Как всегда в исполнении Сперанского, все получилось. По его собственным словам, «переменив систему финансов, мы спасли государство от банкротства».

Стоит ли удивляться, что Сперанского в шпионаже на Францию обвиняли с 1808 года, а император почти четыре года не слушал клеветников? Ведь предостережения Сперанского о неизбежности войны, его настойчивые призывы готовиться к ней, его советы и принимаемые им меры всегда были в пользу России.

Итак, благодаря Сперанскому дефицит бюджета сократился, а доходы казны возросли за два года на 175 миллионов рублей. Деньги есть! На что же они израсходованы? На армию и на оружие.

В 1807 году еще во время войны с Францией, военные расходы составляли 43 млн. рублей. В 1808 г. они возросли до 53 млн., в 1809 г. – до 64,7 млн., в 1810 г. – до 92, и в 1811 г. – до 113,7 млн. рублей. В мирное время – состояние военных расходов выросло за пять лет – в три раза! Этого не объяснить ни персидской, ни турецкой войнами: на них шло не более 15% всех средств. На что же шли остальные 85%?!

Подготовка Александра: организация

...Как и советовал Сперанский, на «расширение арсеналов». Еще сразу после Тильзита Александр просил Наполеона продать ему 50 тысяч ружей: якобы нужны для будущей войны с Британией.

Наполеон нежно обнимал «брата-императора», говорил ему комплименты, но не продал даже одного гнutoго ствола, а не то что 50 тысяч исправных ружей.

Тогда Россия начала контрабандную доставку оружия из Австрии. Русский военный агент установил контакты с частными торговцами и уже в 1807 году закупил 15 тысяч ружей и несколько тысяч сабель. Оружие сначала складировали в Штирии, а потом вывезли в Россию в ящиках с надписью «металлолом» через Лемберг (Львов). В 1808 году вывезли уже 23 788 ружей, 15 300 сабель и 218 500 кремней для ружей.

К тому же удалось пригласить на русскую службу квалифицированных оружейников из той же Австрии¹.

**Подготовка Александра:
военные поселения, или Реформы Аракчеева**

Граф Алексей Андреевич Аракчеев (1769–1834)
ославлен у нас тупым и маниакально жестоким придурком.

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он – друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? Преданный без лести,
Бляди грошевой солдат.

О какой бляди идет речь, можно поспорить: о матери Аракчеева или о его любовнице Настасье Минкиной. Если о матери, тут есть что сказать... Как-то император Александр I Павлович пожаловал мать Аракчеева статс-дамой. «Алексей Андреевич отказался от этой милости. Государь с неудовольствием сказал: «Ты ничего не хочешь от меня принять!» – «Я доволен благоволением Вашего Императорского Величества, – отвечал Аракчеев, – но умоляю не жаловать родительницу мою статс-дамою; она всю жизнь свою провела в деревне; если явится сюда, то обратит на себя насмешки придворных дам, а для уединенной жизни не имеет надобности в этом украшении». Пересказывая об этом событии приближенным, Алексей Андреевич при-

¹ Васильчиков А. Семейство Разумовских. Т. 3. – СПб., 1882, с. 459.

бавил: «только однажды в жизни, и именно в сем случае, провинился я против родительницы, скрыв от нее, что государь жаловал ее. Она прогневалась бы на меня, узнав, что я лишил ее сего отличия»¹.

О Настасье Минкиной пусть скажет сам Аракчеев: «Двадцать два года спала она не иначе, как на земле у порога моей спальни, а последние пять лет я уже упросил ее ставить для себя складную кровать. Не проходило ни одной ночи, в которую бы я, почувствовав припадок и произнеся какой-нибудь стон, даже и во сне, чтобы она сего же не услышала, и в то же время входила и стояла у моей кровати, и если я не проснулся, то она возвращалась на свою, а если я сделал оное, проснувшись, то уже заботилась обо мне <...>. Во все 27 лет ее у меня жизни, не мог я ее никогда упросить сидеть в моем присутствии, и как скоро я взойду в комнату, она во все время стояла <...> Она была столь чувствительна, что если я покажу один неприятный взгляд, то она уже обливалась слезами и не переставала до тех пор, пока я не объясню ей причину моего неудовольствия».

Кого же и за что же Пушкин так грязно обозвал?! Пусть сам разбирается.

Об Аракчееве до сих пор пишут почти исключительно в «стиле Пушкина». А факты, которые могут характеризовать графа Аракчеева иначе, приводить не полагается. Я нарушу эту традицию и расскажу, что:

– Аракчеев реформировал артиллерийское дело, привел в порядок и улучшил материальную часть артиллерийского парка, сделав русскую артиллерию эффективнее французской;

– Аракчеев принимал много мер для повышения уровня общего и профессионального образования офицеров.

Самые лучшие последствия улучшений, сделанных Аракчеевым, сказались во время войн 1812–1815 гг., и это вызвало к нему большое уважение;

– Аракчеев глубоко уважал Сперанского и часто говорил, что, будь у него треть ума Сперанского, он сде-

¹ Словарь достопамятных людей русской земли. – М., 1847.

лался бы великим человеком. Он был одним из немногих, кто не доносил на Сперанского, и был огорчен его отставкой;

- удостоившись пожалования портрета государя, украшенного бриллиантами, Алексей Андреевич бриллианты возвратил, а самый портрет оставил;

- по завещанию Аракчеева его имение было передано с его именем, гербом и девизом «без лести предан» Новгородскому (ныне Нижегородскому) кадетскому корпусу, основанному по его мысли и на его пожертвования: 300 тыс. рублей ассигнациями;

- незадолго до смерти, в 1833 г. Аракчеев внес в государственный заемный банк 50 000 (по другим сведениям – 60 тысяч) рублей ассигнациями. Эти деньги с наросшими процентами должны были быть сняты в 1925 году, к 100-летию смерти Александра I Павловича, и три четверти из этого капитала должны быть наградой тому, кто напишет к 1925 г. (на русском языке) историю (лучшую) царствования имп. Александра I, остальная четверть этого капитала предназначена на издержки по изданию этого труда, а также на вторую премию, и двум переводчикам по равной части, которые переведут с русского на немецкий и на французский языки удостоенную первой премии историю Александра I;

- Алексей Андреевич Аракчеев скончался, «не спуская глаз с портрета Александра, в его комнате, на том самом диване, который служил кроватью Самодержцу Всероссийскому»;

- прах Аракчеева покоится в храме села Грузина, у подножия бюста императора Павла I.

Если Аракчеев был таким страшным лицемером, то, умирая-то, зачем демонстративно почитать давно покойных, ничем не могущих помочь императоров?!

Еще худшее отношение, чем к Аракчееву, установилось к военным поселениям. Не буду утверждать, что эта идея гибрида деревни с казармой во всех отношениях прекрасна. Но правительство задалось такими целями не от хорошей жизни: от жуткой нехватки денег. А тут засветило: армия сама себя кормит!

С 1810 г. начинается практика организации военных поселений: первый опыт на резервном батальоне Елецкого мушкетерского полка, размещенного в Бобылевском старостве Климовского уезда Могилевской губернии.

Правительство хочет:

1) создать новое военно-земледельческое сословие, которое своими силами могло бы содержать и комплектовать постоянную армию без отягощения бюджета страны; численность армии сохранялась бы на уровне военного времени;

2) освободить население страны от расходов на содержание армии;

3) прикрыть западное пограничное пространство.

Если Аракчеев – садист и дурак, почему сразу после войны, в 1815 г., правительство обсуждает проект военных поселений? Да для того, чтобы решить хоть часть стоящих пред ним проблем. А то – районы ведения боевых действий разорены, торговля сократилась, финансовая система в состоянии глубокого кризиса. А тут еще на армию приходится тратить почти 50% всего бюджета.

Воевать все равно приходится: в 1826 году начнется еще одна Персидская война, в Польше неспокойно, на Кавказе разгорается затяжная тяжелая война...

А ведь рекрутские наборы вызывают недовольство крестьян, напряжение помещиков, которые лишаются рабочих рук.

К концу царствования Александра I система военных поселений включила 1/3 всей армии (374 480 человек) и состояла из 148 батальонов пехоты, 240 эскадронов кавалерии, 32 фушштатских рот и 14 бригад артиллерии. Вплоть до конца царствования Александра I продолжается рост числа округов военных поселений, постепенно окружавших границу империи от Балтии до Черного моря.

Военные поселения упразднены только в 1857 году. К тому времени в них насчитывалось уже 800 тыс. человек.

Подготовка Наполеона: деньги

В 1810 году российское правительство судорожно искало деньги: британских субсидий нет, Геную и Гол-

ландию заняли французы. Заняли и все деньги направили строго на самих себя, никому больше давать не велели. Русские просили в Голландии кредит в 12 млн гульденов. Наполеон запретил.

Тогда послали прямо в Париж финансового чиновника Карла Нессельроде: для переговоров о возможных займах. Наполеон же не только не дал денег из казны, но и запретил частным банкам даже вести переговоры о такой ссуде.

Причину Нессельроде понял прекрасно: ассигнования на армию возросли с 389 млн франков в 1910 году до 556 млн к началу 1812 г. Вроде у нас пока мир?

А вот русскую финансовую систему Наполеон очень хотел разрушить.

Еще в 1804 году, намереваясь высадиться в Британии, Наполеон велел Фуше напечатать фальшивые фунты стерлингов. Теперь он велел печатать рубли. Дело было поставлено с размахом: работали сразу два тайных печатных двора в Париже, для них изготовили не менее 700 граверных досок. Потом одну из них казаки нашли в коляске маршала Бертье, которую он бросил у переправы через Березину. Другую «походную типографию» для рублей использовал интендант Великой армии Дарю прямо в Москве, на Рогожской заставе (во дворе старообрядческой церкви)¹.

Британцы печатали фальшивые рубли, франки и шведские кроны; русские тоже наладили печатание фальшивых франков и фунтов в Риге². Но масштаб этих русских и британских игрищ совершенно не сопоставим с французским. Известно, что перед вторжением в Россию французская разведка через банкиров герцогства Варшавского забросила в Россию до 20 млн. фальшивых рублей: 4,5% всех, какие вообще ходили в России.

Вообще подделывать русские деньги было легко, легче франков и фунтов. Потому что те-то были полноценными казначейскими билетами, а в России ходили «цидулки» или «ассигнации».

Само слово происходит от искаженного немецкого Zettel – так называли в Германии бумажные деньги. Гене-

¹ Сироткин В.Н. Отечественная война 1812. – М., 1988. с. 35–36.

² Русская старина. – СПб., 1900. № 11, с. 327–330.

рал-прокурор Сената Я.П. Шаховской еще при Елизавете предложил правительству печатать бумажные деньги «цидулки». Отношение к немецким бумажным деньгам вошло в историю: до сих пор в русском и украинском языках есть слово «цидулка» – то есть какая-то незначительная бумажка.

Во Франции словом *assignats* (латинского *assignatio* – назначение) называли документы на получение денег. Так называли векселя и расписки, бумажные полуденьги. Позже так назовут бумажные деньги, которые выпускало революционное правительство Франции в 1789 году для решения своих финансовых проблем. В Польше бумажные деньги тоже называли *asygnacja* – ассигнациями.

Но тогда ввести цидулки-ассигнации не успели: умерла Елизавета, Петр III не успел почти ничего. Но и Екатерине II в 1768 г. тоже была подана записка, обосновывавшая выгоды хождения бумажных денег. Автором ее был гофмаршал и действительный камергер при дворе, граф К.Е. Сиверс.

Во-первых, деньги нужны на очередную войну. А тут можно за счет печатного станка покрыть расходы.

29 декабря 1768 г. был обнародован манифест об учреждении в Санкт-Петербурге и Москве государственных банков для обмена ассигнаций. Причиной введения бумажных денег откровенно объявлялась «тягость медной монеты».

В манифесте говорилось, что ассигнации имеют хождение наравне с монетой и «являющимся людям с теми ассигнациями выдавать за оные денег, сколько надлежит, немедленно». На таких купюрах печатали портрет Екатерины II. И называть их стали «катыми» или даже так уменьшительно-пренебрежительно: «катыками». Название держалось до революции 1917 г. и даже при советской власти!!! На сторублевках давным-давно красовался портрет не какой-то контрреволюционной императрицы, а друга пролетариев всего мира, В.И. Ленина. А и в 1970 г., и в 1980 году можно было услышать:

– Разменяй «катыку».

Или: «У меня мелких нет, выдали две «катыки», и что хочешь с ними делай.

Только при Горбачеве жаргонное название исчезло.

Размен же «катек» и всех других купюр в XVIII веке на металлические деньги производился. Но только медью. Серебряную и золотую монету государство использовало для оплаты внешних расходов и займов. Обмен ассигнаций производился только на медь. К тому же новый бумажный рубль, фактически не обеспеченный золотом и серебром, запретили вывозить за границу. То есть получилось: металлические деньги Российской империи конвертируются, а бумажные – только для внутреннего употребления.

Естественно, эмиссия ассигнаций увеличивалась. К концу XVIII века в Российской империи сложились, как ни сложно это сегодня представить, две параллельные денежные системы: серебряный рубль, обеспеченный запасами драгоценного металла в казне, равный 100 серебряным жекопейкам, и бумажный ассигнационный рубль, не обеспеченный ничем, кроме доверия населения к власти, и равный 100 медным копейкам.

Соотношение серебряного и бумажного рублей все время менялось, в сторону уменьшения стоимости ассигнаций. В 1800 году бумажный рубль давали 55 копеек серебром. В 1812 году, накануне войны с Наполеоном, – 35, а в 1825 г., в год восстания декабристов – 30 копеек серебром.

За все старались платить ассигнациями-цидулками, а дорогое серебро придерживать и копить. Тем более серебро не подделашь. Ассигнации же были дешевы, и подделать их было легко. Купюры в 25 рублей легко перedelывались в ассигнации достоинством в 75, переписывая двойку на семерку. Подлинность бумажных денег удостоверялась подписями сенаторов, ставившимися на купюрах, и лишь с 1787 г. – подписями чиновников банка. Эти подписи тоже легко подделывали.

Наполеон Бонапарт перед нападением на Россию велел напечатать фальшивых ассигнаций, по одним данным, на 100, по другим, – даже на 200 миллионов рублей. То-то французы за все щедро расплачивались русскими деньгами!

Сам масштаб подделки показывает, как плохо были защищены ассигнации. Часть фальшивок распознавали легко, потому что их печатали люди, плохо знавшие русский язык. И на купюрах вдруг красовалось: «обманывается на серебро». Или наполеоновские фальшивомонетчики ленились ставить на купюрах разные номера и серии¹. Но иногда фальшивомонетчики старались на совесть.

В 1824 году в России издали манифест о том, что все фальшивые деньги уже изъяты. Оставшимся можно верить, они настоящие! Но некоторые фальшивые купюры ходили до 1849 года, до изъятия из обращения всех ассигнаций. Они были практически не отличимы от подлинных, только современными средствами можно их распознать.

Мне доводилось спрашивать специалистов: есть ли у них уверенность, что все хранящиеся в музеях купюры – подлинные? Такой уверенности у них не было...

Подготовка Наполеона: армия

В течение всего 1811 года Наполеон открыто готовился к походу на Россию. Во всех подвластных ему государствах шли усиленные рекрутские наборы. Численность Великой армии называют разную, от 570 до 640 тысяч человек. Еще больше колеблются оценки численности армии, непосредственно вторгшейся в Россию 12 июня 1812 года: от 360 тысяч до всех 6102². Крайние оценки как правило, неверны. Кроме того, хорошо известно, что прусская и австрийская армия не участвовали в походе на основную часть русской территории.

По мнению большинства историков, около 200 тысяч солдат и офицеров находились в Испании, охваченной народной войной. Число солдат, разбросанных по гарнизо-

¹ Однажды под Смоленском целой деревне выдали в уплату за фураж и хлеб кредитки с одним и тем же номером. Возмущению мужиков не было предела, и они дружно подались в партизаны. Эту историю описывает Василий Иванович Бабкин... Его книга до сих пор не опубликована, я смог ознакомиться с этой потрясающей работой благодаря сотрудничеству историка Е.Н. Сметанина. Огромное вам спасибо, Евгений Николаевич!

² Клаузевиц К. фон. 1812. – М., 1937.

нам в Европе, называют от 80 до 90 тысяч человек. Еще от 90 до 140 тысяч человек вошли в Россию уже после основной части, в июле – августе 1812. Еще 100 тысяч были в Национальной гвардии Франции, которая по закону не могла воевать за пределами Франции.

Этим цифрам уже можно верить, разброс не так велик.

Тем более, очень расходятся оценки национального состава Великой армии. Численность собственно французов оценивается «вилкой» от 150 до 300 тысяч человек. В их число входили бельгийцы и голландцы.

Итальянцев называют от 50 до 70 тысяч.

С немцами сложности, потому что немцы как единая нация еще не сложились. Жители разных земель вовсе не считали друг друга дорогими сородичами, а диалекты расходились настолько, что жители Баварии и Вестфалии говорили друг с другом на французском языке.

Было же 20–27 тысяч солдат из Баварии, 20–25 тысяч из Саксонии, 15–25 из Вестфалии, 9–16 тысяч из мелких германских государств. Численность войска из герцогства Варшавского оценивают от 80 до 110 тысяч человек. Хорватов – 3500, испанцев – 4–5 тысяч, и португальцев – около 2 тысяч. Испанцы и португальцы были в основном насильно завербованные.

По союзному договору Швейцария выставила 10–15 тысяч солдат, среди которых были люди разных национальностей. Австрия выставила до 30 тысяч, Пруссия – 20 тысяч солдат. Но войска Австрии и Пруссии сражались отдельно, под командованием своих командиров, и выполняли особые задачи.

Из вторгшихся в Россию до 70 тысяч составляла кавалерия.

Подготовка Наполеона: союзники

Любимая байка наших квасных патриотов: что Наполеон привел в Россию «сборную Европы». Точнее будет сказать, он очень хотел бы ее привести. 14 марта в Париже заключен секретный Франко-австрийский союз, по которому Австрия должна участвовать в любой войне Франции на ее стороне.

Как говорят, не успели высохнуть чернила на договоре, как его содержание было известно в России. Самое поразительное – текст договора не был известен даже австрийскому послу Штакельбергу! Этот текст Александр I показал ошарашенному послу и спросил: собирается ли император Австрии «ломать комедию» или действительно воевать? Если воевать – Российская империя двинет против Австрии шесть дивизий, не считая Дунайской армии, и найдет способ усилить недовольство венгров и их желание отделиться от Австрии.

Австрийцы предпочитали «ломать комедию», и не потому, что смертельно испугались Александра. Воевать с Россией им совершенно не хотелось. В июле 1812 года они разорвут с Россией дипломатические отношения, но посол Штакельберг не уедет в дорогое отечество, а поедет «лечиться на воды». Австрийская же армия – корпус Шварценберга пошел на Украину, в район Луцка, и там стоял в почти полном бездействии всю войну до 30 января 1813 года. А тогда перешел на сторону России. 9 февраля 1813 г. Шварценберг сдал русским войскам Варшаву без единого выстрела, тем самым сорвав план Наполеона задержать движение русской армии на территории Польши.

Австрийцев «окучивали» сами русские, а вот пруссаки прислали в Петербург генерала Шарнгорста. 17 октября 1811 года Шарнгорст подписал с Барклаем-де-Толли и Н. Румянцевым секретную прусско-русскую конвенцию. Шарнгорст старался передвигаться по Петербургу чаще по ночам, но французские агенты его опознали. Наполеон действовал мгновенно: посол в Берлине тут же предъявил королю Пруссии ультиматум: или он отказывается от уже подписанной конвенции, или Наполеон двигает войска.

Король не ратифицировал конвенцию Шарнгорста-де-Толли, и 24 февраля 1812 год подписал с Францией договор о военном союзе и военную конвенцию. Король Фридрих-Вильгельм III даже издал указ о запрете ввоза в Пруссию русских товаров. А в Петербург послал гонца, который просил сохранить в силе конвенцию и... остался в русской столице. Не стал возвращаться в полуокупированную Пруссию.

Еще одна любимая некоторыми байка. Утверждая, что европейцы иррационально «ненавидят» Россию, Пушкин заявляет:

Ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, пред кем дрожали вы...

Как-то не чувствуется особого страха в действиях австрийцев и пруссаков. Они лавируют, двурушничают. Но так охотник уворачивается от медведя не потому, что он его панически боится. А потому, что уходит от удара и примеривается – как бы всадить ему рогатину в брюхо?

Пруссия объявила России войну, выдвинула к Риге 20-тысячный корпус... И не сделала совершенно ничего. То есть стычки с вылазками из осажденного гарнизона Риги были, но не более того. В основном прусские солдаты ели и пили, плясали с местными девицами, а после Березины открыто перешли на сторону России и воевали вместе с войсками Российской империи против Наполеона.

Еще одним сокрушительным ударом стало подписание русско-шведского договора 5 апреля 1812 года: с королем Карлом XIV Юханом, недавним Бернадоттом. Этот договор сделал почти невозможным бросок французской армии на Петербург: то есть самый короткий путь к русской столице.

28 мая 1812 года Кутузов блестяще завершил переговоры с Турцией и подписал мирный договор. И этот союзник Наполеона отпал. «Моя дипломатия должна была сделать половину Русской кампании, а она почти не думала об этом», – произнес позже Наполеон.

Мгновенный развал коалиции, которую сколачивал Наполеон, можно объяснить вполне рациональными причинами. И все-таки есть в том единовременном и мгновенном развале какая-то мистика.

Подготовка Наполеона: материальная часть

Еще более удивительный факт: массовый падеж скота. Главный интендант Великой армии Наполеона Дарю

гнал для прокорма этого полчища более 600 тысяч коров и быков.

Ученые до сих пор не могут объяснить причины массового падежа этого колоссального стада. Факт налицо: почти все животные, предназначенные для прокорма французской армии, сдохли на протяжении буквально первых трех недель ведения военных действий. Это резко нарушало изначальные планы Наполеона. Уже в июле, еще не вступив на территорию Великороссии, французы были вынуждены посылать «фуражные команды», то есть кормиться чем бог послал на месте.

Сначала «фуражные команды» «покупали» продовольствие за фальшивые рубли (крестьяне сначала удивлялись их «щедрости»), потом просто грабили, выгребая все зерно и угоняя всю скотину, какая была.

Что принципиально важно: ни в Европе, ни в России не было в том году никаких эпизоотий. Скот, который угоняли французы, был совершенно здоров. В Литве и Польше не кашлянул ни один теленок. А ВЕСЬ скот, пригнанный службами Дарю, лежал со вздувшимися животами, раскинув мученически скрюченные ноги.

Так же судьба постигла и кавалерийских лошадей: мгновенно, за считанные дни и недели, сдохло более 10 тысяч голов. Во всей Европе кавалерия не испытывала с лошадьми никаких затруднений, а казаки всячески обижали французов. А Великая армия лишилась значительной части своей кавалерии.

Этот массовый падеж скота и верховых лошадей Великой армии – совершенно загадочное явление до сих пор.

Наполеон подготовил не только стадо на прокорм Великой армии. Во всех подвластных ему государствах делались огромные запасы оружия, военных снарядов, солдатской одежды, походных телег, склады съестных припасов. Число орудий тоже называют разное: от 1370 до 1440.

Но самое удивительное, что не имеет никакого логичного объяснения по сей день, – идя на Москву, Наполеон **СОВЕРШЕННО** не учел возможности зимней кампании.

Причем Наполеон – гений организации, мастер детали, гигант реалистического отношения к войне. Бона-

парт всегда и везде мастерски просчитывал все заранее. А здесь – самоубийственная, нелепая недоработка. Нет теплой одежды, рукавиц, нет запасов угля, не хватает спирта, жира от отмораживаний. Даже конница подкована на «европейский» манер, без зимних шипов, а значит, конь не сможет держаться на промерзшем грунте!

И самое потрясающее: Бонапарт уже один раз так же ошибался. Во время Египетской кампании его армия оказалась совершенно не готова к 40-градусной жаре, песчаными бурям и отсутствию обеззараженной воды. История повторилась самым невероятным образом.

Подготовка Наполеона: пропаганда

В 1810 году из «нафталина» было заботливо извлечено «Завещание Петра Великого». Еще в 1797 году о «Завещании» и о враждебности России к Европе писал польский эмигрант М. Сокольников. Тогда на его брошюру мало кто обратил внимание. Но в 1807–1811 годах, готовясь вторгнуться в Россию, Наполеон начал готовить общественное мнение Европы к этому походу. И опубликовал большими для тех времен тиражами обе версии брошюры Сокольникового!

А потом, по прямому заданию Наполеона, французский чиновник Мишель Лезюр, историк по образованию, написал книгу «Возрастание русского могущества с самого начала его и до XIX века».

В книге, помимо прочего, было сказано: «Уверяют, что в частных архивах русских императоров хранятся секретные мемуары, написанные собственноручно Петром Великим, где откровенно изложены планы этого государя».

При этом текст «Завещания» Лезюр не опубликовал, он опирался на сплетни, слухи, домыслы, анекдоты. Главная цель – убедить европейскую публику в наличии агрессивных устремлений российской внешней политики, ее готовности и желания завоевать всю Европу.

На грани: Франция

Когда пушек так много, они сами начинают стрелять. Обе империи были готовы к войне, нужен был толь-

ко предлог. Весной 1811 года им стал захват Наполеоном герцогства Ольденбургского – наследственного владения русских императоров.

Представители династии Шлезвиг-Гольштейн-Готторп-Ольденбургов управляли Россией под фамилией «Романовы», начиная с племянника императрицы Елизаветы I Петровны Карла-Петера Ульриха, императора Петра III Федоровича.

Наполеон прибирал к рукам прибрежные северогерманские княжества, и не прошел мимо герцогства Ольденбургского. Никакой политической или стратегической необходимости в этом герцогстве у России не было, тут чистой воды дело принципа... Ну, и дело предлога для начала войны.

Весной император даже двинул к западным границам несколько армейских корпусов. Мера, кстати, очень популярная во всех слоях общества: войны с Францией ХОТЕЛИ. Наполеон, увязнувший в Испании, на войну пока не решился.

Посылая в Петербург нового посла Лористона, Наполеон наказывал ему говорить, что из-за герцогства Ольденбургского и из-за тайного ввоза в Россию товаров из Англии Наполеон воевать с Россией не будет. Причин войны могут быть только две: мир России с Британией и усиление России на Балканах.

Провожая из Петербурга отзываемого посла Коленкура, Александр сказал ему на прощание: «Если император Наполеон начнет против меня войну, возможно и даже вероятно, что он победит... но эта победа не принесет ему мира.

Испанцев нередко разбивали в бою, но они не были ни побеждены, ни покорены. Однако они находятся от Парижа не так далеко, у них нет ни нашего климата, ни наших ресурсов. Мы стоим за себя. У нас большие пространства, и мы сохраняем хорошо организованную армию...

Если военная судьба мне не улыбнется, я скорее уступлю на Камчатку, чем уступлю свою территорию или подпишу в своей столице соглашение. Даже если это и

будет так, все равно это соглашение станет лишь временной передышкой»¹.

Император разговаривал с Коленкуром по-французски. Коленкур с Наполеоном, естественно, тоже. Речь императора Александра I дважды устно передавалась, потом переводилась, может быть, что-то и ускользнуло. Но главное ясно предельно.

Коленкур считал, что Александр I прав: Россию можно разбить, но невозможно завоевать. Наполеон же был уверен: война, как и в 1806–1807 годах, пройдет вблизи западных границ. Одно-два больших сражения, и новые Аустерлиц и Фридланд повлекут за собой новый Тильзит, – но уже с гораздо более тяжелыми последствиями для России.

Наполеон верил и в то, что помещики, если начнется война, «испугаются за свои поместья и заставят Александра, после удачной для нас битвы, подписать мир». Это тоже было сказано устно и приведено Коленкуром в своих записках по-французски. Но смысл несомненен: Наполеон не верил в возможность народной войны². Странно – ведь в Испании это уже произошло.

На грани: Россия

В 1810 году военным министром стал Барклай-де-Толли. Он исходил из того, что новая война с Французской империей неизбежна, и активно к ней готовился. Планов было два: оборонительный, по которому планировалось воевать в треугольнике Рига–Минск–Киев. Что враг дойдет до Москвы, никому и в голову не приходило.

Наступательный план, на котором настаивал князь Петр Багратион, видел будущую войну почти как кампанию 1806–1807 годов: на территории Пруссии и Польши³.

В любом случае, планировалось использовать армию, но даже «оборонительный» вариант почти не предусма-

¹ Николай Михайлович, вел. кн. Переписка Александра I с Екатериной Павловной. – СПб., 1910.

² Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. – Таллин-Москва, 1994.

³ Отечественная война 1812 г. Материалы Военно-ученого архива. Т. I. ч. I. Подготовка к войне в 1810 г. – СПб, 1900.

тривал вводить в бой ополчение. Тем более никому и в голову не приходило, что война может и должна быть народной. Тем, кто планировал войну, участие в ней русских туземцев виделось как участие «народа», дающего рекрутов и снабжающих армию продовольствием и фуражом. Самостоятельная роль туземного населения России представлялась этим людям как нечто неприятное, нежелательное и глубоко антипатичное. Почти как русский вариант беготни санкюлотов по длинным московским улицам.

Александр мог попугать Наполеона перспективой русской герильи. Наполеон не испугался, потому что не верил в такое. Сам Александр, судя по всему, очень даже верил. Но русской герильи и он совершенно не хотел.

Часть IV.

СПАСЕНИЕ РОССИИ

12 июня силы Западной Европы перешли границы России, и началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие. Миллионы людей совершали друг против друга такое бесчисленное количество злодеяний, обманов, измен, воровства, подделок и выпуска фальшивых ассигнаций, грабежей, поджогов и убийств, которого в целые века не соберет летопись всех судов мира и на которые, в этот период времени, люди, совершавшие их, не смотрели как на преступления.

Граф Л.Н. Толстой

Глава 1.

КАК НАПОЛЕОН СПАС РОССИЮ

Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
– Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский Бог?

А.С. Пушкин

Мифы и реальность войны 1812 года

9 мая 1812 Наполеон выехал в Дрезден, где провел смотр вассальным монархам Европы. Из Дрездена император отправился к «Великой Армии» на реку Неман, разделявшей Пруссию и Россию. 22 июня Наполеон написал воззвание к войскам, в котором обвинил Россию в нарушении Тильзитского соглашения и назвал вторжение Второй польской войной. Почему такое странное название? Одни историки считают, что он хотел привлечь на свою сторону поляков. Другие – что маскировал свои настоящие цели. Во всяком случае, войска повиновались, но смысла приказов почти не понимали. Если война польская – зачем надо идти на Россию? Даже близкие к императору французские маршалы не все понимали смысл и цели вторжения в Россию.

Наполеону приписываются слова: «Если я возьму Петербург, я ударю Россию по голове. Если возьму Киев, то схвачу ее за ноги. А если возьму Москву, то поражу Россию в сердце».

Если это и было когда-то сказано, то к плану кампании не имеет никакого отношения. К тому же это могло быть сказано не ранее июля, когда война шла уже месяц. И вообще Наполеон не собирался двигаться так далеко.

Незадолго до вторжения он говорил Меттерниху: «Торжество будет уделом более терпеливого. Я открою кампанию переходом через Неман. Закончу я ее в Смоленске и Минске. Там я остановлюсь».

Французский император рассчитывал на поражение российской армии в генеральном сражении. И на то, что сможет удерживать западные губернии России так долго, как ему этого захочется.

Начало нашествия

В 2 часа ночи 12 июня 1812 года Наполеон приказал начать переправу на русский берег Немана через 4 наведенных моста выше Ковно. В 6 часов утра 12 июня 1812 года авангард французских войск вошел в российский Ковно (современный город Каунас в Литовской Республике). Переправа 220 тысяч солдат французской армии (1, 2, 3-й пехотные корпуса, гвардия и кавалерия) под Ковно заняла 4 дня.

17–18 июня около Прены (современный Prienai в Литве) немного южнее Ковно Неман перешла другая группировка (79 тысяч солдат: 6-й и 4-й пехотные корпуса, кавалерия) под командованием пасынка Наполеона принца Богарнэ.

18 июня еще южнее, под Гродно, Неман пересекли 4 корпуса (78–79 тыс. солдат: 5-й, 7-й, 8-й пехотные и 4-й кав. корпуса) под общим командованием брата императора, Жерома Бонапарта.

Севернее Ковно, под Тильзитом, Неман пересек 10-й корпус французского маршала Макдональда.

На юге от центрального направления со стороны Варшавы реку Буг пересек отдельный австрийский корпус

Шварценберга (30–33 тыс. солдат). Он подчинялся своим генералам.

Был ли план? И чей?

Русскую армию трудно назвать и малочисленной, и слабой. При общей численности войск в 360–380 тысяч человек, из них 60–70 тысяч кавалерии, 35–40 в артиллерии при 1600 пушек. Да еще 100–110 тысяч казаков и 105 тысяч гарнизонных солдат.

Если бы эта сила была бы сконцентрирована в одном месте, можно было бы и попытаться разбить Наполеона в чистом поле. Но армия была разбросана, потому что прикрывала всю громадную Западную границу Российской империи.

110–132 тысячи было в 1-й армии Барклая в Литве, 39–48 тысяч во 2-й армии Багратиона в Белоруссии. 40–48 тысяч в 3-й армии Тормасова на Украине – в основном эта армия стояла против австрийской. Еще 52–57 тысяч стояли на Дунае и дошли до района военных действий только в октябре. 19 тысяч стояли в Финляндии. Их двинули бы только для прикрытия Петербурга. Остальные войска стояли гарнизонами по всей империи, или находились на Кавказе. Отсюда они не могли уйти, их уход давал возможность новых набегов.

Основные силы Наполеона вклинивались между 1-й и 2-й армиями Барклая и Багратиона. Почти не встречая сопротивления, Наполеон быстро пошел вперед. Император Александр I узнал о начале вторжения поздно вечером 12 июня в Вильно (современный Вильнюс, столица Литовской Республики). 14 июня армия Барклая вышла из Вильно, и 28 июня прибыла в Дрисский укрепленный лагерь на Западной Двине (на севере современной Белоруссии).

В русской армии шли споры о том, как вести кампанию. Большинство офицеров и генералов рвались в бой. Это как нельзя больше отвечало чаяниям Наполеона: дать генеральное сражение. А у русских было 2 отдельные армии! Бить противника порознь Наполеон всегда очень любил.

Еще была идея засесть в Дрисском лагере и в нем обороняться. Эта «гениальная» идея большого теоретика Пфу-

ля, или Фуля, могла дорого обойтись русской армии: скорее всего, ее пленили бы или выморили голодом, как Кутузов – турецкую.

Прусский генерал Карл Людвиг Август фон Пфуль (1757–1826), служил в прусском генеральном штабе, и славился, как военный теоретик. По мнению его сослуживца и подчиненного, фон Клаузевица, «он был очень умным и образованным человеком, но не имел никаких практических знаний. Он давно уже вел настолько замкнутую умственную жизнь, что решительно ничего не знал о мире повседневных явлений. Юлий Цезарь и Фридрих Второй были его любимыми авторами и героями. Он почти исключительно был занят бесплодными мудрствованиями над их военным искусством»¹.

После сражения при Йене Пфуль был принят на русскую службу. Блестящий теоретик?! Из Германии?! Александр I поручил ему составить план военных действий в 1812-м. К счастью, удалось убедить царя не дожидаться Наполеона в Дрисском лагере...

Хотя есть в этом некая тайна, одна из странностей 1812 года. Как-то уж очень много Александр I говорил про Дрисский лагерь, строил планы, спорил, пытался переубедить свое окружение... А потом буквально мгновенно «дал себя уговорить». Уж не вводил ли он в заблуждение Наполеона и всю его разведку? Зная Александра I Павловича, это нельзя исключить.

Была, правда, у Фуля и еще одна идея. Идея удара по растянувшимся коммуникациям Наполеона. Эту идею в ходе кампании осуществили, а отстраненного одно время от дел Пфуля произвели в генерал-лейтенанты и назначили посланником в Гаагу.

А пока армия идет на восток отрываясь от французов. Они входят в Вильно 28 июня. В Вильно Наполеон остается до 4 июля. 2 июля он «воссоздает» Великое княжество Литовское, в составе четырех российских губерний: Виленской, Гродненской, Минской и Белостокской. В них он создает особое «правительство» и провозглашает отмену

¹ Клаузевиц К. фон. 1812. – М., 1937.

крепостного права. Только потом Наполеон едет в армию. Армия же преследует отступающую русскую армию, чтобы разбить ее в первом же генеральном сражении.

Высочайший Манифест

В июне 1812 года по православным церквям Российской империи опять звучит анафема Наполеону.

6 июля 1812 года в церквях начинают читать еще один документ: Высочайший манифест императора Александра I. Вот его текст, благо Манифест невелик:

«Неприятель вступил в пределы НАШИ и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и со-
блазнами потрясть спокойствие Великой сей Державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ее и благоденствие. С лукавством в сердце и лестью в устах несет он вечные для нее цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем в преграду ему войска НАШИ, кипящие мужеством, попруть, опрокинуть его, и то, что останется неистребленного, согнать с лица земли НАШЕЙ. МЫ полагаем на силу и крепость их твердую надежду, но не можем и не должны скрывать от верных НАШИХ подданных, что собранные им разnodержавные силы велики, и что отважность его требует неусыпного против него бодрствования. Сего ради, при всей твердой надежде на храброе НАШЕ воинство, полагаем МЫ за необходимо нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех.

МЫ уже воззвали к первопрестольному граду НАШЕМУ, Москве, а ныне взываем ко всем НАШИМ верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их вместе с НАМИ единокорным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шагу верных сыновей России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом

духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство! вы всегда теплыми молитвами призывали благодать на главу России; народ русский! храброе потомство храбрых славян! ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют.

Для первоначального составления предназначаемых сил предоставляется во всех губерниях дворянству сводить поставляемых им для защиты Отечества людей, избирая их из среды самих себя Начальника над оными и давая о числе их знать в Москву, где избран будет главный над всеми предводитель.

АЛЕКСАНДР

В лагере близ Полоцка, 1812 года июля 6-го дня».

Мне не удалось установить, что означает это «в лагере близ Полоцка»: Дрисский лагерь или что-то иное.

Ополчение

В один день с манифестом вышло воззвание «Первопрестольной столице нашей Москве», содержащее призыв к москвичам организовать ополчение. Такого специального обращения удостоилась только Москва... Может быть, Александр с самого начала предлагал заманивать Наполеона именно сюда?

В Полоцке Александр I покинул армию и быстро уехал как раз в Москву. Его с самого начала убеждали уехать и семья, и высшие сановники империи. 12 июля 1812 года император Александр I прибыл в Москву.

15 июля 1812, в Слободском дворце собралось московское дворянство и купечество. Что характерно, представители благородного и купеческого сословий были размещены в разных залах. Действительно. Россия полыхает, но не мараться же о «длиннобородых», о всяких там сиволапых.

Все участники собрания рассказывали о бурных патриотических манифестациях. Сергей Николаевич Глинка вспоминал: «Жалостью сердечной закипели души русского

купечества. Казалось, что в каждом гражданине воскрес дух Минина. Гремел общий голос: «Государь! Возьми все – и имущество, и жизнь нашу!» Вслед за удалявшимся государем летели те же клики и души ревностных граждан»¹.

Один помещик в приступе патриотического восторга закричал царю: «Государь, всех бери – и Наташку, и Машку, и Парашу!» Это возложение гарема на алтарь Отечества – тоже ведь легко счесть эксцессом...

Немедленно был составлен комитет по организации московского ополчения, состоявший из Аракчеева, Балашова и Шишкова, председательствовал в котором Федор Васильевич Ростопчин.

Комитет выработал положение об организации московского ополчения, впоследствии послужившее образцом для других губерний, в том числе Петербурга.

Никто не собирался спрашивать, собираются ли вонючие мужики воевать. Благородное сословие уговорилось выставить одного ратника с десяти душ своих крепостных. Каждый ратник да будет обеспечен продовольствием на три месяца. Для ополченцев устанавливалась особая форма: русские серые кафтаны длиной до колена, длинные шаровары, рубашки с косым воротом, шейный платок, кушак или фуражка, смазные сапоги. Зимой под кафтан полагалось надевать овчинный полушубок. На головной убор помещалась кокарда с девизом «За веру и царя».

Офицеры же ополчения носили обычный армейский мундир. Отставные офицеры сохраняли свое прежнее звание, а гражданские чиновники вступали с потерей одного классного чина. Итак, ополченцы должны были воевать под командованием своих помещиков или других дворян.

Богатейшие дворяне граф Дмитриев-Мамонов и граф Салтыков выступили с инициативой сформировать два казачьих полка за свой счет и из своих крестьян. Помещики Демидов и князь Гагарин взяли на финансирование формирующиеся 1-й егерский и 2-й пехотный полки.

16 июля московские дворяне вновь собрались, теперь для избрания командующего ополчением. Из 490 депута-

¹ Записки Сергея Николаевича Глинки. – СПб., «Русская старина», 1895.

тов за Кутузова проголосовали 243, за Ростопчина – 225, Гудовича – 198, И.И. Моркова – 58, Н.А. Татищева – 37, П.А. Толстого – 19 и С.С. Апраксина – 17.

Кутузов – в действующей армии, Ростопчин назначен начальником первого округа ополчений, фельдмаршал Гудович совсем стар. Командующим московским ополчением стал граф Ираклий Иванович Морков.

Подчеркиваю: выбирали строго дворяне. Люди других сословий должны были сражаться в ополчении, начальство которого не выбирали. А крепостных и не спрашивали вообще ни о чем.

Царь как бы и начинает герилью... Дворяне готовы выставить 32 000 ополченцев, купцы собрали 2 400 000 рублей. Ликование и экстаз. Но ликование – 3% населения, верхушки. Правительство принимает самые решительные меры, чтобы остальные 97% могли бы идти за 3%... Но не самостоятельно, а по мере того, что начальство велит. Странная эта «герилья», по отношению к которой царь старается, чтобы она не стала «слишком народной»... Слишком от него независимой.

Куда дальше?

Русская армия Барклая вышла из Полоцка 16 июля. Она пыталась соединиться с армией Багратиона. Чтобы соединиться с Барклаем в Витебске, Барклай-де-Толли 25–27 июля 1812 года вел арьергардные бои, чтобы задержать передовые части армии Наполеона.

В этих ожесточеннейших боях происходит два важных случая... Один из них: во время движение основных сил Наполеона к Витебску из леса раздались выстрелы. Наверное, там целая русская часть! Французы ответили беглым огнем. Стрельба не прекращалась, появились раненые. Поставили артиллерийское орудие. Еще с полчаса шла пальба, потом прекратилась.

– Ура! Виват императору!

Храбрые французские солдаты атакуют, цепями идут в лес. А в лесу, рядом с подрубленной ядром березкой, лицом вниз припал к земле русский солдат. Единственный. Кто он был, мы до сих пор не знаем и никогда не узнаем.

Даже памятник некому ставить. Помяни Господи, неведомого нам героя, имя же ему Ты веши. Никаких следов других русских в этом лесу не нашли. Когда французы убедились, что движение многотысячной колонны больше часа сдерживал один человек, Наполеон побурел лицом и заорал: «Дикари!!! Животные!!! Один против пушек?! Дикари!!!! Это не народ, это звери!! Африка!!! Это не Россия, а Африка!!»

Разные источники по-разному воспроизводят завывания императора. Одни рассказывают, что Наполеон катался по земле и дрыгал ногами. Другие – что он только бился о землю головой. Детали вряд ли так уж важны.

Другой случай артиллерийский офицер Г.П. Мешетич описывает так: «В сие время выведен был один батальон пехоты из кустов, множество неприятельских орудий устремилось на него ядрами, целые ряды жестоко вырывались из фронта; когда было доложено графу Остерману-Толстому о напрасной убыли и потере людей, он, под березой стоя, нюхая табак, сказал: «Стоять и умирать¹».

Фраза стала крылатой, но Остерман не только стоял и умирал. Он атаковал французов прямо через лес, вопреки всем правилам тактики того времени. Только когда к Мюрату на помощь подошла дивизия Дельзона из корпуса Евгения Богарне, Остерман отошел к Витебску на новую позицию.

26 июля вечером Барклай получил письмо о том, что Багратион идет к Смоленску. Одновременно пленные показывают: подходит Наполеон с основными силами. Против этих основных сил 1-я армия физически не может воевать.

И тогда Барклай-де-Толли разворачивает армию так, чтобы «становилось очевидно»; русские готовятся к генеральному сражению. Наполеон поверил и велел войскам отдыхать пред завтрашним решающим сражением. Он закричал Мюрату – так, чтобы слышали войска: «Завтра в 5 утра солнце Аустерлица!»

¹ Мешетич Г.П. 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. – М., 1991.

Французы накануне с высот наблюдали развернутую русскую армию на берегах речки Лучесы. Барклай развернул армию так, что они ее больше не видели, а видели только заслон под командованием генерала Петра Петровича Палена. Этот заслон действительно стоял и умирал.

А 1-я армия Барклая в 1 час дня 27 июля бесшумно двинулась тремя колоннами в Смоленск, о чем французы не догадывались. Лесистая местность и заслон Палена скрыли отход русской армии, о котором Наполеон узнал только утром 28 июля.

Преследовать армию французы физически не могли. Генерал Беллиард на вопрос Наполеона о состоянии кавалерии ответил просто: «Еще 6 дней марша, и кавалерия исчезнет». После совещания с военачальниками Наполеон решил остановить дальнейшее продвижение в Россию.

Вернувшись 28 июля в штаб-квартиру в Витебске, Наполеон бросил свою саблю на карту со словами: «Здесь я остановлюсь! Здесь я должен осмотреться, дать отдых армии и организовать Польшу. Кампания 1812 года закончена, кампания 1813 года завершит остальное»¹.

3 августа армии Барклая и Багратиона соединились под Смоленском. Это в очередной раз изменило планы кампании: надеясь все-таки получить свое «генеральное сражение», 12 августа Наполеон опять начал преследование русской армии. Сделал он это после многих и многих колебаний.

Уже в Вильно французы вступили почти без конницы: массовый падеж скота. В Витебске конные части почти исчезли. Не стало лошадей – не стало и подвоза продовольствия из Польши. Ездили-то и возили грузы на лошадях. Падеж громадного стада скота уже закончился: все коровы и быки сдохли, кормить армию сделалось нечем. Великая армия кормилась тем, что командиры дивизий и полков посылали в деревни «фуражирские команды». Эти команды то «покупали» продовольствие за фальшивые

¹ *Count Philip de Segur, History of the expedition to Russia undertaken by the emperor Napoleon in the year 1812, 4.8*

рубли, то просто отнимали у крестьян. Ответом стало бешеное сопротивление.

Уже к концу июля, как раз к Витебску, число захваченных в плен солдат и офицеров фуражных команд превысило 2 тысячи человек. Гнать их в тыл было долго, тратить время на конвоирование никому не хотелось. Французов стали раздавать крестьянам в качестве рабочей силы. Сперва раздавали «за так», потом казаки сообразили, что можно сделать на пленных небольшой бизнес: продавали их то по полтиннику, а потом, войдя во вкус, по рублю. Крестьяне возмущались «ростом цен». Если учесть, что хорошая дойная корова стоила тогда 50–60 копеек, понять их можно.

Все воспоминания уцелевших участников русского похода были полны такими впечатлениями: «Почти во всех местах, куда мы приходили, съестные припасы были вывезены или сожжены... деревни были пусты, жителей не было: они убежали, унося с собой провизию в большие окрестные леса». Это слова капитана швейцарской гвардии Г. Шумахера.

А вот – немца-врача: «Мы с каждым днем приближались к Вильно, дни стояли теплые. Во всех отношениях мы перебивались кое-как, уже мало было хлеба, а мука, молоко, вино и водка сделались большой редкостью. Купить ничего нельзя было, потому что маркитанты не поспевали за нашим быстрым передвижением. Офицеры должны были довольствоваться тем, что добывала воровством и грабежом их прислуга... поэтому в первые дни за Неманом общая нужда вызвала крупнейшие беспорядки»¹.

Когда же отряды фуражиров начали преследовать крестьян, те ответили активным вооруженным сопротивлением.

Крестьянские бунты и партизанщина страшно мешали снабжению. Многие крестьяне согласны были отложиться от Российской империи – но вовсе не потому, что хотели быть подданными Французской. Они просто стреляли вообще во всех, кто в мундире – неважно, каком. И с по-

¹ Росс Г. С Наполеоном в Россию. Записки врача Великой Армии. – М., 1912, с. 10–11.

мещиками боролись, каковы бы они ни были, тем более в западных областях России, крестьяне были русские, а помещики в основном поляки¹.

В Борисовском уезде Минской губернии крестьяне четырех деревень со всеми семьями и скотом ушли в леса. Там они организовали отряд самообороны и начали нападать как на французских фуражиров, так и на усадьбы местных помещиков. По жалобам помещиков оккупационная администрация направила в уезд карательный отряд. Крестьянский отряд разбили, часть его членов похватали и привезли в Минск, где судили военно-полевым судом, а вовсе не по Кодексу Наполеона.

Необходимость организации снабжения заставила Наполеона отказаться от раскрепощения крестьян даже в Великом княжестве Литовском. Комиссар при марионеточном «правительстве» Великого княжества аббат Э. Биньон с молчаливого согласия Наполеона вскоре издал прокламацию: «Впредь не предполагается никакой перемены... в отношениях между господами и подданными». То есть отменил данную Наполеоном «вольность».

Маршал Даву на собрании дворян Могилевской губернии в июле 1812 выразился с определенностью военного человека: «Крестьяне останутся по-прежнему в повиновении помещикам своим...»

Переписка Наполеона в июле – августе полна жалоб на большие потери его армии именно среди команд фуражиров, которых уничтожали в лесах и отдаленных деревнях крестьяне. И тогда «Робеспьер на коне» отдает прямо противоположный приказ – с начала августа 1812 г. специальные команды начинают вылавливать бежавших в отдаленные хутора и фольварки от мародеров Великой армии помещиков. Ловят их не для чего-то плохого, их просто ставят на прежние места, отдают им в управление крестьян, и заключают простой договор: французы охраняют их от крестьянских повстанцев, партизан и мародеров, а они должны поставлять французам вино, муку, скот

¹ На самом деле не поляки, а ополяченные русины... Но это в данном случае не важно. Подробнее в моей книге: *Бушков А.А., Буровский А.М.* Россия, которой не было-2. – М., 2000.

и фураж. Целая экспедиция по «классовому спасению» помещиков!

Молодой русский офицер Александр Чичерин, вступив в ноябре 1812 г. со своим полком в одну из губерний Белоруссии, с удивлением отметил, что жители этой губернии не разорены. Они добровольно все предоставили французам, устроили для них магазины фуража и продовольствия и большею частью сохранили свои дома и скот». ...«Жадные и корыстные помещики, – записывал А.В. Чичерин 2 ноября 1812 г. в своем дневнике, – остались в своих владениях, чтобы избежать полного разорения, и, волею-неволею содействуя замыслам неприятеля, открыли ему свои амбары; проливая неискренние слезы и рассуждая о патриотизме, они верности отечеству предпочли удовлетворение своего корыстолюбия»¹.

Это оказалось эффективным в той же степени, что и сохранение колхозов нацистами в 1941 году. Для того чтобы война стала гражданской для народов СССР, необходимо было распустить колхозы. Но для снабжения вермахта было выгоднее, чтобы колхозы оставались.

Так и здесь – сиюминутные интересы возобладали над стратегией. Французам было удобнее создать слой людей, которые были бы просто вынуждены снабжать их армию. Помещиков не нужно было репрессировать: достаточно было бы их перестать защищать, и их немедленно перебили бы партизаны.

Несостоявшийся якобинец

Есть много таинственного в кампании 1812 года. Какая-то цепь несчастий обрушилась на Наполеона, какая-то особенная мера невезения. Но и собственные решения Наполеона, мягко говоря, не лучшие. Граф Лев Толстой высмеивает историков, которые объясняли поражение под Бородином насморком Наполеона: якобы простудился и потому плохо, хуже обычного, командовал. Вот был бы здоров!!!

¹ Дневник Александра Чичерина. 1812–1813. – М., 1966.

Но были решения намного более фатальные и важные, чем принимаемые в ходе любого, даже самого судьбоносного, сражения. Стоя в Вильно и в Витебске, он сначала дает и тут же отнимает волю у крестьян Великого княжества Литовского. Отнимает – хотя у крестьян Польши и Германии не отнимал. Тем более он не дает воли ВСЕМУ крестьянству Российской империи.

Много позднее, уже в своей последней ссылке на острове Св. Елены, Наполеон очень сокрушался, что не довел до конца свой план, выработанный накануне кампании 12-го года: замысел дать «волю» всем крепостным России. Своему лечащему врачу О'Меара он в 1817 г. заявил: «Я провозгласил бы свободу всех крепостных в России и уничтожил бы крепостнические права и привилегии дворянства. Это создало бы мне массу приверженцев».

Несомненно! Обязательно создало бы. В апреле 1812 г. московские городовые занимались своеобразным делом: соскабливали со стен и ворот нескольких домов сделанную масляной краской надпись: «Вольность! Вольность! Скоро будет всем вольность!» Полиция проводит дознание и в конце концов арестовывает двух дворовых людей. Звали их Петр Иванов и Афанасий Медведев. Они читались французских прокламаций и уверяли: «Скоро Москву возьмут французы... Скоро будут все вольные, а помещики же будут на жалованье...»

Стоило Наполеону издать «Манифест о воле», и таких энтузиастов было бы не 2 человека, а как бы не все 20 тысяч (впрочем, мы ведь не знаем, всех ли смутьянов взяла полиция. Могло быть и многолюдное подполье). Такой манифест поставил бы русский народ в еще более сложное положение, чем немцев, испанцев и итальянцев: между свободой и патриотизмом. Почему в «еще более сложное»? Потому что нигде крепостное право не было настолько жестоким и страшным. Потому что нигде больше народ не распадался на бородатых туземцев и бритых европейцев, которые сидели у туземцев на шее и мордовали их, как хотели.

Правительство и дворянство Российской империи больше всего боялось именно «воли». Наполеон был слишком

хорошим психологом, слишком хитрым и проницательным человеком, чтобы этого не понимать.

Наполеон отлично понимал и то, что «воля» – самое большое, что он может дать русскому простонародью. Это то, что от него ждут больше всего. С таким же восторгом, с каким ужасом ждали дворяне.

Почему же Наполеон не издал Манифеста о воле? Кто мешал?

Уже в 1814 году, в Париже, он писал: «Я мог поднять большую часть населения, провозгласив свободу крепостных... Но когда я узнал, в какой грубости находится этот класс русского народа, я отказался от такой меры, которая обрекала столько семей [дворян, естественно, помещиков. – А.М.] на смерть и страдание».

В общем, сострадание к образованному классу, к русским европейцам, помешало ему провозгласить «Манифест о воле». Правда, что-то тут не состыковывается: например, сказанные Меттерниху слова: «Торжество будет уделом более терпеливого. Я открою кампанию переходом через Неман. Закончу я ее в Смоленске и Минске. Там я остановлюсь».

Коленкур в мемуарах вспоминает фразу Наполеона: «Он заговорил о русских вельможах, которые в случае войны боялись бы за свои дворцы и после крупного сражения принудили бы императора Александра подписать мир»¹.

В общем, помещики испугаются, и после первого же поражения русской армии заставят Александра подписать мир. В общем, неясно это все. И представить себе Наполеона, который кому-то сострадает, очень трудно. Кроме того, ведь и угроза раскрепощения крестьян – прекрасный способ, чтобы помещики хорошенько испугались.

Есть несколько причин, по которым Наполеон мог отказаться от раскрепощения русских крестьян.

Первое – это угасание революционного порыва. Действительно, «генерал революции» – это прошлое. Наполеон уже давно маршал и император, но не революционер.

¹ Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. – М., 1994.

Он не в большей степени якобинец, чем король Швеции и Норвегии Карл XIV Юхан.

На Бородинском поле его же собственные генералы и маршалы смеялись, когда Наполеон приказал играть «Марсельезу» полковым оркестрам при 6-й и 7-й атаках Семеновских флешей. Ведь сам Наполеон, став в 1804 г. императором, запретил в армии этот революционный гимн. «Марсельезу» пели его враги: те, кто считал Наполеона «предателем революции». Например, генерал В. Моро и его сторонники уже идя на свой расстрел, пели «Марсельезу».

Для солдат же Нея и Даву звуки «Марсельезы» были или воспоминанием детства, или они их вообще никогда не слышали. «Марсельеза» на поле Бородина – это смешная и жалкая попытка уцепиться за собственное прошлое.

Бывший полуякобинец и бывший корсиканец Наполеон Бонапарте превратился во французского императора Наполеона. Освобождать и раскрепощать для него не более естественно, чем «Марсельеза». Это может быть частью политики, но и не более того.

Второе. Имея дело с верхушкой русского дворянства, Наполеон и другие политики и военные деятели Европы имели дело не просто с европейцами по цивилизационной принадлежности. Они имели дело с людьми, которые осознавали себя и вели себя как французские эмигранты в Россию.

Общеизвестно, что весь образованный слой России свободно владел по крайней мере французским и немецким языками. Граф Лев Николаевич Толстой не переводил французских и немецких речей и текстов: читатель, для которого предназначались книги, не мог не понимать этих языков.

Вопрос – а в какой степени свободно было владение языками? Ответ – как родными, то есть без акцента. Пьер Безухов пытается говорить французскому офицеру, что он не француз. И слышит вполне определенное:

– Расскажите вашей бабушке!

Даже если уважаемый читатель владеет каким-либо языком свободно, он вряд ли сможет выдать себя за немца

в Германии или за француза во Франции. А Пьер Безухов делал это без труда.

Ладно, это литературный персонаж (хотя и отражающий историческую реальность). Но вот в 1813 году русский офицер Александр Фигнер проникает в осажденный русскими и прусскими войсками Данциг (современный польский Гданьск). Он выдает себя за сына итальянского купца Малагамба. Французы сильно подозревают в нем шпиона, сажают в крепость и всячески проверяют. Они даже зовут в качестве экспертов итальянцев, знающих Милан и семью Малагамба. Побеседовав по-итальянски с Фигнером, итальянские купцы торжественно заверяют французского коменданта: да, это молодой Малагамба! Он коренной итальянец, клянемся святой Евлалией, покровительницей Милана! Подозрения коменданта совершенно рассеяны, и он поручает «Малагамбе» отвезти его письмо Наполеону. Фигнер, естественно, доставляет его русскому командованию.

Между прочим, случай совершенно подлинный.

Так вот, во время войн русской армии в Европе Наполеон и его офицеры имели дело с этим, совершенно «своим» для европейцев, слоем. Они знали, что большинство населения России – дикие бородатые мужики, но ведь они этих страшных мужиков отродясь не видели. Они не знали языка бритых рядовых солдат и понимали, что эти солдаты прямо происходят от страшных бородатых мужиков. Но все вопросы понимания этого слоя во время войн в Италии в Пруссии вполне можно было и не решать.

Теперь же Наполеон столкнулся с людьми, которых совершенно не знал и не понимал. Он частью видел, частью интуитивно чувствовал, что русские туземцы думают и чувствуют как-то по-своему. Но... как именно? Народ, среди которого шла Великая армия по Белоруссии, оставался для него непонятным, а потому пугающе непредсказуемым.

В Италии, в Польше и Пруссии крестьяне радовались свободе, кричали «виват императору», и все было совершенно замечательно. А вот в Белоруссии того эффекта, на который рассчитывал Наполеон, раскрепощение не

произвело. Ведь крестьяне получили лишь личную свободу, а земля осталась у польских помещиков. Тут же пошел слух: Наполеон – это «истинный царь», он несет «истинную волю». Старообрядцы добавляли, что он – предсказанный еще в XVII веке «царь Развей». Наполеон-то дал волю «настоящую», вместе с землей, а помещики утаили подлинный указ Наполеона о «полной воле». Начались нападения крестьян на помещичьи усадьбы, причем крестьяне искренне считали себя воинством «истинного царя», борющимся с «изменниками», которые украли настоящий указ, подменили его на нелепую «кущую волю».

Русские крестьяне в отличие от европейских верили, что земля Божья. И в то, что существует «настоящая воля», правильная с точки зрения традиций и религии. «Настоящую волю» дает «истинный царь». Вопрос, конечно, истинный ли царь Наполеон?! В Польше и в Италии никому в голову не пришло бы выяснять, «настоящий» ли Наполеон король, и не имеет ли он чего общего с королем Артуром, Нибелунгами и другими фольклорными вождями и монархами. В России же был случай...

В 1912 году стали искать долгожителей, которые помнили бы войну 1812 года. Одного вроде нашли. Спрашивают:

- Так видел ли ты, дедушка, Наполеона?
- Как не видеть, видел.
- Хорошо видел?
- Как тебя вижу, и его видел, рядом стоял.
- И какой он был, Наполеон?

– А вот такой: с сосну ростом, весь здоровый, бородишша во – по колена! В руке дубина, что ни мне, ни тебе не поднять, глазища страшные! Зыркает! Одно слово: ампиратырь!

Отзвуки этой истории есть в рассказах современников Чехова и Куприна. Но история – подлинная.

Мы можем только догадываться, кого же именно видел в молодости и принял за Наполеона долгожитель... может, «снежного человека»? Или и правда видел Наполеона, а потом постепенно сформировал в своем сознании «правильный» образ? Тем более, можно только предполагать, ка-

кие слухи о нем самом и о «воле» докладывали Наполеону. Но опасаться давать Манифест о свободе всего русского крестьянства у него были основания: последствия непредсказуемы.

На краю изведанных земель

Формально граница Европы и Азии с середины XVIII века пролегла уже не по Волге, а по Уральскому хребту. Культурно-исторической границей Европы было пространство востока Речи Посполитой, Великое княжество Литовское и Русское. Диковатый такой предел, но понятный. К востоку же от границ бывшего Великого княжества Литовского и Русского, аннексированного в 1795 году, простирались земли совершенно неведомые.

Даже намного позднее, весь XIX век, географически громадная Российская империя была исследована хуже и известна меньше, чем Южная, а тем более чем Северная Америка. По Южной Америке к 1800 году прошли десятки научных экспедиций, результаты которых публиковались в Британии и во Франции. Территорию США и Канады изучали еще более тщательно. Были там, конечно, и белые пятна, но с Россией совершенно несравнимо. Изучить Индию британцы считали делом чести.

Британцы приезжали в Московию через Архангельск и редко забирались дальше Москвы. В Российскую империю XVIII века они ехали через Петербург, но и тогда чаще всего знакомы были только с Москвой и с почтовыми станциями между Москвой и Петербургом. Крайне редко они добирались до среднего течения Волги или бывали в крупных провинциальных городах. И только. Русская деревня, маленький город, большая часть территории страны вообще была «землей незнаемой». И прочитав было негде.

В результате уровень знаний о России в «передовых» государствах того времени, Британии и Франции, соответствует уровню знаний разве что об Африке. В какой-то мере это объясняется континентальностью страны. На Дальний Восток даже царский фельдъегерь, меняя лошадей и притом по зимней дороге, скакал 5–6 месяцев. Парусник такое же расстояние преодолевал за полтора-

два месяца. В результате до построения Транссибирской магистрали в конце XIX века Сибирь была известна не больше, чем Бразилия или бассейн реки Конго. Ходили дичайшие слухи о бегемотах, которыми кишит река Лена (с зубами бегемотов перепутали моржовые клыки), о впадающих в спячку людях и чуть ли не о человечках с собачьими головами.

Причем есть тут одна важная тонкость. Академические экспедиции середины XVIII века, путешествия по России «русских немцев» П. Палласа, И. Фалька, С. Гмелина, Д. Мессершмидта все же сделали территорию Российской империи более известной. Результаты исследований публиковались обычно на немецком языке¹.

С легкой руки М.В. Ломоносова полагалось считать, что немцы в Академии наук мешали развитию русской науки, не пропускали русских к вершинам образования, и что русская ученость пробивала себе дорогу в неустанной борьбе с немецкой.

Легко показать, что эта идеология не имеет ничего общего с действительностью и что немцы выступили в роли «стрелочников», тех общих врагов, на крови которых сплачивают «своих»². История экспедиций Петербургской академии наук в Сибирь показывает нам не противостояние немцев и русских, а два совсем других противостояния. Работу русских и немецких ученых часто пытались отрицать, а значение ее преуменьшать как раз французские ученые. Французы были убеждены в своем превосходстве и очень страдали, когда оказывалось – «превосходство» это дутое. В XVIII веке немецкая наука сделала рывок, который вывел ее в XIX веке в мировые лидеры. Российская наука сделает такой же рывок в XIX веке и займет место немецкой после Второй мировой войны. Французы же в XVIII веке не столько пользовались разумом, сколько ему поклонялись, и очень обижались, если кто-то не хотел поклоняться вместе с ними.

¹ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Vol. 1–4. Berlin, 1962–1968.*

² История Сибири. Том второй. Сибирь в составе феодальной России. – Л., 1968. с. 240–270.

Жозеф Никола Делиль, член Петербургской АН в 1726–1747 годах, позволил себе поступок, совершенно немыслимый для немецкого ученого: в 1739–1740 гг. он заведовал Географическим департаментом АН, и сознательно затягивал составление «Атласа Российского», который вышел в 1745 году, после отстранения Делиля.

Одновременно Ж.Н. Делиль тайно отправил во Францию ряд карт и материалов Камчатских экспедиций и без согласия АН опубликовал эти карты. Причем приписал все открытия и составление карт выдуманному им испанскому адмиралу де Фонта. Пусть будет чья угодно заслуга, только бы не россиянам!

Делиль совершенно справедливо был лишен пенсии, назначенной после ухода из академии в 1747 году, но книга-то его вышла...

Что до самого Атласа, то передам слово великому математику Леонарду Эйлеру, в это время русскому академику: «Многие карты атласа не токмо гораздо исправнее всех прежних русских карт, но еще и многие немецкие карты далеко превосходят». И: «кроме Франции, ни одной земли нет, которая бы лучшие карты имела»¹. Вероятно, ревность к работе такого класса, потеря Францией приоритета и спровоцировала Делиля на его, говоря мягко, неакадемичный поступок.

Так вот: Наполеон мог бы знать Россию намного лучше, если бы дал себе труд почитать и послушать немецких ученых и путешественников. Но немецкого языка он не знал и не любил, а немцев считал сентиментальными старательными дураками.

Наполеон пользовался сведениями и картами, опубликованными в пресловутой «Энциклопедии». Но в «Энциклопедии» не было даже статьи с названием «Россия». На одной из опубликованных там карт на месте Европейской России стояло: «Московия», а за Уралом красовалась «Великая Татария». Были и другие, еще более сюрреалистические карты. На некоторых из них прямо за Уралом начинался Китай. Карты были... выпускали их в России и в Германии.

¹ Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. – Л., 1970. с. 57.

Прусский учитель схватился бы за розгу, скажи ученик такую глупость. Учитель русских барчуков Карл Иванович заплакал бы, сострадая их невежеству. Но французские дикари, завывая про «культ разума», составляли эти фантастические карты, публиковали их и учились по ним. Даже украденное Делилем в России впрок не пошло. Впрочем, и нет никакой России, есть Московия и Великая Татария.

Одну из карт, где за Уралом сразу Китай, обнаружили в материалах походной канцелярии начальника штаба Великой армии Бертье. Русские редакторы советского времени отказывались публиковать эту карту: НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!!! Наполеон ведь гений, а французская «Энциклопедия» – великая, она собрала все знания человечества (про то, например, как попы обманывают рабочих, придумывая метеориты).

Стоит ли удивляться, что незадолго до Тильзита Наполеон посылал в Китай дипломатическую миссию – нельзя ли заключить с Китаем союз против России? Логично: если китайский император может двинуть войска прямо от Челябинска и Оренбурга, то почему бы и нет? Жаль, что Наполеон не пытался заключить такой же союз с монгольским ханом, монархом Великой Татарии или с народом человечков с песьими головами, впадающих в зимнюю спячку охотников на арктических бегемотов. А может, и пытался, только мы этого пока не знаем.

Во всяком случае, надо четко понимать: для Наполеона и офицеров его штаба, выкормышей Французской революции и жертв нелепой национальной напыщенности, провинциальнейшей убежденности в своем величии, Россия была совершенно неизвестна и непонятна. Выйти из Витебска и вступить в пределы Великороссии значило для него примерно то же, что начать экспедицию в Амазонию или в глубины Африки.

Конец Польской кампании

Стоя в Витебске, Наполеон находился на границе коренных земель России. До разделов Польши это и правда были земли Великого княжества Литовского, часть

разделенной Речи Посполитой. Тому минуло всего 17 лет с 1795 года, с последнего, с Третьего раздела Польши.

Пока есть смысл называть этот поход Второй Польской кампанией. Пока Наполеон вроде как бы восстанавливает Речь Посполитую, «несправедливо уничтоженную» Российской империей. Пока что он посягает на Российскую империю, на государство.

Подтягиваются войска, расстроенные после 400 км наступления – причем без регулярного снабжения. Уже стало голодно и страшно, непонятно и опасно. Польский поход окончен: русские войска вытеснены с территории Речи Посполитой. Можно провозгласить восстановление этого государства, если хочется. Можно оставаться в Польше и одновременно провозгласить раскрепощение всего русского крестьянства. Свою же армию объявить залогом русского счастья. Александр даже ополчение мыслит с сохранением сословий! А я, Наполеон Бонапарт, император Французской республики, дарю вам всем свободу! Гарантом же того, что вы получите желаемое, служит моя Великая армия, военная сила! Идите ко мне, я сделаю вашу страну передовой и свободной!

Если бы Наполеон поступил так, он, скорее всего, вызвал бы в России гражданскую войну. И тогда вторжение 1813 года прошло бы уже в глубь полыхающей, ослабленной державы. Последствия непредсказуемые, и скорее всего, результатом его стало бы возникновение совсем другой, незнакомой нам России, с другим политическим строем, с другой историей.

Пойти в Россию в 1812 году означало:

1. Окончить Польскую кампанию и тут же начать новую.
2. Начать эту новую кампанию с уставшей, полуголодной армией, не оправившейся от удивительного мора.
3. Покинуть знакомые европейцам земли и вступить в совершенно непонятные и незнакомые области.
4. Иметь дело с противником, логика и поведение которого непонятны и непредсказуемы.

Идти в Россию, не объявляя свободы крепостным, означало:

1. Обмануть ожидания миллионов людей.

2. Иметь дело со сплоченным, не расколотым внутренне народом.

Если бы Наполеон остался в Витебске и провозгласил свободу, он с 90%-й вероятностью стубил бы Российскую империю.

Вторгаясь в Россию в августе 1812 года, он почти гарантированно давал себя победить. И читатель еще удивится, что я называю Наполеона Спасителем?!

Глава 2.

ЗАМАНЕННЫЙ НАПОЛЕОН

Французы разорили мой дом и идут разорять Москву, они оскорбили и оскорбляют меня всякую секунду. Они враги мои, они преступники все по моим понятиям. И так же думают Тимохин и вся армия. Надо их казнить.

Граф Л.Н. Толстой

Куда идти?

Итак, главный выбор: зимовать на территории Великого княжества и начать воевать в 1813 году?

Второй выбор: объявлять / не объявлять свободу?

И только на третьем месте выбор: если продолжать наступление в 1812 г., то куда идти: на Петербург или на Москву?

Наполеон первоначально планировал идти как раз на Петербург: и дорога ближе, и все же столица. Петербург был столицей России. Ее падение предreshало исход войны. Наполеон не мог мыслить по-другому.

Сразу идти на Петербург? Там Швеция. Там неблагодарный Бернадотт... Но ведь идти на Петербург можно не только вдоль берега Балтики, через Ригу. Идти на Петербург можно и из глубины России. Уже во время похода 1812 года была сделана такая попытка.

Угроза Петербургу

В июле 1812 года операция по захвату Петербурга была поручена маршалу Удино, дивизии которого были составлены из самого отборного войска, оставшегося в истории под именем «дикие» или «адские легионы». Мар-

шалу ставилась задача изолировать Петербург от России, отрезать от него русские войска, прижать их к Рижскому заливу, где их гибель казалась в то время неизбежной. Удино был так уверен в победе, что, говоря, расставаясь с Наполеоном, сказал: «Прощайте, ваше величество, но извините, если я прежде вас буду в Петербурге».

16 июля русская армия продолжила отступление через Полоцк на Витебск, оставив для защиты Петербурга 1-й корпус генерал-лейтенанта Витгенштейна.

В самом Петербурге к эвакуации всерьез готовились все военные и гражданские учебные заведения, в том числе и Царскосельский лицей. Он должен был переехать или в эстонский город Ревель, или в финский Або (современные Таллин и Турку). Сохранились отчеты о закупке специальных контейнеров для имущества и теплой одежды для воспитанников. С переездом торопили. Только благодаря директору лицея Энгельгардту, которому хотелось отметить годовщину открытия лицея в Царском Селе, дотянули до 19 октября. А на следующий день появилось сообщение, что 19 октября Наполеон покинул Москву.

Среди прочих ценностей предполагали вывезти в Вологду памятник Петру I, знаменитый «Медный всадник». Для этого были приготовлены специальные плоскодонные баржи, выработан подробный план эвакуации. Но тут майора Батурина стал преследовать один и тот же таинственный сон. Во сне он видел себя на Сенатской площади, рядом с памятником Петру Великому. Вдруг голова Петра поворачивается, всадник съезжает со скалы и по петербургским улицам направляется к Каменному острову, где жил в то время император Александр I. Медный всадник въезжает во двор Каменноостровского дворца, из которого навстречу ему выходит озабоченный государь. «Молодой человек, вот до чего ты довел мою Россию! – говорит ему Петр-Медный всадник. – Но знай, что пока я на месте, моему городу нечего опасаться!» Затем всадник поворачивает назад, и снова раздается звонкое цоканье бронзовых копыт его коня о мостовую.

Майор добивается свидания с личным другом императора, князем Голицыным, и передает ему виденное во сне.

Пораженный его рассказом князь пересказывает сновидение царю. Легенда утверждает, что именно после этого Александр отменяет решение о перевозке монумента в Вологду (только бесконечно прозаичные люди могут связывать это решение с известиями о поражении отрядов Наполеона, шедших на Петербург). Статуя Петра остается на месте, и, как это и было обещано во сне майора Батурина, сапог наполеоновского солдата не коснулся петербургской земли.

Интереснейшая деталь: во время Второй мировой войны ленинградцы верили, что пока в незащищенные памятники Суворову, Кутузову и Барклаю-де-Толли не попадет хотя бы один снаряд, сапог нацистского солдата не коснется ленинградской земли. Так и получилось. Мистика? Истории, хотя бы косвенно связанные с Наполеоном, пронизаны мистикой.

Если Петербург избежал оккупации чудесным образом, то известен и автор этого рукотворного «чуда»: им стал командующий корпусом на петербургском направлении генерал-фельдмаршал, светлейший князь Петр Христианович Витгенштейн.

28 июля 1812 г. Удино занял деревню Клястицы, на севере Белоруссии. У него было в наличии 28 тысяч солдат и 114 пушек против русских 17 тысяч. Тем не менее Витгенштейн решил атаковать, пользуясь растянутостью французских сил. Впереди двигался авангард Кульнева (3700 всадников, 12 орудий), за ним следовали основные силы Витгенштейна (13 тысяч солдат, 72 орудия).

28 июля 3 конных полка французов (12 эскадронов) были неожиданно атакованы 4 эскадронами Гродненского гусарского полка под командованием генерал-майора Кульнева с присоединившимися к атаке 500 казаками. Несмотря на численное превосходство французы были опрокинуты.

Поражение Удино было настолько сокрушительным, что он предпочел отступить за Двину, оставив за собой укрепленный Полоцк. Таким образом, наступление французов на Петербург (по крайней мере, этими силами) провалилось.

Витгенштейн в рапорте царю Александру I исчислил количество пленных в 3 тысячи, число убитых и раненых французов он оценил со слов пленных в 10 тысяч.

Это была первая крупная победа в войне 1812 года с Наполеоном. Император Александр I называл Витгенштейна спасителем Санкт-Петербурга и наградил орденом Святого Георгия второй степени.

Авторитет генерала Витгенштейна взлетел до небес, он получил почетное звание «защитника Петрова града», впервые прозвучавшее в песне, заканчивавшейся словами: «Хвала, хвала, тебе, герой! Что град Петров спасен тобой!»

В историю городского фольклора он вошел под именами «Герой Петрополя» и «Спаситель Петербурга».

Александр Сергеевич Пушкин уверял, что:

«Хорошие стихи не так легко писать,

Как Витгенштейну французов побеждать».

Через четверть века после описываемых событий автор книги «Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии» И.И. Пушкарев писал: «Вероятно, многим жителям столицы памятно то время, когда толпы народа с искренним излиянием своей признательности приветствовали спасителя Петербурга П.Х. Витгенштейна, но не одни современники, история и потомство вполне оценят подвиг его»¹.

Даже странно на первый взгляд, что в Петербурге не сохранилось ни памятников, ни мемориальных досок, ни топонимических мест в честь Витгенштейна. Только портрет в числе прочих в Военной галерее Зимнего дворца. Почему так?!

Да потому, что народная память творила миф. Миф был целиком связан с Москвой. Петербургское направление не оставило в народной памяти буквально никакого следа. После поражения войск Удино, шедших на Петербург, московское направление для Наполеона осталось единственным.

Опасаясь действий Витгенштейна на путях снабжения «Великой армии», Наполеон был вынужден ослабить глав-

¹ Пушкарев И.И. Путеводитель по С.-Петербургу и окрестностям его. – СПб, 1843.

ную группировку войск, послав на помощь Удино корпус Сен-Сира. Но упорно шел на Москву. Почему? Он же первоначально собирался брать Петербург?

Но если быть точным, Наполеон изначально не собирался брать и Петербурга. Он собирался оторвать от Российской империи области Великого княжества Литовского и Русского, а «заодно» разбить русскую армию на западных границах, повторяя Аустерлиц и Фридланд.

Идея брать Петербург («бить Россию по голове») появилась уже после того, как генеральное сражение не состоялось. И после поражения Удино Наполеон пошел вовсе не на Москву. Он вообще собирался зимовать в Белоруссии. В начале августа Наполеон пошел вовсе не к Москве, а к Смоленску. И пошел ровно потому, что под Смоленском соединились армии Барклая и Багратиона. Наполеону «засветило» новое генеральное сражение. Разбить русскую армию, и пусть перепуганные помещики просят своего царя о мире!

Генеральное сражение стало для Наполеона морковкой перед носом осла. Если бы морковка повисла на петербургском направлении, он двинулся бы именно туда. Но морковка висела над Смоленском...

Поход в Великороссию

К 16 августа Наполеон подошел к Смоленску со 180 тысячами. Большинство в русской армии хотело того же, что и Наполеон: генерального сражения. Руководство же по-прежнему хотело одного: заманивать Наполеона как можно дальше в глубь России. Чтобы коммуникации все больше растянулись, их было бы легче перерезать, нанося французам как можно больший ущерб.

Эту тактику приписывают именно Кутузову. Как ни удивительно, ее приписали Кутузову буквально во время событий и сразу после кампании 1812 года. Вроде все знали, что «тактику растянутых коммуникаций» придумал тот же Пфуль, что придумал и Дрисский лагерь. Все знали, что это Александр I проводил эту линию и ее неукоснительно придерживался шотландец Барклай-де-Толли.

Но народ пребывал на взлете национальных чувств. Народ творил легенду и хотел приписать все заслуги одному культовому лицу: «чисто русскому» Михаилу Илларионовичу Кутузову. Вот и получилось, что Александр как-то почти и ни при чем. У коммунистов даже частенько получалось, что он только мешал Кутузову. Барклай-де-Толли, как известно, был трусоват, нерешителен, слаб духом и вообще проводил неправильную, не национальную линию. А что ее же проводил и Кутузов, ему полагалось прощать. Это Барклай-де-Толли в народном сознании стал «болтай, да и только».

Тактику заманивания приписали одному Кутузову, и порой у историков даже хватает совести говорить о его «татарской» (спасибо, хоть не «монгольской») тактике. Но татарские предки Кутузовых были вовсе не монгольскими соратниками Батыея, а приличнейшими земледельцами, создателями городской цивилизации на Волге, и в XIII веке разделили судьбу Руси, погибая под кривыми саблями степных дикарей.

И не надо никаких ни татарских, ни славянских, ни германских корней, никакой «исторической памяти», чтобы оценить реальность, масштабы страны, характер армии Наполеона, его собственный характер, и делать то, что и делало руководство Российской империи и русской императорской армии.

Под Смоленском Барклай сыграл в ту же самую игру, что и под Витебском: навязал Наполеону бои с армией прикрытия, пока основная армия ушла. Барклай был против ненужного, на его взгляд, сражения, но на тот момент в русской армии царило фактическое двуначалие, а Багра-тион рвался в бой.

Багратион поручил генералу Раевскому (15 тыс. солдат), в 7-й корпус которого влились остатки дивизии Неверовского, оборонять Смоленск.

В 6 часов утра 16 августа Наполеон начал штурм города с марша: очень спешил, очень боялся, что русская армия исчезнет. Упорное сражение за Смоленск продолжалось до утра 18 августа, когда Барклай отвел войска из горевшего города, чтобы избежать большой битвы без особых шансов на победу.

Маршал Ней преследовал отступающую армию. 19 августа в кровопролитном сражении у Валутиной горы русский арьергард задержал маршала, понесшего значительные потери. Наполеон послал генерала Жюно обходным путем зайти в тыл русских, но тот не сумел выполнить задачу, уткнувшись в непроходимое болото, и русская армия в полном порядке ушла в сторону Москвы к Дорогобужу.

Сразу после Смоленского сражения Наполеон сделал замаскированное предложение мира царю Александру I. Он попросил захваченного в плен при Валутиной горе генерала Тучкова 3-го написать письмо своему брату, командиру русского 3-го корпуса, где доводилось до сведения царя желание Наполеона заключить мир. Конечно, Александр I узнал об этом намерении Наполеона, но не ответил.

Один из мифов о 1812 годе: о слабости русской армии. Французы сильнее, потому они и идут вперед. Ударив всеми силами, можно было и остановить Наполеона. Но зачем? Риск его победы все же был. Отступая и заманивая, русская армия побеждала практически без риска.

Заманивание Наполеона

Отношения между Багратионом и Барклаем после выхода из Смоленска с каждым днем отступления становились все напряженнее. В этом споре настроения дворянства были не на стороне осторожного Барклая.

Барклай-де-Толли стремился к тому, чтобы, «завлекши неприятеля в недра самого Отечества, заставить его ценою крови приобретать каждый шаг и, истощив силы его с меньшим пролитием своей крови, нанести ему удар решительнейший».

А решительно все – и дворянство, и простонародье, и солдаты и старшие офицеры, не уставали говорить о медлительности полководца в военных действиях и о сомнительной, с точки зрения обывателя, «отступательной тактике и завлекательном маневре». Раздавались даже прямые обвинения в измене. Его как человека иноземного происхождения в России называли «немцем», вкладывая в это понятие все негативное, что накопилось в русском народе к

иноземцам. Именно на «немца» Барклая-де-Толли взвалили всю ответственность за отступление русской армии.

Известно, что Барклая-де-Толли очень переживал все это. По мнению многих, после отставки он искал смерти. Но смерть не приходила, хотя в боях совался в самое пекло, в боях были убиты почти все его адъютанты и пали пять лошадей под ним самим.

Это уже позже в обществе постепенно начало меняться отношение к полководцу. Не случайно в мастерской скульптора Орловского Пушкин, глядя на почти готовые памятники великим полководцам Отечественной войны, воскликнул: «Се зачинатель Барклай, а се завершитель Кутузов».

Тогда было иначе. 18 августа император собрал совет, который рекомендовал ему назначить вместо «нерешительного» Барклая главнокомандующим русской армии генерала от инфантерии князя Кутузова.

17 августа Кутузов в Царево-Займище принял армию. В этот день французы вошли в Вязьму. Кутузов продолжал делать то же, что делал Барклай. Одновременно он дает обещания «вести себя хорошо» и дать генеральное сражение.

– С такими молодцами да отступить?! – говорит он солдатам на смотру.

Через два дня к нему подступают офицеры:

– Почему отступаем?!

– Хорошее поле для сражения ищем. Пока хорошее поле не попало. Под Смоленском было хорошее, был бы я там – разбил бы французов.

Но – отступал и отступал. Наверное, я вызову возмущение многих, если скажу: Бородинское сражение было совершенно лишним и вредным. Ох, как не хотел этого сражения Кутузов! Но когда армия 22 сентября прошла Бородино, в 110 км от Москвы, отступить дальше означало бы сдать Москву. Кутузов не имел ничего против. Русское общество никогда не позволило бы ему этого.

Кутузов просто вынужден был дать генеральное сражение, так необходимое и русским, и французам. Если в начале вторжения Наполеон имел трехкратное превосходство в количестве солдат над противостоящей русской

армией, то теперь численности армий были сравнимы – 135 тысяч солдат и офицеров при 587 орудиях у Наполеона против 110–130 тысяч у Кутузова при 640 пушках. По другим данным, пушек было 610.

Кутузов мог бы увеличить численность русской армии еще на 80–100 тысяч человек: ополчение. Проблема в том, что ратникам из центральных губерний не хватило ружей (не случайно же перед войной контрабандой ружья ввозили из Австрии). Ратникам раздали пики, сами они рвались в бой. Но тут Кутузов отказался бросать в бой ополченцев с пиками. Постепенно ему это простили, но не сразу. Барклаю бы не простили никогда. Кутузову долго поминали, как «непатриотический» поступок, и в конце концов предпочли забыть: чтобы не получилось – какие-то русские люди хотели воевать с французами, а их не пустили. Все они шли сами! Все они были патриотами!

Бородино... 24–26 августа французы почти беспрерывно штурмовали укрепленные русские позиции. Отвага отчаяния. Героизм полного отсутствия выбора. Наполеон произнес речь, словно возвращающую армию во времена первых итальянских походов: о Москве, полной еды и ценностей. Он обещал отдать город на разграбление.

Русская армия почти не атаковала. Она только вышибала французов с собственных позиций, если они захватывали траншеи русской армии. Единственное исключение – рейд конницы Уварова и Платова по тылам Наполеона. Он вызвал замешательство в стане противника и заставил оттянуть на левый фланг войска, которые штурмовали батарею Раевского на Курганной высоте. Но был рейд недолог – с 12 до 14 часов дня.

Страшный был день. Бородинское сражение считается одним из самых кровопролитных сражений 19-го века. По самым скромным оценкам совокупных потерь, каждый час на поле погибало 2500 человек. Некоторые дивизии потеряли до 80% состава. Со стороны французов было сделано 60 тысяч пушечных и почти полтора миллиона ружейных выстрелов¹.

¹ Богданович М. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. – СПб., 1859.

«Трудно себе представить ожесточение обеих сторон в Бородинском сражении, – говорит «История лейбгвардии Московского полка». – Многие из сражавшихся бросали свое оружие, сцеплялись друг с другом, раздирали друг другу рты, душили один другого в тесных объятиях и вместе падали мертвыми. Артиллерия скакала по трупам, как по бревенчатой мостовой, втискивая трупы в землю, упитанную кровью. Многие батальоны так перемешались между собой, что в общей свалке нельзя было различить неприятеля от своих. Изувеченные люди и лошади лежали группами, раненые брели к перевязочным пунктам, куда могли, а выбившись из сил, падали, но не на землю, а на трупы павших раньше. Чугун и железо отказывались служить мщению людей; раскаленные пушки не могли выдержать действия пороха и лопались с треском, поражая заряжавших их артиллеристов; ядра, с визгом ударяясь о землю, выбрасывали вверх кусты и взрывали поля, как плугом. Пороховые ящики взлетали на воздух. Крики командиров и вопли отчаяния на десяти разных языках заглушались пальбой и барабанным боем. Более нежели из тысячи пушек с обеих сторон сверкало пламя и гремел оглушительный гром, от которого дрожала земля на несколько верст. Батареи и укрепления переходили из рук в руки. Ужасное зрелище представляло тогда поле битвы. Над левым крылом нашей армии висело густое черное облако дыма, смешавшегося с парами крови; оно совершенно затмило свет. Солнце покрылось кровавой пеленой; перед центром пылало Бородино, облитое огнем, а правый фланг был ярко освещен лучами солнца. В одно и то же время взорам представлялись день, вечер и ночь». Ветеран наполеоновских войн генерал Ж. Рапп выразился с солдатской прямоотой: «Мне еще не доводилось видеть такой резни»¹.

Страшны были потери обеих армий, хотя цифры все называют разные. Потери французов, по данным инспектора при Главном штабе Наполеона Денье – 49 генералов и 28 000 солдат и офицеров, из них 6550 убитых и 21 450 раненых. Эти цифры были засекречены по приказу мар-

¹ Богданов Л.П. На поле Бородинском. – М., 1987.

шала Бертье: в бюллетене Наполеона говорилось о потерях в 8–10 тысяч. Данные Денье впервые опубликованы в 1842 г.

У разных современных историков цифры колеблются вилке от 40 до 58 тысяч человек, то есть 27–40% всего наличного состава. Точных цифр мы уже не узнаем, потому что большая часть документации Великой армии погибла при отступлении (если и не была фальсифицирована). Погибло и 47 генералов (по другим данным – 49). Русские войска потеряли от 38 до 58 тысяч человек и 23 генерала. В их числе и Багратион, смертельно раненный ядром. Через два дня он умрет, спрашивая: сдали Москву или нет?!

– Москву отстояли, – соврут Багратиону.

– Слава Богу! – С этими словами, осенив себя крестом, Багратион откинулся на подушки и умер.

До сих пор рассуждают и спорят, кто же все-таки выиграл сражение?

Выиграли французы, потому что в ночь на 26 августа русская армия тихо снялась и ушла. Страшное поле осталось за французами. Характерно, что французы очень поверхностно осмотрели доставшееся им место сражения. По глухим полупризнаниям очевидцев, оказали помощь не всем даже французским раненым. Русских раненых не добивали, но и помощи им не оказывали. Стон с Бородинского поля слышался еще три дня.

На самом поле Бородина Наполеон произнес некую лукавую формулу: «Французы были в этом сражении достойны победы, а русские стяжали себе право называться непобедимыми». Впрочем, эту фразу передают очень по-разному. Чаще всего выглядит она таким образом: «Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми... Из пятидесяти сражений, мною данных, в битве под Москвой выказано (французами. – Н.Б.) наиболее доблести и одержан наименьший успех»¹. Фразу эту почти одновременно привели два русских историка... в начале

¹ Михеев С. П. История Русской армии. Вып. 3. Эпоха войн с Наполеоном I. – М., 1911.

XX века. Они скомпоновали ее из разных высказываний Наполеона.

Первоисточники не передают подобной фразы Наполеона именно в таком виде, но отзыв в редакции Михневича широко цитируется в современной литературе.

Или в такой форме: «Бородинское сражение было самое прекрасное и самое грозное, французы показали себя достойными победы, а русские заслужили быть непобедимыми»¹. Это тоже написано через 60 лет после событий.

Сам же Наполеон отчаянно врал. Начал он уже в письмах к жене, императрице Марии-Луизе: «Мой добрый друг, я пишу тебе на поле Бородинской битвы, я вчера разбил русских. Вся их армия в 120 000 человек была тут. Сражение было жаркое: в два часа пополудни победа была наша. Я взял у них несколько тысяч пленных и 60 пушек. Их потеря может быть исчислена в 30 000 человек. У меня было много убитых и раненых».

Но ведь никаких «тысяч пленных» Наполеон тут не взял: пленных было всего около 700 человек. А письма к Марии-Луизе были тоже своего рода маленькими «бюллетенями», рассчитанными на широкую огласку.

Маршалы же пребывали скорее в недоумении. Мюрат говорил, что не узнавал весь день императора. Ней говорил, что император забыл свое ремесло.

Врал Наполеон и в своих записках на острове Святой Елены в 1816 г.:

«Московская битва – мое самое великое сражение: это схватка гигантов. Русские имели под ружьем 170 тысяч человек; они имели за собой все преимущества: численное превосходство в пехоте, кавалерии, артиллерии, прекрасную позицию. Они были побеждены! Неустрашимые герои, Ней, Мюрат, Понятовский, – вот кому принадлежала слава этой битвы. Сколько великих, сколько прекрасных исторических деяний будет в ней отмечено! Она поведает, как эти отважные кирасиры захватили редуты, изрубив

¹ Извлечение из записок генерала Пеле о русской войне 1812 г. // Чтения императорского общества истории древностей, 1872, I, с. 1–121.

канониров на их орудиях; она расскажет о героическом самопожертвовании Монбрена и Коленкура, которые нашли смерть в расцвете своей славы; она поведаст о том, как наши канониры, открытые на ровном поле, вели огонь против более многочисленных и хорошо укрепленных батарей, и об этих бесстрашных пехотинцах, которые в наиболее критический момент, когда командовавший ими генерал хотел их ободрить, крикнули ему: «Спокойно, все твои солдаты решили сегодня победить, и они победят!»

Уже через год, в 1817 году, Наполеон рассказал о еще более блистательной победе над еще более многочисленным врагом: «С 80 000-й армией я устремился на русских, состоявших в 250 000, вооруженных до зубов и разбил их».

Тогда же, сразу после битвы, Наполеон провозгласил ее победой, но так... довольно уклончиво. Он произвел в графы московские Нея и преуменьшил свои потери раза в 4 или в 6.

Выиграли русские, потому что французы не смогли добиться своих целей. Русская армия не была разгромлена. В сумерках 25 августа она стояла молчаливо и грозно. На следующий день она готова была продолжить бой.

Но Кутузов вовсе не считал, что надо продолжать сражение. Он берег жизни русских солдат больше, чем сами русские солдаты. Резервов у него не было, кроме тех самых ополченцев с пиками. Тогда за нежелание бросить их в бой Кутузова осуждали. Согласны ли с этим осуждением мы, потомки уцелевших?

А к Наполеону уже подошли подкрепления – свежие дивизии Пино и Делаборда (около 11 тысяч человек). Это при том, что численность армии Наполеона до начала сражения оценивалась в 160–180 тысяч человек¹.

Кутузов принял очередное непопулярное решение отступить. Насколько непопулярное, говорит такой факт: 2 сентября русская армия прошла через Москву и вышла на Рязанскую дорогу (юго-восток от Москвы). Кутузов обратился к войскам с классическим:

– Здорово, ребята!

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. – СПб., 1843.

Армия молчала. Солдаты шли, отвернув лица от командующего. В первый и последний раз ему не кричали «ура». Спустя месяц солдаты кланялись в пояс, просили прощения.

Французские историки считают итогом сражения последнее отступление русской армии и оставление Москвы. Но Кутузов дал Бородинское сражение против своей воли. Он не ставил целью сражения остановить Наполеона и удержать Москву.

В наше время полагается считать, что он был просто великим реалистом: и хотел удержать Москву, но полагал, что отступление и сдача Москвы неизбежны. Но мы не знаем, действительно ли Кутузов считал такой большой ценностью оборону Москвы.

Кутузов объявлял Бородинское сражение своей победой. В своей реляции Александру I он писал: «Баталия, 26-го числа бывшая, была самая кровопролитнейшая из всех тех, которые в новейших временах известны. Место баталии нами одержано совершенно, и неприятель ретировался тогда в ту позицию, в которой пришел нас атаковать»¹.

Александр I объявил о Бородинском сражении как о победе. Князь Кутузов был произведен в фельдмаршалы с пожалованием 100 тыс. рублей. Всем бывшим в сражении нижним чинам было пожаловано по пяти рублей на каждого.

Кутузов же повторил то, что делали и до него под Витебском, потом под Смоленском. Он послал казаков жечь костры, а утром 27-го отступать с великим шумом. Наполеон поверил и пошел за казаками, как бы преследуя всю армию. Кутузов же увел армию со Смоленской дороги на Рязанскую и увел ее от места столкновения с неприятелем. Наполеон потерял русскую армию. Со страхом наблюдали его маршалы и генералы, как Наполеон катается по земле, психует и прыгает, обзывает Кутузова «старой северной лисой» и «паршивым обманщиком».

Кутузов же в деревне Фили в 4 часа дня 1 сентября собрал военный совет. Большинство генералов хотели

¹ Кутузов М.И. Сборник документов. Т. IV. Ч. 2. – М., 1955. с. 554–556.

нового генерального сражения с Наполеоном. Вот тогда Кутузов и оборвал заседание, произнес свое крылатое: «Погубим армию – и будет погублена Россия. А пока цела армия, живы Москва и Россия». Он заявил, что приказывает отступить. Тогда ему и не кричали «ура».

Наполеон же 3 сентября стоял на Поклонной горе, смотрел на громадный город, почти покинутый жителями. Он ждал, что Москва принесет ему красивые ключи на подушечке. Не дождался.

Только вечером, устав ждать, основные силы Наполеона вошли в город вечером тремя колоннами (Филя, Дорогомилово, Лужники). Наполеон остался на ночь в Дорогомилове. В эту ночь в городе вспыхнули первые разрозненные пожары в Китай-городе и Яузской части.

А русская армия, сопровождаемая полчищами беженцев, еще утром прошла через Дорогомилово, Арбат, Яузскую улицу – и по дороге на Рязань.

3 сентября Наполеон прибыл в Кремль. А пожар охватил весь Китай-город. 4–5 сентября Наполеон вынужден был бежать из Кремля и вернулся в него только 6-го – когда пожар, уничтожив три четверти города, стих. Еще горело, еще дымилось, но главное уже было сделано.

У нас сильно преувеличивают число беженцев из Москвы. У некоторых авторов получается так, что в городе вообще почти никого не осталось. В действительности, по одним данным, население Москвы сократилось только с 270 000 до 215 000 человек. По другим, в городе осталось не менее 80 тысяч человек.

Французы заняли полупустой город, и в нем тут же вспыхнули пожары... Причины этих пожаров остаются до сих пор не известны и вызывают споры. Поджигали сами французы? Более чем вероятно. Поджигали русские? Скорее всего, поджигали. Во всяком случае, в Смоленске многие жители и правда поджигали свои дома, уходя вместе с армией. Как заявлял Загоскин, «мы никому не уступим чести московского пожара!»¹ Почему не могли в Москве? Город загорался сам, потому что был брошен жителями?

¹ Загоскин Н.М. Рославлев или Русские в 1812 году. – М., 1957.

Очагов пожаров было много, скорее всего, действовали все причины.

В огне чудовищного пожарища сгинули 6496 из 9151 жилых домов, 8251 лавок и складов, 122 из 329 храмов (без учета разграбленных). В огне погибли до 2000 раненых российских солдат, оставленных в городе. Были уничтожены университет, библиотека Бутурлина, Петровский и Арбатский театры, погибли (во дворце А.И. Мусина-Пушкина на Разгуляе) рукопись «Слово о полку Игореве», а также подлинник Троицкой летописи¹.

С 6 сентября по 7 октября 1812 года Наполеон находился в Кремле. Он полностью добился того, чего хотел: находился в сердце вражеской земли, в столице России. Он поразил ее в сердце. Он блистательно завершил русскую кампанию: стремительное наступление, и вот мы здесь! ...Интересно, а о чем он думал светлыми от пожаров ночами, под шелест огня и мелких осенних дождей? Он ведь не мог не понимать, что на самом деле полностью и безнадежно проиграл.

Еще что-то делалось, какие-то судорожные движения, как в агонии. Еще пытались навести порядок, с 12 сентября прошли первые расстрелы «поджигателей» по решению французского трибунала. Но армии не было. Было только сборище голодных и агрессивных обормотов. Великая армия была полуголодной уже к Витебску. Наполеон бросил ее к Смоленску, и кое-как, грабежами и насилием, армия дожила до Москвы, становясь по пути все более голодной и расхристанной. В Москве она окончательно стала неуправляемой, потому что накануне зимы не имела ни теплой одежды, ни продовольствия, ни осмысленных реальных перспектив.

Бородино – слава русского оружия независимо от того, было оно победой или нет. Но Москва – вершина тактического гения Александра I, Барклай-де-Толли, Пфуля, Кутузова и всех, кто заманил Наполеона в Москву. Заманил к зиме – без теплой одежды и горючего.

Весь «Второй польский поход» Наполеона с июня 1812 г. обнаруживает черты спешки, торопливости, непродуман-

¹ Катаев, И.М., Московский пожар \\\ Отечественная война и русское общество, в 7 тт. Т. IV. – М., 1911.

ности, экспромта. С августа стратегическая инициатива переходит к русской армии. После Бородина не изменилось решительно ничего. Разве что морковки в виде русской армии генерального сражения уже не нужно было вешать под носом Наполеона. Кутузов и убрал эту «морковку», когда свернул на Рязанскую дорогу.

6–7 октября началось отступление французской армии из Москвы. А точнее будет сказать: началось паническое бегство неорганизованной, дичающей на глазах, все сильнее голодающей толпы.

Под Бородином Наполеон мог еще принимать картинные позы, жаловать маршалов княжескими титулами и поздравлять солдат с победой. Уже в Москве он старался не попадаться своим солдатам на глаза. «Спасайся, кто может!» Наполеон спасался вместе со всеми, и не было в этом судорожном отвратительном драпеже ни малейших признаков ни величия, ни чести, ни даже соблюдения приличий.

Ловушка захлопнулась. Крысы не получили приманки, вынесли дверцу и толпой кинулись обратно, в свою нору.

Глава 3.

КАК НАПОЛЕОН СДЕЛАЛ ВОЙНУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Со времени пожара Смоленска началась война, не подходящая ни под какие прежние предания войн. Сожжение городов и деревень, отступление после сражений, удар Бородина и опять отступление, пожар Москвы, ловля мародеров, переимка транспортов, партизанская война – все это были отступления от правил... Несмотря на жалобы французов о неисполнении правил, несмотря на то, что высшим по положению русским людям казалось почему-то стыдным драться дубиной... дубина народной войны поднялась со всею своею грозною и величественною силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупою простотою, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие.

Граф Л.Н. Толстой

Война красивая и некрасивая

После кошмарных войн XX века, грязи и ужаса окопов и блиндажей, войну 1812 года принято считать эдакой рыцарской, красивой, благородной. Противники в красивых мундирах сходились на обширных полях. Шли друг на друга в рост. Не бежали, а именно маршировали. Плотные белые клубы дыма вылетали из дул орудий, стрелявших черным дымным порохом, постепенно образовывали над полем боя эдакие рукотворные живописные облака.

Пока армии сближались, огонь пушек и ружей выводил из строя не так уж много людей. У Льва Толстого прекрас-

но описаны реалии того времени: стоит только появиться раненым, и тут же слышен крик «Носилки»! И раненых действительно уносят, огонь редко мешает санитарам. И не так много раненых, чтобы их не успеть выносить.

Стреляя друг в друга чуть ли не в упор, сойдясь в штыковом бою, враги обычно в самом сильном остервенении не добивали раненых противника, не мешали выполнять свой долг врачам и санитарам. Если поле боя оставалось за победителем, а побежденные быстро отступали, победители хоронили погибших врагов в братских могилах, а раненым оказывали помощь наравне со своими собственными ранеными.

Разумеется, всегда бывали нарушения рыцарских законов ведения войны, но было их не так много. Есть норма, а есть исключения. Пропаганда всячески подчеркивала заботу военачальников о солдатах своих и чужих, гуманизм и «отеческое участие». По традициям Рыцарской войны, военные действия обставлялись как грандиозное шоу и одновременно как спортивное состязание. Отмечать мужество врагов, их силу и преданность воинскому долгу считалось хорошим тоном. Лев Толстой даже посмеивается над церемонией вручения французских орденов «самому храброму русскому солдату», а русских – «самому храброму» французу.

Но ведь лучше такое забавное шоу, чем реалии Вердена и Сталинграда. После ужасов войн 20-го века кампания 1812 года порой кажется нашему современнику какой-то идиллией. Каким-то потеряннным раем после танков, едущих по госпиталям и раненых которых обливают бензином и поджигают.

Все так! Все было, было, было... Были раненые, оставленные на попечение французов после сражений при Аустерлице и при Смоленске. Был русский генерал Милорадович, кричащий атакующим гренадерам Даву:

– Молодцы, французы!

И обернувшись к своим:

– Как идут, шельмы, а?! Молодцы!

И опять повернувшись к противнику, опять по-французски:

– Молодцы, французы! Слава! Виват!

Гренадеры с длинными закрученными усами, в ярко-синих с золотом мундирах молча шли под барабанный бой. Полыхали столбы пламени из жерл орудий, мерный грохот давил на уши. А что? Яркие мундиры, яркие краски среднерусской осени, плотный белый дым, алая кровь на зеленой травке. Красиво, ярко, и всегда находятся любители таких зрелищ. Недаром сюжеты войны 1812 года – любимая тема для наших и французских исторических клубов, специалистов по «игровым» историческим реконструкциям.

Не так уж сильно грохотало, голос Милорадовича, возможно, и был слышен. И крик боевого генерала, высоко оценивающего, чуть ли не вдохновляющего своим криком атак и противника – был воспитывающим явлением, формирующим отношение к тому, как «должно быть».

Все так. Но только вторглись в Россию, во-первых, вовсе не одни французы. Русская пропаганда совершенно справедливо говорила о «нашествии двенадцати языков». Многонациональное сборище общалось на странном армейском жаргоне, на основе французского, но с включениями слов из разных немецких диалектов, польского, испанского, итальянского.

Все это интернациональное сборище Великой армии подвергалось массированной пропаганде. У солдат армии Наполеона был довольно своеобразный взгляд и на Россию, и на то, что они в ней делают.

Антирусская пропаганда Наполеона

Готовясь к нападению на Россию, Наполеон не просто вел очередную военную кампанию. Речь шла о последнем завершающем этапе создания «универсальной империи», то есть полного владычества Франции в Европе – фактически мирового владычества.

В преддверии 1812 года Наполеон произнес: «Через три года я буду властелином мира, остается Россия, но я раздавлю ее». Эти слова были прекрасно знакомы солдатам его армии. Они шли в последнюю независимую страну континентальной Европы. Впереди еще Британия, но ее

давить будут другие: флот. Россия – последняя непокорная страна, в которую необходимо идти походом. Раздавим ее, воцарится Наполеон Бонапарт в Кремле, как новый русский царь, сделает Российскую империю вассалом Франции – и можно будет отдохнуть от почти непрерывных войн и походов, продолжавшихся с 1792 года.

Ядро армии Наполеона – французы-офицеры. Это были тридцатипятилетние, сорокалетние мужчины, которые провоевали всю свою жизнь. Двадцать лет под ружьем. Как им хотелось отдохнуть!

Солдаты Великой армии твердо знали, что пришли в варварскую полудикую страну и что они несут в нее свет самой лучшей в мире культуры – французской. Что их ведет величайший полководец всех времен, сопротивляться которому – дикость, нелепость, вред, отступничество от цивилизации и чуть ли не преступление.

«Для победы необходимо, чтобы простой солдат не только ненавидел своих противников, но и презирал их», – так говаривал Наполеон. Так вслед за Наполеоном рассуждали его генералы.

Простой солдат презирал и Россию, и русских. Он был воспитан в этом презрении. Он знал, что русские – опасные полудикари, рабы своего начальства, враждебные Европе, и всегда угрожавшие Европе. Победы они – и тут же принесут всюду страшные нравы русского мужлана.

У русских даже религия – вздор и нелепица. Есть очень интересные исследования, показывающие: пропаганда Наполеона считала ислам более совершенной, более «цивилизованной» религией, чем русское православие¹.

Результаты пропаганды в действии

С самого начала вторгшиеся завоеватели вели себя с местным населением как новые хозяева с рабами. Как банда грабителей, имеющих полное право брать все, на что упадет их глаз. Конечно, похоже они вели себя и в Германии, и в Испании, и в Италии. Но в России поведе-

¹ Мешкис Э. (Литва) Наполеон и Египет. VIII Международная конференция по проблемам цивилизации. Москва, с 21–23 мая 2004 года. – М., 2004.

ние завоевателей было еще помножено на учение о примитивности русских, их грубости и невежества, и на страх перед русской агрессией. И на падеж громадного стада, разумеется.

Уже в Литве и Белоруссии итальянская и баварская солдатня вырубала садовые деревья, растапывала огороды. Никакой военной необходимости в этом не было, солдаты демонстрировали свою власть и стремились причинить местным жителям как можно больше неприятностей.

В городе Урдомине они разграбили все, что попадало под руки, разогнали учеников лицея – мальчиков лет 12–14, а в католическом соборе поместили солдат.

В 20 верстах от Урдомина отряд баварских немцев ограбил местечко Сомно, причем из тамошнего костела взял 4500 рублей, собранных на ремонт церкви.

Это – еще в католических областях, только еще войдя на Русь. В Великороссии было еще «круче»: в смоленском селе Одинцово исчезла треть населения: кто бежал в леса, кого закололи штыками при попытках защищать свое достояние, кого увели с собой в качестве рабов.

Мародерство Великой армии оказало самую дурную услугу Наполеону, оно толкало множество русских людей в партизаны. Кто и не пошел бы из патриотических чувств – тот шел, чтобы сопротивляться насилию и грабежу. Как писал историк Е.В. Тарле: «Разорение крестьян проходившей армией завоевателя, бесчисленными мародерами и просто разбойничавшими французскими дезертирами было так велико, что ненависть к неприятелю росла с каждым днем»¹.

У нас до сих пор считается, что армия Наполеона, в отличие от немцев в 1941 году, была все-таки цивилизованная, культурная. Это потом, после пожара Москвы, она превратилась в сборище мародеров и дезертиров.

Но это так. Армия Наполеона с самого начала была готова грабить все, что только возможно. Вопрос в степени, и только. На первом этапе войны грабеж шел более организованный.

¹ Тарле Е.Н. Наполеон. – М., 1941.

У нас до сих пор в описании войны упор делают все же на благородный характер сражений и обращения с пленным и раненым врагом. Такова война даже в изображении великого реалиста Льва Толстого. Такова она и в блестящем фильме С.Ф. Бондарчука.

Это было. Но за красивым фасадом скрывается другой – темный и безобразный. О нем почти не говорят, почти не пишут, хотя это ведь тоже имело место быть.

Не буду голословным, приведу факты.

1. 3 сентября 1812 года, на следующий день после входа Великой армии в Москву, солдаты получили официальное разрешение грабить. Творящееся варварство, жестокость и насилие не были случайными действиями мародеров, которых наказывали официальные власти. Это была политика Франции и самого Наполеона.

2. Великий московский пожар французы рассматривали как попытку местных жителей сжечь свое имущество, но не отдать неприятелю. Примеры такого поведения они уже видели по пути к Москве, уже в Смоленске.

Потому они и расстреливали «поджигателей» – по большей части, совершенно случайных людей. Как тех, кто отнимал у французов то, что принадлежало им «по праву».

3. Приказами командования французской армии московские монастыри использовались под жилища для солдат, причем престолы и жертвенники употреблялись вместо столов, а в алтарях стояли кровати.

Наполеон лично посетил Новодевичий и Донской монастыри. Он не осматривал их с любопытством туриста, не собирался молиться. Монастыри интересовали его только как укрепленные точки. По его приказу в Новодевичьем французы разместили батарею, а стены монастыря укрепили окопами. Чтобы было удобнее обороняться, они взорвали стоявшую рядом с монастырем церковь Иоанна Предтечи.

Церкви Заиконоспасского, Покровского, Новоспасского, Симонова, Крестовоздвиженского, Донского, Рождественского и других монастырей были превращены в конюшни.

В Высокопетровском монастыре оккупанты устроили скотобойню, а соборный храм превратили в мясную лав-

ку. Весь монастырский погост покрыт спекшейся кровью, а в соборе на паникадилах и на вколотенных в иконостас гвоздях висели куски мяса и внутренности животных.

4. Мародеры дочиста ограбили все монастыри. Их интересовали прежде всего драгоценности, украшавшие священные предметы. Они сдирали с икон серебряные оклады, собирали лампы, кресты. В поисках спрятанных сокровищ грабители нередко взламывали в храмах полы, простукивали стены.

Из многонациональной армии Наполеона только греческие части не участвовали в разграблении монастырей: видели в русских монахах своих единоверцев. Иногда и среди католиков, французов и поляков тоже находились люди, которые относились к православным святыням с уважением.

Монахини Новодевичьего монастыря считали, что начальник живших в их монастыре солдат по фамилии Задэра «греха боялся». Он посоветовал спрятать серебряный крест, Евангелие и другие ценные вещи, говоря на ломаном русском языке: «Французска солдата вора».

В Даниловом монастыре квартировавшие французы узнали, что в монастырь должен прибыть отряд конной артиллерии, предупредили: «Это люди нечестивые» и предложили спрятать все ценное. Они даже помогли зарыть в землю церковные вещи. Французы оказались правы: артиллеристы ободрали раку князя Даниила и сорвали одежды с престолов, но ничего больше не нашли.

5. Часто оккупанты не столько грабили, сколько оскверняли и уродовали святыни. В Андрониевском, Покровском, Знаменском монастырях французские солдаты кололи на дрова иконы, лики святых использовали как мишени для стрельбы.

В Чудовом монастыре французы, надев на себя и на своих лошадей митры и облачение духовенства, ездили так и очень смеялись. Все иконы были найдены поруганными и храмы осквернены.

В Можайском Лужецком монастыре хранящаяся здесь икона святого Иоанна Предтечи имеет следы от ножа – французы использовали ее как разделочную доску, рубили на ней мясо.

Громили и портили не только предметы культа – все, связанное с русской историей. В конце концов, святыни – это ведь не только иконы.

Саввино-Сторожевский монастырь почти не пострадал, но от интерьеров находившихся на его территории дворца царя Алексея Михайловича и Царицыных палат почти ничего не осталось. Кровать царя Алексея Михайловича была сожжена, дорогие кресла ободраны, зеркала разбиты, печи сломаны, редкие портреты Петра Великого и царевны Софьи похищены.

В этом монастыре останавливался 3-й кавалерийский корпус генерала Груши.

И в этих действиях, и в убежденном каком-то, систематическом грабеже трудно не видеть следствие активной антирусской и антирелигиозной пропаганды. Так сказать, созревший плод.

Лично Бонапарт был, конечно, очень образованным, хорошо начитанным человеком. Поэтому не думаю, что он сам поощрял кощунства, творимые солдатами над русской церковью. Хотя, возможно, он недооценивал опасности такого поведения своей армии в глубоко религиозной России. Будучи такой же «духовной жертвой» вольтерьянцев и якобинцев, как и большинство его генералов, офицеров и солдат, Бонапарт, видимо, полагал, что и русские считают Бога и церковь такой же мишурой, как и французы – «выкормыши» квазирелигиозного бреда времен Французской революции. Но на Руси, несмотря на всю недалекость петровской и постпетровской государственной политики по отношению к церкви, все-таки не было ни культа Высшего Разума, ни бесовства 1793 года, а Бог занимал свое самое сокровенное место в душе почти каждого русского крестьянина (хрестьянина) и русского солдата.

Несложно поэтому догадаться, какую волну негодования вызвало в этой душе поведение «франко-немецко-голландца» в русской церкви. В общем, иных доказательств, что «Буонапарте – сам антихрист» предъявлять не требовалось.

6. Французы грабили и монахов, и священников, и мирных жителей. При малейшем сопротивлении избивали и даже убивали.

Иеромонах Знаменского монастыря Павел и священник Георгиевского монастыря Иоанн Алексеев были убиты.

Священника церкви Сорока святых Петра Вельяминова били прикладами, кололи штыками и саблями за то, что не отдал им ключи от храма. Всю ночь он пролежал на улице, истекая кровью, а утром проходивший мимо французский офицер пристрелил отца Петра.

Монахи Новоспасского монастыря похоронили священника, но французы потом три раза раскапывали его могилу – увидев свежую землю они думали, наверное, что в этом месте зарыли клад.

В самом Новоспасском монастыре старенького, за 70 лет, наместника иеромонаха Никодима избивали на глазах братии, приставляли к его груди и голове ружья и пистолеты: требовали показать, где хранятся сокровища.

В Симоновом монастыре французы вырубili ворота, избивали архимандрита Герасима и наместника Иосифа, но не могли ничего добиться. Обитель разграбили.

В Донском монастыре французы избили наместника Вассиана, а ризничего, монаха Иринея, искололи, изранили саблей.

В Богоявленском монастыре казначея монастыря Аарона французы таскали за волосы, выдергивали бороду и затем возили на нем грузы, запрягая в телегу.

Как ни грабили французы в Италии, Голландии и Германии, а таким истязаниям они людей нигде не подвергали. К русским у них отношение все-таки было особенное.

Перед уходом из Москвы французы грабили уже не драгоценности. Они отбирали у людей сапоги, теплую одежду, рубашки.

Поразительно, но уже из горящей Москвы Наполеон пытается обращаться к русскому народу. Пишет вот такое воззвание: «Вы, московские мирные жители, мастеровые и рабочие, которых бедствия войны удалили из города, и вы, заблудшие земледельцы, которых неосновательный страх еще задерживает в деревнях ваших, слушайте: спокойствие и порядок восстанавливается в сей столице; ваши земляки добровольно выходят из своих убежищ, не опасаясь оскорбления; всякое насильственное в отношении к их личности

либо к имуществу немедленно наказывается. Его величество император вас покровительствует и никого из вас не считает неприятелями, кроме ослушников его повелениям.

Он хочет положить предел вашим бедствиям; он желает, чтобы вы возвращались под ваши кровы, к вашим семействам. Будьте признательны к его благотворным намерениям и придите к нам безо всякого опасения. Пусть каждый из жителей возвратится с доверием в дом свой: вы вскоре найдете там средства удовлетворить вашим нуждам.

Рабочие, мастеровые, живущие трудом своим, возвращайтесь к вашим обычным занятиям; для вас готовы дома, лавки, охранные караулы, вы получите за ваши работы должную плату.

И вы, крестьяне, выходите из лесов, куда от ужасов укрылись, возвратитесь в свои избы; вы найдете в них защиту. В городе учреждены рынки, на которых вы можете продавать излишки ваших запасов».

Поразительно, до какой степени отказывает Наполеону обычное политическое чутье! До какой степени он не чувствует страны, в которой оказался.

Может быть, Наполеону и раньше снились кошмары... Теперь он о них начал рассказывать. Раз императору приснились три стакана, из коих один – белый пустой, другой – с водою, третий – с кровью. Наполеон, всегда великий рационалист, велел найти «русскую гадалку» – чтобы растолковала этот сон. И поучил такое толкование: «Пустой стакан означает, что сия война начата тобою из пустого тщеславия и гордости, стакан с водой значит слезы бедных, невинных и разоренных войной людей, а последний, наполненный кровью, изображает человеческую кровь, пролитую в сию ужасную войну».

Способствовало ли такое толкование успокоению и примирению с самим собой? О судьбе гадалки ничего не могу рассказать. Но известно, что Наполеон все чаще позволяет себе нелепые вспышки эмоций, как после того, когда один солдат задерживал целую армию. Только приступом иррациональной ярости на непостижимую (и побе-

дившую его) Россию можно объяснить попытку Наполеона взорвать Кремль. 10–11 октября 1812 года под башни, стены и здания символа русской государственности заложили пороховые мины. Великая армия, превращавшаяся на глазах в беспорядочно бегущее сборище, выходила из города, а саперы маршала Мортье поджигали фитили.

Если бы мины разом грохнули, восстановить Кремль было бы уже невозможно. Пришлось бы строить новый комплекс сооружений на его месте – примерно как в Варшаве после Второй мировой войны восстанавливали город по планам, рисункам и воспоминаниям жителей.

Так и было бы, выстави маршал Мортье боевое охранение вокруг Кремля. Если бы французы стояли на всех подходах, пока чудовищные взрывы не подняли бы на воздух и не обрушили бы святыню. Но, видимо, французы чувствовали себя так неуютно в Москве, что сделали дело половинчато, ненадежно: запалив фитили, они ушли. Побежали догонять своих. В эту ночь шел сильный проливной дождь, он погасил часть фитилей, а другие горели медленнее обычного.

Произошло еще одно удивительное событие 1812 года. Ну, не мог Кремль уцелеть! А он все-таки уцелел. Целая цепочка событий, которых не могло быть, но которые были. И уцелел!

Жители Москвы стали собираться к оставленному Кремлю... Они заметили тлевшие фитили, и кинулись их тушить. Опасное это было занятие! Никто ведь не знал, сколько именно этих фитилей, когда огонь дойдет до пороха и сработают главные заряды. Но основную часть зарядов все же удалось обезвредить.

Тем не менее, часть взрывов прогремела. Самым сильным из пяти взрывов был первый, которым вышибло не только все стекла, но и оконные рамы в кремлевских и близлежащих зданиях. До основания была снесена Водовзводная башня, наполовину разрушена Никольская. Частично был разрушен Арсенал, повреждены Грановитая палата, Филаретова пристройка, Комендантский дом. Стены дворца и здания музея Оружейной палаты почернели от огня. Значительный ущерб был нанесен кремлевским соборам.

Во время пожара Кремля пострадало также и здание Сената, а его бронзовый Георгий Победоносец, украшавший купол Круглого зала, бесследно исчез. По одной версии, он расплавился. По другой, вместе с еще двумя предметами, составлявшими гордость Кремля, – орлом с Никольских ворот и крестом с колокольни Ивана Великого – был вывезен в обозе французской армии в качестве трофея. Во всяком случае, эти исторические реликвии никогда не были найдены. То ли погибли в пожаре, то ли сперты «цивилизованными» оккупантами.

Доживавший свои последние дни в Рязани 72-летний архитектор М.Ф. Казаков, посвятивший всю жизнь Кремлю и Москве, узнав о начавшемся в Москве пожаре, пришел в отчаяние. «Весть сия, – писал его сын, – нанесла ему смертельное поражение. Посвятив всю свою жизнь творчеству, украшая престольный град великолепными зданиями, он не мог без содрогания вообразить, что многолетние его труды превратились в пепел и исчезли вместе с дымом пожарным...»¹

Сохранилось свидетельство очевидца, которому удалось проникнуть в Кремль, сразу после изгнания неприятеля: «...он (Иван Великий) не потерпел повреждения, но находившаяся подле него часть колокольни была взорвана... Разрушенная часть колокольни представлялась в виде огромной кучи раздробленных камней, на ней лежали три большие колокола (от тысячи до трех тысяч пудов), как легкие деревянные сосуды, перевернутые вверх дном силою взрыва»².

Менее известно, что уходя из Москвы, французы пытались взорвать еще и Новодевичий, Рождественский, Алексеевский монастыри. Тут тоже случилось чудо: монахам удалось вовремя потушить огонь и тем самым спасти свои обители.

Возвращаясь на пепелище, москвичи не только отстраивали свои сгоревшие жилища. Они находили памятники

¹ Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации. – М., 2002. с. 64.

² Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. – М., 1862. с. 278.

своей истории, храмы и памятные места поруганными, огаженными, сознательно разоренными. Церкви были загажены навозом, престолы и алтари разрушены, святые иконы расколоты или пущены на дрова, картины похищены или изрезаны, старинная мебель сожжена и изломана, церковные книги использованы для растопки.

Интересно, что несмотря ни на что, к больным и раненым врагам россияне относились сочувственно. В Новодевичьем монастыре заболевших французских солдат лечили, а в Рождественском делились с голодными оккупантами своей пищей. Рассказывая об этом, одна из монахинь пояснила: «Опять же жаль их, сердечных, не умирать же им голодную смертью, а шли ведь они на нас не по своей воле».

Но поведение французов в Москве стало широко известно. Это еще более послужило делу сплочения народа и подъему патриотических настроений.

Удивительно, что, несмотря на весь свой прославленный гений, Наполеон не смог понять: таким поведением можно только озлобить народ. Может быть, Наполеон сам сделался жертвой собственной пропаганды? Что характерно – в других странах он не взрывал национальные святыни – даже когда отступал. Может, он сам поверил в рабскую сущность русского народа? Хотя... Он так и не решился опубликовать Манифест об отмене крепостного права. Он так и не поставил в Кремле собственные статуи в тоге законодателя. Видимо, начал понимать, что в России такая пропаганда не сработает. А какая сработает – видимо, не понимал, и времени понять у него не было.

Получилось, что Бонапарт не только позволил втянуть себя в летне-осеннюю кампанию 1812 года и тем самым спас Россию. Он очень помогал тому, чтобы война стала Отечественной. Наполеон начал войну не только с могучим государством, а с народом громадной и великой страны, причем не зная толком его истории, не понимая и не уважая его традиций и ценностей. Не в силах понять законов игры, мог только пакостить и разрушать. А делая это, закономерно провоцировал «дубину народной войны», о которой так хорошо писал Лев Толстой.

Глава 4.

КАК НАПОЛЕОН ПОГУБИЛ СВОЮ АРМИЮ... И ФРАНЦИЮ

Они [польские уланы. – А.Б.] старались плыть вперед на ту сторону и, несмотря на то, что за полверсты была переправа, гордились тем, что они плывут и тонут в этой реке под взглядами человека, сидевшего на бревне и даже не смотревшего на то, что они делали.

Граф Л.Н. Толстой

Известны написанные еще в августе письма начальника Главного штаба французской армии Бертье, адресованные Кутузову. В письмах Бертье просит «принять меры для придания войне характера, сообразного с общепринятыми правилами, и прекратить напрасное опустошение страны, столь же вредное для России, сколько прискорбное для императора Наполеона».

На эти письма Кутузов не ответил. Когда посол Наполеона Лористон просил о мире (Наполеон еще в Кремле), Кутузов пожал плечами:

– Так война только начинается!

Лористон просил унять партизан, и Кутузов опять пожимал плечами:

– То не солдаты, то мирное население. Никакой власти у меня над ними нет.

Кутузов, мягко говоря, не выдавал правды: он лично создавал войсковые партизанские отряды.

Войсковые партизанские отряды

Первый такой отряд был создан еще до Смоленского сражения Барклаем-де-Толли – 4 августа, войсковой партизанский отряд Ф.Ф. Винценгероде.

Отряд Винценгероде действовал вначале в тылу французских войск в районе Витебска и Полоцка, а с оставлением Москвы срочно переместился на Петербургскую дорогу непосредственно в окрестности «второй столицы».

Затем был создан отряд войсковых партизан Дибича 1-го, действовавший в Смоленской губернии. Наряду с ними действовали мелкие (150–200 человек) подвижные конные воинские партизанские команды. Инициатором их выступил известный поэт, офицер и партизан Денис Давыдов, получивший поддержку Багратиона и Кутузова. Давыдов же и возглавил первый такой маневренный отряд из 200 гусар и казаков незадолго до Бородинской битвы.

Отряд Давыдова действовал сначала против небольших групп противника (фуражирных команд, небольших обозов и т.д.). Постепенно команда Давыдова обрастала за счет отбитых русских пленных. «За неимением русских мундиров я одел их во французские мундиры и вооружил их французскими ружьями, оставя им для приметы русские фуражки вместо киверов», – писал позднее Д. Давыдов.

Вскоре у Давыдова было уже 500 человек. Это позволило ему увеличить размах операций. 12 сентября 1812 г. отряд Давыдова разгромил крупный обоз неприятеля в районе Вязьмы. В плен было взято 276 солдат, 32 повозки, две фуры с патронами и 340 ружей, которые Давыдов передал ополченцам.

Французы не на шутку встревожились, видя успешные действия отряда Давыдова в районе Вязьмы. Для его разгрома был выделен 2-тысячный карательный отряд, но все усилия были тщетны – местные крестьяне вовремя предупреждали Давыдова, и он уходил от карателей, продолжая громить обозы противника и отбивая русских военнопленных.

Успехи войсковых партизан побудили Кутузова активно использовать эту форму борьбы с неприятелем во время отхода от Бородина к Москве. Так возник крупный

партизанский отряд (4 кавалерийских полка) под командованием другого прославленного партизана – генерала И.С. Дорохова. Отряд Дорохова успешно громил транспорты неприятеля по Смоленской дороге с 7 по 14 сентября, захватив в плен более 1,4 тыс. солдат и офицеров противника. Крупной операцией отряда Дорохова явился разгром французского гарнизона в городе Верея 19 сентября 1812 г. Охранявший город вестфальский полк из корпуса Жюно был наголову разбит.

Очевидные успехи отрядов Давыдова и Дорохова, а молва об их победах быстро распространилась по всем центральным губерниям России и в русской армии, стимулировали создания новых отрядов войсковых партизан. Во время пребывания на Тарутинской позиции Кутузов создал еще несколько таких отрядов: капитанов А.Н. Сеславина и А.С. Фигнера, полковников И.М. Вадбольского, И.Ф. Чернозубова, В.И. Пренделя, Н.Д. Кудашева и др. Все они действовали на дорогах, ведущих к Москве.

Войсковые партизаны доставляли много неприятностей и тревог Наполеону. Ему пришлось отвлечь на охрану дорог из Москвы значительные силы. Но все усилия были тщетны. Кутузов имел все основания сообщать царю, что «партизаны мои наводили страх и ужас на неприятеля, отняв все способы продовольствия».

Другие партизаны

Самый известный партизан того времени – вероятно, «Старостиха Василиса». Вдова местного старосты Василиса Кожина (примерно 1780–1840) организовала в Сычевском уезде Смоленской губернии партизанский отряд из подростков и женщин.

Сначала староста Дмитрий Кожин организовал сопротивление «фуражной команде». И был убит, вместе со многими односельчанами, а Сычевку ограбили дочиста. Односельчане, справив поминки по старосте, единодушно избрали ее старостихой, сопроводив избрание словами: «Будь ты на место мужа. Ты – баба с головой».

Все вооружение партизан составляли вилы, рогатины и косы. При отступлении наполеоновских войск из Москвы

партизаны нападали на французские отряды, захватывали пленных и после передавали их русским войскам. За этот подвиг Василиса Кожина была удостоена медали и денежного пособия.

Но что характерно – даже точного времени ее рождения и смерти мы не знаем.

Менее известно, что в августе 1812 партизанская борьба крестьян приобрела в августе в Смоленской губернии. Она началась в Красненском, Поречском уездах, а затем в Бельском, Рославльском и Вяземском уездах.

Обычно во главе таких отрядов становились раненые или отставшие по болезни кадровые солдаты или унтер-офицеры. Один из таких крупных партизанских отрядов возглавил в районе Гжатска солдат Еремей Четвертаков, рядовой солдат драгунского кавалерийского полка. В бою под Царево-Займищем он попал в плен, но через три дня бежал. Сколотив отряд из крестьян, вооруженных самодельными пиками, Четвертаков стал нападать на небольшие отряды неприятеля. Вскоре у него было 300 бойцов, вооруженных французским оружием. Четвертаков организовал охрану окрестных сел, наладил разведку.

Со временем отряд Четвертакова вступал в бой даже с крупными отрядами захватчиков. Однажды целый французский батальон уклонился от сражения с Четвертаковым. Партизанский отряд к октябрю 1812 г. достиг численности почти 4 тыс. человек (целый партизанский полк!), и стал громить крупные воинские соединения. В 1813 году, Еремей Васильевич Четвертаков был награжден знаком отличия военного ордена – Георгиевским крестом, высшей наградой солдата русской армии.

В той же Смоленской губернии в Сычевском уезде партизанский отряд из 400 человек возглавил отставной суворовский солдат С. Емельянов. Отряд провел 15 боев, уничтожил 572 солдата противника и взял в плен 325 человек.

В одном из боев во время отступления был тяжело ранен гусар Федор Потапов, по прозвищу Самусь. Его приютили крестьяне. Оправившись от ран, Самусь создал партизанский отряд из крестьян. Вскоре в отряде было уже более

З тысяч человек. Самусь разработал систему колокольных сигналов, благодаря чему партизаны и жители окрестных деревень знали о движении и количестве неприятеля. Отряд хорошо вооружился, отбив у врага ору́жие, достали даже пушку.

Чем дальше продвигалась вражеская армия, тем больше ожесточался русский народ, тем упорнее он защищался. «Можно без преувеличения сказать, что многие тысячи врага истреблены крестьянами», – писал Кутузов.

Он высоко оценил действия крестьян в их неравной борьбе с «великой армией» в своей реляции Александру I «О патриотических подвигах крестьян Калужской и Московской губерний», датированной 23.10.1812 г.

Всемиловитый государь!

С душевным удовольствием русского сердца всеподданнейшим долгом считаю донести Вашему императорскому величеству о поведении крестьян Калужской и Московской губерний в бурное время неприятельского в оных пребывания. Неприятель употребил все усилия, которыми можно обольстить другие народы, раздавал серебро с тем, чтобы привлечь их на свою сторону и тем сих мирных людей противопоставить правительству, но ничто не могло поколебать сих христолюбивых сердец и одушевленных любовью к высочайшему престолу. С мученическою твердостью переносили они все удары, сопряженные с нашествием неприятеля, скрывали в леса свои семейства и малолетних детей, а сами вооруженные искали поражения в мирных жилищах своих появляющимся хищником. Нередко самые женщины хитрым образом улавливали сих злодеев и наказывали смертью их покушения, и нередко вооруженные поселяне присоединяясь к нашим партизанам, весьма им способствовали в истреблении врага, и можно без увеличения сказать, что многие тысячи неприятеля истреблены крестьянами. Подвиги сии столь велики, многочисленны и восхитительны духу россиянина, что единственно торжественное изъявление высочайшего Вашего императорского величества благоволения к сим губерниям может им воздать и возбудить подоб-

ное соревнование в жителях прочих наших губерний, что я всеподданнейше и испрашиваю.

*Всемилоостивейший государь,
Вашего императорского величества
всеподданнейший
князь Михайла Г(оленищев)-Кутузов.*

Одновременно на оккупированной территории существовали районы, где не было ни французской, ни русской администрации, и которые жили крестьянским самоуправлением, под контролем партизанских отрядов: Борисовский уезд в Минской губернии, Гжатский и Сычевский уезды в Смоленской, Вохонская волость и окрестности Колоцкого монастыря в Московской.

Мы мало знаем обо всех простолюдинах-партизанах. А тем более не знаем ничего о своего рода «зеленых 19-го века». Мало сведений у нас о Герасиме Курине – крестьянине одного из подмосковных сел. Несомненно, он был выдающимся руководителем партизан. Отряд Г. М. Курина, насчитывающий 5 тысяч пеших и 500 конных партизан, взял в плен большое число вражеских солдат, захватил 3 пушки и много другого оружия.

В Боронницком уезде действиями двух тысяч партизан из разных сел и деревень руководили – староста села Константинова Семен Тихонов, староста деревни Сельвачевой Егор Васильев, староста села Починок Яков Петров и несколько крестьян из села Дурнихи. 22 сентября крестьяне – партизаны Боронницкого уезда стремительно начали и разгромили отряд французов, который был на подходе к селу Мяскову. Но и русских помещиков долго к себе не пускали.

Шаромыжники

Честно говоря, я и сам толком не знаю, как правильно: шеромыжники или шаромыжники? Само слово происходит от французского «мон шер ами»... мой дорогой друг. Так обращались к русским людям французы осенью 1812 года. Подыхая от голода, трясясь от холода в обрыв-

ках летнего обмундирования, они если сразу не бежали навстречу русским, то только из страха перед ними.

И было шаромыжников очень, очень много. Уже ко времени Бородина до 10 тысяч солдат Великой армии оказалось в плену: в основном люди из фуражных команд. К декабрю 1812 года, когда исход остатков Великой армии из России завершился, в стране осталось 216 тысяч «шаромыжников».

Это стоит иметь в виду, читая ставшие традицией слова про «полное искоренение наполеоновских полчищ» и прочие стереотипы. Третья часть, а то и 40% Великой армии не погибла и не бежала. Она разбрелась по России и постепенно, поодиночке или группами, сдавалась в плен. Не обязательно военнотружущим или партизанам! Множество шаромыжников прибывались к крестьянам – неважно, что делать, только пустите в тепло и покормите хоть чем-нибудь.

У правительства это полчище вчерашних врагов вызвало даже некоторое опасение: в 1813 году регулярная армия и ополчение, до 3 млн людей, пошли в зарубежный поход. Почти все вооруженные и обученные мужчины! А в самой стране – до 200 тысяч здоровенных мужиков с опытом участия в войне! Но шаромыжники вели себя на удивление тихо, никаких неприятностей от них не было.

Прибывались они и к помещичьим имениям, дворянским гнездам. Французский гувернер стоил в те времена не меньше 1 тысячи рублей в год – сумма, совершенно неподъемная для абсолютного большинства помещиков, а тем более для служащих дворян.

А тут – целые толпы гувернеров! Скажем, настоящий французский офицер! Или его продают казаки за полтинник или за рубль, или он сам, изнеможенно кашляя, страшно голодный, полубольной, стучится у ворот, протягивает руку за подаванием. Это же прекрасный, уже готовый гувернер, он научит Петеньку и Коленьку французскому языку и хорошим манерам, французскому изяществу и высокой культуре!

А очень часто пленный или беглый ветеран Великой армии был фламандцем или немцем из Гамбурга, который за годы жизни в казарме и свой родной язык подзабыл,

и французского толком не выучил, говорил на кошмарном грубом жаргоне, сморкался в два пальца, жрал руками, зато ругался на пяти европейских языках.

Один такой гувернер из шаромыжников, некий Капэ, попал раненым в плен и стал гувернером Миши Лермонтова в имении его бабушки, в Тарханах. О другом таком гувернере из-под забора, некоем мосье Гражане, рассказывает в своих записках русский экономист Юрий Арнольд. Поместье Арнольдов находилось в Могилевской губернии, и в то время не иметь «своего» гувернера из пленных становилось просто неприлично. Гражан был этническим французом, барабанщиком в одном из полков. Воевать он начал еще в 1792 году. За тепло и пищу он готов был учить не то что родному французскому, а хоть марсианскому языку. К 8-летнему воспитаннику Гражан, похоже, искренне привязался: примерно 35 лет, он никогда не имел жены и детей. Мальчик был в восторге от такого дядьки! С утра до вечера он мог рассказывать байки о походах и странах, в которых побывал, учил плавать, жечь костры, разбивать палатку, выбивать на барабане воинские команды! Мальчик обожал дядьку и очень плакал, когда тот в 1818 г. уехал на родину, в свою «прекрасную Францию».

Вот только папенька и маменька относились к отъезду Гражана более сдержанно и особо его не удерживали, потому что французский, которому учил Гражан, был жуткой и грубой смесью языков, солдатским аргю. Позже Юра Арнольд поступил в дворянский пансион в Москве, и оказалось, что произносимые им фразы при переводе на русский прозвучат примерно как: «Жрать, засранцы!» или «Ползет, как беременная вошь по дерьму». Пришлось переучиваться. Гражан, конечно, не виноват, он учил воспитанника, чему умел и как умел.

Во время войны из пленных формировали «франко-итальянский» хорватский, «испано-португальский» и прочие легионы. Как у Наполеона воевало 8 тысяч этнических русских из России, так в составе армии Российской империи окончил войну до 7–8 тысяч перебежчиков.

После войны около половины шерамыжников уехала домой. Известна потрясающая история про собачку – белую

французскую болонку. Она потерялась в России и через два года пришла домой, в Южную Францию. Ее хозяин был жив и не мог нарадоваться на верное животное. Не очень типичная для Великой армии история со счастливым концом.

Вторая половина шаромыжников навсегда осталась в России. Что характерно – пресса в Европе писала, что пленных удерживают в «дикой России», как рабов. Бурбоны издавали указы за указами, требуя от «сынов Франции» немедленно вернуться в «землю отцов». А они вовсе не рвались.

Были это люди самых разных классов общества, судьбы их складывались различно. Трех ветеранов Наполеона отправили по их собственному желанию на Алтай как «вольных хлебопашцев». Другие записывались в казаки. Краевед Юдин в конце XIX века нашел 49 потомков воинов Великой армии, ставших казаками. Во втором поколении Жандр сделался Жандровым, Биньелон – Беловым, и так далее. Вот немцы фамилий не меняли, дав начало казачьим фамилиям Бергов и Шмидтов.

Некоторые сделали карьеру, вплоть до генералов русской армии. Почему бы и нет?

Последний ветеран Великой армии, ровесник Наполеона, Жан-Батист Савен (1769–1894) умер в Саратове в возрасте 125 лет. Он зарабатывал на жизнь, преподавая французский язык и фехтование в гимназии, потом стал владельцем художественной мастерской. Крупные черты лица, длинная белая борода, спокойное поведение... местные жители принимали его за татарина, он и отвечал по-татарски – этот язык он тоже выучил. На его могиле поставили памятник с надписями по-русски и по-французски: «Последнему ветерану Великой Армии».

Потомки шаромыжников по прямой мужской линии в России и сейчас носят фамилии Машеров, Машанов, Берту, Савари, Симон и так далее. Есть даже Жари – то ли фамилия, то ли предок семьи так выговаривал слово «жрать».

Французская армия и Франция

Кутозов сдал Москву и тем самым сохранил армию. Сохранив армию, он сохранил и Россию.

Наполеон совершил прямо противоположное: он погубил свою армию и тем самым обрек на взятие Париж, и на поражение Францию. Армия была не просто разбита. Она попала в ужасное положение, не снабженная буквально ничем. А Наполеон ее попросту бросил, спасая сам себя и свое окружение. Солдатам он предоставил выбирать из России, как им самим больше нравится.

Иногда пишется, что он старался вывести из России как можно больше своих солдат. Ниоткуда не видно, чтобы он это делал. Наоборот, 26 ноября, при переправе через Березину он прямо отдал приказ: в первую очередь переправлять солдат сильных, здоровых, с оружием. 40 тысяч больных, безоружных солдат фактически обрекали на смерть.

К ночи 27 ноября стали прибывать отставшие отряды, толпы небоеспособных солдат, гражданские с обозами. Наполеон приказал пропускать воинские команды («боеспособные, идущие в строю»), повозки не пропускались (за исключением карет маршалов). В страхе перед казаками у переправы скопились тысячи женщин, детей, раненых и обмороженных, ожидавших разрешения проехать со своими повозками. Их не пускали.

Тактика русской армии была двойственной: Александр I хотел окружить и пленить как можно больше французов. Кутузов, похоже, предпочитал беречь русскую армию и только мешал французам уходить от гибельных окрестностей, ими же разоренных летом. Когда французы пошли по территории Белоруссии, менее разоренной войной, русская армия активизировалась. Например, 16 ноября Чичагов занял Минск, где захватил большие запасы провизии для Наполеона. Минск являлся одним из крупных тыловых пунктов снабжения войск Наполеона, его потеря обрекала на голодную смерть многих, кто иначе мог бы спастись.

21 ноября авангард Чичагова под командованием генерала Ламберта захватил Борисов, где Наполеон планировал переправиться через Березину.

Как именно это происходило, есть много свидетельств одно другого страшнее. «Борисов горел; французы грелись, и даже буквально поджаривались у его пылающих развалин, и умирали со всеми признаками умственно-

го расстройства, богохульствуя и проклиная Наполеона перед смертью. И как им было не проклинать императора Франции, если они со времени ухода с Москвы не ели практически ничего, кроме собственных строевых лошадей, а на каждой русской версте оставалось от 50 до 300 их погибших товарищей, трупы которых местами буквально громоздились друг на друга»¹.

«Тысячи были замерзших и умерших людей, – писал о тех днях А.П. Ермолов. – Нигде не было пристанища; местечки и селения обращены в пепел, и умножавшиеся пленные, все больше больные и раненые, большое число чиновников, должны были ожидать неизбежной смерти. Ежеминутное зрелище страждущего человечества истощало страдание, и само чувство сожаления притупляло»².

Через кое-как наведенные мосты лезет толпа, давит ослабевших, больных, детей им женщин. А вокруг идут бои за переправу.

К 28 ноября через Березину успело переправиться до 60 тысяч человек. Естественно, переправились Наполеон, его маршалы и генералы. Ближе к вечеру 28 ноября на собравшуюся толпу стали сыпаться ядра артиллерии Витгенштейна. Толпы людей кинулись к мостам. Один из мостов рухнул. В создавшемся беспорядке переправа застопорилась, люди, по свидетельству очевидца, погибали в давке от удушья. Отступавшие ночью, при продолжающемся обстреле, части Виктора смели с моста в реку повозки и людей. Тогда в Березину рухнул и «золотой обоз», в котором Наполеон увозил сокровища Кремля. Ему они не достались. Во время боев в трех французских корпусах убито и ранено 13 генералов³.

29 ноября в 9 часов утра французский офицер Серюрье, выполняя приказ генерала Эбле, сжег мосты. Военные обозы французов и огромное число «небоеспособных» остались на восточном берегу. На эту многотысячную тол-

¹ Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 3. – СПб., 1860.

² Ермолов А.П. Записки. – М., 1865.

³ Из воспоминаний французского офицера Кастеллана / Французы в России. 1812 г., – М., 1912.

пу практически безоружных людей налетели казаки. Их незря панически боялись. Когда к месту переправы подошли части Витгенштейна, уничтожая отставшие части французов, им открылась жуткая картина:

«Вечеру того дня равнина Веселовская, довольно странная, представляла ужаснейшую, невыразимую картину: она была покрыта каретами, телегами, большею частью переломанными, наваленными одна на другую, устлана телами умерших женщин и детей, которые следовали за армией из Москвы, спасаясь от бедствий сего города или желая сопутствовать своим соотечественникам, которых смерть поражала различным образом. Участь сих несчастных, находящихся между двумя сражающимися армиями, была гибельная смерть; многие были растоптаны лошадьми, другие раздавлены тяжелыми повозками, иные поражены градом пуль и ядер, иные утоплены в реке при переправе с войсками или, ободранные солдатами, брошены нагие в снег, где холод скоро прекратил их мучения... По самому умеренному исчислению, потеря простирается до десяти тысяч человек...»¹ Так вспоминал об увиденном офицер Мартос.

Отмечу этих «ободранных», то есть раздетых донага детей и женщин, брошенных умирать в снег. Это мы опять о красивой, героической, рыцарской войне 1812 года.

Во Франции рассказывались еще очень долго истории по то, как обезумевшие от голода французские солдаты отрезали от еще живых лошадей куски мяса и ели его сырым. А лошади, окостеневшие от страшного холода, как от наркоза, не замечали этого и продолжали двигаться.

Барон Мюнхгаузен переворачивался в гробу: такого даже он не придумал.

Говорили и о далеко не единичных случаях каннибализма. Судя по описаниям русских, это уже не Мюнхгаузен.

Писали, что русские покупали у казаков дленных и ели их, варили живыми и сажали на кол. Что ели, сомнительно, у русских еда была.

Во всяком случае, на Березине остатки Великой армии окончательно погибли. Ее просто не стало.

¹ Тарле Е.Н. Нашествие Наполеона на Россию. – М., 1943.

Наполеон же... Он не только спас Россию, помог организовать Отечественную войну, но и приложил колоссальные силы, чтобы погубить свою собственную армию. Будь на свете справедливость, ему следовало бы поставить памятник на Березине, как вернейшему союзнику России и русской армии. Памятник должен изображать, вероятно, французских солдат, поджаривающих мясо уже умерших товарищей на пожарах Борисова.

Виве л'Имперриор! Да здравствует император!

К 21 декабря 1812 г. через Восточную Пруссию прошло из Великой армии 255 генералов, 5111 офицеров, 26 950 низших чинов, «в жалком состоянии и основном безоружных»¹. Многие из них и оказавшись на временно безопасной территории, умирали от болезней изнурения.

Еще было примерно 6 тысяч солдат из корпусов Ренье и Макдональда, действовавших на других направлениях. Видимо, из всех этих вернувшихся солдат и собрались позднее 23 тысячи (упоминаемые Клаузевицем) под началом французов.

Сохранилась легенда, что когда Наполеон примчался во Францию, вторично бросив в Пруссии остатки своей армии, его спросили:

– Где армия?

– Армии нет, – пожал плечами Наполеон и тут же начал сколачивать новую.

Относительно большое количество спасшихся генералов и офицеров позволило Наполеону организовать новую армию, призвав рекрутов 1813 года. Но эти свежие силы не могли заменить ветеранов, погибших в России или разбредшихся как шаромыжники.

В 1813 году Наполеон потерпел поражение в битве под Лейпцигом и в 1814 г. отрекся от трона Франции. Судорожно дернулся в 1815 г. и окончательно потерял все, был сослан в плен к ненавистным британцам на остров Святой Елены. Потеряв армию, он закономерно потерял и империю, и Францию. Об этом я не буду рассказывать подробно, это особая тема.

¹ Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. – М., 1941 г., с. 265.

О чем еще надо сказать – это потери русской армии. Она ведь не встала на зимние квартиры, а в холодное время года, порой по колена в снегу, продолжала гвоздить неприятеля вплоть до полного его изгнания из России.

Историк XIX века Богданович М.И. оценивает потери русской армии в 210 тысяч солдат и ополченцев¹.

Перст Божий?

Во всякую историческую эпоху можно отыскивать странные события, не укладывающиеся или мало укладывающиеся в представления о естественном и закономерном. Но «нашествие двенадцати языков» – это сплошная цепь событий, каждое из которых само по себе крайне маловероятно. А тут их сразу множество, одно за другим:

1. Распад антирусской коалиции за считанные недели перед нашествием.

2. Массовый падеж скота и лошадей.

3. Неготовность Наполеона к зимней кампании.

4. Невозможность идти на Петербург.

5. Отказ раскрепостить крестьян в России.

6. Цепь событий, которая спасла Кремль и храмы Москвы: сильный дождь, странные сложности с фитилями, несработавшие запалы, быстрая помощь, появившаяся буквально в считанные минуты.

7. Гибель награбленного в водах Березины.

Предки у нас были люди отсталые – что крестьяне, что всякая петербургская деревенщина вроде русских царей или А.С. Пушкина. Мало кто сомневался в том, что в спасении России видна Горняя сила, перст Божий.

Наш отсталый, малокультурный император в Манифесте 31 декабря 1812 говорил: «Зрелище гибели войск его [Наполеона. – А.Б.] невероятно! Кто мог сие сделать?.. Да познаем в великом деле сем промысел Божий».

Именно с этими интуициями в 1834 году в центре Дворцовой площади в Санкт-Петербурге был возведен Александровский столп. Поставлен он архитектором Огюстом

¹ Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 3. – СПб., 1860, с. 396.

Ришаром Монферраном по заказу императора Николая I в память о победе его старшего брата – императора Александра I над Наполеоном.

Монферран создал монумент, представляющий собой огромную колонну из розового гранита, стоящую на квадратном пьедестале. Венчает колонну скульптура работы Орловского, изображающая позолоченного ангела с лицом императора Александра I. В левой руке ангел держит крест, а правую воздевает к небу.

Высота столпа вместе со статуей – 47,5 м при диаметре в 3,66 метра. Он выше всех аналогичных монументов мира: Вандомской колонны в Париже, колонны Траяна в Риме и колонны Помпея в Александрии. Это очень величественный столп.

Автор знает, что Бога придумали попы, чтобы обманывать рабочих. Со времен якобинцев об этом много говорили, очень громко и эмоционально. Не буду оспаривать гениальные выводы передовых людей. Они ведь точно знают, как устроен мир. Они руководствуются картами из «Великой» французской «Энциклопедии», готовы утопить в Луаре всех «равнодушных» и неустанно борются с метеоритами. Эти люди очень последовательно не замечают всего, что разрушает их убогие, я хотел сказать, их прогрессивные представления.

Но автор не умеет бороться с метеоритами. Он – клерикальный феодал и феодальный клерикал и видит ровно то, что есть, а не что велено видеть на сходке, простите за выражение, интеллигенции. Я не умею не замечать того, чего не понимаю, и что кажется мне странным и необъяснимым. Поэтому, нисколько ни на чем не настаивая, отмечу странное нагромождение случайностей, спасшее Россию от ужасов гражданской войны, погубившее Наполеона и даже лишившее его награбленного в России.

И задам отсталый, реакционный такой вопрос. А вдруг не случайно на Александрийском столпе указывает ангел в хмурое питерское небо?

Вместо заключения

ЭХО НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

Ленин – это гриб.

В. Курехин

Наполеона Бонапарта, о котором столько писали и говорили, просто не существовало. Это всего лишь фигура аллегорическая – олицетворение солнца.

Жан Батист Перес

Странности исторической памяти

Эпоха войн с Наполеоном. Судьба двух поколений – война, участие в больших европейских войнах. В XX веке войны такого масштаба назвали бы Мировыми.

Историки справедливо замечают странный «провал» зияет в дворянских фамилиях. В 1820, в 1825 году, в 1830 годах действуют или старики, родившиеся в 1760–1770-х годах (в эпоху войн с Наполеоном им было за сорок – очень солидный возраст по понятиям того времени). Или действуют люди совсем молодые – люди, родившиеся с 1795 по 1810 год.

Под Аустерлицем ревели пушки, и всадники на всем скаку рушились, встречая картечь. А им было от силы 5 или 7 лет.

Пылала Москва, пылила Старая Калужская дорога под сапогами, Кутузов произносил свое знаменитое: «Потеряем Москву – спасем Россию. Защитим Москву – потеряем армию и погубим Россию». А им было от 5 до 15 лет.

Самые старшие уже хотели в армию, остро чувствовали себя обнесенными чашей на пиру жизни... Так ощущал себя и Александр Сергеевич Пушкин в 1812 году.

К 1820 году поколение, опоздавшее бить Наполеона, повзрослело, сделалось заметной частью общества. С ними, с племенем младым, незнакомым, заметны те, кому уже за 50, за 60. И очень мало людей, родившихся между 1775 г. и 1790 г. Войны с Наполеоном – это совсем не войны с Турцией или с дикими кочевниками. Целое поколение выхлестано в войнах с Наполеоном.

Какое поколение? Дворянское и разночинное. Трудно найти дворянскую семью, в которой нет по крайней мере одного-двух убитых. В некоторых семьях вообще не осталось мужчин. Масштаб потерь такой же, как во всем народе во время Первой и Второй мировых войн.

Было бы по крайней мере странно, если бы государство Российское не пыталось увековечить память о страшной эпохе войн. И об Отечественной войне, когда рука Всевышнего так явственно простерлась над Россией.

К концу 1812 года на русской земле не осталось ни одного наполеоновского солдата. Русская армия подошла к границам Российской империи. 25 декабря 1812 года, в день великого праздника Рождества Христа Спасителя, император Александр I подписал «Высочайший благодарственный манифест об изъявлении народу благодарности за спасение Отечества».

«Объявляем всенародно, что спасение России от врагов, столь же многочисленных, сколь злых и свирепых, совершенное в шесть месяцев всех их истребление – есть явно излившаяся на Россию благодать Божия, есть поистине достопамятное происшествие, которое не изгладят века из бытописаний. В сохранение вечной памяти, усердия, верности и любви к вере и Отечеству, какими превознес себя народ Российский, и в ознаменование благодарности Нашей к промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели, вознамерились Мы в первопрестольном граде Нашем Москве создать церковь во имя Спасителя Христа. Да простоят сей храм многие века, да курится в нем пред святым престолом Божиим кадило благодарности и от

позднейших поколений вместе с любовью и подражанием к делам их предков».

Уже при Николае I храм Христа Спасителя начал строиться в 1839 г. по проекту К. Тона. Строительство продолжалось почти 44 года, храм был освящен в честь Рождества Христова 26 мая 1883 года.

На стенах храма были начертаны имена офицеров русской армии, павших в войнах 1812–1815 годов.

Храм был воздвигнут в благодарность Богу «в сохранение вечной памяти того беспримерного усердия, верности и любви к Вере и Отечеству, какими в сии трудные времена превознес себя народ российский, и в ознаменование благодарности Нашей к промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели».

5 декабря 1931 года здание храма заминировали. «Задерем подол матушке-России», – произнес Лазарь Каганович и повернул ручку взрывателя.

В Петербурге в 1814 году воздвигли памятник победителям французов – Нарвские триумфальные ворота, по случаю возвращения армии из Европы. Но ворота были изготовлены из недолговечных материалов – дерева и алебаstra – и уже через десять лет пришли в ветхость и представляли серьезную угрозу для прохожих. Было принято решение возобновить ворота «в мраморе, граните и меди». Проектирование новых Триумфальных ворот было поручено архитектору Стасову. В 1834 году их торжественно открыли.

В 1826 году в Зимнем дворце по проекту Карла Росси создана галерея 1812 года – историко-художественный памятник воинской славы России. На стенах галереи размещены 332 портрета генералов – участников Отечественной войны 1812 года и заграничного похода 1813–1814 гг., выполненные Джорджем Доу и его помощниками.

В 1834 г. поставили Александрийский столп.

И позже об увековечении памяти 1812 года не забывали. К 100-летию 1812 года, в 1912 г., создана панорама Ф.А. Рубо «Бородинская битва».

Ни на одном из этих памятников и ни в какой форме не показаны люди туземной России. Их просто нет, и все.

Национальный подъем

Россияне не могли не понимать, что эпоха наполеоновских войн – судьбоносная и рубежная.

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.
Его позвали всеблагие
Как собеседника на пир.

Вот их и позвали, только не все вернулись с «пира». И если вооруженные взрослые дядьки хотя бы выбирали свою судьбу, то ее не выбирали мертвые дети, растоптанные лошадьми у переправы через Березину.

Россияне прекрасно понимали, что Отечественная война 1812 года – переломный и важнейший эпизод эпохи наполеоновских войн. Именно эта война развеяла в прах наполеоновские планы мирового господства, положила начало гибели его империи. Эта война высоко подняла международный престиж России, сделала ее политическим лидером Европы.

Отечественная война вызвала общенациональный подъем. Дворяне жестко, раз и навсегда осознали, что они – никак не французские эмигранты. И потом будут рассуждения о «глупой нации-с», которую, хорошо бы, завоевала бы «нация умная-с». Но Достоевский вкладывает эти уныло-злобные речи в уста лакея, а никак не дворянина. В 1812 году были случаи, когда ополченцы обстреливали разъезды дворянской конницы: мундиры незнакомые, а говорят между собой по-французски. Теперь поколения «французских эмигрантов» навсегда заговорили по-русски.

Народ же был уверен – теперь-то уж точно будет воля! И не из рук завоевателей, а из рук своего же правительства.

Ведь народный характер войны 1812 года отделял ее от всех предыдущих войн с Наполеоном. И очень точно сказал об этом академик В.И. Пичета: «Великий завоеватель столкнулся с великим народом и был разбит»¹.

¹ Пичета В.И. История народного хозяйства в России XIX–XX веков. Начало индустриализации и разложение крепостного хозяйства. – М., 1922.

Даже «великий демократ» и всяческий обличитель всяческого А. Герцен писал: «Народ этот убежден, что у себя дома он непобедим, эта мысль лежит в глубине сознания каждого крестьянина, это – его политическая религия. Когда он увидел иностранца на своей земле в качестве неприятеля, он бросил плуг и схватился за ружье. Умирая на поле битвы за «белого царя и пресвятую богородицу», на самом деле он умирал за неприкосновенность русской территории».

Победа над Наполеоном вызвала бурный рост национального самосознания

Во всей русской исторической и художественной литературе эпоха Отечественной войны 1812 года стала временем невиданного духовного подъема и патриотического воодушевления. Это было время единения всех граждан России, независимо от сословных различий между ними.

Но в том-то и дело, что никакой воли не последовало.

Александр I явно хотел ее ввести! Общенациональный подъем, казалось бы, прекрасное время дать свободу основной части населения России!

Почему же воля так и не настала в России?

Две разных памяти

Петербургские дамы буквально обожествляли императора Александра. Но не всегда понимали. Сохранился рассказ о прогулке Александра I по набережной Невы. Был холодный и ветреный зимний день. Александр Павлович встречает некую госпожу. «Как это вы не боитесь холода?» – спрашивает он ее. «А вы, государь?» – «О, я другое дело: я солдат». – «Как! Помилуйте, ваше величество, как! Будто вы солдат!» – искренне недоумевала дама.

Дама отказывалась признать императора солдатом. Ведь солдат – это одетый в мундир мужик. Какой же император – солдат?! Мыслимое ли дело!

И про общенациональный подъем надо бы поосторожнее. Для 40 миллионов населения Российской империи эпоха наполеоновских войн и Отечественная война 1812 года – совсем другое событие, чем для миллиона дворян и полумил-

лиона разночинцев. Эти события намного слабее затронули народные массы. Для русских европейцев это были события масштабов мировой войны. А для крестьян...

Врекруты брали одного из тысячи, во время войн с Наполеоном – 5 из тысячи. Жребий не бросали среди единственных сыновей и среди первых сыновей. Из русских туземцев воевали и сложили головы немногие, буквально единицы. Сто – сто пятьдесят тысяч человек на 40 миллионов всего населения – это совершенно другой масштаб, чем 10–15 тысяч на сто тысяч дворян.

Крестьяне воевали и в партизанских отрядах, Смоленск зажгли сами же его жители... Все так, но ведь достаточно посмотреть на карты того времени, и видно – война шла узкой полосой в сто-двести верст. В ста верстах к северу или югу от этой полосы никакой войны не было. Самое большее 1 миллион русских туземцев (2–3% общего числа) жили в этой полосе и вообще видели французского солдата или офицера – а не то что воевали с французами.

Из русских европейцев воевали 20–30% всего мужского населения.

Из туземцев – от силы 2%, в десять раз меньше.

К тому же кто сказал, что все крестьяне поголовно воевали с Наполеоном? Или скажем так – что они воевали ТОЛЬКО с Наполеоном? О патриотизме русских крестьян написано и сказано много. Старостиха Кожина, ведущая пленных французов, крестьяне, сжигающие хлеб и угоняющие скот, лишь бы не достался французам... Это было.

Но было и явление, которое некоторые историки называют «вторым изданием пугачевщины»: как только рухнула власть Российской империи, крестьяне начинают войну и с французами, и с русскими войсками. Они жгут помещичьи имения, не пускают на свою территорию никаких вооруженных людей – обеих армий.

Говорить, писать, даже упоминать о таких действиях считалось глубоко непатриотичным, даже неприличным. Есть туманные упоминания о крестьянской войне в «Войне и мире» Льва Толстого: история бунта в имении князей Болконских, в Богучарове. Мужики этого села, все время руководствуясь какими-то неясными слухами (потому

что дикие); толкуют про то, что еще в 1797 году воля выходила, да господу отняли. То они пытаются переселяться на «теплые реки», то придумывают еще какую-нибудь не-сусветную глупость. Слух о приближении Наполеона соединяется для них «с такими же неясными представлениями об антихристе, конце света и чистой воле»¹.

Этот пересказ «неясных слухов» не так уж трудно понять, и без всяких ссылок на непостижимость народного инстинкта... Крестьяне Богучарова хотели свободы, бежали на Кубань и ничего не имели против прихода Наполеона. Помещику же своему от души желали провалиться под землю, быть унесенным вихрями враждебными или погибнуть в войне с французами.

В истории, которую рассказывает Л. Толстой, все «правильно»: и мужики дикие, и поступки их нелепые; сами не понимая, зачем это нужно, мужики пытаются удержать княжну Марью... и мгновенно приходят в себя, стоит Николаю Ростову дать главному зачинщику по морде и заорать классическое:

– Шапки долой²!

Но современники описанных событий (и современники Льва Толстого, поколением младше) могли читать эту историю совсем по-другому. Так сказать, могли прочесть между строк.

В XX же веке о крестьянском сопротивлении того времени написана даже специальная книга Василий Ивановича Бабкина... Но ее – уже в советское время, в 1970–1980-е годы, никто не хотел печатать, несмотря на лояльнейшее название: «Специфика классово-борьбы в эпоху 1812 года»³. Ведь «как известно», крестьяне были невероятными патриотами!

Многие стороны Отечественной войны 1830 года почти что скрываются до сих пор. Читатель! В каком учебнике

¹ Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в четырнадцать томах. Том шестой. – М., 1951. с. 147.

² Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в четырнадцать томах. Том шестой. – М., 1951. с. 166–167.

³ Автор смог ознакомиться с этой потрясающей работой благодаря сотрудничеству Е.Н. Сметанина. Огромное вам спасибо, Евгений Николаевич!

России упоминается Русский легион армии Наполеона? Замечу – военнопленных никто не принуждал воевать со своим Отечеством. Они преспокойно жили во Франции или в германских городах, получая довольствие от властей и не подвергаясь никаким репрессиям. Даже к труду их никто и не думал принуждать. Участие военнопленных в войне на стороне Наполеона было совершенно добровольным.

Что до крепостных... Большинство из них происходили из Западной Украины Западной Белоруссии, Прибалтики – оттуда ближе до Польши и Германии. Но порой на Запад бежали и крестьяне из Великороссии. Шли ночами, прибывались к шайкам воров, приставали к гуртовщикам и мелким торговцам...

Эти люди шли в армию Наполеона из идейных соображений – ведь сами-то они уже бежали, они-то уже не крепостные! Эти спасшиеся из рабства хотят освободить уже весь народ, для этого и идут к Наполеону.

Наполеон не рискнул издать Манифест об отмене крепостного права в России. Но тут и без призывов Наполеона к гражданской свободе – Русский легион и второе издание пугачевщины. Право же, у русских европейцев и их правительства были причины бояться русских туземцев и не особенно доверять им.

Начиная с эпохи Николая I историю лакировали и выглаживали, строили соборы и памятники (включая храм Христа Спасителя и Бородинскую панораму), превращали реальную историю в пропагандистскую схему – ту, которая устраивала правительство и русских европейцев. Схему, в которой не было никакого Русского легиона, не было никакой пугачевщины, а дикие мужики, по своей туземной тупости, чего-то не поняли и попадали на колени при первом рыке дворянина: «Запорю!». То есть, пардон, этот рык тоже неправильный, надо было: «Шапки долой». А то что про нас подумает Европа? Схема, в которой старостиha Кожина есть, а Русского легиона нет, дожила до наших дней.

Но современники-то ведь помнили, как было дело. Даже в эпоху Николая I, в 1830-м или в 1840 году, живы

были многие участники событий. Тем более они были живехоньки сразу после окончания событий, и уж тогда-то их воспоминания были очень свежими. Не этим ли объясняются многие странные события, которые трудно объяснить иначе?

Будущего декабриста Якушкина поразила такой эпизод: во время смотра возвратившейся из Франции гвардии какой-то мужик, оттесненный толпой, перебежал дорогу перед самым конем императора Александра. «Император дал шпоры своей лошади и бросился на бегущего с обнаженной шпагой. Полиция принялась бить мужика палками. Мы не верили собственным глазам и отвернулись, стыдясь за любимого царя. Это было во мне первое разочарование на его счет»¹.

Это была, наверное, очень символическая картина: перепуганный до смерти мужик, на которого тяжело скачет всадник в расшитом, сияющем золотом мундире, в высоком, тоже сияющем на солнце кивере² – русский царь.

Сцена, конечно, мрачная и тяжелая. Деятели «освободительного движения», начиная с декабристов, делали свои выводы про несчастный забитый народ, царских сатрапов и вред самодержавия.

Но ведь получается – у царя были основания видеть в мужике эдакого «внутреннего француза», символически одолеть которого – тоже доблесть. И современники событий могли читать эту сцену именно так.

«Вторая пугачевщина» скрывалась, как страшный сон, но ведь уж участники событий прекрасно знали: крестьяне вовсе не были поголовными и рьяными патриотами, вовсе не стремились любой ценой защищать царя, своего батюшку. Получается: в час торжества, на параде по случаю победы, прорывается загнанное в подсознание, но известное современникам: победа 1812 года имеет отношение только к русским европейцам! Русские туземцы – вовсе не победители в этой войне, и к тому же далеко

¹ Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. – М.-Л., 1951.

² К и в е р – высокий медный головной убор у военных всадников, закрывающий голову и лоб.

не все они – ее участники. 90% русского простонародья в войне 1812 года не участвовало!

Война с Наполеоном в 1812 году вошла в историю как Отечественная война 1812 года. Под этим псевдонимом ее проходят во всех программах по русской истории, и в школах и в вузах, так названа она и в галерее 1812 года в Эрмитаже.

Образованная верхушка великороссов, европейский русский народ, навсегда запомнил 1812 год. 1812 год остался в народной памяти как час торжества русского оружия, час патриотического подъема, героических свершений. И как время напряженной героической борьбы, время пожаров над Смоленском и Москвой, общего напряжения в борьбе с внешним врагом... Это отношение освящено колоссальными потерями народа: слишком большой кровью полита эта победа.

Пафос борьбы, смерти, победы, преодоления, освящение ее кровью чуть ли не двух третей трех мужских поколений – неотъемлемая часть русской культуры на протяжении ста пятидесяти лет. Еще автора этих строк в 1960-е воспитывали на ритуальном, чуть ли не религиозном отношении к событиям 1812 года.

Но все это – и дела, и память, и культура одних лишь русских европейцев.

У русских туземцев нет оснований присоединиться к нам в ТАКОМ отношении к событию. Русские туземцы и вели себя иначе, и запомнили все по-другому.

Русский народ надеялся, что за жертвы, разорение, изгнание неприятеля он «заслужил свободу». Однако в высочайшем манифесте 30 августа 1817 года возвещалось о даровании дворянству, духовенству, купечеству различных наград и льгот. А о крестьянах было сказано: «Крестьяне, верный наш народ – да получит мзду свою от Бога». Фраза из тех, которые трудно забыть и простить. Гибкий, дипломатичный Александр I на этот раз не захотел хотя бы смягчить формулу.

Хоть убейте, но ДО 1812 года не мог Александр I ни поскандалить на мужика с саблей, ни издать такого манифеста. Что-то изменилось для самого императора во время Отечественной войны,

Тщетны оказались надежды ратников ополчений – крепостных крестьян – на обещанную «волю» как награду за подвиг в Отечественной войне. Но может быть, это не случайно? До 1812 года император хотел раскрепостить свой народ, но не мог и боялся поссориться с военным сословием. После 1812 года он мог не меньше хотеть раскрепощения. Но эмоционально, похоже, стал к остальному дворянству ближе, чем был раньше.

Трагедия последних лет

В истории царствования и в биографии императора Александра I имеется еще немало спорных и неизученных проблем. Действительно: чем был вызван в 1821 г. отказ Александра I от открытого судебного преследования? Когда по нескольким докладам (коммунисты называли их, конечно же, «доносами»), стало ясно о существовании тайного общества «Союза благоденствия»?

Если верить легенде, император швырнул в камин списки участников общества со словами: «Не мне их судить. Я раньше думал так же». Вариант: «Не мне их судить. Я в молодости думал так же». Вариант: «Не мне их судить. Я в молодости был бы с ними».

Слова императора обычно трактуют как проявление мучений совести за события 1801 г.: «Не мне их судить», потому что сам заговорщик и отцеубийца. А почему бы не предположить, что «не мне судить», потому что думаю и чувствую так же?

Приближенные Александра I отмечали, что в последние годы он становился все мрачнее, чаще стал уединяться. Александра трудно обвинить в наивности. Он прекрасно понимал, что против него зреет заговор за заговором. Что заговоры обречены, тоже понимал. Если он, самодержец российский, не мог раскрепостить крестьян, у других тем более не получится ничего. Вспыхнет безумная революция, не лучше французской, как воспримут внезапную волю мужики – еще вопрос; скорее всего, среди них тоже вспыхнет гражданская война. А большинство дворян обрушится на заговорщиков, и начнется такая буча, что и 1793–1794 покажутся пикником.

Якушкин незадолго до восстания 14 декабря получает от Н.И. Тургенева совет быть как можно осторожнее. Ведь государь ему однажды сказал: «Эти люди могут, кого хотят возвысить или уронить в общем мнении; к тому же они имеют огромные средства; в прошлом году, во время неурожая в Смоленской губернии, они кормили целые уезды». И при этом назвал Якушкина, Пассека, Фонвизина и Муравьева. В точку!

В 1826 г. при разборе его бумаг была обнаружена записка, датируемая 1824 годом, в которой говорилось о росте «пагубного духа вольномыслия» в войсках, о существовании «по разным местам тайных обществ или клубов», с которыми якобы были связаны влиятельные лица из военных – А.П. Ермолов, Н.Н. Раевский, П.Д. Киселев, М.Ф. Орлов и другие.

Император предполагал худшее, чем было. Ермолов, Раевский, Орлов знали о заговоре, но в нем не участвовали. И выступили – против. Но Александр и от них ожидал худшего.

Как тяжело было императору... Мало того, что он не мог сделать того, что считал правильным. Так ведь оказался в положении, когда что ни сделай – будешь виноват в удушении «самого лучшего». Как при заговоре «молодых друзей» в 1807 году.

Возможно, страсти по заговорщикам ускорили его кончину. В середине июля 1825 г. Александр получил достоверные сведения о том, что против него зреет заговор в войсках, расквартированных на юге России. Эти известия заставили Александра I отменить намеченный на осень 1825 г. смотр войск в Белой Церкви. Впоследствии из показаний декабристов, членов Южного общества, стало известно, что они замыслили использовать этот смотр для своего выступления. Так что восстание было только делом времени.

1 сентября 1825 г. Александр выехал на юг, намереваясь посетить там военные поселения, Крым и Кавказ. Предлогом было поправление здоровья императрицы, но император хотел посмотреть: кто же против него злоумышляет? А может, хотел договориться с заговорщиками?

27 октября на пути из Балаклавы в Георгиевский монастырь царь сильно простудился: ехал верхом в одном мундире при сыром, пронизывающем ветре. Много позже и в поступках Николая I многие усмотрят скрытое самоубийство: стремление заболеть и не лечиться.

5 ноября он возвратился в Таганрог уже тяжелобольным, о чем написал своей матери в Петербург. Лейб-медики констатировали лихорадку. Уже в постели император получает новые сведения о заговоре: к нему в Таганрог прибыл начальник южных военных поселений граф И.О. Витт.

Витт возглавлял также и систему политического сыска на юге России и через своего агента получил новые сведения о существовании Южного общества декабристов. В докладе Витта были имена не всех, но некоторых членов тайного общества, в том числе и руководителя, П.И. Пестеля.

Еще до своей поездки в Крым Александр вызвал в Таганрог Аракчеева, но тот задержался: 10 октября дворовые убили его давнюю любовь, крепостную Анастасию Минкину.

9 ноября наступило временное облегчение, и Александр приказал арестовать выявленных членов тайной организации. Это было последнее распоряжение Александра: вскоре он окончательно слег. 14 ноября император впал в беспамятство, в бреду он несколько раз повторял: «Чудовища! Неблагодарные!»

По официальной версии, 19 ноября в 11 часов утра он скончался. Если умер и правда именно он – не в последнюю очередь по вине заговорщиков. Убить можно не только из пистолета.

Все дело по раскрытию тайной организации и аресту ее членов взял на себя начальник Главного штаба, находившийся при Александре в Таганроге, И.И. Дибич (1785–1831). Ветеран войн с Францией 1805–1815 годов, герой 1812 года, Дибич затянул следствие... Декабристы опередили его.

Третья память

Итак, «гроза двенадцатого года» живет в двух формах памяти, двух частей русского народа. Одну эту па-

мать – с храмом Христа Спасителя, галереей 1812 года, фильмами и книжками мы знаем уже потому, что сами несем ее в себе.

Вторую память русских туземцев мы знаем намного хуже... Даже практически вообще не знаем, что они думали по тому или этому поводу. Скорее догадываемся.

Обе формы народной памяти породили невероятнейшие легенды. Тут и различнейшие формы высказываний Наполеона и Кутузова, тут и Наполеон ростом с сосну.

Но есть еще и третья форма памяти о событиях. Память это революционная... потому что утопическая. Ложная «память» о том, чего никогда не было и быть не могло. А то, что реально было, преобразовано и интерпретировано в духе утопических идей.

Как это ни грустно, но память об Отечественной войне ловко «прихватизировало» «освободительное движение» в России. Само по себе это «освободительное» заслуживает особого анализа. Собственно, и не было никакого единого «освободительного движения». Ленин просто произвольно объединил в единый поток «освобождения» России от самой себя разнородные явления, и сделал таким образом «этапы освободительного движения» от Радищева через декабристов и народовольцев до пролетария с булыжником в мозолистой лапе и брошюрками Ленина в голове.

Эта книга – не про декабристов и не про народовольцев, поэтому здесь я буду говорить только том, что имеет прямое отношение к Наполеону и войнам с ним.

В схеме коммунистов декабристы оказывались самыми ранними предшественниками коммунистов. «Страшно далеки они от народа», но вместе с тем были революционны и хотели «только хорошего». Свои.

А декабристы в этой схеме считались прямым порождением 1812 года! Примерно как в том тексте, который я извлек из Интернета. Автора нет, но я готов по первому требованию указать, кто это написал. Итак:

«В 1825–1826 годах будет окончательно разгромлено декабристское движение, явившееся в России прямым следствием освободительной войны 1812 года и заграничных походов 1813–1814 годов, во время которых молодые

русские гвардейские офицеры в ярком свете республиканских идей, господствовавших в Европе, увидели чудовищные пороки своей крепостнической родины и не пожелали мириться с этим. В скобках заметим, что после победы в Великой Отечественной войне и возвращения Советской армии из освобожденной Европы Сталин испугается того же самого и подвергнет опале Г.К. Жукова, которого в определенных кругах назовут советским Бонапартом. Лаврентий Берия начнет подготовку к его физическому уничтожению. Для этого арестуют более 70 человек-«бонапартистов» из личного окружения маршала, из которых, по замыслу Сталина, органы должны будут выбить показания против своего начальника и командира. Жукова спасет только смерть «вождя всех времен и народов».

Здорово закручено! Даже с аналогами советского периода...

Сразу оговоримся: миф про декабристов вовсе не только коммунистический. Это интеллигентский миф. В своем восторженном отношении к декабристам соединились два близких мироощущения, две легенды: коммунистическая и интеллигентская.

Составляющие мифа просты: декабристы замечательные люди, их просто не поняли. То ли рано пришли, то ли и правда «страшно далеки от народа»... Но если бы декабристы взяли власть, все было бы совершенно замечательно! Ведь хотели они конституции, свободных выборов и отмены крепостного права!¹

Но конституция Н. Муравьева совершенно неприменима к реальной жизни и обнаруживает просто постыдное незнание жизни. Конституция С.П. Трубецкого вообще довольно тоталитарного свойства.

Книга Н.И. Тургенева «Опыт о налогах» – пример совершенно теоретического рассуждения. Автор понятия не имеет, что вообще происходило в России того времени.

Применение выдумок к реальности – типичный пример революционной утопии. К чему приводят попытки внедрить ее в жизнь, известно чересчур хорошо.

¹ Павленков Ф.Ф. Энциклопедический словарь. – СПб., 1899.

Вторая составляющая мифа: к декабристам принадлежали выдающиеся представители из военной аристократической молодежи»¹.

Сказать, что декабристы в целом были хуже остальных людей своего класса, будет несправедливо. Но и слово «выдающиеся» к ним тоже применимо мало.

С. Муравьев-Апостол по-русски впервые заговорил в 13 лет, а до того общался строго по-французски и по-немецки. А. Одоевский не знал букв русского алфавита. За многими из этих «дворянских революционеров» тянулись вовсе не украшающие их дела, включая воровство, казнокрадство и чудовищная жестокость. В общем, как-то они не особо выдающиеся.

Третья составляющая: все они – участники войны 1812 года. «Генералам 1812 года» – называется ставшее классическим стихотворение М. Цветаевой. Романс на эти стихи поэт романтическое создание в кружевах в фильме Рязанова «О бедном гусаре замолвите слово».

И у Герцена фраза, которую много раз цитировали по делу и не по делу: «На очень холодной площади в декабре 1825 года исчезли люди 1820-х годов с их подпрыгивающей походкой».

В общем, блестящие люди, яркие люди, красивые, умные, чудо просто! И всех погубил царский режим.

В реальности из 116 осужденных по «Делу 14 декабря» только 28 – участники войн 1812–1815 годов². Из пяти повешенных боевые офицеры: С.И. Муравьев-Апостол, и П.И. Пестель (1793). К.Ф. Рылеев (1795) выпущен прапорщиком в артиллерию и участвовал в заграничном походе. В самом конце, отнюдь не стяжав бранных подвигов.

М.П. Бестужев-Рюмин – 1803 года рождения. В 1815 ему было 12 лет.

П.Г. Каховский (1799–1826). Его участие в войне 1812 года оригинальнее всего. Был он учеником Московского кадетского училища и в августе 1812 года из Москвы вовсе не

¹ Павленков Ф. Ф. Энциклопедический словарь. – СПб., 1899.

² Крутов В.В., Швецова-Шведова Л.В. Белые пятна красного цвета. Декабристы. – М., 2001.

убежал. Он подружился с французскими солдатами Великой армии и вместе с ними грабил брошенные дома.

Именно он 14 декабря 1825 года смертельно ранил героев 1812 года: генерал-губернатора Петербурга генерала М.А. Милорадовича, командира лейб-гвардии Гренадерского полка полковника Н.К. Стюрлера. Хотел убить и «только» ранил свитского офицера П.А. Гастфера.

Это не борьба героев 1812 г. с ретроgrадами и феодалами. Скорее, это продолжение борьбы мародеров с русской армией. Герои 1812 года, после «второго издания пугачевщины», вообще намного меньше рвались к «прогрессу», чем до этого.

Четвертая составляющая мифа: декабристы нахватались вольнолюбивых идей в Европе, во время зарубежного похода. И это тоже совершеннейшая чушь. Хотя бы просто потому, что в Европе во время зарубежных походов русской армии эти идеи были в полном загоне. Революция полностью показала свою несостоятельность, выродилась в бонапартизм, залила саму себя потоками крови. Европа лежала грудой руин, полуголодная и ослабевшая. Россия на ее фоне казалась и богаче, и благополучнее.

В сущности, реальной истории декабристов у нас не знает никто, кроме кучки историков. Возможно, я еще займусь этой историей более основательно. Пока проконстатирую: почти все, что «известно» про декабристов, – полнейший миф. А связь декабристов с событиями 1812 года и зарубежными походами – миф внутри мифа. Дешевая попытка революционных трепачей легитимизировать свое убожество привязкой к событиям национального масштаба.

Многие из декабристов прямо называли себя «детьми 1812 года». На этих сказках выросли поколения революционеров. Но да черт с ними, с революционерами! Выросли поколения русских людей, не знающих правды. Это хуже.

Национальное предательство

Позволю себе высказаться жестко и без обиняков. Наполеон спас Россию. Спас Россию от ужасов революции, переворота, может быть, распада. Но КАКУЮ Россию

он спас? Крепостническую Россию. Россию, в которой русские расколоты на субэтноты европейцев и туземцев. ТАКАЯ Россия оставалась нежизнеспособна. Эту Россию очень сплотила Отечественная война 1812 года. Войны с Наполеоном придали устойчивости государственному организму.

Но лучшие люди России – и не декабристы, не к ночи будь помянуты, но наши цари, наши великие реформаторы, наши герои 1812 года, хотели раскрепощения и уравнивания в правах крестьянства. Дворянская махновщина 1825 года только затянула этот процесс. Если бы не нелепый бунт 14 декабря, полное освобождение крестьян могло состояться не в 1861 г., а в 1841 г., например.

И давайте проговорим еще более жестко: отказ от раскрепощения после 1812–1815 годов – акт национально-го предательства. Можно понять страх Александра и его приближенных перед новыми «изданиями пугачевщины». Понять можно. Оправдать пассивность и неспособность совершить необходимое – нельзя.

Лучший способ бороться с «гидрой революции» – это законным путем давать то, что она обещает через насилие, кровь и разрушение. Как сказал Пушкин: «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов без всяких насильственных потрясений». Жаль, что это не состоялось.

Так же точно нельзя оправдать тех, кто своей позицией вынудил правительство не идти на раскрепощение. Дворянство XVIII – первой половины XIX веков создало основы всего, что мы сейчас называем «русской культурой». Забыть это и невозможно, и не нужно. Но точно так же приходится помнить – эгоистическая упертость и маниакальный консерватизм дворян затормозили развитие и экономики, и общественных отношений.

Позиция этого сословия и решения правительства в эту эпоху – путь национального предательства. Наполеон и нашествие «двунадесяти языков» помогли этому.

Оглавление

Введение	5
ЧАСТЬ I. БЕЗДНА, ПОРОДИВШАЯ НАПОЛЕОНА	
<i>Глава 1. Кошмар Французской революции .</i>	<i>. . 11</i>
<i>Глава 2. Как это было?</i>	<i>. 27</i>
<i>Глава 3. Как якобинцы боролись за счастье народа.</i>	<i>74</i>
<i>Глава 4. Революционные войны</i>	<i>.... 92</i>
ЧАСТЬ II. ИМПЕРАТОР РЕСПУБЛИКИ ФРАНЦИЯ	
<i>Глава 1. Спаситель нации .</i>	<i>100</i>
<i>Глава 2. Империя Наполеона .</i>	<i>148</i>
ЧАСТЬ III. ИМПЕРИЯ ДЕКАБРИСТА НА ТРОНЕ	
<i>Глава 1. Монархия, ограниченная удавкой .</i>	<i>188</i>
<i>Глава 2. Семья, правившая империей</i>	<i>..... 213</i>
<i>Глава 3. Между Британией и Францией</i>	<i>. 235</i>
<i>Глава 4. Почему Отечественная война не началась в 1807 году?</i>	<i>... 261</i>
<i>Глава 5. Тильзит и последствия: континентальная блокада .</i>	<i>280</i>
<i>Глава 6. Тильзит и последствия: новый виток реформаторства</i>	<i>. 291</i>
<i>Глава 7. К новой войне</i>	<i>.. 308</i>
ЧАСТЬ IV. СПАСЕНИЕ РОССИИ	
<i>Глава 1. Как Наполеон спас Россию</i>	<i>. 328</i>
<i>Глава 2. Заманенный Наполеон .</i>	<i>. 352</i>
<i>Глава 3. Как Наполеон сделал войну Отечественной</i>	<i>. 369</i>
<i>Глава 4. Как Наполеон погубил свою армию... И Францию</i>	<i>382</i>
Вместо заключения	
ЭХО НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН	397

Андрей Буровский
НАПОЛЕОН – СПАСИТЕЛЬ РОССИИ

Издано в авторской редакции

Художественный редактор **П. Волков**
Технический редактор **В. Кулагина**
Компьютерная верстка **В. Пягай**
Корректор **И. Гончарова**

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, к. 5
Тел.: (095) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: international@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Ekmo» for their orders.**
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформ-
лении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118. E-mail: vipzakaz@eksmo.ru**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

- Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
- Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
- Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
- Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
- Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
- Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 376-49-45.
- Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс (044) 495-79-80/81.
- Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 246-00-19.
- Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
- Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91.
rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

- **В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:**
Центральный магазин — Москва, Сухарева пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
- **В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:**
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.08.2009 г.
Формат 84×108/32. Гарнитура «Корinna». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 21.84. Тираж 5100 экз.
Зак. № 7537

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ

200 лет назад Русская Православная Церковь объявила его «антихристом» и предала анафеме. До сих пор его проклинают как «самого страшного врага» Российской державы. Нам со школьной скамьи внушают, что нашествие Наполеона поставило нашу страну на грань катастрофы, что на полях сражений Отечественной войны 1812 года решалось, быть или не быть России.

Новая шокирующая книга самого «неуправляемого» и скандального современного историка не оставляет от этой официальной версии камня на камне, переворачивая наши представления о прошлом, убедительно доказывая, что, вопреки расхожим мифам, **Наполеон был спасителем России!**

Как? Почему? Читайте новый сенсационный бестселлер от главного «возмутителя спокойствия»!

ISBN 978-5-699-37218-8

9 785699 372188 >